

Годъ 3-й.

Кн. VIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1891, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

GN
1
·E 93
v. 3

Печатать разрѣшается. Москва, 26 марта 1891 г.
Президентъ Императорскаго Общества Любителей Есте-
ствознанія, Антропологіи и Этнографіи, профессоръ

Д. Анучинъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
I. Пять былинъ по рукописямъ XVIII в., <i>Н. С. Тихомирова</i>	1
II. Мышь въ народной словесности (съ дополненіями къ статьѣ о вѣронѣ), <i>П. Θ. Сумцова</i>	49
III. О семейныхъ дѣлежахъ по обычному праву бѣлоруссовъ, <i>Н. В. Тесленка</i>	95
IV. Станица Червленая, Кизлярск. отдѣла Терской области, <i>Г. Малюкина</i>	113
V. Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ, <i>Г. Н. Потанина</i>	137
VI. Изъ области суевѣрій малоруссовъ Черниговской губ., <i>Е. О. Шарко</i>	168
VII. Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій, <i>А. А. Ивановскаго</i>	176
VIII. Критика и библиографія:	
1. Книги, ученія и справочныя изданія	180—216
<p>А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи, т. II. <i>Миллюкова</i> (180).—Н. И. Костомаровъ: Литературное наследіе. <i>В. Сторожева</i> (184).—В. Латышев: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, vol. II. <i>Вс. Миллера</i> (188).—<i>Н. Θ. Сумцовъ</i>: Культурныя переживанія. <i>Вс. М.</i> (193).—Записки Кавказ. Отдѣла II. Р. Геогр. Общества, кн. XIV, вып. 1. <i>А. Хаж-ова</i> (197).—Терскій Сборникъ, вып. I. подъ ред. П. Стефановскаго. <i>Н. Х.</i> (198).—Грузинскія сказки, собр. А. Г. И. А. Хаж-ова (199).—Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла II. Р. Геогр. Общества, т. XXI, № 5. <i>А. И-скаго</i> (200).—Записки Вост.-Сибирск. Отдѣла II. Р. Г. Общ. по этнографіи, т. II, вып. 1 и 2. <i>Ею-же</i> (200).—Отчетъ объ Алтайской и Киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1889 г. <i>Ею-же</i> (201).—А. Ефимовъ: Православное населеніе Томской губ. по даннымъ 1870—1880 гг. (Временникъ Центр. Статистич. Комитета, 1890 г. №17). <i>Н. Х.</i> (202).—Труды Томскаго Общества Естественныхъ Испытателей, т. I. <i>Ею-же</i></p>	

- (208).—Обзоръ Амурской области за 1889 г. *Ею же* (204).—Историко-юридическіе матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губ., хранящихся въ Витебск. центр. архивѣ, подъ ред. М. В е р е в к и н а, вып. XX и XXI. N. (205).—А. С а п у н о в ъ: Двинскіе или Борисовы камни (207).—Соч. А. А. Котляревскаго, т. 1 и 2 (Сборникъ отдѣленія рус. языка и словесн. И. Акад. Наукъ, т. 47 и 48) (210).—Сборникъ Херсонскаго Земства. 10 (210).—Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г., вып. 1. *Н. Я.* (210).—А. Лебедевъ: Духоборцы въ Слободской Украинѣ *Н. Х.* (211).—D. D a n: Lipowaner in der Bukowina (Die Völkerschaften in der Bukowina, Heft 1). *Н. Х.* (212).—G e o r g B u s c h a n: Germanen und Slaven. Eine archäologisch-antropologische Studie. *Ею же* (212).—R. K a i n d l и A. M o n a s t y r s k i: Die Rutenen in der Bukowina (Der Buchenwald, № 3 и 4). *Ею же* (215).—Каталогъ предметовъ Олонедкаго естественнo-промышленнаго и историко-этнографич. музея, сост. Ф. С. Ш е л ю к о в ы м ъ. *Г. И. К.* (216).
2. Журналы 162—223
3. Газеты 223—243
4. Латышская библиографія, доставл. Э. А. *Вольтеромъ*. . . 244
5. Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія (Азіатскій Вѣстникъ, Агмолинскія Областныя Вѣдомости, Амурь). Сост. А. А. *Ивановскій* 246
- IX. Смѣсь:
1. Бъ вопросу о дуалистическихъ повѣрїяхъ о мірозданіи (I. Человѣкъ и собака. II. Пестрыя коровы. III. Сотвореніе людей. IV. Происхожденіе валуновъ). А. *Ивановскаго* 250
2. Мелкія замѣтки къ исторіи народныхъ вѣрованій (I. Бъ славянскимъ повѣрїямъ о мірозданіи. II. Новыя данныя для исторіи рожаницъ). Ю. *Полиски* 252
3. Камень-латырь. А. *Соболевскаго* 254
4. Легенды о Будеярь въ Саратовской губ. А. *Минха*. . . . 255
5. Персидскій вариантъ сказанія о Мидасѣ. Н. И. *Артемяева* . . . 257
- X. Извѣстія и замѣтки 257
- XI. Добавленія и поправки къ кн. VI, VII и VIII („насть“, „женитьба Святогора“ и пр.) 260
- Объявленія.

ПЯТЬ БЫЛИНЪ

по рукописямъ XVIII вѣка.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсенъ относятся, — насколько до сихъ поръ извѣстно, — къ первой четверти XVII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для бакалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ ¹⁾, шесть пѣсенъ: пять изъ нихъ имѣють предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» ²⁾. Тексты этихъ пѣсенъ записаны *со словъ* ³⁾ по заказу любознательнаго бакалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальные — съ раздѣленіемъ на стихи ⁴⁾. Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ *для литературнаго чтенія*. Такъ въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено

¹⁾ Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пробыло въ Москвѣ съ 19 января по 20 августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

²⁾ Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Второго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5—10); потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

³⁾ Пѣсня о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ июнь 1619 года*, записана въ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія*. Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи*.

⁴⁾ Къ этому заключенію приводитъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсенъ, въ которомъ первая и шестая пѣсни напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

„Сказаніе о кѣвскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь“ ¹⁾. Это „Сказаніе“ помѣщено въ сборникъ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впоследствии въ народномъ) чтеніи «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитреѣ купецѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла» ²⁾. Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кѣвскихъ богатыряхъ была уже не *пѣсню*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» *письменной* литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кѣвскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ ³⁾; но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, принаровленія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени внѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былины, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время ⁴⁾.

¹⁾ *Сказаніе* напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

²⁾ Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

³⁾ Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, XXXVI, 357.

⁴⁾ А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ“ сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, которая представляется позднѣе записанными ея пересказами“ (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Э. Миллера (который зналъ „Сказаніе“ по другому, позднѣйшему, списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное извращеніе* въ подробностяхъ (напримѣръ,— холопство богатырей), но и, такъ сказать, *воверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былины про Идолище въ Цареградѣ“. Редакцію былины въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „книжную *передѣлку* XVII столѣтія“ (Илья Муромецъ и богатырство кѣвское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень-мало придаетъ значенія записямъ былины въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣе

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсенъ ¹⁾. Можно однако думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ „сказанія о богатыряхъ“, встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и носящія на себѣ явные слѣды копирования съ болѣе древнихъ *рукописныхъ* текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали *собирать* и записывать и «пословицы всенароднѣйшія» ²⁾. Былина подъ перомъ писца, полагавшаго ихъ на бумагу, получала названіе «сказанія» и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи»,

и напечатаннымъ въ „Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ“ и въ сборникахъ Кирѣевского, Рыбникова и Гильфердинга. (Ср. стр. VII, 32).

¹⁾ Къ XVII вѣку относятъ П. А. Безсоновъ запись пѣсни о Грипкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсенъ“ Кирѣевского (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами написала: „въ 196 году въ 7-и тысяче“, то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду Самозванцевъ“. Нельзя допустить, чтобы запись: „въ 196 году въ 7-и тысяче“, указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранѣе записанной пѣсни*: 196-й годъ *седьмой* тысячи означаетъ 619=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая тесктъ пѣсни“. Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, *какъ одинъ изъ вариантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во двадцать седьмомъ году, „Въ седьмомъ году, въ осмой тысячи“ (Древнія російскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихѣ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осмой тысячѣ, Назважалъ царице Кудрянице“ (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

²⁾ „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія *по алфавиту*“ внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министрства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословицъ по этому списку изданъ въ извѣстной монографіи О. И. Буслаева: «Русскія пословицы и поговорки» (въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“, Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей,—въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчелъ»,—и даже съ «словами божественныхъ писаний». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Слова, избранныя отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона»¹⁾.

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоценный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѡ. И. Буславу²⁾. Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію³⁾. Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большею частію начальные или конечные). Такъ въ первой тетрадѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ „Сказанія о Акирѣ премудромъ“), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: „Чаша моря соловецкаго“). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того*, какъ перемѣнены были по листамъ (по старинному—буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283—401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи послѣ листовъ помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ коимъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: „Сия тетрадь Никиты Андрѣева ѣна (сына) Кора...“. Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позд-

¹⁾ Строевъ, Рукописи славянскія и російскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

²⁾ Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

³⁾ На оборотѣ 368-го листа читается: „Конецъ тетърати сей“; на листѣ 375-мъ: „Конецъ сей тетрати свершися. Аминь“.

нѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: „Сія книга дому г^дна ¹⁾ лейбъ-гварди прапорщика алейя ильича желябужскаго служитѣля ево ивана тимофиева љна быкова“ ²⁾. На обор. 390 листа позднѣйшая записъ: „Сія книга г^дрѣственной во^чинно“ ко^ллегиі капеиста петра иванова љна степанова“. Въ объемистомъ сборникѣ **Θ. И. Буслаева** совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ „народныя книги“, въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ *древне-русской* литературы отмѣтимъ: 1) „Слово о иконѣ пресвятыя Богородицы, како приде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху“; 2) „Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломонѣ“ ³⁾; 3) „Сказаніе о ризѣ господа нашего Иисуса Христа“; 4) „Сказаніе о святѣмъ Иоанне Богословѣ, како научи челоувѣка писати іконы“ ⁴⁾; 5) „Ис книги Пролога—мѣца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣннѣи божіи“; 6) „Притѣча о нѣкоемъ дворецкомъ і селянинѣ“ ⁵⁾; 7) „Повѣсть о Дмитріе купцѣ і о премудромъ слове сына ево“ (Басарга); 8) „Сказаніе о Акире премудромъ і о премудрости ево“; 9) „Како баба дьявола обманула“ ⁶⁾; 10) „Повѣсть града Вавилона“ ⁷⁾; 10) „Слово святаго мученика Егорія о зми і о девѣцѣ“ ⁸⁾; 11) „Слово о бражнике, како вииде въ рай“.

¹⁾ Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи по въ титлаи или прямо надъ строкой.

²⁾ На об. л. 159 записъ, изъ которой видно, что сборникъ перепелъ потомъ въ собственность сына **И. Т. Быкова—Алексѣя**.

³⁾ Ср. **Костомарова**, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

⁴⁾ Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

⁵⁾ Срв. **А. Н. Пыпина**, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

⁶⁾ Изъ польскихъ факшій.

⁷⁾ Сказаніе это оканчивается смертью царя **Навуходоносора**.

⁸⁾ Ср. **Кирпичникова**, **Св. Георгій и Егорій храбрый**, стр. 51.

Не перечисляя другихъ статей сборника отмѣтимъ апокрифы: *Иерусалимскій свитокъ*, *Сказаніе о потопп и о Ноевомъ ковчегѣ*, *О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) „Слово о пьянствѣ“¹⁾; 2) „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершемъ о ростовскомъ озере и о рекахъ“; 3) „Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника“; 4) „Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ“²⁾; 5) „Роспись о приданомъ“³⁾; 6) „Повесть о Ереме с Ѳомою“⁴⁾; 7) „Козинская челобитная“ (безъ начала и конца⁵⁾); 8) „Суть Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ“⁶⁾. Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ *Ѳ. И. Буслаева*, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые — сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что „текстъ картинки *Ерема, Ѳома и Парамошка* заимствованъ, съ большими сокращеніями изъ повѣсти, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки“⁷⁾. Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѳомѣ*, въ сборникѣ *Ѳ. И. Буслаева* по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки⁸⁾, нежели къ лубочному. „Списокъ суднаго дѣла, какъ тягался лещъ съ ершомъ о ростовскомъ озерѣ“ и „Повѣсть сказуемаго ерша ершова“, при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ.⁹⁾

1) Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ „Очеркахъ русской народной словесности“. I, 570. Ср. Ровинскаго Русскія народныя картинки I, 319—320.

2) Ровинскій, I, 272. 3) Тамъ же, I, 367—371. 4) Тамъ же, I, 436. 5) Тамъ же, I, 405. 6) Тамъ же, I, 189. 7) Ровинскій, Русскія народныя картинки. IV, 295. 8) Тамъ же, 295—299. 9) Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ сокращеніяхъ нерѣдко стирается мѣстный колоритъ и опускаются собственные имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева „Списокъ суднаго дѣла“ начинается такъ: „Гос-

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) „Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ“ (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337) ¹⁾ и 3) „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ“ (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетрадкѣ; «повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, спутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о семи богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ списана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ ²⁾. Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ въ хъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

„Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владимиръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубокъ погребъ,
(Въ глубокъ погребъ) ³⁾ сорока сажень,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною“.

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, за-

подамъ моимъ *новгородскимъ* судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ *корловой* сынишко боярской лецишко съ товарищи...“ Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ „Списка суднаго дѣла“ и въ лубочныхъ изданіяхъ нѣтъ „новгородскихъ судей“. Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

¹⁾ Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

²⁾ Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тое земли изъ Галацкїя отъ короля *посоковоа*“, *вм. польскова*. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767, 768 и др.), Василиса прѣѣзжаетъ «изъ земли Ляховецкїя». Слово „Галацкїя“ рукописи, вѣроятно, описка, вмѣсто: „Галицкїя“, а можетъ быть *вм.*: „Галанскїя“; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Гленскїя“ (I, 243).

³⁾ Заключеннаго въ скобки нѣтъ въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ,—новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

писанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скomorошескими вариациями.

Значеніе текста былины „О семи русскихъ богатыряхъ“¹⁾, представляющей вариантъ къ „Богатырскому слову“ рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ²⁾. Запись третьей былины сборника Ѡ. И. Буслаева: „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ“, указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы ж и написалъ: „себе“, „себѣ“ — вмѣсто: „Себежъ“ (городъ); неразобранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: „Себежска“ или „Сибежска“, писалъ: „Сибирска“.

Изъ описаннаго сборника Ѡ. И. Буслаева заимствованы напечатанные ниже тексты двухъ былинъ: *О Ставрѣ* (подъ № I) и *О Ильѣ Муромцѣ* (подъ № II).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ) помѣщена „Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ.“ Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впоследствии соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа нынѣшней нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: „17го году“. Эта помѣта опредѣляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана „Повѣсть“ объ Ильѣ Муромцѣ. Къ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: „Въ славномъ граде Муромѣ слушалъ Ілья Муромецъ воскресную заутреню; походы держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...“ Конецъ: „... службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежъ люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка.“

¹⁾ Эта былина издана *очень неисправно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318,

²⁾ Сборникъ Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

Аминь.» Уцѣлѣвшія строки «повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника ¹⁾. Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣвскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «Повѣсть о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицемъ граде Иерусалиме сказаніе, идеже гробъ господень предстоить и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65—74 (по ст. номер. 123—132) — «Повѣсть о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца» ²⁾; наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133—139) написана «Повѣсть о Дмитріи купце (Басаргѣ) и о сынѣ его семи лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленный въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ» ³⁾, названъ здѣсь «повѣстью»; такое наименованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былины о первой повѣздѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ *Ф. И. Буслаева* и другихъ рукописяхъ XVIII вѣка. ⁴⁾ Въ тетрадь второй половины XVIII вѣка, ⁵⁾ принадлежащей *И. Е. Забѣлину* (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а окрещена иностраннымъ словомъ: «*Historia*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй

¹⁾ Ср. ниже тексты, напечатанные подъ № II и № III.

²⁾ Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ «Народныхъ русскихъ легендахъ» *А. Е. А. н а с ѣ в а*, стр. 99—104.

³⁾ Ср. «Памятники старинной русской литературы», изд. *Костомаровымъ*, II, 347, 352; *Пыпина*, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

⁴⁾ Срав. ниже напечатанные тексты № II и № III.

⁵⁾ Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. *Пыпина*, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностію; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти ¹⁾. По этому списку И. Е. Забѣлина «Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аванасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып. I, стр. 77—80). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Ильа Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву, ко славному князю Владимиру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли изъ ножа не вынимать, а на крѣпкой лукъ тетивы не накладывать*». ²⁾ Такое начало ближе всего подходитъ къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевского сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ (ср. ниже № II); въ другомъ текстѣ XVIII вѣка (ниже № III) о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетради И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимиръ сталъ веселъ и говоритъ ему: *послужи ты мнѣ, Ильа Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*» ³⁾. Последнія выраженія буквально повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: „тебѣ у меня, Ильа Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты“. Позволительно заключить, что одна и та же версія былины вносились въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпического стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ и 2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Попо-

¹⁾ Ср. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 284—289, и его же „Для любителей книжной старины“, стр. III, V, 4, 5 и др.

²⁾ „Народныя русскія сказки“ Аванасьева, вып. I, стр. 77—78

³⁾ Аванасьевъ, „Народныя русскія сказки“, I, 80.

вичъ“¹⁾. Въ первомъ сказаніи утрачены начальные листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: „взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подѣ лѣвую“. Въ этомъ сказаніи о первой поѣздкѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе „сказаніе“ (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ ниже по двумъ спискамъ (№ IV и V) „Сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кievскихъ и о походе ихъ“.

Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озаглавленная: „Россійскія пословицы, собранныя по алфавиту въ Москвѣ 1749“. Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янкова*. По словамъ Ѡ. И. Буслаева, рукопись эта „содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною“ тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ²⁾. Можетъ быть, Янковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи „въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь“, чѣмъ напечатанныя впоследствии въ извѣстномъ изданіи Снегирева: „Русскія народныя пословицы и притчи“³⁾. Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепискою „русскихъ пословицъ“ занимался *въ Москвѣ*,

¹⁾ Д. А. Ровинскій относитъ этотъ „замѣчательный списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ“ къ „началу прошедшаго столѣтія“ и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его „Русскихъ народныхъ сказкахъ“ (Спб. 1841), стр. 66. Къ сожалѣнію г. Ровинскій приводитъ лишь небольшія выписки изъ замѣчательнаго списка Забѣлина. (Русскія народныя картинки IV, 2—3).

²⁾ Ср. монографію Ѡ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“, въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева, II, 2, стр. 67.

³⁾ Тамъ же.

въ 1749 г., человекъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библіотекѣ того же Янкова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ „Авантюры Аристонюсовы,“—правоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: „A. de Yancoff“. На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка*: „Авантюры Аристонюсовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янкова*“ ¹⁾. Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохранялъ очевидно живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго гисторію ²⁾.

Быть помѣщикамъ XVIII вѣка, особенно провинціальнымъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка „Недоросля“ „еще съизмала былъ къ исторіямъ охотникъ“ и „заставлялъ себѣ рассказывать исторіи скотницу Хавронью;“ „въ иной исторіи залеталъ за тридевятыя земли, за тридесятое царство.“ Скотининъ „безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не рассказывалъ ему исторій“. Самъ авторъ „Недоросля“ слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ прѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонвизинныхъ мужикъ Ѳедоръ Сураговъ. Татищевъ (+ 1750 г.) слушалъ былины о пиракѣ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоакимовской лѣтописи ³⁾. Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ,—того, который любилъ щеголять патриархальными приемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года

¹⁾ Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ библиографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. перной половины XVIII вѣка“ въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности“ на 1891 г., стр. 542—543.

²⁾ Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ—съ *англійскаго*. („Роспись“ Смирдина, № 9268).

³⁾ Татищевъ, Россійская исторія, часть I, кн. I, стр. 60.

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ писалъ „россійскому исторіографу“ Г. Ф. Миллеру: „Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую исторію поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высочородію посылаю“. Печатавъ это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: „Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршѣ Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинфіевича Демидова“ ¹⁾. Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсней, вошедшихъ въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ ²⁾. Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная впоследствии въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“, написана была *безъ раздѣленія на стихи, въ сплошную строку* ³⁾. По словамъ К. Ѡ. Калайдовича, „оригиналь Древнихъ Русскихъ стихотвореній писанъ *новымъ почеркомъ, безъ орографіи и безъ раздѣленія стиховъ*“ ⁴⁾. Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: „За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, для коего они предъ симъ *мѣ за 70, были списаны*“ ⁵⁾. Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были списаны съ готоваго оригинала

¹⁾ Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

²⁾ Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель (Древнихъ россійскихъ стихотвореній) былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тульѣ въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ пѣсельниковъ*, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Ср. Сказанія русскаго народа, изд. 3-е, I, 30.

³⁾ Москвитянинъ 1854 г., № I и 2, стр. 10.

⁴⁾ Древнія россійскія стихотворенія, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

⁵⁾ Тамъ же, стр. I.

(а не записаны со словъ), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, „что собиратель Древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“ ¹⁾. Это предположеніе издатель основываетъ на пѣсни: „Свѣтель, радощень царь Алексѣй Михайловичъ“, и еще болѣе на „повѣсти о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ“, въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе“ ²⁾. Сборникъ древнихъ россійскихъ стихотвореній, несомнѣнно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были записаны съ голоса сибирскихъ людей, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: „Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей“. Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь въ сплошную строку; но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: по видимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь руко-

¹⁾ Тамъ же, стр. VIII—IX.

²⁾ Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Данилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Даниловъ жилъ конечно въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, судя по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску „Пѣсенъ, собранныхъ Киршею Киршевичемъ“, стр. 78). Осторожнѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсенъ Вольнеръ, говоря: „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirscha Danilov, der in den Demidov'schen Eisenbergwerken im Gouvernement Perm beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (Wollner, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen, p. 2). Вольнеръ слѣдуетъ здѣсь О. О. Миллеру (Илья Муромецъ, стр. V).

писи ¹⁾. Въ „Универсальной грамматикѣ“ народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходѣйствъ* — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьных „кантъ“ и „кіевокалѣвскихъ“ стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти“ (въ родѣ польскихъ фацецій), 2) „Древнія апоѳегмы“ (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году) и наконецъ 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“. Послѣднія, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались въ послѣдствіи со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр. въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). „Универсальная грамматика“ въ послѣдствіи была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ „Письмовника“, заняла почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской“ литературѣ; этимъ книга Курганова обязана конечно и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы“ и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и посло-

¹⁾ Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой боярнякъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсенникахъ Чулкова, Новикова и въ Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132 — 135.—

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывать: 2. Про грозна Царя Ивана про Васильевича: Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталь: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу похаживаютъ: И всяко грубиянство оказываютъ: Онѣ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывъ такъ долго медлился: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопщиковъ и Зажигальщиковъ: Но (ино?) всѣ тутъ Пушкари призадумался: А одинъ Пушкарь поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкарь слово вымолвить: Тогда липъ догорѣли зажигальны свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ: Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Всѣ Татараве тутъ, братцы, усталилися: Онѣ бѣлому Царю покорилися.“ Пѣсни того же содержания („боаринъ Шереметевъ“ и „взятіе Казанскаго царства“) есть и въ Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ (стр. 284, 314), но—*въ другихъ версіяхъ*, чѣмъ у Курганова

вицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Универсальной грамматики“ перешли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка ¹⁾).

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части „Собранія разныхъ пѣсенъ“; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ „Собраніи“ много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ немного.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ „Собраніи“ Чулкова, повидимому извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ „предувѣдомленіи“ Чулковъ говоритъ: „Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотныя писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни риѣмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, естли бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоятъ будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороходныя, и словомъ *всякаго званія*“.

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни „разнаго званія“. Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Пекарскимъ въ библіотекѣ г-жи А. П. Микулиной въ селѣ Кожинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: „Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно

¹⁾ Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки IV, 190, 241, 254, 353.

такъ называемыхъ стихотвореній очень немного. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ срединамъ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ остальные пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи¹⁾. Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число сравнительно съ романсами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать „Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ“ и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. «Къ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича ... „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь“²⁾. Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», извѣстный писатель Михайла Поповъ³⁾, составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ»⁴⁾, вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсенъ и такъ же, какъ

¹⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

²⁾ Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первыя четыре части «Русскихъ сказокъ» Чулкова вторымъ изданіемъ, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому примѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ приписано было Левшину Калайдовичемъ (Древнія россійскія стихотворенія, стр. XXI—XXII). Этимъ объясняется недоумѣніе А. Н. Веселовскаго, «какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской» (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXVI, стр. 375).

³⁾ Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 243.

⁴⁾ Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

и Чулковъ, жалуются на „безграмотныхъ писцовъ“, отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе»¹⁾. У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсень,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготавлилъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсень». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: „Со старинными²⁾ пѣснями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *преогромныхъ* сталъ очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оныя въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла здѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсень»³⁾. Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсень «всякаго званія», принадлежавшими Чулкову: онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсень»⁴⁾...

Такимъ образомъ въ прошломъ столѣтіи, кромѣ специальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсень («Древнія російскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсень Чулкова), народныя пѣсни попадаютъ: 1) лирическія—въ сборникахъ романсовъ и пѣсень Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни—въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей», «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ по-

1) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXI. 2) Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни. 3) Россійская Эрата, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII. 4) Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей II, 243.

мѣщичьихъ библіотекахъ; сборники второго рода—среди грамотныхъ людей средняго и нисшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны ниже слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ III); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кievскихъ и о походе ихъ» (№ IV) и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кievскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ», представляющее вариантъ къ тексту, напечатанному подъ № II, заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, переписанныхъ тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Аппо Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тирскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выписана ис книгъ zelo полезна французскаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кейнге» и т. д. ¹⁾ (л. 29—44 об.); 3) «Суть Шемякинъ, выписано ис книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4) «Сказаніе о храмце и о слепце» (л. 47 об.—48 об.); 5) «Повесть Цесаревича Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоему рыцаре и о сыне его Александре, велики чудна» (л. 49—63 об.); 6) «Повесть zelo предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христіанскимъ»—о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87) и 7) «Исторія о храброемъ гишпанскомъ рыцаре Венецианѣ и прекрасной королевне Ренцывенѣ» л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66, (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малогра-

¹⁾ Ср. Пыпина, Для любителей книжной старины, стр. 34—35.

мотнаго писца вписаны: 1) „Молитва великому святителю Николаю чудотворцу“ (л. 64—64 об.); 2) „Молитва пресвятой Богородицѣ“ (л. 87 об.—88); 3) „Молитва покаянная Господу Иисусу“ (л. 88—89); 4) „Мѣсяць мартъ въ 12 день. Сей листь выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитевыхъ (sic!) о двенадесяти временныхъ именуется пятница“ (л. 89 об.); 4) «Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с небесе» ¹⁾ (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу всякому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказаніе о Іліе Муромце и о Соловие Разбоникѣ» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню нашу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ ниже напечатанныхъ примѣчаній: 5-го и 6-го на стр. 32-й и 5-го и 6-го на стр. 33-й, подъ текстомъ «Сказанія».

Текстъ перваго «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (№ IV) извлеченъ изъ рукописной тетради моей бібліотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перемѣнены писцомъ—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣта идетъ сверху по всѣмъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѡ) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (ѡа), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмаго (по старой помѣтѣ) листа приписано сверху: «Семень». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того

¹⁾ Это такъ наз. „Эпистолия о недѣлѣ“, иначе „Іерусалимскій свитокъ“, упомянутый выше въ сб. О. П. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также *Этногр. обозрѣніе*, IV, 95—100; *И. А. Иванецкаго*, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ „Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи“, в. II. Моск. 1890 г., стр. 146—147.

же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается: «Сия тетрадь *Семена* Малкова; а дописана сия тетрадь мѣца хевраля 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца». Тетрадь, изъ которой взято второе сказаніе о богатыряхъ, начинается слѣдующими строками главы «О вѣсхищовіи Стратиговиѣ и о свадьбѣ Девгенія»: „и приниче ко окну, а сама не показася Девгениж.. и вспять возвратися; и Девгени взирающе на дворъ, и тогда деваа видевше и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказаніе, како победи Девгеній Василія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За этою главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ печатаемое ниже «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце, и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ и о походе ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья, озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ ѣз день память святыхъ мученицы Матроны Ѳесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго кд. За сказаніемъ о св. Матронѣ, вписанномъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ бражнике» (л. 21 об.—до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Последняя тетрадь *Семена* Малкова списана, вѣроятно, также около того же 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ третья тетрадь съ именемъ *Семена* Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матере его Улиты», послѣ словъ: «Семень Малковъ» приписано: «Посадкой человекъ *Ярославецъ* Андрей Ѳедотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (прим. 2-е на стр. 34-й).

Второе «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаілѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ V), представляющее вариантъ къ первому,

напечатано по рукописи моей библиотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь въ послѣдствіи переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеено 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Иисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь Страстей самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, каковымъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кievскихъ», списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мучение святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапія» (л. 131—137); 3) «Убиение святаго благовернаго великаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказаніе о богатомъ купцѣ» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ зело, именовъ Бендеръ»; 5) «Житіе святаго отца нашего Григорія, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказаніе о царскомъ платьѣ». Это — совершенно особая редакція такъ называемой легенды о кровосмѣсителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареграде царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василія Великаго Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, велики душешолезно, ко всемъ православнымъ христіаномъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ сынѣ», безъ начала (л. 152 об.—155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи челоувѣка писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Θ. И. Буслаева; 9) «Слово о чернорицѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страстѣ божіи и о еже

како во святѣй божи церкви стояти со страхомъ и благочиномъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Мнози убо невегласи, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огеитрии (sic!) трое-ручицы (л. 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая икона пресвятыя Богородицы из аеонския горы архимандритомъ Θεοοаномъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кесаринского (въ оглавленіи: Кесаринского) ко всемъ православнымъ христианомъ о хмельномъ питиі; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) «Сказаніе учителя церковнаго Иеронима святаго о Иуде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Ильѣ Муромце и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и Алешѣ Поповичѣ» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленные четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъ-же* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая „Страсти.“ Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣтку, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ помѣтка страницъ отъ ѿдо кѣ. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: „чересебя,“ отмѣченное въ 8-мъ примѣчаніи въ страницѣ 47-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоценныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ „Девгеніева Дѣянія.“ Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, ко-

торыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ кievскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобныя сборники,—поздніе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—официальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсень, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

Н. Тихонравовъ.

I.

(Изъ сборника Ф. И. Буслаяна).

Ставръ Гаденовичъ.

.....[боя]ринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Ой есте вы князи, и бояре, и сильныя могучія богатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастью есть у меня ¹⁾ золота казна, николи казна не держитца, всегда казна исполняется ²⁾. И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы переборчетыя: молодець молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, я все жеребцы латынскія: николи жеребцы не изъездятца“ ³⁾. И зговорятъ князи, и бояре, и сильныя могучія богатыри, і мужики торговныя: „Ой еси ты бояринъ Сътаверъ Гаденовичъ! почему у тебя золота казна не держитца?“ І зговоритъ бояринъ Ставеръ Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня золота казна не держитца, что я ись той казны в ростъ деньги в ростъ ⁴⁾ даю, і тѣмъ я ростомъ годъ живу, потому моя золота казна не деръ-

¹⁾ Въ рукописи слова: „есть у меня“ повторены: „есть у меня, есть у меня“.

²⁾ Послѣ этого повторено: „есть у меня золота казна“. ³⁾ Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. ⁴⁾ Слова: „въ ростъ“ написаны въ рукописи два раза.

житца“.—„Почему у тебя молотцы не старѣются?“ И възговорить бояринъ Ставеръ Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пьютъ, едятъ, а сами потѣшаютца і никакой кручины не вѣдаютъ; чеботы носятъ по турецкому: шиломъ пята, носки вострыя, однорятки носятъ по посолскому — скорлять сукно, колпаки носятъ плащи золотыя: потому молотцы не старѣютца“.—„Почему у тебя жеребцы не изъездятца?“ И възговорить тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня жеребцы не изъездятца: севодни я поехалъ на томъ жеребце, а завтра поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣныны: потому они не изъездятца“. И лихи были в Кіеве оговоръщики: оговорили онѣ князю Владимиру киевскому боярина Ставра Гаденовича небылыми словесами і ложными: „Государь ты нашъ, князь Влалимеръ киевской! пьешь, ешь і потѣшаешъся, а тово себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринъ Ставеръ Гаденовичъ столнова града Чернигова, а за очи говорить таково слово: „Я, де, в Кіевѣ градѣ болши великаго князя Владимира і богатея“. І тутъ князь Владимиръ на него раскручинился, велѣлъ ево скоро пред собою поставити. И съкоро поставили боярина Ставра Гаденовича передъ князя Владимира киевскаго. Что възговорить князь Владимиръ киевской: „Ой еси ты бояринъ Ставеръ Гаденовичъ! негораздо ты за очи похваляешя и говоришь таково слово, что де я в Кіеве богатѣе князя Владимира“. И възговорить бояринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Азъ, государь, никакова слова про тебя не говаривалъ“. Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ ево посадитъ в глубокъ погребъ сорока сажень і закрыть доскою желѣзною і засыпать песками желтыми. І повели боярина Ставра Гаденовича в глубокъ погребъ сорока сажень. И что възговорить бояринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Ой еси ты мой слуга поваренной! садись ты съкоро на жеребца латынскова, поедъ к столному граду Чернигову к моей молодой женѣ к Василисѣ Микулишиѣ, отправъ еі от меня челобитѣе великое: „Богъ над Ставромъ прогнѣвался, государь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ его посадить в глубокъ погребъ сорока сажень и засыпать песа-

ми желтыми, і закрыть доскою желѣзною“. І скоро дѣтинко садился на жеребца на латынска и поехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Черниговѣ градѣ, възъезжаетъ на царской дворѣ, с коня не слажучи; бѣжитъ во свѣтлую горницу, не обсылаючи, молитца чюднымъ образомъ, бьет челомъ Василісѣ Микулишне, а самъ говоритъ таково слово: „Государыня Василіса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти не радостныя: Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался, государъ велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ ево посадить в глубоць погребѣ сорова сажень и закрыть доскою желѣзною, і засыпать песками желтыми“. И тутъ Василіса Микулишна была догадлива, скоро она догадалась: пошла она в хоромы опришенныя, скидовала съ себя волосы женскія, завивала кудри молодецкія, надѣвала на себя пѣлатье посолское, скоро садилася на жеребца латынска, имала съ собою триста молотцовъ: молодець молотца лутче, все молотцы переборчетыя, будто едетъ младъ посоль младъ ¹⁾ Василей Ивановичъ ис тое земли из Галацкя отъ короля Полскова ²⁾ править посолство великое. І поехалъ младъ посоль Василей Ивановичъ къ столному граду Киеву ко великому князю Владимиру киевскому тою дорогою прѣдолную на лесе на брынѣскя ³⁾, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посоль младъ Василей Ивановичъ блиско столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ государевыхъ, і тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчетыя розставить; а посолской шатеръ не мешаетца с тѣми: маковка у шатра золотая, золота аравитѣское ⁴⁾. І малой часъ поизойдучи, от столнова града Киева, от князя Владимира киевскаго, мимо шатра посолскова гонитъ скорой гонецъ в Черниговѣ градѣ. І что зговоритъ грозенъ посоль младъ Василей Ивановичъ: „Ой есть вы мои слуги і дворяня молотцы! переймите вы скорова гонца, поставте ево передо мною“. І скоро тутъ кинулись і поймали гонца, і привели предъ грознаго посла млада Василья

¹⁾ Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „грозенъ посоль младъ Василей Ивановичъ“, какъ ниже. ²⁾ Въ рукописи описка: „Посолскова“. ³⁾ Въ рукописи: „на бранѣскя“. ⁴⁾ Такъ въ рукописи.

Ивановича. Что взговорить грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ: „Ой еси ты скорой гонецъ! куды ты гонишь на-скоро?“ И взговорить ему скорой гонецъ: „Государь ты, грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ! я еду отъ столнаго града Киева от князя Владимира киевскаго, а еду в столно градъ Черниговъ переписать золоту казну боярина Ставра Гаденовича“. І что взговорить грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ: „Ой еси ты грозенъ посолъ, скорой гонецъ! поедь ты скоро назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимиру киевскому, да скажи ему про меня: „Государь мой князь Вѣладимеръ киевски! к твоему здоревью ідетъ, государь, младъ посолъ Василей Ивановичъ изъ земли Галацкня отъ короля Польскова править посолство великое“. И скоро скорой гонецъ назадъ поехалъ въ Киевъ градъ і сказалъ князю Владимиру все порядку по словеси грознаго посла млада Василья Ивановича. А самъ посолъ не мешкая за гонцомъ в Киевъ градъ приеждяючи ставилсь на посолской дворъ. Какъ будетъ третей день, звалъ князь Вѣладимеръ киевской грознаго посла млада Василья Ивановича на почетной пиръ. И какъ будетъ по порамъ, пошолъ грозной посолъ на почетной пиръ. І какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ среди двора государева, і тутъ ево встречаютъ князи і бояре, и взяли ево под руки бѣлыя, повели в полаты каменные, посадили на мѣсто посолское. І какъ пошелъ почетной пиръ, і почели пить и асти і потѣшатися, і увидѣла Апраѣва королевишна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говорить таково слово: „Государь ты, князь Вѣладимеръ киевской! не быть то грозну послу младу Василью Ивановичю — быть Василисѣ Микулишнѣ, Ставровой женѣ Гаденовича“. І что взговорить князь Вѣладимеръ киевской: „Ой еси ты княгиня Апраѣва королевишна! мощно то намъ розвѣдати, лише бы не опозоритца“. І какъ у князя Владимира столъ отшелъ, и послѣ стола пошла потѣха молодецкая, и что взговорить князь Вѣладимеръ киевской: „Ой еси ты грозенъ посолъ, младъ Василей Ивановичъ! есѣтли теперво с тобою умѣющия борцы, с моими бы борцы поборолися, а насъ бы с тобою потѣшили?“ И что взговорить грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ: „Го-

сударь ты, князь Владимиръ киевски! теперво со мною борцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слова государева, і я затѣмъ борцовъ не бралъ. Развѣ, государь, мнѣ самому поборотися, а тебя, государь, потѣшити?« И пошелъ грозенъ посоль на царевъ дворъ і учелъ по двору похаживать, ручки і ношки поправлявать. И в ту пору князь Владимиръ іс хоромъ смотрилъ, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять борцовъ умѣющихъ, і учили боротися: первому борцу голову сломилъ, другому борцу руку выломилъ, третьему борцу ногу выломилъ, четвертаго борца за тынъ кинулъ, а пятой борець в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посоль Василей ¹⁾ Ивановичъ бьетъ челомъ князю Владимиру киевскому своею потѣхою молодецкою, а самъ говоритъ таково слово: „Государь ты, князь Владимиръ киевской! я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецкою,—вели, государь, меня потѣшитъ: дай мнѣ ігреца, кой бы гораздъ в гусли іграть и проводилъ бы меня на посолской дворъ“. І князь Владимиръ стоючи задумался, что нѣтъ в Києве ігреца гораздова. И вспало на умъ князю Владимиру про боярина про Ставра Гаденовича, и велѣлъ ево вынуть із глубока погреба и велѣлъ ему дать звончатыя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичъ за грознымъ посломъ на посолской дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дѣворѣ, и зговорить младъ посоль Василей Ивановичъ: „Помнишли ты, Ставеръ Гаденовичъ, про меня, іли ты меня знаешли, іли нѣтъ?“ И взговорить бояринъ Сътаверъ Гаденовичъ таково слово: „Азъ про тебя і не слыхивалъ, не токмо что мнѣ тебя знать“. І что взговорить грозенъ посоль младъ Василей Ивановичъ: „А помнишли ты, бояринъ Сътаверъ Гаденовичъ, коли мы с тобою ребячью ігрушку ігрывали: у тебя была сваячка серебряная, а у меня было колечко золотое, і ты в мое колечко часто попадаывалъ?“ І тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичъ догадался: імались онѣ за руки бѣлыя, цѣловались во уста сахарныя. И великой князь Владимиръ киевской опять іхъ похажывалъ столнымъ градомъ Черниговымъ, и отпустилъ іхъ с великою чесьтю, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І онѣ поехали в Чер-

¹⁾ Слово „Василей“ въ рукописи повторено два раза.

ниговъ градъ і учили жить і быть по старому лутче прежнего. И учили пити, і ясти, и веселитися по прежнему. И начель ихъ князь Владимиръ жаловать лутче старова. Конецъ.

II.

(Изъ сборника О. И. Буслаева).

Повѣсть о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойнике.

Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ богатырь Ильѣ Муромецъ заутреню воскресную, а похоть ¹⁾ держалъ къ столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю, а заветъ держалъ большой: кладетъ вострую саблю и на крѣпкой лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едуци будетъ под Себѣжиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевича заморскія, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысячъ, и хотятъ Себежъ ²⁾ градъ за щитомъ взять и самого царя в полонъ взять. А Ильѣ побилъ силу великую, будто зайчье стадо, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ і подарилъ царя Сибирскова ³⁾. И Сибирски царь говорить: «Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству і которого ты града?» Ответъ держитъ Ильѣ Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ града Мурома». И Сибирски царь зговорить таково слово: «Ой еси доброй молодець, Ильѣ Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, дамъ я тебѣ половину царства своего». Ильѣ Муромецъ говорить: «Много мнѣ твоего жалованья!» И спрашиваетъ у него прямой дороги к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю. И Сибирски говорить царь: «Прямая дорога надлежитъ на лесы брянскія ⁴⁾, на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко та дорога залегла от Соловьѣ разбойника равно .л. лѣтъ: единое человекъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскивалъ, и птица не пролетовала отъ Соловьѣ разбойника».

¹⁾ Такъ въ рукописи; читай: «походъ». ²⁾ Въ рукописи: «себе»; не написано надстрочное ж. ³⁾ Такъ въ рукописи, вмѣсто: «Сибѣ*скова». Не разобрано надстрочное ж? Это чтеніе сохраняется и далѣе. ⁴⁾ Въ рук.: «бранскія».

И тутъ богатырское сердце разгараетца: поехалъ прямою дорогою х Киеву граду. И какъ едучи будетъ на мосту капиномъ, на реке Смородине, ажно наступалъ к нему Соловей разбойникъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ по-свистомъ: подыльею ¹⁾ конь спотыкнулся; Илья Муромецъ зговорить таково слово: «Что ты, волче ²⁾, спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей русской земли сильней». И вынимаетъ по Соловью разбойнику калену стрѣлу, и тутъ во Соловья разбойника попалъ, и Соловей з двенатцати дубовъ свалился, аки овсяной снопъ. Илья Муромецъ сълз у него на бѣлыхъ грудехъ і хочеть у него вынуть сердце. И возмолитца тутъ Соловей разбойникъ: «Ой еси доброй молодець Илья Муромецъ! оставь душу въ телѣ хоть на покаяние!» Илья Муромецъ говорить таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где твоя золота казна лежитъ?“ И Соловей разбойникъ ответь держить: «Моя, государь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ Кутузовыхъ; а гонецъ гоняеть равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязуеть Соловья разбойника к своему стремя булатному и съкачетъ з горы на гору, а у реки перевозу не спрашиваетъ. А какъ будетъ подъ ево селомъ Кутузовымъ, увидѣли Соловья разбойника ѣи сыновъ. Болшой говорить: «Вотъ де нашъ батюшка едетъ, а мужика везеть у своево стремя булатнона». Меншой сынъ говорить таково слово: „Вонъ де едетъ Илья Муромецъ, а батюшка везеть у своево стремя булатново“. И тутъ мечютца ѣи сыновъ и надѣвають на себя оружие богатырское, и хотять с нимъ поле дать. І Соловей разбойникъ говорить таково слово: «Светы вы мое малые дѣтушки! не дразните вы сево добъра молотца, зовите ево к себѣ хлѣба кушати». Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславъвичу. И какъ будетъ пот Киевомъ градомъ, скачетъ черезъ стену каменную и едетъ на княженецкой ³⁾ дворъ, не обыслаючи и шапки не снимаючи.

¹⁾ Такъ въ рукописи; чит.: „подъ Ильєю“. ²⁾ Такъ въ рукописи, вмѣсто: «волч'е»? Затѣмъ пропущено слово. Въ моемъ текстѣ: „волчия шерсть“. ³⁾ Въ рукописи: „княженской“.

Входитъ в полату столовую и молитца чюднымъ образомъ, а князю Владимиру ниско челомъ і кнеине, а послѣ на четьре стороны. Князь Владимиръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовуть по имени и по отчеству и которого ты града?“ Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Зовуть меня Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома“. Князь говоритъ: «Давно ли ты поехалъ из Мурома града?» Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскресную“. А князь Владимиръ усмехнулся, что Илья вреть, и зговоритъ таково слово: «Не твойскія у меня гонцы гоняють равно по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ говоритъ таково слово: «Да еще, государь, были на меня двѣ причины ¹⁾: поехалъ из Мурома града под Себежиномъ градомъ, ажно стоять тутъ три царевича заморскія, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысячъ, и хотять они Себѣжъ ²⁾ градъ за щитомъ взять, и самого царя в полонъ взять; і я ево выручилъ и побилъ всю ратную ³⁾. И вакъ буду на лесы брынскія ⁴⁾, на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напускаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкнулся, и я ево убилъ, и топера стоить у моево коня у добраго». А князь говоритъ: «Засвищи ты, Соловей, своимъ посвистомъ». И Соловей говоритъ: «Не твой де я холопъ, не слушаюсь тебя, слушаюсь Ильи Муромца». Илья Муромецъ велѣлъ засвистать Соловью разбойнику, и Соловей засвисталъ своимъ посвистомъ: у богатырей тутъ кресла ⁵⁾ подломились. И князь Владимиръ бысть радошень і зговоритъ таково слово: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замѣнуты».

¹⁾ Такъ въ рукописи; вѣроятно, въ оригиналѣ было: «двѣ притчи». Слово *причина* сохранено и въ Забѣлинскомъ спискѣ этой былины. Ср. Аонасьева, Русскія народныя сказки, I, 79. ²⁾ Въ рукописи: „себѣ“. ³⁾ Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „силу ратную“. ⁴⁾ Въ рук.: „бранскія“. ⁵⁾ То же слово и въ Забѣлинской рукописи. Ср. Аонасьева, Сказки, I, 80.

III.

(Изъ сборника Н. С. Тихонова, № 222-я).

Сказаніе о Іліе Муромце и о Соловие разбойнике.

Во славномъ граде ¹⁾ Му,ме слышать былъ богатырь Ілія Муромецъ. Слышалъ заутреню воскресную. Поехалъ онъ ко граду Киеву, ко князю Владимиру. Какъ будетъ Ілія Муромецъ на том же поле, вышли къ нему три царевича сибескія ²⁾, а силы с ними у всякого царевича .ѿ. тысячъ. Ілія Муромецъ вынимаетъ свои востры мечъ и побилъ ихъ силу великую, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ то-мужъ царю сибескому. И сибеской царь зговорить ³⁾ таково слово: „Ой еси ты, Ілія Муромецъ! какъ тебя зовутъ по имени и по очеству и котораго городу?“ Ответъ держитъ Ілія Муромецъ: „Зовутъ меня, государь, Или(е)ю, а по очеству Ивановъ сынъ, а роженецъ града Муромъ“. И сибѣской царь зговорить ³⁾ таково слово: „Светъ государь, Ілія Муромецъ! откуда твоя дорога случилася?“ Ответъ держитъ Ілія Муромецъ: „Еду я, государь, к столному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому Всеславъевичу“ ⁴⁾. И сибѣски царь зговорить ³⁾ таково слово: „Светъ государь, Ілія Муромецъ! не ездѣ к столному граду Киеву, ко великому князю Владимиру киевскому Всеславъевичу, живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, і я тебѣ пожалую половину царства ⁵⁾ государства своего сибѣскаго“. Ілія Муромецъ зговорить ³⁾ таково слово: „Много ли мне государства твоего жалованія!“ І спрашиваетъ онъ прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣской царь зговорить ³⁾ таково слово: „Есть у насъ, государь, прямая дорога к столному граду Киеву, на лѣсы брынскія ⁶⁾, на грязи топучіе, на мостъ на калиновойі, на речку Смородинку; только та дорога залегла 10 летъ: ни единой человекъ не прохаживалъ і не проеживалъ, ни зверь не

¹⁾ Въ рукописи: „гроде“. ²⁾ Ошибка; слѣдуетъ: „заморскія“. ³⁾ Въ рукописи: „заговорить“, какъ и ниже. ⁴⁾ Въ рукописи: „Всеславевичу“. ⁵⁾ Въ рукописи: „царства“. Въ оригиналѣ буква р, вѣроятно, стояла надъ строкою; переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. ⁶⁾ Въ рукописи: „брынская“. Снова предложена надстрочная буква (н).

прорыскивалъ отъ Соловья разбойника Будимеровича“. И тутъ богатырское сердце разгарало⁶: поехалъ прямою дорогою. Какъ будетъ на речке на Смородинке, на мосту на калиновомъ, напустилъ к нему Соловей разбойникъ Будимеро⁷, засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ: под ¹) Илеею конь потыкаеца, Илья Муромецъ зговорить таково слово: „Волчия шерсть, што ты потыкаеца? Веть нету сильней меня во всеі светорускоі земле“. И вымасть изъ налучая своі крепкоі лукъ ²), ис ³) калчана калену стрелу, и стрелметъ по ⁴) Соловию разбойнику ⁵), и убил ево въ правое око. І тутъ Соловей упалъ на сыру землю з девяти дубовъ, что овсяноі снопь. Илья Муромецъ селъ на бѣлы груди и хоцетъ вынять ретиво сердце; молица ему Соловей разбойникъ ⁶) Будимеровичъ.... Какъ зговорить таково слово светъ государь, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежить?“... „в моіхъ солахъ Кузовыхъ (sic!)...“

IV.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399)

Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о походе ихъ.

Бысть во граде Киеве у великаго князя Владимира киевскаго Всѣславича пиръ велій на князи и бояра, на сильны могучи богатыри. Будеть у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговорить таково ⁷) слово: „Ой еси князи, и бояри и сильны могучи богатыри! кому у меня три службы служитъ великіе? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года? Кто бы ехалъ в землю в задонскую, взялъ-бы дани и выходу за тритцать и за три года? Кто бы ехалъ в землю алевитцкую, взялъ бы дани и выходу за тритцать и за три года?“ И тутъ все призадумались; никто

¹) Въ рукописи: *но*; надстрочное *д* не списано. ²) Въ рукописи: „улукъ“. ³) Въ рукописи: *и*. ⁴) Въ рукописи: *ко*. ⁵) Въ рукописи: „разбойнику“. Пропущено надстрочное *и*. ⁶) Въ рукописи: „разбойникъ“. ⁷) Въ рукописи: „каково“.

ему ответу не дасть: болшия хоронятца за меншия, а меншия за болшия, а у меншихъ и давно ответу нетъ. Илья Муромецъ зговорить таково слово: „Свѣтъ государь, князь Владимиръ киевской! азъ еду в землю турскую, возму дани и выходы за тридцать и за три годы“. Михайло Потокъ Ивановичъ зговорить таково слово: „Я еду в землю задонскую, возму дани и выходы за тридцать и за три годы“. Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за тридцать и за три годы“. И те речи великому князю понравились; подносить имъ чару зелена вина, и запиваютъ меды сладкими и с великимъ княземъ прощаются. И межъ себя называютъ брѣдцами названными, и садятца на свои добры конь, и поехали ис Киева. Какъ будетъ ¹⁾ отъ Киева за пять версть, таково слово молвил: „Братцы милыя! хто из насъ передъ приедетъ до Киева, а ково не будетъ, и после ехать тово сыскивать“. И, простясь, поехали розно — всякъ своимъ путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; Алеша поехалъ догояс- стивровору ²⁾; Михайло поехалъ дорогою свѣторускою, подле моря синево. Ажно по морю плаваеъ лѣбѣдь бѣлая, и Михайло вынимаетъ изъ налучия свой крепкой лукъ ³⁾, ис калчана вынимаетъ калену стрелу, и хоцетъ бить лѣбѣдь бѣлую. И она ему провѣща члвческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичы! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣлую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а предъ тобою стану дѣцей красной“. И Михайло не успѣлъ в налучи положить крепка лука и в ⁴⁾ калчанъ калены стрелы, ажно предъ нимъ стала дѣвица, лицемъ zelo красна. И Михайлу она полюбилася: беретъ за руки бѣлыя, и целуетъ во уста сахарныя, и сажаетъ на свой доброй конь; и взялъ дани и выходы за тридцать и за три годы ⁵⁾. И князь Владимиръ ему ответъ держитъ: „Тѣбѣ у

¹⁾ Такъ въ рукописи; слѣдуетъ: „будуть“. ²⁾ Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что скопировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою“; слогъ *po* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Свѣвровой“. ³⁾ Въ рукописи слово: „лукъ“, пропущено. ⁴⁾ Въ рукописи пропущено „в“. ⁵⁾ Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ?

меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойлѣ не заперты“. И подносить ему чару зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михайло зговорить таково слово: „Светъ государь, князь Владимиръ киевской! ехаль возле моря си-нево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая, и я вынелъ, гдрь, из ¹⁾ налучи свой крепкой лукъ, и калчанъ калены стрелы ²⁾, и хотель убить лѣбѣдь бѣлую, и она ему провещила: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не стреляй меня, лѣбѣдь бѣ-ую: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а предъ тобою стану дѣцей красной“. И я, гдрь, не успежь в налучи положить крепкой лукъ и в ³⁾ калчанъ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣца, лицомъ зѣло красна, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой богатырской дворъ“. И князь Владимиръ в'зговорить таково слово: „Михайло Потокъ Ивановичь! препусти ⁴⁾ мнѣ ту дѣку красную“. И Михайло отвѣтъ держить: „Я, де, гдрь, самъ с тою дѣвою вѣнчался, крестился и далъ ей имя Бѣлая Лебѣдь, Авдотья Лиховидовна“. И венчалъ ихъ владыка черниговской. И почаль Михайло с нею любезно жить; и живеть с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тепшитца на два мѣца. А без нево приехалъ под Киевъ градъ купчина Золотой Орды с товары заморскими; увидель купчина красоту лица ея и почаль розпрашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовуть по имени?“ И Киевляня ему розказали: „Та, де, у насъ жена богатырская, святорусково славново Михайла Потока Ивановича, а зовуть ее Лебѣдь Бѣлая Овдотья Лиховидовна“. И тутъ купчина почаль товары продавать наскоро, и деть во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощей неверново, самъ зговорить таково слово: „Светъ государь, царь Кощей Золотой орды! Сколко я не еждиваль по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видаль,

Въ ниже напечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворъ, и деть ко князю Владимиру, бьетъ челомъ—поклоняется, самъ зговорить такковы слова: „Светъ государь, князь Владимиръ киевски! привезъ я дани и выходы *за трицеть лѣтъ и за три годы*“ (стр. 42).

¹⁾ Въ рукописи: «и». ²⁾ Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ калчана калену стрелу“? ³⁾ Въ рукописи: „с“. ⁴⁾ Выше: „переступи“.

какъ есть во граде Києве у богатыря свѣторусково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лѣбѣдъ, лицемъ зело красна“. И тутъ царь Кощей силы собралъ хѣ и пошелъ под Києвъ градъ и осадилъ ево накрепко. Посылаетъ посланики к великому князю Владимиру: „Ой еси князь Владимиръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову. Не отдашь мнѣ ея, и я Києвъ градъ взятъемъ возму, а людей и детей в полонъ возму“. И князь Владимиръ зговорить таково слово: „Ой еси мой князя, и бояря, и Киевляна! думайте да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нѣтъ? А топеря у насъ в Києве сильныхъ богатырей нелучилося, некому выехати противу мужиковъ Кощеевыхъ; а Михайло приедеть сердить добре, станеть побивати мужиковъ в Києве“. Князи, и бояры, и всѣ Киевляна ему зговорили таково слово: „Свѣтъ гдрь, князь Владимиръ киевской! доселева не бывало в Києве жены Михайловы, и царь Кощей под Києвъ не прихаживаль, и Києва накрепко не осаживаль, и тебѣ, государь, такой ¹⁾ кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей отъ Києва прочь поидеть, и Михайлу дадимъ выбирать во всемъ городе Києве: гдѣ захочеть, тутъ и возметь, хоть княиню, или боярыню, или дѣвку посапкую—такова же ему жена“. Ажно провещитса богатырское ²⁾ Михайла Потока Ивановича: едѣтъ ис чиста поля на свой богатырской дворъ. Встречаетъ ево Лѣбѣдъ Бѣлая, сама зговорить таково слово: „Свѣтъ гдрь, Михайло Потокъ Ивановичь! безъ тебя под насъ, под Києвъ градъ, пришелъ царь Кощей Золотой Орды, а силы с нимъ хѣ и Києвъ градъ осадилъ накрепко, а прошаетъ меня ис Києва, и Киевляна придумали отдати меня царю Кощею неверному“. И Михайло зговорить таково слово: „Мужики Киевляна сужалиса бы всякъ своими женами и дочерми, а я за свою жену умею самъ постоять“. И садитца на свой доброй конь, и поехалъ ис Києва, и побилъ силу Кощееву, и всего Кощей самъ четверть ушелъ во свою землю. А Михайло побилъ силу, с своею ³⁾ женою і ⁴⁾ тешитца, и живеть с нею рав-

¹⁾ Въ рукописи: „тако“. ²⁾ Пропущено слово: „сердце“. ³⁾ Въ рукописи: „своево“. ⁴⁾ Слово: „і“ приписано послѣ; оно лишнее.

но три года; а товарищи ево в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитьца равно на три м^сца, а безъ него пришелъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы снимъ х^ѣ, і Киевъ осадилъ накрепко. И посылаетъ посланники к великому князю Владимиру: „Ой еси князь Владимиръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь пойду от Киева; а буде ты не отдашь мне, и я Киевъ взатьемъ возьму, а людѣй твоихъ всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возьму и самому тебѣ, великому князю, не спущу“. И князь Владимиръ зговорить таково слово: „Ой еси князи, и бояря, и Киевляне! думайте накрепко да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топе^р у насъ въ Кieve сильныхъ богатырей не лучилося, некому выехать противу силы Кощеевы; а Михайло приедетъ сердить добре, станетъ побивать мужиковъ в Кieve“. Князи, и бояря, и все Киевляни ему зговорають таково слово: „Свѣтъ г^дрь, князь Владимиръ киевской! доселева не бывало жены Михайловы, и царь Кощей под Киевъ не прихаживалъ, и тебѣ, г^дрь, такой кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдетъ, а Михайлу дадимъ выбирать во всемъ граде Кieve: где захочетъ, тутъ и возьметъ—хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую“. А ужъ Михайло с Кошеемъ бьетъса три дни, а жена ево переставилася. И побилъ силу, и Михайло едетъ на свой богатырской дворъ, и вѣстречаютъ ево люди дворовые, и связываютъ, что Бѣлая Лѣбедь переставилася. І втепоры Михайло закручинилса, что никто ево не вѣстречаетъ, и за руки не принимаетъ. И приходитъ Михайло во отхожую горницу, где лежитъ жена ево мертвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговорить таково слово: „Прости, де, Лѣбедь Белая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ с тобою молвлено: кто из насъ напередъ умретъ,—и хто останетса, и тому в могилу итъти“. И велелъ могилу рыть и гробницу делать каменную, чтоб можно двумъ чѣвкомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ князя Владимира, и владыку черниговскаго, и весь Киевъ градъ. Сошлись все на погребеніе. И почалъ Михайло во граде власть жену свою в могилу, и самъ с нею ложитца. І что зговорають таково слово всемъ городомъ Кие-

вымъ: „Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилися живые с мертвыми; а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ ради жены своей: или у насъ в Кіеве людей не стало? Захочешъ, возмешъ княжину, или боярыню, или девку посацкую—такъ важ тѣбе жена“. И Михайло ответъ держитъ: „Знай, де, всякъ самъ себя“. І самъ зговоритъ таково слово: „Закопывайте да не мешкайте“. І князь Владимиръ зговоритъ таково слово: „Укладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми; а надъ могилою поставте сторожей крепкихъ: какъ Михайлу скучитца и станетъ громкимъ голосомъ кричать, выпускайте ево на волной светъ, не мешкайте“. И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сидитъ Михайло с женою с мертвою до вечера. И какъ будетъ о полуночи, ажъно пришла змея лютая, и гробницу проела и пусти дву змеенокъ детей своихъ и змея пожалила Лѣбедь Бѣлую за груди. И Михайло ухватилъ ихъ і почалъ рвать на двое. И провецетъса ему змея лютая члвческимъ голосомъ: „Михайло Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенокъ малинкихъ, и я принесу тебѣ живой воды“. И Михайло отвѣтъ держитъ: „Поди, змя, принеси мнѣ живой воды, тогда отпущу детей твоихъ“. І пошла змея, и принесла живой воды. И Михайло почалъ змеенокъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася ¹⁾. И окропляетъ Михайло мертвую жену свою, и жена ево ожила, бутто отъ сна пробудилася. И тутъ Михайло завопилъ и засвисталъ громкимъ голосомъ, и почали ево раскапывати. Идетъ изъ могилы Михайло и ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что жена ево была мертва Михайлова, а Михайло оживилъ ея. И почалъ с нею любезно житъ, и живеть с нею равно три годы, а таварищи ево в Кіевъ не бывали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитися равно на пять мѣцевъ. А без нево пришелъ под Кіевъ градъ царь Кощей Золотой орды, а силы съ нимъ $\times\text{r}$, и Кіевъ осадилъ накрепко. И послалъ посланики к великому князю Владимиру: „Владимиръ киевской! отдай мнѣ жену Михайлову, и я прочь поиду от Кіева; а буде не отдашь мне ея, и я Кіевъ градъ взатьемъ возму, а людей твоихъ в

¹⁾ Такъ въ рукописи, вм.: „оживилася“.

Киеве всехъ вырублю, а женъ и детей в полонъ возму, и самому тѣбе, великому князю, не спущю“. И князь Владимиръ зговорить таково слово: „Ой еси князи, и бояря, і все Киевляня! думайте накрепко, да не продумайте: отдавать ли жену Михайлову? І оне придумали всемъ городомъ отдать Лѣбедь Бѣлую царю Кощею неверному. І оне берутъ Бѣлую Лѣбедь за руки і отдають царю Кощею неверному, и царь Кощей от Киева прочь пошелъ. Ажно едетъ ис поля Михайло Потокъ Ивановичь, істречаютъ ево люди дворовые, а сказываютъ, что отдали Киевляня царю Кощею неверному Лѣбедь Бѣлую—Авдотью Лиховидовну. И тутъ Михайло закручинился: не слаза з добра коня, и ездить, по Киеву, и кричить громкимъ голосомъ: „Собаки вы, мужики безверныя! за что отдали вращеную жену мою царю Кощею неверному? Управлюся с вами и после“. А мужики ис Киева розбежались. А царь Кощей ушелъ от Киева ровно ходу на тритцать дней, а Михайло догналъ ево і три часы—ажно царь Кощей на стану стоять з Белою Лѣбедью, опочивъ держить. І Михайло едетъ прямо ко белу шатру. И тутъ увидела ево Лѣбедь Белая: істречаетъ ево из бела шатра, а сама говоритъ таково слово: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! рада я тѣбя увидела, не хочю жить у царя Кощей Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорусково—возми меня к себѣ попржнему“. І подносить Михайлу пития пияново наскоре, Михайло испиваетъ, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Бѣлая наскоре, и будить царя Кощей неверново: „Востань, гдрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ твой Михайло Потокъ Ивановичь! предай ему смерти скорья, такъ онъ за тобою не ганяетца“. И царь Кощей ответъ держить: „Мне Михайло не какой недругъ: меня наехалъ во чисте поле, в беле шатре, все не предаль мене смерти скорья; какъ хочешъ сама с нимъ“. И Лебедь Белая велела обратъ у него оружие богатырское і почала отымать палицу железную, и завязываетъ очи ясныя, и ударила его вничь рукою: „Лежи ты, Михайло, во чисте поле белымъ каменемъ“. И Михайло окаменелъ; а сами поехали во орду свою. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали рас-

прашивати про Михайла Потока Ивановича... ¹⁾, какъ привесъ Лѣбедь Бѣлую, и какъ крестился, и какъ царь Кощей приходилъ, и отдали царю Кощею, и какъ Михайло погоню погналъ. И товарищи поехали Михайла сыскивати. И какъ будутъ у тово камени, ажно стоять у камени калика прохожая. И богатыри зговорають таково слово: „Скажи ты намъ, калика, про царство Кощеево і про Михайла Потока Ивановича“. И калика имъ отвѣтъ держить: „Хто, де, подыметъ сей камень и бросить черес себя, то, де, я скажу про Михайла Потока Ивановича“. Илья Муромецъ поднялъ камень і груди, а Олеша всево подня в поясъ, а калика поднялъ и бросилъ черес себя и рашшибъ на четверо. А ис тово камени высочилъ Михайло Потокъ Ивановичъ: „Долго, де, братцы, я сплю во чисте поле“.—„А спать было тебѣ, братецъ, да не проспаться, да разбудилъ тебя Михайло, архангелъ и воевода небесныхъ силъ“. И почалъ имъ рассказывать все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбедь Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Муромецъ зговорають таково слово: „Поедемъ, де, мы, братцы, і царство Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣлую, а царю Кощею живому очи вырежемъ“. И поехали во царство Кощеево, и побили силы ^ѣ, а царю Кощею живому очи выняли, а Лебедь Бѣлую привязали х конямъ неученымъ и пустили во чисто поле, и тамъ смерть учинилася. А казну Кощееву всю взяли в Киевъ градъ и разделили проме^а себя. А дочь царя Кощей неверново, девку Ранку Кощееву, взялъ Михайло Потокъ Ивановичъ с собою в Киевъ градъ, и крестилъ ея, и за себя женою взялъ. И приехалъ во Киевъ градъ, и побилъ силы мужиковъ пять тысящъ, и сами в Кieve померли. Богу нашему слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

¹⁾ Затѣмъ пропушено нѣсколько словъ. Въ ниженапечатанномъ текстѣ: „а Киевляня начали имъ рассказывать“... (стр. 47).

V.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

Сказание о сильныхъ могучихъ богатырехъ ¹⁾ киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.

Во славномъ граде Кieve у князя Владимера киевскаго Всеславъевича былъ пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на си^нныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ навеселе, князь Владимеръ зговорилъ таковы слова: „Ой еси вы ²⁾ мои князи, и бояры, и сильныя могучия богатыри и всѣ Киевляне града Кieve! есть ли у меня комъ слъжить три службы великие? Кто бы ехалъ в землю турскую, взялъ бы дани и выходы за трицать летъ и за три годы? Кто бы ехалъ в землю задонскую, взялъ бы дани и выходы за трицетъ летъ и за три годы? Кто бы ехалъ в землю алевицкую, взялъ бы дани и выходы за трицетъ летъ (и три годы) ³⁾?“ И тутъ все позадумали^с; никто великому князю ответу не дастъ: болшия за меншихъ ⁴⁾, а отъ меншихъ давно ответу нету. Илия Муромецъ зговорилъ таковы слова: «Светъ г^сдръ князь Владимеръ киевски! я поеду в землю турскую, возму дани и выходы за трицетъ летъ и за три годы». Михайло Потокъ зговорилъ таковы слова: «А я, де, г^сдръ, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицетъ летъ і за три годы». А Олеша Поповичъ зговорить таковы слова: „А я де, г^сдръ, поеду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за трицетъ летъ и за три годы». І те речи великому князю полюбилися: подносить имъ чары зелена вина. І запиваютъ меды слаткими и с великимъ княземъ прощаются; і межъ себя называются братьями названными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Кieve. І какъ будутъ от Кieve за пять верстъ, межъ себя таково слово

¹⁾ Въ рукописи: „богатыре“; пропущено надстрочное з. ²⁾ Въ рукописи: „(и) нѣсивы“: механически скопированы непонятныя писцу слова. ³⁾ Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. ⁴⁾ После того въ рукописи пропущено: „хоронятся“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 34).

молвили: „Братцы“, де „милые! хто из насъ приедеть до Києва, а ково не будетъ ¹⁾ опосле, і намъ ехать тово сыскивать“. И, протя^с ²⁾, все поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ: Илия Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно тритцеть летъ отъ Соловья разбойника Мировича. А Олеша Поповичъ поехалъ дорогою святорожскою ³⁾. А Михайло поехалъ дорогою сваврѣвой возле моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебѣть бѣлая, и Михайло вымаеть изъ налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калену стрелу и хоцетъ убить лебѣть бѣлую. І она ему, прогласила члѣцкимъ голосомъ: „Михайло“, де „Потокъ Ивановичъ! не стреляй, де, меня, лебѣди бѣлыя; я де по морю плаваю лебѣдью, а перет тобою стану дѣвицею красною“. І Михайло не успель въ налучь положить и ⁴⁾ крепкой лукъ, въ колчанъ—калены стрелы, ажно предъ нимъ стала девица лицомъ зѣло красна. И Михайле она полюбилася: беретъ ея за руки бѣлыя, и целуетъ в уста сахарныя, и сажаетъ ея на свои на доброї конь, и взя ⁵⁾ дани и выходы, и поехалъ с нею во Києвъ градъ. Стоновитца на свой богатырьской дворъ, идетъ ко князю Владимиру, бьетъ челомъ—повкланяется, самъ зговорить таковы слова: „Светъ гѣдрь, князь Владимиръ киевски! привесъ я дани и выходы за тритцеть летъ и за три годы“. И князь Владимиръ зговорить таковы слова: „Тебѣ у меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойле не заперты“. И подноситъ ему питья пьяныя,—и запиваетъ меды слаткими. И Михайло зговорить таковы слова: „Светъ гѣдрь, князь Владимиръ киевски! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебѣдь бѣлая; и я, гѣдрь, вынелъ изъ налучи своей крепкой лукъ, ис калчана калены стрелы, и хотель убить лебѣдь бѣлую, и она мнѣ, гѣдрь, прогласила члѣцкимъ гласомъ: „Михайло“, де, „Потокъ Ивановичъ! не стреляй меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною“. Я, гѣдрь, не успель

¹⁾ Въ рукописи: „каково будетъ“. ²⁾ Эти два слова написаны два раза; буква с вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ъ. ³⁾ Въ рук.: „святорожскою.“ Не слѣдуетъ ли: „святогорскою“? ⁴⁾ Слово лишнее. ⁵⁾ Въ рукописи: „вся“.

в налучь положить крепкой лукъ и в колчанъ камены стрелы, ажно перет тобою стала дѣца лицемъ зѣло красна. И мне, гѣдрь, она полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ градъ на свой богатырской дворъ. И князь Владимиръ зговорить таковы слова: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичъ! переступи ты мнѣ ту дѣцу красную“. И Михайло ответъ держить: „Светъ гѣдрь, князь Владимиръ киевски! Я ту дѣцу взялъ за себя, и я, гѣдрь, самъ с нею обвенчался, крестилъ я¹⁾, и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и венчалъ владыко черниговски“. И почалъ Михайло с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живеть с нею три годы, а товарищи еще в Киевъ не приехали. (И поѣхалъ)²⁾ Михайло во чистое поле тѣшится равно на два йца, а бѣзъ него приехалъ во Киевъ градъ купчина Златой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михайлова, и пошла посмотреть таваровъ заморскихъ. И увидель купчина красоту лица ея и почель спрашивать: „Чия, де, сия жена? и како зовуть ея по имени?“ И Киявлянци ему рассказывать: „Сия, де, у насъ жена богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича; а завуть ея Бѣлая Лебѣть, Авдотья Лиховидовна“. И тутъ купчина почалъ продавать товары наскоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощей невернаго³⁾, самъ зговорить таковы слова: „Светъ гѣдрь, царь Кощей Златой Орды! сколко я не ѣживалъ по инымъ землямъ купчиною, а такой прекрасной не видывалъ уже трицетъ летъ и у единого, какъ есть во граде Кieve у князя Владимира Сеславьевича, у богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича,—Лебѣть Бѣлая; а лицемъ зѣло красна“. И тутъ царь Кощей почалъ збирать войска. И собравъ силы сорокъ тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко. Пошлаетъ посолника к великому князю Владимиру: „Ой еси ты, князь Владимиръ киевски! отдай мне жену Михайлову, и я прочь от Кieve; а буде ты не дашъ мне ея, и я Киевъ градъ взатьемъ возму, а людей твоихъ в Кieve всехъ вырублю⁴⁾, ажно и детей в половъ возму“. И князь Влади-

¹⁾ Описка; слѣдуетъ: „ея“. ²⁾ Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго сказанія. ³⁾ Въ рукописи: „неверны“. ⁴⁾ Въ рукописи: „вырубля“.

меръ зговорить таковы слова: „Ой еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Киева! думайте вы да не продумайтесь: отдавать ли жену Михайлову, или нетъ? А топерь у насъ в Кieve сильныхъ богатырей не лучилось: некому выехать противъ силы Кощѣвы. А Михайло приедетъ сердить добре, станетъ побивать мужиковъ киевскихъ“. И князи, и бояры, и все Киевляне реша¹⁾: „Светъ гѣдрь, князь Владимиръ киевски! доселе в Кieve не было жены Михайловы, царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Кieва накрепко не осаживалъ, и тебѣ, гѣдрь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову, и царь Кощей от Кieва прочь поидеть, а Михайле дадимъ выбрать во всемъ Кieve городе, гдѣ захочеть, тамъ возметь; хошь княиню, или боярыню, или деву посацкую—таковажь ему жена“. Ажно будетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на овой богатырской дворъ; встречается ево Лебѣдъ Бѣлая, сама зговорить таковы слова: „Светъ гѣдрь, Михайло Потокъ Ивановичъ! Бѣс тебя подъ нашъ Киевъ градъ пришелъ царь Кощей Златой Орды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, і Киевъ осадилъ накрепко и просить меня ис Кieва, и Киевляне придумали отдать меня царю Кощею неверному“. И Михайло зговорить таковы слова: „Собаки мужики Киевляня! Ссужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою жену умею и самъ стоять“. И садитца на свой добрай конь, и поехалъ ис Кieва, и побилъ всю рать-силу великую, и приехалъ на свой богатырской дворъ и почалъ з женою своею пить и есть и тешитися. И живеть з женою равно три годы; а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло в чисто поле тешитца равно на три мѣа, а бѣз нево приехалъ пот Киевъ царь Кощей, а силы с нимъ шедесять тысящъ, и Киевъ осадилъ накрепко, посылаетъ посолника и просить ис Кieва Лебѣди Бѣлая. И князь Владимиръ зговорить таковы слова: „Ой еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! думайте накрепко да не продумайтесь: отдавать ли жену Михайлову или нетъ? А теперь у насъ в Кieve сильныхъ богатырей не лучилось—некому выехать противъ силы Кощевы; а Михайло приедетъ сердить

¹⁾ Слово: „реша“, приписано послѣ, сверху строки.

добре, станеть побивать мужиковъ киевскихъ“. И князи, и бояры, и все Киевляне реша ¹⁾: „Светъ гдѣрь, князь Владимиръ киевски! доселева в Києве не было жены Михайловы— (царь Кощей подъ Києвъ не прихаживалъ и Києва накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову) ²⁾, и царь Кощей от Києва прочь пойдетъ; а Михайле дадимъ выбрать во всемъ граде Києве: гдѣ захощеть, тамъ возметь ³⁾: хошь княгиню, или боярыню, или девку посацкую—таковажъ ⁴⁾ ему жена“. А тово не ведають, что жена Михайлова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свої богатырской дворъ, встречаютъ ево люди дворовые і свазываютъ вести недобрые, что жена ево переставилась. І тутъ Михайло закручинился, ідетъ во свой высокъ теремъ,— никто ево не встречаетъ, за руки не принимаетъ и во уста не целуетъ. И приходитъ Михайло в отхожую горницу, где жена Лебѣтъ Бѣлая. И Михайло зговорить таковы слова: „Прости, де, Лебѣтъ Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у насъ с тобою молвлено: „кто изъ насъ напредь умреть,—и кто останецца, і тому живому в могилу итъти“. І зоветъ на погребѣние князья и бояря, и владыку черниговсково, и весь Києвъ градъ, и сошлись все на погребѣние. И почалъ Михайло во гробъ класть жену свою и самъ с нею живъ ⁵⁾ ложитца в могилу. І князь Владимиръ зговорить: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты, Михайло, живъ в могилу идешъ для жены своей. Али у насъ тебѣ в Києве невестъ нетъ? Захощу княгину, или боярню, или девку посацкую,—таковажъ тебѣ жена“. И Михайло отвѣтъ держить: „Знай, де, всякъ самъ себя; закопывайте, не мешкайте“. И князь Владимиръ зговорить таковы слова: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а над могилою поставте сторожу крепкую: какъ Михайле скучетца, станеть кричать громкимъ голосомъ,—скоро выта-

¹⁾ Слово: „реша“, приписано в послѣдствіи сверхъ строки. ²⁾ Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакціи (см. выше, стр. 44). ³⁾ Слово: „возметь“ въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакціи (стр. 36).. ⁴⁾ Въ рукописи пропущено слово: „таковажъ“. ⁵⁾ Послѣ этого слова приписано сверхъ строки: „с нею“.

скивайте его на волной светъ, не мешкайте⁴. І, похороня ево, все по домамъ пошли. А Михайло сидитъ в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ будетъ о полуночи, ажно пришла змея лютая і гробницу каменую проела і пустила в гробницу двухъ змеинковъ, детеі своихъ, и змеите почали Лѣбѣть Бѣлую сосати за груди. И Михайло ухватилъ ихъ і почелъ рвати надвое. И провищитца ему змя лютая члѣческимъ голосомъ: „Михайло, де, Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенкавъ малинкихъ, я принесу тебѣ живой воды“. И Михайло ответъ держитъ: „Поди ты, змя лютая, принеси мне живой воды, тогда отпущу детеі твоихъ“. И пошла змея лютая и принесла ему живой воды. И Михайло почалъ змеенковъ рват на крохи и покропляеть ихъ живою водою,—и змеи те ожили. І покропляеть Михайло мертвую жену свою, и жена ево будто от сна пробудилася. И Михайло засвисталъ громкимъ голосомъ, и караульщики попадали; и слышали сесѣды ближнии, і послали роскопывать. Идетъ из могилы Михайло і ведетъ за руку жену свою, и тутъ все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михайло оживилъ еѣ. И почалъ с нею жити по старому, и живетъ с нѣю равно три годы, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле тешитца равно на пять мѣцовъ. А бѣз нево приехалъ подъ Киевъ градъ царь Кощей, а силы с нимъ сто тысячъ, и Киевъ осадилъ накрепко, и проситъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя, і Киевляне ему отдали жену Михайлову. И царь Кощей, жену Михайлову взявши, самъ и прочъ пошелъ. Ажно приехалъ во Киевъ Михайло Потокъ, встречаютъ ево люди дворовыя, а сказываютъ вести недобрыя, что отдали Клявляне жену ево Лебѣть Бѣлую царю Кощею неверному; и тутъ Михайло закручинился. Не слаза ¹⁾ з добра воя, ездитъ по Киеву, кричитъ громкимъ голосомъ: „Собаки мужики бѣзверныя Киевляне! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею нѣвѣрному? Управлюса я съ вами и опосле самъ“. И поѣхалъ ис Киева и догналъ царя Кощей невернова: ажно онъ на стану

¹⁾ Въ рукописи: „не лаза“.

стоитъ з Бѣлою Лебѣдю, опочивъ ¹⁾ держать. И Михайло едетъ прямо к бѣлому шатру; ажно увидела ево Лебѣть Бѣлая, мечится из бѣла шатра наскоре, сама зговорить таковы слова: „Светъ гдрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Рада тебѣ увидела; не хочю жива ²⁾ у неверново царя Кощея Златы Орды, хошу жить в Киеве у тебѣ, богатыря сваторускаго, возми меня тѣбѣ ³⁾ по прежнему“. И подноситъ ему питья пьяные наскоре, испивать ⁴⁾ Михайло и ложитца спать у нихъ, у бѣла шатра. И она будить ⁵⁾: „Востань, гсрь царь Кощей! Вотъ пришелъ недругъ Михайло Потокъ—предай ему смерти скорой, такъ за тобою не ⁶⁾ гонитца.“ И царь Кощей зговорить: „Мне Михайло не какоі недругъ: онъ меня наехалъ соннова, се не предадъ меня злой смерти. Какъ хочешъ сама с нимъ“. И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михайла оборотила каменемъ, а сама поехала с Кощеемъ в Золоту Орду. Ажно приехали в Киевъ Михайловы товарищи, и почали отдавать дани и выходы великому князю Владимиру. И почали спрашивать про Михайла, а Киевляня почали имъ рассказывать, какъ Михайло привезъ дани и выходы, и какъ привезъ Лебѣдь Бѣлую и, крестя, за себя женою взялъ, и какъ приходилъ царь Кощей, и какъ Михайло былъ в могиле з женою мертвою, и какъ оживилъ ея, и какъ жену Михайлову отдали царю Кощею неверному и какъ Михайло в погоню погналъ. И Олеша зговорить: „Поехали, Илья, брата сыскивать.“ И какъ будутъ у тово камня, Олеша поднезъ камень в поесъ, Илья камень вбросилъ ⁷⁾ чересебя ⁸⁾ и рошибъ на четверо; а ис тово камня выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичъ и почалъ имъ рассказывать все противъ тово, какъ имъ рассказывали Киевляне. И они поехали в цар-

¹⁾ Въ рукописи: „и почиваетъ“. ²⁾ Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „жить“. ³⁾ Такъ въ рукописи; въ предыд. редакціи: „к себѣ“. ⁴⁾ Въ рукописи: „испить“. ⁵⁾ Въ предыдущей редакціи: „и будить царя Кощея неверново“. ⁶⁾ Въ рукописи пропущено слово: „не“; въ предыд. редакціи: „такъ онъ за тобою не гоняетца“. ⁷⁾ Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакціи: „и бросилъ“. ⁸⁾ Очевидно, что такъ написаны были эти слова въ оригиналѣ, съ котораго переписывалось настоящее сказаніе. Извѣстно, что это звуковое явленіе восходитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности.

ство Кощѣево, убили Лебѣть Бѣлую, а царю Кощею живому очивытели, и казну Кощеву всю себѣ взяли и разделили по жеребьямъ ¹⁾. И побили силы Кощевы сто тысячъ и дочь ево Гану ²⁾ Кощевну Михайло за себя взяли. А приехали в Киевъ градъ, побили мужиковъ изменниковъ пять тысячъ, а сами жили в Киеве до старости и померли. Слава ихъ идетъ до веку. Аминь.

¹⁾ Такъ въ рукописи; потомъ писецъ зачеркнулъ двѣ послѣднія буквы.

²⁾ Первая буква этого слова написана неясно; въ предыдущей редакціи: „Ранку“

МЫШЬ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Содержаніе. О названіяхъ и распространеніи мышей и крысъ. — Повѣрья и сказки, основанныя на физическихъ свойствахъ мыши. — Вражда мышей и кошекъ. — Царь мышей. — Игра въ кошку и мышку. — Мыши ката судячь. — Мыши ката хоронячь. — Война мышей съ кошками, хорьками, лягушками и воробьями. — Споръ мыши съ верблюдомъ. — Сказки о потерѣ мышью хвоста. — Поговорка о мокрой мыши. — Мыши помогаютъ людямъ на войнѣ. — Сближеніе мыши съ горностаемъ. — Мышь въ „пригодѣ“. — Заимствованіе у мышей искусства врачеванія. — Мыши въ повѣсти объ инорогѣ. — Нѣмецкое историческое преданіе о деревѣ и мыши въ Любекѣ. — Апокрифическія сказки о мышахъ. — Демоническое значеніе мыши. — Ея участіе въ созданіи міра. — Связь мыши съ вѣдьмами и колдунами. — Преданія о томъ, что мыши съѣли несправедливаго правителя. — Мышь, какъ образъ души. — Бѣлыя мыши. — Пѣвчія мыши. — Мышь въ гаданіяхъ и примѣтахъ. — Способы заговариванія и изгнанія мышей. — Великорусская легенда о св. Николаѣ, какъ повелителѣ мышей. — Сходная польская сказка о чаровникѣ. — Врачебное значеніе мыши. — Миѣическое значеніе мыши. — Восточная сказка о мыши-дѣвицѣ. — Басня о горѣ, родившей мышъ. — Польская сказка о царевнѣ „Мышиная шкурка“. — Мышь въ культѣ Аполлона Сминтейскаго. — Заключеніе.

Мышь была знакома уже праарійцамъ. Генъ предполагаетъ, что мыши переселились изъ Азіи въ Европу вмѣстѣ съ Аріями (*Генъ, Культ. раст. и дом. живот., 278*). Возможно, что Аріи застали это животное въ Европѣ. *Mus silvaticus* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Теперь мыши живутъ во всѣхъ странахъ и во всѣхъ климатахъ. Въ особенностяхъ ихъ много въ полсѣ Средиземнаго моря, въ Каспійскихъ степяхъ и въ нагорной Африкѣ. Нѣкоторые виды мышей живутъ выше снѣжной линіи. Въ Америку мышъ проникла впервые на европейскихъ корабляхъ и расплодилась тамъ.

Окаменѣлости нѣкоторыхъ видовъ крысъ встрѣчаются въ третичной формациі. Различаютъ двѣ породы крысъ — черную (*Mus rattus*) и сѣрую, или пасюка (*Mus decumanus*). Въ древности въ Греціи и въ Италиі не было крысъ. Полагаютъ, что

mus rattus переселилась изъ Азіи въ Европу въ началѣ среднихъ вѣковъ во время великаго переселенія народовъ. Въ Германіи черная крыса была извѣстна въ XII в. Альбертъ Магнусъ говоритъ о ней, какъ о нѣмецкомъ животномъ. Издавна черныя крысы существуютъ въ сѣверной Африкѣ. На корабляхъ онѣ были развезены въ разныя части свѣта.

Отечествомъ пасюковъ считаютъ среднюю Азію, Персію и Индію. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка пасюки огромными массами перешли въ Европу. Около 1730 г. они появились во Франціи и въ Англіи. На корабляхъ они были завезены въ Америку (въ 1775 г.), Африку, Австралію, на острова Тихаго океана. Пасюки ростомъ и силой превосходятъ черныхъ крысъ и повсемѣстно вытѣсняють ихъ (*Времь*, Иллюстр. жизнь живот. I, ч. II, 38, 40; *Будиловичъ*, Первобыт. слав. 363; *Rolland*, Faune popul. de la France I, 27).

Этимологическое значеніе словъ: мышъ, ratte, rat, крыса одинаково, именно: воръ. Мышь—санскр. му-шû, греч. μῦς, лат. mus, др. верх.-нѣм. mus, отъ корня мус., санскр. муш-нати—грабить, красть, отнимать между прочимъ хитростью и потому—обманывать. Проф. А. А. Потебня сюда же относитъ мѣстное великорус. мышъ въ значеніи бѣлки, полагая при этомъ, что собираеніе запасовъ на зиму могло представляться воровствомъ (*Потебня*, Къ ист. звуковъ, III, 84). Слово мышъ—дославянское. Оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ одинаковой формѣ и съ одинаковымъ значеніемъ (*Будилов.*, 191). Слова ratte, rat происходятъ отъ гареге, гарiendo (*Gubernat.*, Die Thiere, 372). Областные названія для крысы: щуръ (рус. и польск.), ящуръ (рус.), крыса, пасюкъ—польское, сербское и русское (*Будил.*, 191).

Мышь, какъ животное издавна извѣстное, занимаетъ видное мѣсто въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, по документальнымъ даннымъ, съ V вѣка до Р. Хр. и по настоящее время. Крыса вошла въ немногія повѣрья и сказки, какъ замѣна мыши, и потому не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ народной словесности.

Прежде всего обращаетъ вниманіе то характерное явленіе, что этимологическое значеніе мыши и крысы, какъ воровъ, почти не оказало вліянія на многочисленныя и разнообразныя

значенія ихъ въ народной поэзіи и литературѣ. Воровская квалифікація мышей, столь вѣрная ихъ природѣ и характеру воспринята народной словесностью весьма слабо.

Изъ физическихъ свойствъ мышей въ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ съ наибольшей отчетливостью отмѣчены ихъ крѣпкіе зубы. Въ Малороссіи бросаютъ выпавшій зубъ на печь или на чердакъ со словами: „мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяной, а мнѣ дай залізний“ (*Ефименко*, Малор. записк. § 25; здѣсь же цитир. Черниг. губ. Вѣд. 1859 № 49 и Nowosielski, Lud ukr. II 153). Бѣлоруссы поступаютъ такъ-же (*Ямчукъ*, „По Мясской губ.“, въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, I, 217,—оттискъ изъ IX т. Труд. Этногр. отд. И. Общ. люб. Естествозн.). Тожественный обычай бытуетъ и у нѣмцевъ (въ Штокерау): дѣти, бросая черезъ голову выпавшій зубъ, приговариваютъ: „Maus, Maus, i schenk da an banan Zahn, schenk ma an eisam Zahn“. Въ Вѣнѣ записано такое повѣрье: чтобы зубы легко вышли у ребенка, нужно отрѣзать у мыши голову и повѣсить ее ребенку на шею (*Blaas*, въ *Germania*, XX, 349). Подобнаго рода обычай встрѣчается въ другихъ странахъ западной Европы, во Франціи, Англіи, Швеціи. Что обычай этотъ основывается на сближеніи дѣтскихъ зубовъ съ зубами мыши, помимо какихъ либо міеологическихъ воззрѣній, указываютъ, между прочимъ, французская поговорка о ребенкѣ съ хорошими бѣлыми зубами, что онъ имѣетъ „des dents de souris“ (*Rolland*, *Faune popul.* I, 31), и повѣрья (русское и польское), что для укрѣпленія зубовъ полезно ѣсть то, что мышь погрызла (*Даль*, *Пословицы*, 1057; *Gustawicz* въ *Zbiór wiadom.* V, 149).

Въ малорусскихъ поговоркахъ отмѣчены сѣрый цвѣтъ мышей и короткая ихъ шерсть, что даетъ поводъ считать ихъ голыми: голый, якъ мышь; голе, якъ мыша; якъ руда мышь (*Номисъ*, *Приказки* § 1519). Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ шутливаго характера у свата „кожухъ зъ мыши“. (*Шейнкъ*, *Матеріалы*, II, 183, 350).

Въ древней повѣствовательной литературѣ и въ народныхъ сказкахъ, записанныхъ въ новое время, широко разработаны мотивы о враждебномъ отношеніи кошекъ къ мышамъ. Въ древне-сирійской версіи басенъ Вилпая (около 570 г.

по Р. Хр.) находится басня о царѣ мышей и его министрахъ. Nöldeke посвятилъ этой баснѣ особую монографію (*Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern*, 1879). Царь мышей живетъ въ странѣ Брамановъ. Министры его носятъ названія: Зудамадъ (скоро пришедшій), Багдадъ (данный Богомъ) и Ширагъ (львенокъ). Царь спрашиваетъ министровъ, какъ мышиному роду избавиться отъ кошекъ. Одинъ министръ предлагаетъ навѣсить на каждую мышь по колокольчику. Совѣтъ неудобный, такъ какъ мышь не можетъ подойти къ кошкѣ. Другой министръ совѣтуетъ удалиться всѣмъ мышамъ въ пустыню, и кошки тогда будутъ уничтожены людьми, какъ бесполезныя животныя. Совѣтъ этотъ также не былъ принятъ, потому что въ пустынѣ у мышей нашлось бы много другихъ враговъ. Третій министръ совѣтуетъ наносить вредъ людямъ, по мѣрѣ увеличенія кошекъ, и когда хозяева начнутъ уменьшать число кошекъ, то и мыши должны меньше портить платья и мебель, чтобы домохозяева пришли къ мысли о бесполезности кошекъ и уничтожили ихъ. Этотъ совѣтъ былъ принятъ. (Книга *Калила и Димна* въ пер. гг. Агтаи и Рябинина, 277—288).

Въ сборникѣ индійскихъ сказокъ Аваданахъ находится нѣсколько разсказовъ на тему враждебнаго отношенія кошки къ мышѣ. Въ одной сказкѣ кошка чихаетъ, и мышь изъ своего угла желаетъ ей добраго здоровья. Кошка говоритъ при этомъ, что для здоровья ей полезно съѣсть мышь. Въ другой сказкѣ мышь чихаетъ, и кошка желаетъ ей тысячу лѣтъ жизни; мышената, проникнутыя этой любезностью кошки, хотять прійти къ ней; но старая мышь удерживаетъ ихъ отъ легкомысленной довѣрчивости. Есть еще сказка о томъ, что мыши, увидѣвъ на головѣ кошки вѣнокъ изъ розъ, который надѣтъ былъ кѣмъ-то ради шутки, усматриваютъ въ кошкѣ благочестіе и подходятъ къ ней. Кошка пожираетъ ихъ (*Liebrecht, Zur Volkskunde*, 121)*. Въ *Калилѣ* и *Димнѣ* на-

*) Разсказъ о мышахъ, обманутыхъ притворнымъ благочестіемъ kota (*vidāla*), находится уже въ Магабаратѣ (*Udyogaraḡvaṇ*). Котъ, чтобы возбудить къ себѣ довѣріе животныя, совершаетъ подвиги аскетизма на берегу Ганги. Мыши, терпяція отъ другихъ животныя, избираютъ благочестиваго kota своимъ покровителемъ. Онъ соглашается и, ссылаясь на свою старость и слабость, тре-

ходится такая же басня о благочестивой кошкѣ и довѣрчивомъ зайцѣ.

Этотъ мотивъ разработанъ въ баснѣ Эзопа: «Хорекъ и мыши». Одинъ сапожникъ держалъ у себя бѣлаго хорька, ежедневно съѣдаваго по одной изъ водившихся въ домѣ мышей. Однажды онъ упалъ въ бадью, гдѣ у сапожника былъ растворъ, которымъ онъ чернилъ свои кожи. Съ трудомъ онъ вылезъ оттуда, совсѣмъ черный. Мыши подумали, что съ перемѣной цвѣта шерсти измѣнился къ лучшему нравъ хорька, и вышли изъ норъ. Хорекъ согналъ ихъ въ гучу и многихъ задавилъ и поѣлъ (*Эзопъ*, въ переводѣ Алексѣева, 95). У Федра въ баснѣ о хорькѣ и мышахъ (*Lib. IV, fab. 1*) хорекъ вкатался въ муку, чтобы обмануть мышей. Сходные мотивы—осель въ львиной шкурѣ, волкъ въ овечьей и пр., отмѣчены у *Бенфея*, въ предисловіи къ *Панчатантрѣ* (*I, 225*).

Эта басня проникла въ разныя западно-европейскія сочиненія, даже въ такія, гдѣ ее трудно было ожидать, напр., въ польскую книжку о постѣ 1718 г. Здѣсь находится маленькій рассказъ: «*Kot uszerpnionu*»; мыши, замѣтивъ, что котъ почернѣлъ, думали, что природа его измѣнилась; но старая мышь разубѣдила ихъ (*Wisła 1890, 39*).

Въ одной греческой сказкѣ, записанной въ 1884 г., кошка постарѣла и посѣдѣла, но не измѣнила нрава. Поѣвши въ погребѣ яицъ, она стала отдыхать, закрывъ глаза. Мышь подумала, что кошка издохла, и позвала другихъ мышей. Кошка отозвалась, что она еще не умерла, но умираетъ, и просила мышей отнести ее въ кухню (*chambre du four*), гдѣ она благословитъ ихъ. Мыши исполняютъ ея просьбу. Тогда кошка громко замыкала и стала истреблять мышей. Одинъ

буетъ, чтобъ онъ провожали его по очереди къ рѣкѣ для купанья. Мыши такъ и дѣлаютъ, но съ тѣхъ поръ, какъ котъ сталъ ихъ покровителемъ, онъ замѣтно жирѣетъ съ каждымъ днемъ, а число мышей уменьшается. Мыши призадумались и одна изъ нихъ сказала: я пойду вмѣстѣ съ котомъ къ рѣкѣ, а вы незамѣтно слѣдуйте зади. Дѣйствительно мышь, подавая такой совѣтъ, исчезла. Тогда другая мышь высказала свое убѣжденіе, что котъ—притворный аскетъ, такъ какъ еслибъ онъ питался кореньями и плодами, въ его испражненіи не было бы мышиныхъ волосъ. Убѣдившись въ лживости кота, мыши убѣгаютъ отъ него. (Этотъ эпизодъ *Магабараты* помѣщенъ въ *Anthologia Sanscritica*, изд. Лассеномъ) *Примѣч. В. Миллера.*

мышенокъ ушелъ, другой просить пощады, за что предлагаетъ нарисовать портретъ, но не имѣеть успѣха (*Carnoy et Nicolaidés, Trad. de l'Asie Mineure, 182*). Извѣстна греческая пѣсня о кошкѣ и мыши такого же содержанія, какъ и сказка (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 215*).

Мотивъ: коты давать мышей, и мышиный царь вынужденъ дать имъ тотъ или другой чудесный предметъ, — принадлежить къ числу довольно распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ. Въ одной малорусской сказкѣ царская дочь похищаетъ у своего мужа «божью трость», махнувъ которой можно было получить что угодно. Убогому человѣку, потерявшему трость, помочь котъ: онъ сталъ душить мышей, добрался до ихъ царя и заставилъ его разыскать трость. На свистъ царя съжалась масса мышей, прогрызли стѣны во дворцѣ и пробрались въ комнату царской дочери, которая прятала во рту волшебную палочку. Мышь это замѣтила. Когда царская дочь заснула, мышь пощекотала въ ея носу своимъ хвостикомъ; царская дочь чихнула и выронила палочку, которая быстро была унесена мышью (*Манжура, 56*). Въ греческой сказкѣ съ о. Лесбоса о бронзовомъ кольцѣ, столь же чудесномъ, какъ малорусская палочка и волшебная палочка во многихъ сказкахъ другихъ народовъ (подобраны у *Gosquin'a* во 2 т. № 75), также большую роль играютъ мыши. Кошки душатъ мышей, царица мышей собираетъ совѣтъ, который посылаетъ депутацию къ капитану корабля съ просьбой забрать на корабль кошекъ. Капитанъ требуетъ, чтобы мыши достали чудесное бронзовое кольцо, похищенное волшебникомъ евреемъ. Царица снова собираетъ на совѣщаніе мышей, причемъ три мыши, пришедшія изъ самой дальней страны, одна слѣпая, другая хромоногая и третья съ надрѣзаннымъ ухомъ, говорятъ, что еврей бережетъ кольцо днемъ въ карманѣ, а ночью, когда спитъ, во рту. Мышиный парламентъ отправляетъ этихъ калѣкъ за кольцомъ, и онѣ его достаютъ такимъ же путемъ, какъ и въ малорусской сказкѣ, т. е. пощекотавъ въ носу у спящаго еврея-волшебника (*Carnoy et Nicolaidés, 70—74*).

Въ древней повѣствовательной литературѣ находятся указанія, что соколъ пожираетъ мышей, напр. въ Калилѣ и Димнѣ (пер. *Аттаи и Рябинина, 95—96*), въ басняхъ Эзопа (*Fa-*

bellae Aesopicae, изд. 1727, л. 3, 79). Къ этому разряду басенъ относится небольшая малорусская сказка «Двѣ мыши»; здѣсь отмѣчены два сильныхъ врага мышей—котъ и ястребъ. «Каза-а полюва̀ мышъ хатній: «Отъ я, сестричко, страхъ якъ боюся того, що у вечери вгори крыльцями трипа».—Е, сестричко, то ничего, каже хатня, а онъ страшно того, шо пидъ столомъ сидить та ше и дрема». (*Мажура*, Сказки, 8). Съ этимъ можно сравнить басню: «Пѣтухъ, котъ и мышенокъ».

Тема о враждебномъ отношеніи кошки къ мышкѣ широко разработана въ весьма популярной игрѣ дѣтей и взрослыхъ въ кошку и мышку. Въ Харьковской губерніи становятся въ кругъ и берутся за руки. Мальчикъ или юноша старается проникнуть въ кругъ, чтобы схватить «мышку», которую изображаетъ другой мальчикъ или дѣвушка; но участвующіе въ игрѣ не пропускаютъ «кота»; если онъ силою прорветъ кругъ, его наказываютъ ударами, причемъ онъ крикомъ подражаетъ коту. (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт. 53—54). Тожественная игра издавна существуетъ въ Галиціи, съ небольшою припѣвкой, въ которой дается совѣтъ мышкѣ бѣжать въ поле (*Лозинскій*, въ «Зорѣ Галицкой» 1860, 510), въ Киевской губерніи, также съ припѣвкой: «до норы, мышка, до норы, до золотой коморы; якъ добра мышка—то утиче; ледачій китъ не дожене» (*Мозыніска*, въ *Zbiór wiadom.* V, 84). Французскія игры въ кошку и мышку совершенно тождественны съ русскими играми этого рода (*Rolland*, *Faune popul.*, IV, 122—123). Сербская игра въ «слепог миша» (*Мимичевич*, *Живот срба селяка*, III, 33) соответствуетъ русскимъ жмуркамъ.

Въ современной индійской лубочной литературѣ распространена лубочная картинка на тему: «мыши kota судять». Сидитъ котъ рыжій съ черными пятнами и чернымъ хвостомъ; по обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши; одна спереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ kota за серебряный ремень, привязанный къ серебряному ошейнику; у задней въ лапахъ копые. На спинѣ у kota сидятъ маленькія мыши и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки (или знамени). Въ верхней части картинки на престолѣ (въ видѣ табурета) сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на

заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящей мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ (*Ровинскій*, Рус. нар. карт., IV, 258).

Весьма популярной въ старину въ разныхъ странахъ, преимущественно въ Россіи, была сказка на тему: «мыши kota хоронятъ». Въ Россіи лубочныя картинки о похоронахъ kota въ прошломъ столѣтіи получили значеніе политической сатиры и вызвали вмѣшательство цензуры. Картинка построена на сказкѣ, по всей вѣроятности, заимствованной съ запада и затѣмъ обработанной въ чисто великорусскомъ раскольническомъ духѣ. Макаровъ въ 1821 г. указалъ, что въ чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 г., въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: „приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи kota мышами“. На этомъ основаніи Макаровъ предполагалъ, что первообразомъ русской лубочной картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва лютеранами, а потомъ чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ (*Ровинскій*, IV, 257). Г. Ровинскій полагаетъ, что русская лубочная картинка „мыши kota погребаютъ“—чисто русское произведеніе, ниоткуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ Нюрнбергскими похоронами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими засадными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта; это—вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буфа. Г. Ровинскій представилъ неопровержимыя доказательства, что русская лубочная картинка „мыши kota хоронятъ“ составлена въ началѣ прошлаго столѣтія раскольниками, съ цѣлью осмѣять всю преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, его личность и даже обрядную обстановку его погребенія въ 1725 г. (Ib. IV, 259—269). Текстъ сказки „мыши kota хоронятъ“ помѣщался подъ лубочными картинками, какъ объясненіе ихъ. Многія великорусскія поговорки о котѣ (*Даль*, Послов., 1078) заимствованы изъ лубочной сказки о похоронахъ kota.

При изученіи сказаній о мышахъ нельзя не остановиться на знаменитой „Батрахоміомахіи“, или „Войнѣ мышей съ

лягушками“. Одно преданіе приписывало эту поэму-пародію Гомеру, другое, гораздо болѣе вѣроятное,—Пигру (V в. до Р. Хр.). Батрахомиомахія—пародія на Илиаду. „Все торжественно въ этой забавной пародіи, и героически звучація имена бойцовъ, и родословная главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и высокопарныя ихъ рѣчи, и величавое вмѣшательство олимпійскихъ боговъ; ничтоженъ только сюжетъ, облеченный въ эти торжественныя формы, и производящій въ соединеніи съ ними въ высшей степени комическое впечатлѣніе“ (*Коршъ*, Всеобщ. ист. литер., II, 894). Поэма начинается обычнымъ торжественнымъ воззваніемъ къ музамъ. Мышь, Похитительница Обѣдковъ, только что спасаемая отъ зубовъ лисицы или кошки, хочетъ напиться изъ болота, потому что бѣжала быстро и долго. Царица лягушекъ Пышка вступаетъ съ нею въ разговоръ, приглашаетъ ее къ себѣ во дворецъ и беретъ перевести ее туда на собственной спинѣ. Новизна такого путешествія сначала восхищаетъ мышъ, но радость ея непродолжительна: подъ водою является змѣя; испуганная Пышка погружается на дно, и мышъ тонетъ, призывая на Пышку мечь боговъ. Случившаяся на берегу мышъ спѣшитъ возвѣстить мышиному роду печальный конецъ Похитительницы Обѣдковъ. Созывается мышиная сходка, на которой, по предложенію Хлѣбнаго Грызуна, отца погибшей, рѣшено начать войну противъ лягушекъ. Всѣ вооружаются, и вѣстнику поручено объявить объ этомъ врагу. Но Пышка считаетъ себя неповинной въ смерти Похитительницы Обѣдковъ. Лягушки готовятся къ сильному отпору. Между тѣмъ на Олимпѣ боги встревожены замѣченнымъ ими волненіемъ на землѣ; но Паллада Аѣина совѣтуетъ имъ не вмѣшиваться въ войну, и всѣ боги остаются лишь ея зрителями. Возникаетъ ожесточенная война мышей съ лягушками. Побѣда не разъ склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ одолеваятъ мыши, и Всеѣдъ хочетъ истребить весь лягушечій родъ. Тогда Зевсъ теряетъ терпѣніе и посылаетъ Арей остановить свирѣпаго Всеѣда; но Арей отступаетъ передъ такимъ труднымъ дѣломъ. Зевсъ беретъ тогда перуны; но и перуны оказываются безсильными противъ разъяреннаго мышинаго рода. Ощувивъ минутный испугъ, побѣдители быстро оправляются

и возобновляютъ свои подвиги. Зевсъ высылаетъ противъ нихъ другую рать—бойцовъ, надѣленныхъ отъ природы наступательнымъ и оборонительнымъ орудіемъ, именно, морскихъ раковъ. Они мгновенно измѣняютъ исходъ боя. Мыши обращаются въ бѣгство, и война кончается съ закатомъ солнца (*Коринъ*, ib. 895; *De-Gubernat.*, 395).

Батрахомиомахія построена на странствующемъ литературномъ мотивѣ о спорѣ и затѣмъ войнѣ мышей, причемъ противниками ихъ являются кошки, воробьи и другія животныя. Въ Батрахомиомахіи этотъ странствующій литературный мотивъ потерпѣлъ передѣлку. Всѣ подробности о богахъ можно считать вставкой или подкраской со стороны Пигра или другаго древняго писателя, обработавшаго народную сказку въ забавную пародію героическихъ эпопей.

Гораздо ближе къ народу по простотѣ сюжета и изложенія стоитъ басня Эзопа о войнѣ мышей съ хорьками. Въ былое время хорьки вели войну съ мышами и всегда разбивали ихъ на-голову. „Не мудрено, что насъ побѣждаютъ хорьки“, сказали мыши: „у насъ нѣтъ ни главнокомандующаго, ни офицеровъ“. Онѣ созвали военный совѣтъ и избрали изъ своей среды болѣе крупныхъ мышей вождями и начальниками. Мышиное начальство надѣло полное вооруженіе, построило рать въ боевой порядокъ, и мыши съ музыкой вступили въ бой съ хорьками; но хорьки и на этотъ разъ ихъ разбили и обратили въ бѣгство. Безоружные бѣглецы мигомъ юркнули въ щели; ихъ одѣтые въ доспѣхи вожди и старшіе и младшіе офицеры не могли пролѣзть въ дыры, и всѣ достались хорькамъ на обѣдъ (*Эзопъ*, въ пер. Алексѣева, 64).

У Федра находимъ почти тождественную басню о войнѣ мышей съ хорьками, причемъ и въ этой баснѣ обнаруживается попытка пародировать гомеровскихъ героевъ. Бѣдные мышиные вожди столпились у темныхъ норъ, и жестокій побѣдитель „avidis dentibus caracis alvi mersit tartareo specu“, т. е. „принесъ въ жертву кровожаднымъ зубамъ и низвергъ въ адскую пропасть ненасытнаго чрева“. Весьма любопытно начало этой басни у Федра:

Cum victi mures mustelarum exercitu,
Historia quorum in tabernis pingitur,

Fugerent... *) (*Phaedri Fabularum* lib. IV, f. V; изд. 1814 г.).

Вторая строка этого стиха показываетъ, что у римлянъ въ I вѣкѣ до Р. Хр. уже были въ ходу лубочныя картинки о войнѣ мышей съ хорьками. Онѣ продавались на рынкахъ, въ мелочныхъ лавкахъ.

Сказки и картинки на тему о войнѣ мышей встрѣчались у разныхъ народовъ въ древности и до сихъ поръ циркулируютъ въ разныхъ странахъ среди простонародія. На первое мѣсто по древности, рядомъ съ греческими сказками, а можетъ быть и раньше басенъ Эзопа и Батрахомиомахии, пужно поставить египетскіе рисунки на тему о войнѣ мышей съ кошками. Существованіе такихъ рисунковъ указываетъ уже на существованіе въ древнемъ Египтѣ сказокъ о мышиной войнѣ. Въ каирскомъ музеѣ находится рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками. Въ лондонскомъ музеѣ находится другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, а кошки подносятъ ей разные дары (*Ровинскій*, Русск. нар. нар. IV, 258).

Въ лубочныхъ картинахъ, старинныхъ французскихъ и нынѣшнихъ индѣйскихъ, воспроизводится эпизоды изъ сказки о битвѣ мышей съ кошками. Въ парижской библіотекѣ есть народная картинка: война мышей съ кошачи, помѣченная 1610 г., съ надписью „La grande et merveilleuse bataille d'entre les chats et les rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits“; внизу картины стихи въ четыре столбца (*Ровинскій*, ib. 258).

Сказки о войнѣ мышей съ кошками встрѣчаются во Франціи и въ настоящее время. Такъ, въ 1889 г. издана слѣдующая бретонская сказка: въ селѣ Капѣ сгорѣла мельница, и никто не зналъ причины пожара. Пастухъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ сошлись войска мышей и кошекъ. Мыши были очень худы, и кошачій полководецъ спросилъ ихъ, почему онѣ такъ худы. Оказалось, что мельница давно уже не работаетъ. Предполагая, что съ уничтоженіемъ старой мельницы

*) Т. е.: когда побѣжденныя войскомъ хорьковъ мыши, исторія которыхъ рисуется въ тавернахъ, бѣжали...

на ея мѣстѣ будетъ построена новая, къ пользѣ мышей и кошекъ, враждующія арміи заключили перемиріе и соединенными усиліями сожгли мельницу, именно, взявъ камушки въ лапки, онѣ высѣкали искры (*Le Carquet*, въ *Revue des trad. popul.* 1889, 338).

Литературный мотивъ о спорѣ мышей встрѣчается и въ русскихъ сказкахъ. Здѣсь онѣ спорятъ съ воробьями. Въ бѣлорусской сказкѣ: «Занявся сабѣ мышъ зъ веробьемъ лядо копавичицъ. И нанялианы (они) три пары быковъ лядо тое арацъ и жито сѣяцъ. Ну, узали, лядо узорали, жито посѣяли къ налѣтцю. Жито тое на лѣто якъ ударило—три зарны! Яны два зарны подзялили, а третьяго ніякъ не подзѣлюць: веробей говора на мышъ: ты дзяли напоць! А мышъ говора: ты дзяли напоць!—ба, дружка дружкѣ не вѣря. Веробей возмя зарно—поляциць у гору, а мышъ возмя зарно—полѣзя у нору. Кинули тогда жеребя, кому дзялиць третьее зерна. Жеребя попало—мышы дзялиць. Цяперъ мышъ узала третьее зерна да и перавусила, да не на двѣ часточки, да на три! Зновъ издѣляли мижъ собой спорку за третьяю часточку зерна. Споровали, споровали и сучинили мижъ собой драчу. Дрались, дрались—никто никого не подолѣя. «Ну, говора мышъ на веробья, вызывай ты свою усю помочъ, и я свою бяру, и будземъ воеваць; хто кого перабѣе, такого и третьяя часточка зерна. Ну, якъ тѣй веробей возляцѣвъ да засвиставъ, дакъ уся къ яму лятучая пцица зляцѣлася. А мышъ якъ запицѣла, дакъ уся чисто звѣрина къ ёй собралася: и вовки, и львы, и псы, и усякая гадзина, што только на зямлѣ повзая. Спрашуюць у ихъ: «Объ чимъ требуеце скоро, што вельзя было при сабѣ ничого узяць!»—Вотъ, кажуць яны: перша мы не подзялили третьяго зерна, адыли не подзялили третьяю часточку зерна: дыкъ треба битву здѣлаць: хто кого стобѣе, тому третьяя часточка зерна попадзе. Ну, и давай дратца». (*Романовъ*, Бѣлорус. сборн., III, 172—173).

Тождественная малорусская сказка: «Колысь-то зъ перваго вику мыша та горобецъ та засіяли просо». Затѣмъ слѣдуетъ какъ они поссорились при дѣлежѣ проса, стали биться, а вмѣстѣ съ ними всѣ звѣри и птицы, первыс за мышъ, а вторыя за воробья (*Кулмшъ*, Зап. о южн. Русн, II, 31—32).

Въ одной монгольской сказкѣ мышь спорить съ верблюдомъ. Монголы соединяють года въ циклы по 12; каждый годъ носить названіе звѣря. Первый годъ носить названіе мышинаго. По сказанію Аларскихъ Бурятъ ему слѣдовало быть верблюжьимъ; но «верблюдъ, считая себя великимъ, лишился года». По преданію, верблюдъ и мышь спорили, кому первымъ годомъ владѣть. Рѣшили: тому, кто первый увидитъ лучъ солнца. Верблюдъ легъ головой на востокъ; мышь сѣла ему на кочку и смотритъ на западъ. Еще солнце не показалось изъ-за горизонта; верблюдъ еще не видитъ его, а мышь уже увидѣла свѣтъ на западныхъ горахъ. Ей и достался первый годъ.—Другой вариантъ этого сказанія добавляетъ, что мышь, увидѣвъ свѣтъ, закричала. Верблюдъ спросилъ ее, какъ она могла увидѣть первую, и когда мышь объяснила свою хитрость, то верблюдъ осердился и кинулся на нее. Мышь зарылась въ золу отъ страха. И теперь верблюдъ разрываетъ часто огнище и золу въ надеждѣ найти мышь. Монголы говорятъ: „изъ двѣнадцати лѣтъ главная и первая бѣлоротая мышь“ (*Потанинъ*, Оч. сѣв. зап. Монг. IV, 143—144).

Происхожденіе сказокъ о войнѣ мышей съ кошками можно было бы приурочить къ Египту, если бы мнѣніе Гена, что дикая кошка приручена была впервые египтянами (*Генъ*, Культ. раст. и жив. 274), можно признать безспорнымъ. Есть указанія, что домашняя кошка была и у другихъ древнѣйшихъ народовъ. Въ журналѣ «*Science pour tous*» недавно было сообщено, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи наукъ профессоръ археологіи Сальо представилъ снимки съ разныхъ древнихъ памятниковъ въ подтвержденіе вѣрности своихъ изслѣдованій относительно прирученія кошекъ въ древніе вѣка и преимущественно снимки съ рисунковъ этрусскихъ могилъ, на которыхъ кошки изображены внутри человѣческихъ жилищъ. На одномъ изъ такихъ рисунковъ этрусскаго происхожденія изображенъ котенокъ, играющій, во время пира, съ домашними птицами, подъ ложами гостей. Профессоръ Сальо много разъ встрѣчалъ фигуры кошекъ на древнегреческихъ вазахъ шестого или пятого вѣка до Р. Х. На двухъ амфорахъ, хранящихся въ британскомъ музеѣ, представлены кошки, спящія въ помещеніи музыкальной школы.

На разрисованномъ фигурами людей очень древнемъ кругломъ сосудѣ, доставленномъ съ мѣста раскопокъ въ берлинскій музей, изображены женщины и кошки, гоняющіяся за крысами. На одномъ изъ памятниковъ позднѣйшихъ временъ (барельефъ капитолийскаго музея въ Римѣ) представлена дрсированная кошка, танцующая подъ звуки лиры. На снимкахъ со всѣхъ этихъ рисунковъ, воспроизведенныхъ съ безукоризненною точностью, фигуры кошекъ ничѣмъ не разнятся отъ вѣшняго вида нынѣшнихъ кошекъ, изъ чего, по мнѣнію Сальо, остается заключить, что кошка принадлежала къ домашнимъ въ человѣческомъ быту животнымъ съ незапамятныхъ временъ. Относительно же ея распространенія сказки говорятъ только о продажѣ кошекъ въ стравахъ, гдѣ ихъ не знали и потому населеніе страдало отъ мышей. Такова нѣм. сказка у Гримма (№ 70), шведская у Асбьерсена (№ 59), сербская у Вука Караджича (№ 7) и др. См. также примѣч. Р. Кёлера къ „Сицилійскимъ сказкамъ“ Лауры Гонценбахъ (II. 251).

Къ сказкамъ о войнѣ мышей съ лягушками, воробьями и пр. подходятъ многочисленныя сказки о потерѣ мышью хвоста, о распоротомъ животѣ мыши, причемъ мышь обращается съ просьбой о помощи къ разнымъ животнымъ. Въ нѣмецкой и швейцарской сказкахъ у мыши лопнула кожа на животѣ отъ смѣха, когда она увидала, что кошка упала въ воду. Во французской и англійской сказкахъ крыса отрываетъ часть своего хвоста. Дальнѣйшій ходъ сказокъ: мышь проситъ башмачника пришить хвостъ; башмачникъ не имѣетъ щетины; мышь проситъ свинью удѣлать немного щетины; свинья требуетъ за то отрубей; мельникъ, къ которому обратилась мышь, требуетъ кошку, кошка—молока для котятъ; корова требуетъ травы и т. д. Во многихъ сказкахъ этого рода вмѣсто мыши является пѣтушокъ. Сходныя или тождественныя сказки записаны въ Лотарингіи, на о. Корсикѣ, въ Чехіи, Норвегіи, Швеціи, Англии, Испаніи на Кавказѣ (у Осетинъ) и въ Индіи (*Cosquin, Contes popul. de Lorraine, 282—284*). Къ многочисленнымъ параллелямъ, подобраннымъ Коскеномъ, добавлю бѣлорусскую сказку въ сборникѣ *Романова* (стр. 14), двѣ малорусскія въ сборникѣ *Манжуры* (5—6), 2 польскія въ сборникѣ *Хелховскаго*, № 20, и въ журналѣ *Wista*

1890. Къ этому же разряду сказокъ примыкають многія другія типа французской сказки Poutin et Poutot (у *Cosquin'a*, II, 36—40).

Ставлю въ видѣ вопроса: не стоитъ ли въ связи съ сказками этого разряда встрѣчающаяся у разныхъ народовъ поговорка: мокрый, какъ мышь. Поговорка эта повсемѣстно распространена въ Россіи. Въ моравской пѣснѣ:

Stoji pod okny, je us'ecek mok- (Стоитъ подѣ окнами, мо-
ry jako mys': рый весь, какъ мышь:

Pust' mѣ, dѣvec'ko, do svej svѣt- —Пусти меня, дѣвушка, въ
nic'ku, esli smis'... свою свѣтлицу, если мо-
жешь).

Въ чешской пѣснѣ то же:

Stojim pod okny ceľy romokly (Стою подѣ окнами, весь про-
jako mys'. мокнувшій, какъ мышь.

Panenko zlata otevr' mi vrata Дѣвушка золотая, отвори
jestli smis' (*Wisła* 1890, 481). мнѣ дверь, если смѣешь).

Во Франціи (*Haute—Loire Pommier*) существуетъ поговорка: „être baigné comme un rat“ (*Rolland, Faune' populaire, I, 22*). Бытовое толкованіе (*Rolland'a, Faune popul. I, 22.*), что шерсть крысы, попавшей въ воду, сильно напитывается водой, представляется мнѣ недостаточнымъ для объясненія столь широко распространенной поговорки.

Во многихъ сказкахъ мыши, не вступая въ битву съ другими животными, принимаютъ участіе въ сраженіяхъ людей и отстаиваютъ интересы слабѣйшей стороны. Эти сказки тѣмъ болѣе интересны, что вошли въ религіозно-миѣстическія преданія древнихъ народовъ и отразились въ русской былевой повѣсти. Географическое распространеніе ихъ весьма широко: Египетъ, Малая Азія, Китай, Монголія, Россія. Древность ихъ спускается въ глубь многихъ вѣковъ до Р. Хр. и входитъ въ эпоху каннибализма грековъ. Происхожденіе ихъ представляется загадочнымъ.

У Геродота находится слѣдующій замѣчательный въ историко-литературномъ отношеніи рассказъ: Послѣ Анисиса въ Египтѣ царствовалъ жрецъ Гефеста по имени Сеосось. Онъ презиралъ военное сословіе египтянъ, какъ будто нисколько не нуждался въ немъ: всячески оскорблялъ достоинство воиновъ и лишилъ ихъ участковъ земли, тогда какъ при преж-

нихъ царяхъ каждый изъ нихъ получилъ въ даръ по 12 лучшихъ полевыхъ участковъ. Послѣ этого на Египетъ напалъ съ большимъ войскомъ Санахарибъ, царь арабовъ и ассириянъ; но египетскіе воины не желали помогать царю. Въ затруднительномъ положеніи жрецъ вошелъ въ храмъ и передъ статуей жаловался на угрожающую бѣду. Царь еще плакалъ, когда на него низошелъ сонъ, и во снѣ ему показалось, что явилось божество и ободряло его тѣмъ, что съ нимъ не случится никакой бѣды, если онъ выступитъ противъ арабскаго войска, что въ этомъ случаѣ само божество пошлетъ ему помощниковъ. Полагаясь на сновидѣніе, царь взялъ съ собою египтянъ и расположился съ войскомъ въ Пелусіи, тамъ, гдѣ лежитъ входъ въ Египетъ. Изъ воиновъ не пошелъ за нимъ никто; при немъ находились мелочные купцы, ремесленники и базарные торговцы. На вступившихъ сюда непріятелей напали ночью полевые мыши и погрызли имъ колчаны, луки, рукоятки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день, они безоружные обращены были въ бѣгство и пали въ большомъ числѣ. Въ настоящее время въ храмѣ Гестыа стоитъ каменная статуя этого царя съ мышью на рукѣ и съ слѣдующею надписью: „глядя на меня, учись благочестію“ (*Геродотъ*, II § 141).

Въ этомъ сказаніи выдѣляются двѣ части: бытовая фактическая— о статуѣ царя (бога) Сеоса съ мышью на рукѣ, что, по всей вѣроятности, Геродотъ видѣлъ своими глазами, и связанное съ этой статуей литературное сказаніе о помощи, оказанной царю Сеосу мышами. Помѣщеніе мыши на рукѣ Сеоса могло обуславливаться совсѣмъ другими соображеніями, вѣроятно, зооморфическимъ представленіемъ души въ видѣ мыши, а можетъ быть мистическимъ образомъ ночи въ видѣ мыши, во всякомъ случаѣ болѣе цѣнными мотивами, чѣмъ сказочный мотивъ о мышахъ, переданный Геродотомъ. Можно думать, что уже въ V в. до Р. Хр. это былъ странствующій литературный мотивъ. Въ пользу такого предположенія говорить существованіе этого мотива въ малоазіатскомъ культѣ Аполлона Смиштейскаго, въ древнихъ китайскихъ лѣтописяхъ, въ русскихъ былинахъ и монгольскихъ сказкахъ.

Страбонъ, говоря о культѣ Аполлона Смиштейскаго, приводитъ слѣдующую сказку: Тевкры, вышедшіе изъ Крита,

получили отъ оракула повелѣніе тамъ остановиться на жительство, гдѣ нападуть на нихъ сыны земли, т. е. мыши. Это случилось въ окрестностяхъ Гамаксита: огромное количество мышей выползло тамъ ночью и перегрызло всю кожу на оружїи и сосудахъ. Тамъ-то Тевкры и остановились (*Страбонъ*, въ пер. Мищенка, XII, 1, 48). Значеніе сказки о мышахъ у Страбона затемнено. Вѣроятно, повѣствовалось о нападенїи мышей на какихъ-либо враговъ Тевкоровъ, и въ такомъ случаѣ порча оружїя имѣеть свое *raison d'être*.

Древняя малоазіатская сказка о мышахъ Аполлона Сминтейскаго стоитъ какъ-бы на переходномъ пути въ географическомъ отношенїи отъ Египта къ восточной Азіи.

Весьма сходное сказаніе о помощи мышей находится въ китайскихъ лѣтописяхъ. Большое турецкое войско напало на Хотанъ. Царь хотанскій не имѣлъ достаточно войска, чтобы отбиться отъ враговъ. Онъ принесъ жертву мышамъ пустыни и умолялъ ихъ о помощи. Ночью онъ увидѣлъ во снѣ большую мышъ, которая сказала: „Ты получишь отъ насъ помощь; вступи завтра въ битву съ врагомъ, и ты побѣдишь“. Утромъ царь атаковалъ турокъ, у которыхъ все вооруженїе, луки, одежда и пр. оказались источенными мышами. Турки были разбиты, и большая ихъ часть попала въ плѣнъ. Царь Хотана изъ благодарности построилъ храмъ и принесъ жертвы (*Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, 13). Совпаденїе между египетскимъ и китайскимъ разказами о помощи мышей такъ велико, что заимствованїе представляется возможнымъ; но исполнѣ загадочно, когда оно произошло и въ какую сторону шло сказанїе, съ востока на западъ или обратно.

Сказанїе о помощи мышей проникло въ древнюю русскую словесность, причемъ произошло осложненїе мотива въ слѣдствїе замѣны мыши близкимъ къ нему животнымъ горностаемъ, съ прибавленїемъ къ нему волка. Разумѣемъ оборотничества былинныхъ богатырей: Вольги, Никиты Романовича и др. Такъ, въ былинѣ о Вольгѣ говорится:

Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
 Малымъ горностаюшкомъ,
 Зашель въ горницу во ружейную,
 И повернется онъ добрымъ молодцемъ:

И тугіе луки переломалъ,
 И шелковыя тетивочки перервалъ,
 И каленныя стрѣлы всѣ повыломалъ,
 И у ружей замочки повывертѣлъ,
 Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
 Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ,
 Поскочилъ онъ въ конюшенъ дворъ,
 Добрыхъ коней перебралъ,
 А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ (*Рыбник.*, I, 6).

Онъ (Волхъ) обернулся горностаемъ,
 Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
 По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
 У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
 У каленныхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ.

Далѣе Волхъ обращается въ сокола, летитъ къ своей дружинѣ, будитъ ее отъ сна и ведетъ на Индѣйское царство, гдѣ ранѣе испортилъ все оружіе. Чтобы пройти стѣну, Волхъ и дружина его обращаются въ муравьевъ. Когда они прошли стѣну бѣлокаменную, снова стали молодцамъ. Они всѣхъ перебили, кромѣ царицы, на которой потомъ женился Волхъ, и молодыхъ дѣвицъ, на которыхъ женились его дружинники. (*Рыбн.* I, 15, 17).

Въ былинѣ о князѣ Скопинѣ Никита Романовичъ обращается въ горностая, потомъ въ сѣраго волка, и портитъ оружіе и коней (ib. 409). Горностай здѣсь служить замѣной мыши, что произошло, вѣроятно, изъ украшающаго стиля былинъ, равно какъ и другое, встрѣчающееся въ былинахъ названіе богатырей—соболь. Если въ однѣхъ былинахъ богатырь скачетъ „по крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ“ (*Рыбник.* I, 434), то по другимъ онъ бѣжитъ черезъ темные лѣса соболемъ, напр., царь Абрамей въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ. Въ бѣлорусской заживной величальной пѣснѣ также фигурируетъ соболь. Въ малорусскихъ пѣсняхъ соболь и куница символизируютъ жениха и невѣсту; отсюда эпитетъ козака: „не выйду, козаче, не выйду, собою!“ (*Потебня*, Колядки, 343, 616). Если въ старину, называя богатыря въ похвалу горностаемъ, понимали дѣйствительно подъ этимъ словомъ *Mustela*

eghinea, то впоследствии, когда горностаевъ не было, подъ этимъ словомъ могли подразумѣвать совсѣмъ другое животное, даже птицу. Въ малорусской свадебной пѣснѣ: „летивъ горностай по надъ ставъ, попускавъ пирьячко на весь ставъ“. (ib. 294). Горностай очень близко по значенію къ мышѣ стоитъ къ малорусской пѣснѣ: „Вода сосну пидмывае; горносталъ коринь пидъдае; зверху сосна усыхае“. (ib. 218).

Преданіе о военной помощи мышей до сихъ поръ живетъ въ народныхъ сказкахъ. Такъ, въ одной монгольской сказкѣ богатырь Тунгъ-Караты ханъ догоняетъ своего врага Джюсунъхана и готовится вступить съ нимъ въ битву. Замѣтивъ, что у Джюсунъ-хана много войска, Тунгъ-Караты ханъ предлагаетъ Джюсунъ хану отложить битву на другой день, на что послѣдній согласился. Ночью Тунгъ-Караты ханъ обратился въ крысу (кусю), проникъ въ станъ Джюсунъ-хана и перегрызъ оружіе и доспѣхи его войска, луки, стрѣлы, сайдаки. Утромъ Джюсунъ ханъ не находитъ возможнымъ сражаться. Враги распускаютъ свои войска, по взаимному согласенію, и, по предложенію Тунгъ-Караты хана, вступаютъ въ поединокъ, который длится нѣсколько дней. Силы ихъ оказались равными. Они помирились и побратались (*Шотанинъ*, IV, 375).

Кромѣ военной помощи, мыши оказываютъ людямъ услуги въ разныхъ другихъ случаяхъ, выручаютъ ихъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, спасаютъ жизнь, или указываютъ средства для излѣченія болѣзней,—словомъ, бываютъ въ «пригодѣ». Въ старинной повѣствовательной литературѣ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ весьма часто встрѣчается мотивъ, что то или другое животное получаетъ пощаду отъ человѣка, чаще всего охотника, и въ знакъ благодарности оказываетъ ему услуги. При этомъ услуги бываютъ различны, смотря по роду и характеру животнаго. Такъ, въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ олень или туръ обѣщаетъ стать въ пригодѣ, прійти на свадьбу (подробности у *Потебни* въ *Колядкахъ*, 318—330). Въ сказкахъ часто орелъ становится въ пригодѣ выносить богатыря изъ подземнаго царства (*Сумцовъ*, *Культ. пережив.* § 166; *Cosquin*, *Contes popul.* I; *Романовъ*, *Вѣлор. Сборн.*, 173). Въ извѣстныхъ случаяхъ въ сказкахъ,

благодарными и полезными являются воронъ, муравьи, змѣя (*Cosquin, Contes popul. I, 48*), обезьяна, пчела, медвѣдь (*Benfey, Pantsch. I § 71*), лягушка (*Минаевъ, Инд. сказки, 10*).

Мышь бываетъ въ „пригодѣ“ въ прямомъ и косвенномъ значеніяхъ. Мышь въ пригодѣ прямого значенія встрѣчается въ русскихъ и инородныхъ сказкахъ; но услуги, оказываемыя мышью человѣку, не во всѣхъ сказкахъ одинаковы. Въ бѣлорусской сказкѣ про „восковую церковь“ убогій и голодный человѣкъ хочетъ убить и сѣсть мышь. „Не ѣшь меня,—говорить ему мышка,—сытъ не будешь, а только душу запоганишь; буду я табѣ у великой пригодѣ“. Убогій человѣкъ отпустилъ ее. Когда царь потребовалъ отъ него вымолотить въ одну ночь весь царскій хлѣбъ, то на выручку явилась мышь (*Романовъ, 331*). Въ другой бѣлорусской сказкѣ мышка говоритъ дѣвушкѣ: „дай мнѣ каши; я табѣ въ худому ѣрему знадоблюся“. Дѣвушка дала. Вскорѣ пришелъ медвѣдь, далъ ей звонокъ и, потушивъ свѣчу, велѣлъ ей звонить и бѣгать, а онъ будетъ ее ловить. Мышка посоветовала дѣвушкѣ спрятаться подъ печь, а сама бѣгала со звономъ, пока медвѣдь усталъ и заснулъ (*ib., 362*). Сходная сказка изъ Полѣсья напечатана у *Кольберта* въ *Zbiór wiadom. XIII, 203*. Въ венгерской сказкѣ о Чало-Пигитѣ мышка, накормленная Чало-Пигитой во время голода, потомъ освобождаетъ своего благодѣтеля изъ тюремнаго мѣшка (*Wislocki, въ Zeitschr. f. d. Philol. 1889, I. 106, 108*). У насъ въ Самарской губ. записана сказка объ Иванѣ Царевичѣ, въ которой мыши (также пчелы и раки) помогаютъ молодцу собрать дѣвицъ, обращенныхъ въ кобылицъ (*Садовниковъ, Сказ. и пред. Самар. кр., 39*). Въ малорусской сказкѣ мышки собираютъ для парубка, макъ, который былъ рассыпанъ змѣемъ (*Kolberg, Zbiór wiadom. XIII, 207*). Этотъ мотивъ повторяется въ Пентамеронѣ Базили (†1637). Аньоло покупаетъ навознаго жука, сверчка и мышь и обращается съ ними хорошо. Царь обѣщаетъ выдать свою дочь, страдающую меланхоліей, замужъ за того, кто заставитъ ее разсмѣяться. Животныя Аньоло танцуютъ, царевна смѣется; но царь не исполняетъ обѣщанія и подвергаетъ Аньоло разнымъ опаснымъ испытаніямъ, изъ которыхъ выручаютъ его благодарныя животныя (*Benfey, Pantsch. I, 215—216*).

Въ монгольскомъ сборникѣ сказокъ Шидди-гурѣ, построенномъ на буддѣйскомъ сборникѣ *Vetâlarancavinçati*, находится сходная съ предыдущей сказка о благодарной мышѣ: Одинъ браминъ купилъ мышъ, обезьяну и медвѣженка въ то время, когда ихъ мучили дѣти. Не имѣя средствъ къ жизни, браминъ рѣшился обворовать царскій дворецъ. Онъ былъ пойманъ и въ деревянномъ ящикѣ брошенъ въ воду; но ящикъ зацѣпился за дерево. Мышь прогрызла въ ящикѣ дырку, обезьяна и медвѣженокъ взломали его больше, и узникъ вышелъ на свѣтъ Божій. Благодарныя животныя приносятъ ему пищу, а обезьяна, кромѣ того, доставляетъ волшебный камень, съ помощью котораго вскорѣ былъ воздвигнутъ дворецъ. Купцы похитили камень, но мышъ, обезьяна и медвѣженокъ разыскали его. При возвращеніи звѣрей обезьяна сидѣла на медвѣдѣ, а мышъ лежала въ его ухѣ. Обезьяна держала во рту драгоценный камень. Когда медвѣдь плылъ черезъ рѣку, обезьяна уронила камень. Мышка обратилась съ просьбой къ водянымъ животнымъ, и лягушка вскорѣ вынесла ей чудесный камень (*Benfey*, I, 210—213). Недавно записана весьма сходная греческая сказка (*Carnoy et Nicolaidès*, Trad. de l'Asie Mineure, 70—74).

Мышь благодарнымъ и полезнымъ животнымъ оказывается въ древнихъ басняхъ, въ Панчатантрѣ и у Эзопа. Въ Панчатантрѣ разсказывается, что слонъ однажды разбилъ глиняный горшокъ, въ которомъ было заключено много мышей. Когда слонъ попалъ въ яму, то мыши такъ разрыли землю, что онъ могъ выйти изъ ямы (*Benfey*, I, 324). Въ греческихъ и латинскихъ басняхъ (Эзопа, Федре) мыши подобную услугу оказываютъ льву. Въ баснѣ Эзопа „Левъ и мышъ“ по тѣлу спящаго льва пробѣжала мышъ. Левъ проснулся, поймалъ ее и хотѣлъ съѣсть. „Оставь мнѣ жизнь“, взмолилась она: „за свое спасеніе я окажу тебѣ большое благодареніе“. Левъ улыбнулся и отпустилъ ее. Вскорѣ охотники поймали льва и привязали веревкой къ дереву. Услыхала мышъ жалобное рычаніе льва, приближала, перегрызла веревку и освободила его (*Эзопъ*, въ перев. Алексѣева, 49). Подобная сказка найдена въ древнемъ египетскомъ папирусѣ (въ „*Griech. Litterat.*“ Зиттля, указ. проф. Деревницкимъ). Въ Калилѣ и Димнѣ въ „причтѣ о голубѣ-вахирѣ, крысѣ, газели и воронѣ“ говорится,

что голубь-вахирь попалъ въ сѣть. Другъ его крыса перегрызла веревки въ сѣти и освободила голубя (*Камла и Димни*, 117—118).

По всей вѣроятности, большинство народныхъ сказокъ о мыши въ „пригодѣ“ коренится въ древнихъ повѣстьяхъ, нашедшихъ мѣсто въ Панчатантрѣ и въ Калилѣ и Димнѣ.

Косвенная „пригода“ мыши обнаруживается, напримѣръ, въ одной польской сказкѣ, гдѣ слѣпая мышь указываетъ воду, исцѣляющую слѣпоту (*Zawilinski, Z powiesci*, 36). Въ монгольской сказкѣ двѣ старшія сестры преслѣдуютъ младшую и подмѣниваютъ ея прекрасныхъ новорожденныхъ дѣтей противными животными. Выведенный изъ терпѣнія мужъ ея ломаетъ ей руки и ноги и выкалываетъ глаза. Вскорѣ вышла изъ норы крыса и стала грызть ей ноги; калѣка схватила палку и перешибла крысѣ ногу. Крыса вырыла травку, съѣла, и ея нога выросла. Калѣка съѣла ту же травку и стала съ ногами. (*Потаникъ*, IV, 343). Въ вариантѣ этой сказки выступаетъ вмѣсто крысы мышь (ib. 603); въ барабинской сказкѣ (въ *Роб. Радлова*) также отмѣчено заимствование у мышей искусства врачеванія изломанныхъ конечностей (ib. 887). Въ монгольскихъ сказкахъ и повѣрьяхъ открытіе цѣлебной силы растений или минеральныхъ источниковъ приписывается еще медвѣдю или оленю (ib. 717) *).

*) Указаніе разными животными способа спасенія, исцѣленія и даже воскрешенія—мотивъ широко распространенный въ эпосѣ разныхъ народовъ, отъ восточной повѣсти—до русской былины и бѣлорусской сказки. Въ арабскомъ сборникѣ «1001 ночь», въ разсказѣ о „путешествіяхъ Синдбада“ говорится о спасеніи его изъ подземелья, благодаря какому-то звѣрку. Въ Гриммовской сказкѣ „Die drei Schlangenblätter“ рѣчь идетъ о воскрешеніи царевны посредствомъ листковъ, принесенныхъ змѣею для исцѣленія другой разрубленной змѣи, подобно тому, какъ богатырь Потокъ воскрешаетъ свою Авдотью Лиховидьевну, помазавъ ее прямо разрубленную змѣею (Др. рос. стихотв.). Въ норманскихъ и французскихъ сказаніяхъ, по указанію Гримма, ту-же роль косвенной спасительницы играетъ ласочка. Интереснѣйшая бѣлорусская сказка, записанная г. Романовымъ, тѣсно примыкаетъ къ этимъ мотивамъ. (Бѣл. Сб., Сказки, „Дѣдъ и баба“). Желая искупить другъ друга въ любви и преданности, дѣдъ и баба ставятъ условіе: кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ долженъ съ умершимъ живьемъ лечь въ могилу, что и выпало на долю дѣда. Лежа въ могилѣ, онъ увидѣлъ приползшую змѣю, которая родила мертвыхъ дѣтенышей и оживила ихъ какою-то травкой; дѣдъ этою же травкой воскресилъ бабу. *Прим. Н. Я.*

Нѣкоторыя повѣрья и сказанія этого рода исходятъ, вѣроятно, изъ христіанской апокрифической литературы. Такъ, къ этой литературѣ, повидимому, примыкаетъ слѣдующій рассказъ: „есть трава буху, т. е. силачь. Эту траву ѣдятъ моралы во время ярованья. Она производитъ возбужденіе и придаетъ силу человѣку“. Эта часть рассказа основывается на томъ дѣйствительномъ фактѣ, что рога оленей мораловъ, принимаемые внутрь въ истертomъ видѣ, сильно возбуждаютъ половыя силы, и потому въ продажѣ цѣнятся и идутъ въ далекія страны, напр., Китай. Затѣмъ уже слѣдуетъ вполне баснословная, любопытная въ историко-литературномъ отношеніи часть рассказа: траву буху можно найти такимъ образомъ: заткнуть гнѣздо желны (*picus martius*, *picus viridis*, *пегорс*) и разостлать подъ нимъ простыню; тогда птица принесетъ въ когтяхъ эту траву и приложить къ гнѣзду, а потомъ бросить на землю. Сила травы такова, что прикосновеніемъ къ дереву эта птица можетъ выворотить кусокъ больше, чѣмъ человѣкъ могъ бы это сдѣлать (ib. 189). Это повѣрье записано у разныхъ христіанскихъ народовъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, русскихъ, поляковъ (*Аванас.*, Поэт. возр. I, 496, 397—399, 410, 546; *Siarowski*, въ *Zbiór wiadom.* IX, 71). Въ малорусскихъ и нѣмецкихъ повѣрьяхъ дятель открываетъ забитое свое гнѣздо съ дѣтенышами разрывъ-травой, и если положить подъ деревомъ бѣлый или красный платокъ и закричать, то дятель выронитъ на него разрывъ-траву (*Аван.* II, 398). Глубокая древность этого повѣрья засвидѣтельствована Плиніемъ. Эліанъ (III в. по Р. Хр.) сообщаетъ объ удодѣ: если закрыть его гнѣздо, то онъ отыскиваетъ такую траву, которая уничтожаетъ всѣ препятствія (*Мочумскій*, Происх. физиол. 43). Сказаніе это вошло въ физиологи и бестиаріи. Оно встрѣчается съ древнихъ временъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ, гдѣ съ помощью разрывъ-травы добывается драгоценный камень шамиръ. Повидимому, въ зависимости отъ апокрифическаго сказанія о камнѣ шамирѣ стоятъ монгольскія повѣрья о камнѣ дзадѣ, низводящемъ дождь. Дзадѣ вынимаютъ изъ внутренности птицы или быка и потомъ держатъ завернутымъ въ перья той птицы или въ шерсть того животнаго, изъ котораго онъ былъ вы-

нуть. Если хотять, чтобы пошелъ дождь—дзаду мочать; если дождь идетъ слишкомъ продолжительно—дзаду вытирають и сушатъ. Камень дѣйствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и потомъ умираетъ. Чтобы оживить его, подстрѣливаютъ животное той породы, изъ котораго онъ былъ вынуть, и ставятъ камень подъ дыханіемъ умирающаго звѣря или птицы (*Потанинъ*, IV 189—190).

Одной индійской буддійской притчѣ (*Benfey, Pantshatantra I § 17*) суждено было получить широкое литературное распространеніе, — разумѣемъ знаменитую „притчу объ иворогѣ“. Въ индійскихъ сказкахъ Аваданахъ находится слѣдующій рассказъ объ опасностяхъ и бѣдствіяхъ жизни. Одинъ человѣкъ, преслѣдуемый слономъ, спрятался подъ дерево, которое росло на краю высохшаго колодца. Онъ замѣтилъ, что двѣ мыши, черная и бѣлая, подгрызали корень этого дерева; съ четырехъ сторонъ къ нему протягивали жало ядовитыя змѣи, а на днѣ источника лежалъ страшный драконъ. На деревѣ сидѣлъ рой пчелъ, и капля меда упала въ ротъ бѣглеца; но пчелы стали его кусать, и скоро дерево сгорѣло. При этомъ дано толкованіе этого аллегорическаго рассказа: дерево въ пустынь—невѣжество человѣка; бѣглець—еретикъ; слонъ—непостоянство вещей; колодець—берегъ жизни и смерти; корни дерева—жизнь человѣческая; бѣлая и черная мыши—день и ночь; 4 ядовитыхъ змѣи—4 силы природы (земля, огонь, вода и воздухъ); медъ—5 органовъ чувствъ (зрѣніе, слухъ, обонаніе, вкусъ и осязаніе); пчелы—порочныя мысли; огонь—старость и болѣзнь; ядовитый драконъ—смерть. Въ другомъ буддистическомъ вариантѣ этой басни находится небольшое различіе въ объясненіи деталей: слонъ означаетъ смерть; колодець—жилище; корни дерева—жизнь человѣка; бѣлыя мыши—солнце и луна (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 457—458*). Эта басня вошла въ чрезвычайно популярную въ старину повѣсть о Варлаамѣ и Иосафѣ въ видѣ вставной „притчи объ иворогѣ“. Одинъ путникъ, встрѣтивъ въ полѣ „иворога“, побѣжалъ отъ него, чрезвычайно испуганный, и попалъ въ пропасть. Онъ успѣлъ, однако, схватиться за дерево и удержался на воздухѣ. Путникъ посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ дер-

жался; на днѣ пропасти яростно изгибался страшный змѣй, дышавшій огнемъ, и хотѣлъ пожрать путника; изъ стѣны выходили четыре головы аспида. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и, забывъ окружавшіе его ужасы, устремился къ сладости малаго меда (*Пытинъ*, въ Уч. Зап. Акад. Наукъ 1858, 130, 332; *Dunlop.-Liebrecht*, 32, 462). Морализація та же, что въ индійскихъ басняхъ: инорогъ—смерть, мыши—время и пр. Притча объ инорогѣ часто встрѣчается въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ иногда съ именемъ Варлаама, иногда какъ слово св. Ефрема, иногда безъ имени автора; она вошла въ 168 главу *Gesta Romanorum*, переведена на нѣмецкій языкъ въ художественной формѣ Рюкертомъ, на русскій Жуковскимъ подъ заглавіемъ „Изъ Талмуда“ (*Пытинъ*, ib. 131). Притча объ инорогѣ проникла въ живопись, миниатюру и скульптуру. Она выбита на порталѣ пармскаго баптистерія и вошла въ Углицкую псалтырь XV вѣка. Въ миниатюрахъ одна мышь, изображающая день, обозначена бѣлой краской, а другая мышь-ночь—черной краской. Въ пармскомъ рельефѣ со стороны одной мыши помѣщена фигура Аполлона, а со стороны другой—фигура Діаны (*Буслаевъ*, ст. „Сравн. одн. рельефа“ и „Истор. Очерки“, II, 207).

Здѣсь умѣстно будетъ привести одно замѣчательное историческое преданіе, связанное съ г. Любекомъ. Нѣмецкіе хронисты сообщаютъ, что въ 1200 году въ Любекѣ у церкви Богоматери росло большое дерево. Тогда шли большіе споры города съ сосѣдними князьями. Послѣдніе хотѣли овладѣть городомъ, и на сторону ихъ склонялись нѣкоторые граждане. Однажды князья осадили городъ, но горожане отбивались храбро. Ихъ укрѣпляло повѣрье, что Любекъ потеряетъ свободу, когда дерево поблекнетъ и усохнетъ, а дерево въ это время было въ полной силѣ. Однажды утромъ граждане съ великимъ огорченіемъ увидѣли, что дерево въ одну ночь поблекло и засохло. Мышь свила свое гнѣздо у его корня, и мышенята подгрызали корень. Вскорѣ Любекъ сдался врагамъ. (*Deecke. Lub. Gesch. u. Sagen*, 18).

Гораздо болѣе близкими къ народнымъ повѣрьямъ о мыши и потому болѣе пріемлемыми оказались апокрифическія сказки о мыши, какъ зооморфическомъ образѣ сатаны или

какъ созданіи его. Въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Ное, „окаленный дьяволъ хотѣше истопить весь родъ человѣчъ и превратился мышью и нача грызти дно ковчегу. Ной же по-молился Богу и прысни лютый звѣрь и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка и удавиша мышь, и не избысть дьяво-ле злохитровство“. (*Пытинъ*, въ Памят. стар. рус. лит. III, 18, по рукописи 1602 г.). Это сказаніе о мыши проникло въ народъ, русскій, польскій и др. У поляковъ записаны слѣду-ющіе рассказы: Дьяволъ создалъ мышь и пустилъ ее въ ковчегъ Ноя. Мышь прогрызала дыру, и вода уже стала итти въ ковчегъ. Тогда Ной затянулъ дыру платкомъ, Богъ превра-тилъ этотъ платокъ въ кота, который и удавилъ мышь. Дья-волъ создалъ много мышей, но коты ихъ давили, а потомъ мыши сошли на землю и продолжаютъ до сихъ поръ вредить людямъ. Въ вариантѣ этой сказки добавлено, что коты имѣ-ютъ въ глазахъ злаго духа съ тѣхъ поръ, какъ котъ, нахо-дившійся въ ковчегѣ Ноя вмѣстѣ съ другими животными, съѣлъ дьявола, грызшаго дно ковчегу въ видѣ мыши. Дья-волъ не могъ выйти изъ него и остался въ глазахъ. Въ свя-зи съ этими сказаніями стоитъ также польское повѣрье, что черный котъ на восьмомъ году обращается въ чорта (*Gustav-icsz*, въ *Zbiór wiadom.* V. 138, 149; *Siarkowski*, *ib.* VII, 150). То-ждественное сказаніе о кошкѣ и мыши записано среди мало-руссовъ Литинскаго уѣзда, а въ Проскуровскомъ у. записа-но повѣрье, что кошка прожившая 12 лѣтъ, дѣлается очень свирѣпою и можетъ задушить человѣка (*Чубинскій*, Труды Эт.-Ст. Эксп. I, 54). Къ этимъ апокрифическимъ сказкамъ о мыши-чортѣ примыкаетъ и слѣдующая малорусская: Чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море, чтобы соблазнить Еву, но пресвятая Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу. Изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (*Чу-бинскій*, *ibid.*).

Участіе мыши въ мірозданіи отмѣчено въ мордовской сказкѣ: Шайтанъ хотѣлъ сотворить человѣка и слѣпилъ его изъ глины, песку и земли, но не могъ придать ему благооб-разной формы: выходила то свинья, то собака, то змѣя. Тог-да онъ послалъ на небо птичку - мышь за полотенцемъ, ко-торымъ обтирается въ банѣ верховный богъ Чамъ-Пасъ. Шай-

танъ обтеръ челоуѣва полотенцемъ и придалъ ему надлежащій видъ, а Чамъ-Пасъ вложилъ въ него потомъ живую душу. Птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и поставилъ голый хвостъ какою у Шайтана, и далъ такія же лапы, какъ у Шайтана (*Веселовскій*, Разыск. въ обл. дух. ст. XI, 10—11). Сходныя повѣрья записаны у дикихъ народовъ Америки и Океаніи. У жителей острова Фиджи существуетъ такая легенда: Луна хотѣла, чтобы люди не умирали, а возрождались, подобно ей, къ новой жизни. Но крыса и слышать о томъ не захотѣла и настояла, чтобы и люди умирали, какъ пропадаютъ крысы (*Reville*, Les relig. d. peuples noncivilisés, II, 129). Въ тождественныхъ сказкахъ готтентотовъ роль мыши играетъ заяцъ, въ сказкахъ зулусовъ — саламандра (*Басни и сказки дикихъ народовъ*, 26). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или иль, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля (*Reville*, ib. I, 282).

Апокрифическія книжныя и современные устные славянскія сказанія о сотвореніи міра обнаруживаютъ большое сходство съ космическими миѳами Чипеваи и Фиджійцевъ. Происхожденіе послѣднихъ миѳовъ можетъ быть недавнее, если допустить, что эти миѳы возникли подъ вліаніемъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній, занесенныхъ миссіонерами, — предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что крыса, фигурирующая въ фиджійскомъ сказаніи, появилась недавно въ Океаніи.

Мышь стоитъ близко къ вѣдьмамъ и волдунамъ. По бѣлорусскому повѣрью, если въ могилу, до опущенія въ нее покойника, попадетъ мышь, то это значитъ, что умершій былъ

чаровникъ и что злой духъ въ видѣ мыши дѣлаетъ ему могильную встрѣчу (*Шейнъ*, Матер. для изуч. зап. рус. нар., т. I, ч. II, 580). Въ малорусской сказкѣ вѣдьма обращается въ мышъ и выскакиваетъ изъ хаты (*Ивановъ*, печатается въ 3 т. Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общ.). По мнѣнію поляковъ, вѣдьмы съ помощью какого-то зелья выпускаютъ изъ подмышекъ простыхъ и летучихъ мышей (*Piątkowska*, *Wista* 1889, 765). Старинные нѣмецкіе процессы о вѣдьмахъ упоминаютъ названіе *müsetaker*, т. е. *mäusemacher*, и сообщаетъ повѣрье, будто вѣдьма, кипятя волшебныя травы, причитываетъ: „*Maus, Maus, herauf ins teufels namen!*“, и мышы выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Въ Германіи рассказываютъ, что вѣдьма, свернувъ платокъ на подобіе мышы, говоритъ: „*lauf hin und komm wieder zu mir!*“, и тотчасъ отъ нея убѣгаетъ живая мышъ. Въ голландской сказкѣ чародѣйка подбросила нѣсколько глыбъ земли, и все поле закопошилось мышами (*Аванас.*, Поэт. воззр. III, 505). Въ нѣмецкихъ и славянскихъ странахъ, также во Франціи записаны повѣрья, что колдуны и вѣдьмы насылаютъ мышей и крысъ въ дома и на поля (*Аван.* III, 451; *Rolland*, I, 22). Въ монгольскихъ сказкахъ мышъ сосетъ кровь у дѣтей (*Шотанингъ*, IV, 471); въ сказкахъ другихъ народовъ этимъ дѣломъ занимается вѣдьма. Вѣдьмы не только обращаются въ мышъ, но и другихъ могутъ оборотить въ мышъ. Въ «Молотѣ вѣдьмъ» (*Malleus maleficarum*, 1486 г.) говорится, что вѣдьмы обращаютъ людей въ мышей (*Rosskoff*, *Geschichte d. Teufels*. II, 252). Обратнемъ чорта или вѣдьмы въ народныхъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто является летучая мышъ, возбуждающая въ народѣ своимъ видомъ и образомъ жизни чувство страха. Летучая мышъ играетъ большое значеніе въ ворожбѣ, преимущественно у малоруссовъ и поляковъ (*Gustavicz*, въ *Zbiór wiad.* V, 150—151). По сербскимъ народнымъ повѣрьямъ вѣдьмы, упыри и вовкулаки (*Березингъ*, въ «Знаніи» 1877, IV, 57, 67), а по италіанскимъ и французскимъ черти (*Rolland*. I, 5) принимаютъ видъ летучей мышы. Въ одномъ англійскомъ судебномъ процессѣ 1597 г. по обвиненію въ чародѣйствѣ находится указаніе, что демонъ въ видѣ мышы проникалъ къ заключенному въ тюрьмѣ колдуну (*Thornburg*, *Shakspeare's England*, II, 152). На о. Рюгенѣ есть повѣрье, что у крысъ есть ко-

роль изъ чертей, съ золотой короной на головѣ (*Temme, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 341*). Въ одной сказкѣ изъ Помераніи чортъ въ образѣ кота душитъ мышей и крысъ, въ другой мыши везутъ чорта (*ib. 318, 329*).

Благодаря связи съ нечистой силой, мышь была издавна предметомъ ворожбы, на что есть указанія въ судебныхъ процессахъ вѣдмъ; напр., завязывали трехъ мышей въ мѣшочекъ и вѣшали ихъ въ трубѣ, гдѣ онѣ высыхали (*Wisla, 1887, VI, 214*). Что же касается превращеній въ мышей, то, судя по сказкамъ, эти превращенія могутъ происходить и по другимъ причинамъ, безъ прямого вмѣшательства нечистой силы и безъ колдовства. Такъ, напр., на о. Рюгенѣ записана слѣд. сказка о семи пестрыхъ мышахъ: Нѣкогда жила мать съ 7-ю дочерьми. Однажды въ великую пятницу, когда мать была въ церкви, дѣти поѣли спрятанные ею орѣхи и яблоки. Мать прокляла ихъ за это и сказала: „чтобы вы обратились въ мышей!“ И дѣти тотчасъ обратились въ мышей съ пестрыми шкурками и побѣжали въ поле, добѣжали до пруда и бросились въ воду. Мать, видя это, превратилась въ камень. По ночамъ мышки выходятъ изъ пруда, танцуютъ вокругъ камня и поютъ пѣсенку, въ которой говорится, что со временемъ онѣ снова получаютъ человѣческій образъ, когда какая-нибудь мать съ 7-ю сыновьями сядетъ на этомъ камнѣ въ великую пятницу, въ тотъ именно часъ, когда произнесено было проклятіе. (*Temme, Die Volkssagen von Pommern u. Rügen, 1840, 294—297*).

У народовъ германскихъ издавна пользуется популярностью сказка о томъ какъ мыши съѣли высокопоставленное лицо за несправедливость. Наибольшей извѣстностью пользуется нѣмецкое преданіе о смерти епископа Гаттона, связанное съ „Мышиной башней“ въ Бянгенѣ. Титмаръ приурочиваетъ это сказаніе къ Мерзебургу (1012 г.). Въ Кельнѣ сказаніе это связано съ именемъ епископа Адольфа (около 1112 г.) въ Страсбургѣ отнесено къ епископу Вильдерольфу (†999) и его преемнику Алавицу (†1001). Подобнаго рода сказки съ историческими и мѣстными приуроченіями записаны въ Баваріи, Австріи, Швейцаріи, въ Англіи (въ началѣ XIII в.), Даніи (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 1—5*). Сказаніе о чловѣкѣ съѣ-

денномъ мышами, циркулировало также во Франціи (о немъ говоритъ Жбанъ Дутрмезъ, † 1339) и въ Польшѣ (встрѣчается въ хроникѣ Кадлубка 1223 г. въ примѣненіи къ Попелу младшему). Либрехтъ высказалъ мнѣніе, что въ основѣ сказокъ этого рода лежитъ древнее обыкновеніе вѣшать старшинъ во время голода или общественныхъ бѣдствій. Но мнѣніе это не утвердилось въ наукѣ, какъ слишкомъ искусственное, и противъ него главнымъ образомъ возражалъ Громаннъ въ сочиненіи „*Apollo Smintheus und Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen*“, 1862 г. (*Liebrecht*, ib. 10).

Кадлубекъ рассказываетъ цѣлую краснорѣчивую повѣсть о томъ, какъ Попель младшій, подстрекаемый навѣтами жены, отравилъ своихъ дядей, зазвавъ ихъ хитростью къ себѣ въ гости. Жестокій тиранъ даже отказалъ имъ въ погребальной почести. Скоро, однако, онъ постигнуть былъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло огромное количество мышей, которыя преслѣдовали его всюду, пока наконецъ не сожрали, поймавъ въ башнѣ, гдѣ Попель думалъ найти убѣжище вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями (*Котляревскій*. О погреб. обр., 103—105).

На повѣсти о Попелѣ останавливались Санъ-Мартъ (*Die polnische Königssage*, 1848), Гутшмидъ (*Kritik der polnisch. Urgesch.*, 1857), Бѣлевскій (*Wstęp krytycz. do dziejów Polski*, 1850), Котляревскій (О погреб. обряд. 1868). „Послѣ тщательныхъ разысканій Бѣлевскаго, говоритъ Котляревскій, нельзя болѣе сомнѣваться, что главнымъ источникомъ разсказа были повѣствованія классическихъ историковъ и поэтовъ; но далеко не единственнымъ: нѣкоторыя черты позволяютъ предполагать, что въ образованіи его принимало участіе и народное преданіе, ходившее въ то время о Попелѣ. Не трудно устранить изъ разсказа цвѣты краснорѣчія; но возвратить преданію древнѣйшій видъ, отдѣлить необходимое народное отъ произвольныхъ добавокъ хрониста не видится возможности, за неимѣніемъ повѣрочныхъ данныхъ.“ Въ повѣсти Кадлубка Гутшмидъ признаетъ остаткомъ народнаго преданія только одну черту, именно, происшествіе съ мышами и отчасти образъ злой жены Попела; Котляревскій также не находитъ въ древнихъ литературахъ непосредственнаго литературнаго ис-

точника преданія, что Попелъ былъ съѣденъ мышами, вышедшими изъ труповъ отравленныхъ и лишенныхъ погребенія дядей (ib. 105).

Любопытно, что сказка о королѣ, съѣденномъ мышами за несправедливость, до сихъ поръ живетъ у поляковъ. Недавно записана у карпатскихъ горцевъ такая сказка „O mysiem królu“: Нѣкогда такъ избирали царя: садились за желѣзный столъ и ждали, на кого спустится съ неба золотая корона. Однажды молодой крестьянинъ пахалъ въ полѣ. Когда жена принесла ему обѣдъ, онъ перевернулъ плугъ и обратилъ его въ столъ. Онъ смѣялся съ женой, что обѣдаетъ за желѣзнымъ столомъ, какъ панъ. Въ это время съ неба на его голову спустилась корона, появилось войско и повело его, какъ царя. У этого крестьянина были очень бѣдные родители. Они пошли посмотрѣть на сына въ славѣ и могуществѣ. Дорогой они выпрашивали подаваніе. Одежда ихъ была очень бѣдная. Когда они подошли ко дворцу, то царь не призналъ ихъ своими родителями. Пошли они назадъ. Мать начала плакать, а отецъ сказалъ, „не плачь; скажи лучше, чтобы его мыши съѣли“. Какъ двинули послѣ этого мыши на царя, какъ двинули! Солдаты рубятъ ихъ саблями; но даже отрубленные части ихъ скакали, и въ концѣ концовъ мыши съѣли царя (*Zawilinski, Z powies'ci, 21—23*). Въ этой сказкѣ нѣтъ уже существенной части, обуславливавшей, какъ мы думаемъ, самое появленіе мышей, нѣтъ труповъ людей отравленныхъ, какъ въ сказкѣ о Попелѣ, или заморенныхъ голодомъ, какъ въ древнихъ нѣмецкихъ преданіяхъ о жестокихъ епископахъ.

Сказки о Гаттонѣ, Попелѣ и др. притѣснителяхъ и убійцахъ, съѣденныхъ мышами, основаны на древнемъ представленіи души въ видѣ мыши, представленіи и нынѣ еще встрѣчающемся у многихъ народовъ, большею частью какъ культурное переживаніе. (*Потебня, О мионич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр. 90—94, 151*).

Въ Германіи существуетъ повѣрье, что ребенку надлежитъ спать съ закрытымъ ртомъ; иначе изъ него можетъ уйти душа въ видѣ бѣлой мыши (*Lippert, Christenthum, 570*).

Въ осетинской сказкѣ богатырь попадаетъ къ клыкастой дѣвицѣ и она хочетъ съѣсть его. Въ это время изъ угла комнаты выбѣжала душа его матери и предупредила его объ опасности. Клыкастая дѣвица со злости проглотила эту мышь; но она выскочила у ней изъ заду. (Вс. Миллеръ, Осет. этюды, II, 298). Весьма любопытной представляется слѣдующая латышская сказка „о блужданіи души“: Однажды пасли два пастуха скоть. Они уговорились, что когда одинъ будетъ пасти скоть, то другой въ это время будетъ спать. Одинъ легъ и вскорѣ заснулъ. Другой шелъ мимо его и видитъ: изъ рта спящаго выползла рыжеватая мышь не болѣе сверчка и побѣжала. Захотѣлось ему узнать, что это за мышь. Онъ оставилъ скоть и побѣжалъ за ней. Мышь бѣгала по горамъ и долинамъ, лѣсамъ и полямъ, забѣжала въ большое болото, побывала въ старомъ дубѣ, разбитомъ молніей, и тѣмъ же путемъ возвратилась обратно и вползла въ ротъ спящаго. Когда онъ проснулся, то сказалъ, что видѣлъ во снѣ, что ходилъ по горамъ и долинамъ, полямъ и болотамъ и въ одной башнѣ видѣлъ много денегъ. Товарищъ его догадался что это за башня; отправились вдвоемъ къ дубу и нашли въ немъ кладъ (*Трейландъ*, во II вып. Сборн. матер., изд. при Дашк. Этн. Музеѣ, 135). Въ вотяцкой сказкѣ, приведенной въ книгѣ проф. И. Н. Смирнова: „Вотяки“, душа умершей женщины выходитъ изъ могилы мышкой, затѣмъ оборачивается въ собаку, потомъ въ корову, наконецъ въ женщину. Возвращаясь въ могилу, она продѣлываетъ тѣ же превращенія въ обратномъ порядкѣ (См. „Этногр. Обзор.“ VI, 232 *).

Въ Россіи представленіе души въ видѣ мыши выразилось въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ и даже проникло въ иконопись.

*) Въ Чехіи извѣстна слѣдующая сказка: Три ремесленника заблудились въ лѣсу и мучимые жаждой стали искать воды. Одинъ изъ нихъ, наскучивъ поисками, заснулъ. Другіе продолжали искать, нашли ручей и напились, затѣмъ, вернувшись къ спящему товарищу, легли воалъ него. Вдругъ они увидѣли, что изъ его рта выскочила бѣлая мышь, побѣжала къ ручью, напилась воды и снова вскочила въ ротъ спящаго. Тогда товарищи разбудили его и сказали: ты такъ лѣнивъ, что твоя душа сама должна ходить за водой, и мы не хотимъ имѣть съ тобой никакого дѣла. (*G r o h m a n n*, *Sagenbuch von Böhmen*, p 234). *Прим. В. М.*

Въ этомъ отношеніи любопытна южнорусская картина страшнаго суда на полотнѣ XVIII вѣка. Здѣсь между прочимъ изображена „лѣнивица до церкви“, причемъ, на коромыслѣ вѣсовъ на сторонѣ чашки съ злыми дѣянiями изображена мышь, олицетворяющая не кривду, какъ предполагаетъ г. Покровский, а душу грѣшницы (*Покровскій*, въ III т. Труд. Одес. Арх. сѣзда, 327).

Въ связи съ представленіемъ души въ видѣ мыши стоятъ бѣлорусское и малорусское повѣрья, что если беременная женщина проситъ чего-либо съѣстнаго, вещь или денегъ, и получаетъ отказъ, то въ непродолжительномъ времени мыши изгрызутъ одежду того, кто отказалъ. Во избѣжаніе нападенія мышей, нужно бросить въ слѣдъ беременной женщины уголекъ или кусочекъ глины. При этомъ добавляють, что ребенокъ этой женщины будетъ ѣсть уголья и глину (*Вѣсти. Геогр. Общ.* 1853 IX, 130; *Zbiór wiadom. do antrop. krajow.* XI 202).

Бѣлыя мыши въ народной словесности имѣють анимистическое значеніе. Встрѣчаются онѣ въ повѣрьяхъ разныхъ народовъ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ это значеніе мыши обнаружилось въ упомянутомъ выше нѣмецкомъ повѣрѣѣ, гдѣ душа обращается прямо въ бѣлую мышь. Очевидно, одной природы съ этой мышью рыжеватая мышь латышской сказки. Къ этому же разряду относятся монгольскія бѣлоротыя мыши, благодѣтельницаи людей (*Потанинъ*, IV, 771). Якуты вѣрятъ, что благодѣтельный духъ огня (домовой) переходитъ изъ одной юрты въ другую въ видѣ большой мыши (*Приклонскій*, въ *Живой Старинѣ*, 1890, II, 170). У якутовъ, кромѣ того, благотворное значеніе имѣють домовые въ видѣ бѣлогубаго жеребца (*Потан.* 771); у чеховъ и русскихъ благотворное значеніе приписывается бѣлой змѣѣ (*Аванас.*, Поэт. возвр., II, 550, 570).

На представленіе о мыши, какъ бѣломъ животномъ, могло оказать вліяніе существованіе бѣлыхъ крысъ.

Въ Малороссiи, какъ я слышалъ, бѣлой считаютъ пѣвчую мышь, что не оправдывается зоологіей. Пѣвчая мышь встрѣчается очень рѣдко, и пѣніе мыши, какъ явленіе необыкновенное, принимается крестьянами за вѣрную примѣту скорого несчастія. Но пѣвчая мышь ничѣмъ не отличается отъ

обыкновенной, ни по цвѣту шерсти, ни по характеру. Пѣніе мыши, какъ извѣстно, считается случайнымъ явленіемъ и объясняется, какъ переживаніе, именно, повтореніемъ того, что нѣкогда было вполне свойственно полевой мыши, и притупилось съ тѣхъ поръ, какъ полевая мышь окончательно поселилась въ домахъ и приспособилась къ подполью.

Въ гаданіяхъ и примѣтахъ мыши издревле играютъ большую роль. Свида, въ каталогѣ способовъ вѣдательства, упоминаетъ гаданіе по мышамъ и ласочкамъ. Теофрастъ сознается въ своемъ суевѣріи: если мышь прогрызетъ ему мѣшокъ съ мукой, онъ бѣжитъ къ гадалею, который немедленно совѣтуетъ положить заплату на мѣшокъ (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культуры, 122). Здѣсь естественно приходитъ на мысль древняя русская примѣта, что „мышь порты грызетъ“—къ худу, и современное русское народное повѣрье, что мышь грызетъ одежду къ бѣдѣ.

Древніе Греки считали мышъ пророческимъ животнымъ. Ей приписывали, между прочимъ, способность предсказывать погоду, какъ указываетъ Эліанъ (сообщилъ профес. А. Н. Деревницкій *). Малоазіатскіе греки въ настоящее время имѣютъ много мышиныхъ примѣтъ и гаданій. Такъ, они убѣждены, что если мужъ или жена нарушаютъ супружескую вѣрность, также если дѣти или прислуга производятъ воровство въ домѣ, то мыши начинаютъ тогда производить страшное опустошеніе въ домѣ, портить одежду и мебель (*Carnoy et Nicolaides*, 340).

Мыши встрѣчаются въ народныхъ примѣтахъ объ урожаѣ и хлѣбныхъ цѣнахъ. Такъ: „Якъ мыша истъ волоть, такъ буде хлѣбъ дорогъ; а якъ гузиръ, то нема дорога“ (*Номисъ*, § 313). Волотомъ называютъ верхнюю часть снопа съ колосьями, а гузыремъ—нижнюю съ одной соломой. Эта примѣта записана въ Конотопскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ. Когда мышъ вьетъ гнѣздо на верху колны, вскорѣ какъ она сло-

*) По словамъ Плинія (8, 56, 82), домашнія мыши могутъ давать знаменія относительно судьбы цѣлаго государства. Онъ предсказалъ Марсійскую войну тѣмъ, что въ Ланувіумѣ изгрызли серебряные щиты; полководцу Карбону въ Клузіумѣ онѣ изгрызли ремни на обуви и тѣмъ предвозвѣстили ему благоую смерть. *Прим. В. М.*

жена,—будетъ холодная зима (запис. мною въ Ахтырскомъ у.). Уже въ старину въ Великороссіи отмѣчено сходное по-вѣрье: если мышь въ жильѣ высоко гнѣздо советъ—снѣгъ великъ будетъ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. въ XVI—XVII ст.). Если мыши сильно нападаютъ на хлѣбъ—будетъ голодъ (*Даль*, Послов. 1057).

Въ древнемъ Египтѣ опасались увидѣть мышь 12 числа Тиби; увидѣвъ мышь въ этотъ дурной день, спѣшили отвратить глаза въ другую сторону (*Maspero*, Les contes popul. de l'Egypte anc. LXV). У грековъ появленіе бѣлыхъ мышей считалось счастливымъ предзнаменованіемъ, по свидѣтельству Теофраста. (*Lenz*, Zoologie der alten Griechen und Römer. 1856, p. 153).

Мыши наносятъ народу такой большой вредъ, пожирая хлѣбъ, портя платье и пр., что вопросъ объ уничтоженіи или изгнаніи ихъ всегда интересовалъ крестьянъ и былъ разрѣшаемъ въ традиціонномъ порядкѣ заговора, иногда съ присоединеніемъ внѣшнихъ средствъ, охраняющихъ жилище отъ этихъ вредныхъ животныхъ. По мнѣнію малороссовъ, заговоръ отъ мышей не сохраняетъ силу на продолжительное время. „Иншій то замовляе мышей: замовыть то на току въ него не побачите нигде жадной. Але якъ потимъ и нападуть на стигъ, то будуть такъ исты, шо и раду трудно дати“ (*Драгом.*, Малорос. нар. преданія, 4). Въ Купянскомъ у. Харьк. губ. для устраненія мышей изъ амбаровъ и закромовъ приносятъ домой воды, освященной, на Маковіа (1 августа), и, войдя съ нею въ хлѣбный амбаръ, кропятъ закромы и приговариваютъ: „мыши и крысы, не ходите сюда: васъ маковійска вода вездѣ побива“ (*П. И.*, въ Харьк. Сборникѣ 1888, 94). Сходные обряды изгнанія мышей и сходныя заклинанія ихъ встрѣчаются во Франціи; здѣсь также кропятъ святой водой въ мѣстахъ, гдѣ много мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, крестьяне предохраняютъ хлѣбные амбары отъ мышей, поливая въ нихъ воду, взятую спеціально для этой цѣли 23 іюня до восхода солнца изъ колодца или лужи. Эту воду сохраняютъ въ бутылкѣ на случай появленія мышей. Говорятъ, что эта вода не портится втеченіе года. Въ Бельгіи берутъ воду изъ колодца въ церкви св. Гертруды въ Нивеллѣ и кропятъ ею дома и жилища отъ мышей. Въ Германіи предохранительное значеніе отъ мышей

имѣть земля изъ подъ гробницы св. Ульрика въ Аусбургѣ. Во французскихъ заговорахъ отъ мышей упоминается или св. Гертруда или св. Никезъ (Nicaise). Въ день этого святого (14 декабря) надписываютъ его имя на дверяхъ дома, чтобы мышей не было. Во многихъ мѣстахъ для изгнанія мышей кладутъ по угламъ дома бумажки съ такимъ заговоромъ: „мыши и крысы, заклинаю васъ именемъ Бога, пресвятой Богородицы и св. Гертруды выйти изъ дома и уйти въ лѣса“. Въ Арденнахъ, гоня мышей, стучать зубомъ отъ бороны, случайно найденнымъ, по мѣднымъ или желѣзнымъ вещамъ. Въ заговорахъ иногда опредѣляется, въ какомъ числѣ или порядкѣ должны уходить мыши, — непременно въ нечетномъ, по 3, 5 или 7. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ Арденнахъ въ полночь стучать гвоздемъ отъ бороны въ кожу и обѣгаютъ три раза вокругъ дома, приговаривая: «заклинаю васъ, крысы, именемъ живого Бога удалиться» (туда-то). Въ департаментахъ Юнны, Оба и Марны въ первое воскресенье великаго поста бѣгаютъ по полю съ зажженными факелами, произнося слѣдующій забавный заговоръ:

Sortez, sortez d'ici, mulots!
 Ou je vais vous brûler les crocs!
 Quittez, quittez ces blés!
 Allez, vous trouverez
 Dans la cave du curé
 Plus à boire qu'à manger *).

Въ другомъ заговорѣ добавляется, что въ погребѣ священника много масла и молока (*Rolland*, Faune popul. I. 23, 27). Въ зап. Болгаріи (Радомирск. окр., с. Пештера) 29-е октября, день св. Нестора, носитъ названіе „праздника на поганцы“ (т.е. мышей). Празднуется онъ въ тѣхъ видахъ, чтобы мыши не причиняли вреда (*Качановскій*, Памят. болг. нар. творч. I, 14) **).

*) Пошли прочь отсюда, мыши, или я вамъ сожгу зубы (усы)! Оставьте эти хлѣба! Ступайте въ погребъ священника, тамъ вы найдете больше выпить, чѣмъ поѣсть.

***) По свидѣтельству Каравелова, у болгаръ справляется 27 октября какъ „мишинъ день“. Кто въ этотъ день работаетъ, у того мыши поѣдятъ все имущество; поэтому мишинъ день соблюдаютъ строго, особенно старухи. Но вотъ

Къ народнымъ повѣрьямъ о чудесномъ изгнаніи мышей, примыкаетъ самарская сказка о лѣшемъ и любопытная легенда о св. Николаѣ, записанная недавно въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. По самарской сказкѣ, лѣшіе играютъ въ карты на крысъ и зайцевъ, вмѣсто денегъ. Однажды лѣшій гналъ цѣлое стадо проигранныхъ крысъ; ночью подгоняетъ онъ къ кабаку и требуетъ себѣ водки. Шинкаръ не далъ; тогда лѣшій приподнялъ весь кабакъ за уголь, вытребовавъ себѣ четверть водки, выпилъ ее залпомъ, отдалъ деньги, поставилъ кабакъ на мѣсто и погналъ крысъ дальше. (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Сам. кр., 227). Русская же легенда о св. Николаѣ слѣдующаго содержанія: Поздно вечеромъ въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, вошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородою, одѣтый присоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина. Когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то сказалъ, что денегъ теперь не заплатить, а наградить его. Сидѣлецъ, набожный и добрый человекъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣтилъ, что гонить мелкій скоть, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли всѣ мыши съ постоялаго двора. Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу. Взглянувъ на ликъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ-же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина (*Минскъ*, Народ. обыч. крест. Саратов. губ. 49). Эта великорусская сказка о св. Николаѣ и мышахъ стоитъ, повидимому, въ литературной связи съ польскою сказкой о чаровникѣ, записанной недавно (въ 70-хъ годахъ) у „горалей бескидовыхъ“ (т. е. карпатскихъ горцевъ). Въ одно село пришелъ странникъ—большой

въ чемъ бѣда: если будешь праздновать мышиные праздники, то *невѣстулка* (ласочка?) на тебя разсердится и изорветъ все, что бы ей ни попало; а если не будешь праздновать, то невѣстулка уйдетъ куда-нибудь, и мыши сдѣлаются свирѣпы (*Памятники народ. быта болгаръ*, стр. 263). *Прим. В. М.*

пьяница. На краю села стояла мельница, и путникъ попросилъ у мельника хлѣба. „Зароботай,“ сказалъ ему мельникъ, и не далъ ему хлѣба. Вскорѣ въ мельницѣ появилась масса мышей и крысъ. Онѣ ѣли муку, портили мѣшки, и народъ пересталъ носить на мельницу зерно. Черезъ два года на мельницу пришелъ тотъ же странникъ и освободилъ ее отъ крысъ. Онъ перекрестился, помолился, и всѣ крысы сбѣжались въ одно мѣсто; потомъ онъ взялъ палку, прогналъ ихъ къ рѣчкѣ и велѣлъ утопиться (*Kosiński* въ *Zbiór wiadom.* VII, 45). Если вмѣсто св. Николая поставить чаровника, то русская сказка окажется простымъ вариантомъ польской сказки. По всей вѣроятности, св. Николай случайно вошелъ въ саратовскую легенду, какъ это подтверждается и самарской сказкой. Въ житіи святителя нѣтъ поводовъ для такой роли его въ народной словесности. Св. Николай великорусской сказки, соответствуетъ s. Nicaise'у французскихъ народныхъ повѣрій. Во Франціи, Бельгіи, Германіи св. Николай является обыкновенно въ роли покровителя дѣтей (*Revue des trad. popul.* 1888, 651; 1889, 640). Въ Чехіи въ старину св. Николай также считался патрономъ дѣтей (*Wisła*, 1890 III, 715). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи и Польши (въ Кѣлецк. губ.) св. Николая считаютъ покровителемъ домашняго скота (*Siarkowski*, въ *Zbiór wiadom.* III, 28).

Суевѣрные способы изгнанія мышей весьма различны. Въ старину (*Ровинскій*, Рус. нар. карт. IV, 258) и нынѣ извѣстенъ такой приемъ: мышь опаливали и пускали, полагая что запахъ отъ паленой ея шерсти разгонитъ всѣхъ мышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи для изгнанія мышей кладутъ въ пробѣденныя ими дыры куски отъ дерева, разбитаго молніей (*Kopernicki*, въ *Zbiór wiadom.* XI, 202). Во Франціи въ хлѣбныхъ амбарахъ кладутъ отъ мышей зубья отъ бороны и прыскаютъ освященной водой (*Rolland*, Faune popul., 25). У поляковъ кладутъ папоротникъ, вѣтки бузины или вѣтки ольховаго дерева (*Gustavicz*, въ *Zbiór wiad.* V, 149). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи крестьяне отъ мышей и крысъ окуриваютъ свои дворы козлиною бороною (*Аванас.*, Поэт. возр. III, 506). Въ Италіи думаютъ, что мышей не слѣдуетъ убивать, такъ какъ онѣ приносятъ въ домъ счастье; а если ихъ слишкомъ много, то изго-

няютъ ихъ, сожигая старую обувь и окуривая домъ (*Marrené*, въ *Wisła* 1889. IV, 828 *).

Мышь имѣеть лѣчебное значеніе. Въ малорусскихъ лѣчебникахъ XVIII в. упоминается мышачье изверженіе, какъ врачебное средство (*Потебня*, въ *Кіев. Стар.* 1890. I. 94). Въ Нормандіи вѣрятъ, что для излѣченія коклюша полезно накормить больного ребенка мышью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи существуетъ повѣрье, что для излѣченія дѣтей, которыя мочатся по ночамъ въ постели, полезно мышинное мясо (*Rolland*, I, 31, 22). Въ Россіи, какъ извѣстно, подкуриваютъ мышиною шерстью отъ лихорадки.

Миѣическое значеніе мыши съ достаточной ясностью обнаруживается въ немногихъ сказкахъ. Мнѣніе Аѳанасьева о грозовомъ значеніи мыши (III, 505) не имѣеть подъ собой фактической опоры и представляется однимъ изъ многочисленныхъ увлеченій этого замѣчательнаго труженика науки. Нѣсколько болѣе научнымъ оказывается мнѣніе Де-Губернатиса (390—396) о ночномъ значеніи мыши. Самъ Губернатисъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія „Батрахомиомахію“, эзоповскую басню о львѣ и мыши и нѣсколько русскихъ сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, гдѣ мышь является „въ пригодѣ“, — мотивы издревле повѣствовательныя.

Древняя восточная сказка о мыши-двѣциѣ, заключаетъ въ себѣ довольно ясное указаніе на мышь, какъ символъ ночи. Эта сказка почти въ тождественномъ видѣ повторяется въ Пандчатантрѣ, Гитопадешѣ и Калидѣ и Димнѣ. Де-Губернатисъ приводитъ эту сказку въ сокращеніи изъ Пандчатантры и Гитопадеша (*De-Gubern.*, 390). Бенфей, считая эту сказку въ основѣ индійской, указываетъ на ея варіантъ въ Магабгаратѣ и на отраженіе ея въ древнихъ греческихъ басняхъ (*Benfey*, *Pantsch*. I § 158). Не касаясь литературной исторіи этой замѣчательной повѣсти (намѣчена у Бенфея), мы изложимъ здѣсь

*) По словамъ Плинія (18, 17, 45), мышь можно прогнать съ поля золой отъ сожженныхъ кошекъ или ласочекъ или водкой, въ которой сварены эти животныя; но такъ какъ послѣдствіемъ этой мѣры является то, что хлѣбъ, испеченный изъ зерна съ такого поля, получаетъ отвратительный запахъ кошекъ или ласочекъ, то гораздо практичнѣе поливать поле водой, настоянной на бычьей желчи. *Прим. В. М.*

лишь содержаніе ея. Былъ одинъ отшельникъ, молитва котораго всегда была уважена. Когда онъ однажды сидѣлъ на берегу моря, пролетѣла мимо него чайка (въ Калилѣ и Димнѣ, а въ Панчатантрѣ—соколъ) съ мышенкомъ въ лапахъ. Мышенокъ упалъ къ ногамъ отшельника, который изъ состраданія завернулъ его въ листочекъ и отнесъ въ свое жилище. Но затѣмъ, опасаясь, что выкармливаніе его будетъ доставлять хлопоты его семьѣ, просилъ Бога превратить мышенка въ дѣвочку, что и было исполнено. Отшельникъ передалъ дѣвочку своей женѣ, а когда она выросла, предложилъ ей выбрать мужа. Дѣвушка захотѣла имѣть мужемъ самаго сильнаго изъ всѣхъ существъ. Отшельникъ обращается къ солнцу; но солнце указываетъ на облако, какъ болѣе сильное существо, потому что оно затмеваетъ лучи его свѣта; облако отправляетъ отшельника къ вѣтру; вѣтеръ — къ горѣ, которая задерживаетъ его теченіе; гора—къ мыши, которая продырявливаетъ гору и устраиваетъ въ ней свои норы. Тогда отшельникъ сталъ молить Бога обратить дѣвучку снова въ мышъ, и дѣвушка была возвращена къ своему первоначальному состоянію (*Камма и Димна*, въ пер. Аттай и Рябинина, 145).

Происхожденіе басни о горѣ, родившей мышъ (*Mops parturiens*), загадочно. Басня эта встрѣчается у Эзопа и Федра, у Горация въ видѣ пословицы. Губернатисъ усматриваетъ въ ней миеологическое значеніе (мышъ—ночь, стр. 391). Повидимому, мы имѣемъ здѣсь литературный мотивъ, получившій широкое распространеніе, благодаря воздѣйствію классической литературы *).

*) Мотивъ *mops parturiens* едва ли заключаетъ въ себѣ что нибудь миеологическое. Онъ находится, повидимому, въ связи съ народнымъ представленіемъ (существовавшимъ, напримѣръ, у древнихъ Египтянъ) о томъ, что мыши *родятся* изъ земли. По словамъ Діодора Сицилійскаго (1,10), Египтяне вѣрили, что въ мѣстности Оивъ въ извѣстное время мыши рождаются изъ комковъ земли. При этомъ можно видѣть мышей еще не вполне развившихся — съ головой, грудью и лапками, но оканчивающихся комомъ земли. Согласно съ подобнымъ суевѣріемъ, мыши, живущія въ порахъ въ горѣ, могли представляться заражающимися въ ней, какъ въ утробѣ, а чрезъ сопоставленія величины производительницы (горы) съ миниатюрностью рождаемыхъ (мышей) могла возникнуть народная пословица. *Прим. В. М.*

Миѳическая мышь-ночь изрѣдка встрѣчается въ современныхъ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, въ приведенной выше монгольской сказкѣ на литературный мотивъ о спорѣ мышей съ другими животными. Здѣсь мышь первая видитъ восходящее солнце (*Шотанинъ*, IV, 143).

Миѳическая мышь ясно выступаетъ въ польской сказкѣ „*O myszej skótcie*“. У царя была очень красивая жена, и когда она умерла, то по красотѣ съ ней могла сравняться только дочь ея, и царь рѣшилъ жениться на своей дочери. Она старается отклонить его отъ кровосмѣшенія. По совѣту Божіей Матери, явившейся въ видѣ старухи, царская дочь сначала требуетъ солнечнаго платья, потомъ, когда оно было доставлено, — мѣсячнаго платья; но и такое платье царь досталъ. Тогда царевна потребовала себѣ платья изъ мышиныхъ шкурокъ, которое покрывало бы все тѣло, за исключеніемъ глазъ и рта. Мышей били по всей странѣ, и платье изъ ихъ шкурокъ было сдѣлано. Тогда царевна бѣжала въ другое королевство. Здѣсь она спрятала въ дубъ солнечное и мѣсячное платья и въ мышиной одеждѣ поступила служанкой въ королевскую кухню, гдѣ ее прозвали *«Myszka skótko»*. Поварь посылаетъ ее къ королю съ полотенцемъ; король прогоняетъ ее. Когда она пошла къ обѣднѣ, надѣла мѣсячное платье, и всѣ были удивлены; но она вышла изъ церкви до конца службы и переодѣлась. Поварь посылаетъ ее къ королю съ сапожной щеткой, и король бьетъ ее и прогоняетъ. На слѣдующее воскресенье она приходитъ къ обѣднѣ уже въ солнечномъ платьѣ и возбуждаетъ еще большее удивленіе. Въ концѣ концовъ ея высокое званіе открывается, и она выходитъ замужъ за короля (*Ciszewski*, въ *Zbiór wiadom.* XI, 81 — 83). Сказки о бѣгствѣ царевны или чаще царевича отъ отца и еще чаще отъ злой мачехи весьма многочисленны и встрѣчаются повсюду (подобраны у *Cosquin'a*); въ данномъ случаѣ представляется любопытнымъ частный мотивъ о мышиномъ платьѣ при довольно частомъ мотивѣ о солнечномъ и мѣсячномъ платьяхъ. Мышиное платье, скрывающее красивую царевну, — ночной мракъ. Изложенная польская сказка о дѣвицѣ-мышьиной шкуркѣ имѣетъ весьма близкій вариантъ въ сербской сказкѣ о томъ, какъ царь хотѣлъ жениться на дочери (*Караджичъ*,

Српске нар. приповиѣтке, изд. 1870, стр. 222—226). Здѣсь упоминаются платья изъ шелка, серебра, золота, и «мышје коже». Еще одна сходная польская сказка рассказываетъ о пяти платьяхъ: небесномъ, солнечномъ, мѣсячномъ, звѣздномъ и «jak kosie oszu», почему и героиня сказки названа «królowna-kosie oszu» (Kolberg, Lud, Krakowskie, VIII, 223).

Миѳическое значеніе мыши, какъ символа ночи, довольно отчетливо обнаруживается въ культѣ Аполлона Сминтейскаго. Свѣтоносный Аполлонъ попираетъ ногами мышь.

Культъ Аполлона Сминтейскаго развился въ Малой Азій, какъ полагають, въ Троадѣ. Названіе Σμυθεὺς древніе производили отъ слова σμυθος, означавшаго мышъ въ нарѣчіяхъ Фригіи, Троады и Крита. Мышь служила постояннымъ символомъ Аполлона Сминтейскаго и сопровождала всѣ его изображенія. На монетахъ троадской Александріи и о. Тенедоса фигура этого животнаго была выбита передъ фигурою сидящаго или идущаго бога. Въ Хризѣ, у мыса Лектона, въ его святилищѣ содержались на общественный счетъ прирученныя мыши, имѣвшія норы подъ самымъ алтаремъ, а по свидѣтельству Гераклида и въ окрестностяхъ храма всѣ мыши считались священными. Статуя работы Скепаса въ Лектонскомъ Сминтеонѣ представляла бога наступившимъ одною ногою на мышъ. По поводу этой статуи Страбонъ сообщаетъ приведенную выше сказку о нападеніи мышей на Тевкровку и о порчѣ ихъ оружія. Другое сказаніе, сообщенное у схолиаста къ Гомеру, передаетъ дѣло иначе: мыши опустошали въ Хризѣ поля Аполлонова жреца Кринія. Богъ истребилъ ихъ своими стрѣлами и тѣмъ положилъ конецъ бѣдствію. Тогда благодарный жрецъ выстроилъ въ честь Аполлона—Истребителя мышей храмъ. Культъ Аполлона Сминтейскаго былъ въ древности довольно распространенъ. Онъ извѣстенъ уже Гомеру. Въ Илиадѣ Хриза, Килла и Тенедосъ указаны какъ главные его центры. «Услышь меня, сребролюбій Сминтей», молить Аполлона изгнанный изъ греческаго лагеря Агамемнономъ жрецъ Хриза. Въ посвященномъ этому богу храмѣ Тимбрѣ совершались человѣческія жертвоприношенія (*Воеводскій*, Каниб. въ греч. миѳахъ, 281). Первые Эолійскіе поселенцы въ Малой Азій быстро усвоили себѣ поклоненіе этому

богу. Киликійцы, жившіе въ области Адрамиттіа и подчинявшіеся Ээтью, также его чествовали. Въ Карійской области у Пропонтиды находилось мѣстечко съ названіемъ τὰ Σμινθία. Страбонъ указываетъ нѣсколько другихъ мѣстныхъ названій по Аполлону Сминтейскому на о. Родосѣ и Кеосѣ. На Родосѣ одинъ мѣсяць въ году назывался Sminthios. Культъ Сминтейскаго Аполлона отличался большою устойчивостью и долго сохранился. Хриза и Гамакситъ давно уже погибли, а храмы Аполлона Сминтейскаго продолжали еще существовать. О нихъ упоминаютъ еще Плиніи и Амміанъ Марцелинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ турецкой деревушки Баба открыты были остатки одного изъ этихъ святилищъ. Среди развалинъ троядской Александріи французскому путешественнику Тексье удалось найти надпись, свидѣтельствующую о томъ, что Аполлона Сминтейскаго чтили еще при Тиберіи (сообщ. проф. А. Н. Деревицкимъ).

Извѣстный англійскій фольклористъ А. Лангъ, указывая на то, что мышь была тотемомъ у семитическихъ племенъ, жившихъ у Средиземнаго моря, объясняетъ тотемизмомъ культъ Аполлона Сминтейскаго (*Lang, Custom and Myth, 115*)¹⁾.

Культъ Аполлона Сминтейскаго представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что параллели къ нему были, повидимому, въ Египтѣ и въ Китаѣ. Египетскій царь или точнѣе богъ Сеосъ изображался съ мышью на рукѣ, какъ Аполлонъ Сминтейскій съ мышью подъ ногами. Китайскій царь, строящій храмъ мышамъ, соответствуетъ Аполлонову жрецу Кринію. Обусловлено-ли это сходство литературными преданіями, переносившими религиозно-бытовое явленіе одной страны на страны другія независимо отъ культа, или оно обуславливалось общими черта-

¹⁾ Объ Аполлонѣ Сминтейскомъ см. въ Энциклопедіи Эрша и Грубера подъ словомъ Smintheus; у Гёка въ „Kreta“, II, 264 и сл.; *De—Witte* въ *Revue Numismat.* 1858 № 5, Т. 3.; *Grohmann.* Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythol. der Indogermanen 1862. Маленькія замѣтки въ Лексиконѣ Ромера, въ „Griech. Götterlehre“ Валькера и въ „Myth, ritual and religion“ Ланга II 201. Специальная статья Ланга объ Аполлонѣ Сминтейскомъ вошла въ его сочиненіе „Costum and Myth“, 1785, стр. 103—102. Я пользовался послѣдней статьёй. Извлеченіями изъ Эрша и Грубера я обязанъ любезности професс. А. Н. Деревицкаго. *Авт.*

ми культа, или, наконецъ, взаимодействующими ихъ вліаніями,—это загадка, смыслъ которой скрывается въ мракъ вѣковъ.

Безымянный рецензентъ-библіографъ „Русской Мысли“, ведущій въ этомъ журналѣ отдѣлы антропологіи и этнографіи, упрекаетъ меня въ томъ, что я не придерживаюсь одной научной теории. И въ настоящей статьѣ, разбирая повѣрья и сказки о мышахъ, я не могу остановиться на одномъ объясненіи и слѣдую въ одно и то же время—*horribile dictu!*—всѣмъ тремъ научнымъ теоріямъ: старой—миеологической, новой—литературной и новѣйшей—теоріи самозарожденія. Не думаю, чтобы одна теорія исключала другую. Нужно быть крайнимъ педантомъ, чтобы при современномъ развитіи этнографіи носиться съ одной научной теоріей, какъ съ писаной торбой, и въ одностороннюю теоретическую рамку втискивать все разнообразіе народной жизни.

Миическое значеніе мыши, какъ символа ночи, обнаруживается въ древнѣйшихъ восточныхъ культахъ и, какъ культурное переживаніе, въ народной словесности современныхъ народовъ. Миическая мышь захватила отчасти и повѣствовательную литературу. Въ сказкахъ, преданіяхъ и повѣртіяхъ европейскихъ народовъ отъ нея осталось немного слѣдовъ.

Повѣсти о мыши исключительно литературнаго характера весьма многочисленны и разнообразны. Онѣ возникли въ незапамятной древности. Отмѣченныя въ литературныхъ памятникахъ Индіи, Египта и Греціи повѣсти о мыши путемъ устной и литературной передачи перешли въ сказки, преданія западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ, такъ что самостоятельному вымыслу европейскихъ народовъ можно удѣлить немного сказочныхъ мотивовъ.

На теорію самозарожденія приходится значительное число народныхъ повѣрій о мышахъ, суевѣрныя примѣты и гаданія, различные способы изгнанія ихъ и затѣмъ игра въ кошку и мышку. Здѣсь дѣйствовали простыя наблюденія надъ природой животнаго и простѣйшіе приемы перенесенія характерныхъ его свойствъ въ сферу человѣческихъ отношеній. Здѣсь есть и старина, и новина; въ этой области народная мысль дѣйствуетъ самостоятельно, и народное поэтическое творче-

ство продолжается въ видѣ примѣтъ, поговорокъ, игръ и пѣсень. Таковы, напримѣръ, бѣлорусскія свадебныя пѣсни въ „Матеріалахъ“ г. Шейна (II, 182, 351), великорусская (изъ Твери) колыбельная пѣсня-нисенитныца въ „Сборн. рус. нар. пѣс.“ Шейна (I, 14.), польская сказка (изъ Пинчова), о причинѣ возобновленія вражды между собакой, кошкой и мышами (Zbiór wiadom., т. IX, стр. 71), и др.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Дополненія къ статьѣ: „Воронъ въ народной словесности“ (Этн. Обзор., кп. IV).

Во французскихъ народныхъ *предсказаніяхъ погоды* воронъ играетъ видную роль: 1) Если воронъ летаетъ низко—будетъ холодъ, высоко—тепло. 2) Если вороны смотрятъ на рѣку—будетъ дождь. 3) На дождливую погоду вороны кунаются въ воздухѣ, на сухую и ясную летаютъ ровно и высоко. По англійскимъ народнымъ повѣрьямъ, крикъ воронъ, быстрый подъемъ вверхъ и быстрое спусканіе внизъ, причѣмъ вороны какъ-бы падаютъ,—все это предвѣщаетъ бурю и дождь (*Rolland*, *Faune populaire de la France*, II, 110). Во французскихъ пѣсняхъ идея невозможности выражается черезъ *блвлю* ворона (какъ у сербовъ), напр.:

Blanc corbeau trouverez avant,
Et un âne cornu devant,
Et une mer toujours unie,
Que tu traversas une bonne amie (ib. 111)

Чернота воронъ отмѣчена въ пословицахъ англійскихъ, литовскихъ, баскской, португальской и испанской (ib. 111—113). Поговорки: *Воронъ ворону глазъ не выклюетъ* повторяется во Франціи (*les corbeaux ne grèvent pas les yeux aux corbeaux*), въ Германіи, въ Лапландіи (ib. 116). Крикъ ворона считается *признакомъ несчастья* или неудачи во Франціи, Швейцаріи, Тиролѣ. У Арабовъ Сахары воронъ предсказываетъ несчастье или счастье, смотря по обстоятельству (ib. 117). Въ Лангедокѣ въ вороновъ *обращаются* дурные священники, а въ воронъ дурныя монахицы (ib. 117). *Игра* въ ворона встрѣчается во Франціи (ib. 117—118), а *дѣтскія прісказки* о зломъ воронѣ во Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англии (ib. 118—115). Во французской легендѣ о святомъ Колумбанѣ сатана посылаетъ вороновъ внести безпокойство въ монастырь (ib. 118—120). Воронъ, ворона, грачъ часто встрѣчаются въ басняхъ Эзопа (*Fabellae Aesopicae*, изд. 1727 г., 8, 9, 10, 17, 52, 64, 75, 119, 142). Въ одной баснѣ воронъ противопоставляется воронѣ, какъ вѣщая птица. Въ числѣ эвоповыхъ басенъ наиболѣе извѣстна по многочисленнымъ переводамъ и подражаніямъ басня о воронѣ и лисицѣ. Въ басняхъ Федра также воронъ и ворона занимаютъ видное мѣсто (*Phaedri fabul.* lib. I, 3, 15; II, 6). Въ готтентотской сказкѣ воронъ поворожилъ, и дождь пошелъ (*Басни и сказки дикихъ народовъ*, изъ Блика, 18). Въ сказкѣ зулусовъ у царя не было ни одного дитяти въ человѣческомъ образѣ; во всѣхъ его домахъ его дѣти были вороны (ib. 62).

Въ „Калила и Димна“ воронъ заключаетъ дружбу съ крысой (*Кал. и Димна*, въ пер. Агтаи, 116—121). Война совъ съ воропами. Вороній родъ имѣетъ царя, у котораго 5 совѣтниковъ (ib. 130 и сл.) Воронъ подражаетъ походкѣ куropатки (ib. 196). Въ польскихъ сказкахъ вороны умирають, наѣвпись отравленнаго хлѣба или издохшихъ отъ отравы лошадей (*Wiśła* 1890, 156—158). Въ малорусской сказкѣ черныи воронъ похищаетъ у богатыря мышъ. Богатырь потомъ убиваетъ его (*Мажура*, 18, 20). Воронъ предсказываетъ пожаръ (ib. 72).

Критическія замѣтки о статьѣ „Воронъ въ народн. слов.“ я нашель въ „Пантеонѣ“, окт. 1890 (А. Н. Веселовскаго) въ „Вислѣ“ 1890, на стр. 482 (Л. Ю. Шепелевича) и на стр. 738 (И. А. Карловича)

Н. С.

О СЕМЕЙНЫХ ДѢЛЕЖАХЪ

ПО ОВЫЧНОМУ ПРАВУ ВѢЛОРУССОВЪ.

Изложенными ниже юридическими обычаями руководятся при своихъ семейныхъ раздѣлахъ крестьяне Сокольніцкой вол., Невельскаго у., Витебской губ. Мѣстность эта, мало изслѣдованная въ данномъ отношеніи, представляетъ значительный интересъ для собирающихъ свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ, такъ какъ крестьяне могли сохранить ихъ здѣсь во всей чистотѣ и неприкосновенности отъ постороннихъ вліяній. Населеніе по племенному составу—бѣлорусское, съ небольшимъ числомъ евреевъ, великоруссовъ, раскольниковъ и выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній: эстовъ и латышей, появившихся здѣсь не очень давно. Всѣ эти пришельцы не могли повліять на правовыя воззрѣнія коренныхъ жителей, какъ по своему незначительному количеству, такъ и потому, что частью разнородность интересовъ, а частью образъ жизни и предрасудки устраняютъ возможность взаимодѣйствія между ними и бѣлоруссами. Крестьяне (большею частью бывшіе помѣщичьи, хотя есть и государственные) сплошь занимаются земледѣліемъ. Мѣстныхъ промысловъ, также какъ фабрикъ и заводовъ, совершенно не существуетъ. Дѣтъ 10 тому назадъ отхожимъ промысломъ крестьяне занимались чрезвычайно мало, но теперь среди мужского населенія распространился обычай ходить на заработки въ Петербургъ, такъ что приблизительно шестая часть мужчинъ успѣла уже побывать тамъ. Крестьяне нанимаются тамъ въ дворники, кучера, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ виду того, что они остаются въ Петербургѣ не долго, въ среднемъ года два, городская

жизнь оказываетъ на нихъ незначительное вліяніе, такъ что въ большинствѣ случаевъ бываетъ чрезвычайно трудно отличить крестьянина, побывавшаго въ Петербургѣ, отъ того, который не покидалъ родного селенія. Крестьяне имѣютъ также мало сношеній съ мѣстными городами. Ближайшіе изъ нихъ, Невель Витебской губ. и Великія Луки Псковской г., находятся каждый на разстояніи 35 верстъ отъ Сокольниковой волости. До Витебска, ближайшей желѣзно-дорожной станціи, считается 140 верстъ.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній перехожу къ самому изложенію юридическихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами при семейныхъ раздѣлахъ.

Въ изслѣдуемой мѣстности послѣ смерти крестьянина, имущество его переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ. Постороннія лица, проживавшія въ семьѣ умершаго и работавшія безъ вознагражденія наравнѣ съ остальными членами семьи, хотя и призываются къ участію въ наслѣдованіи, но полными правами наслѣдства не пользуются. Нужно оговориться, однако, что положеніе это имѣетъ силу въ томъ только случаѣ, когда въ семьѣ живутъ близкіе родственники, не получившіе еще отдѣла. Отъ этихъ родственниковъ умершаго (дѣтей, внуковъ, родныхъ племянниковъ и др.) зависитъ, выдѣлится ли часть изъ имущества приемышу, и если выдѣлится, то какой величины. Ему обыкновенно выдаютъ извѣстную долю изъ движимаго имущества, размѣръ которой опредѣляется временемъ пребыванія приемыша въ семьѣ, его возрастомъ, качествомъ его труда и отношеніями къ семьѣ. Обыкновенно доля эта въ томъ случаѣ, ежели приемышъ работалъ въ семьѣ не менѣе другихъ прямыхъ наслѣдниковъ, бываетъ равна съ ихъ долями. На землю приемышъ не имѣетъ никакого права. Если наслѣдники не пожелаютъ удовлетворить его частью изъ наслѣдства, то платятъ ему вознагражденіе, называемое „погоднымъ“ или „полѣтнимъ“, размѣръ котораго опредѣляется числомъ рабочихъ лѣтъ, проведенныхъ приемышемъ въ семьѣ, стоимостью оставшагося наслѣдства, и колеблется отъ 30 до 40 и 50 рублей въ годъ. Если приемышъ недоволенъ частью имущества, выдѣленною ему наслѣдниками, то можетъ жаловаться въ волостной судъ, который

въ большинствѣ случаевъ не требуетъ новаго передѣла оставшагося наслѣдства, но предписываетъ наслѣдникамъ заплатить ему „полѣтнее“, опредѣляя его стоимостью работъ, произведенныхъ приемышемъ въ семьѣ. Такимъ образомъ, народныя воззрѣнія, не давая приемышу права на получение части изъ движимаго наслѣдственнаго имущества, которая можетъ достаться ему только по соглашенію съ наслѣдниками, „коли яны Бога пабаятца“, какъ говорятъ крестьяне,—предоставляютъ ему полнѣйшее право получить вознагражденіе за свой трудъ въ видѣ „полѣтнаго“ или „погоднаго“.

Совсѣмъ другое дѣло, если наслѣдниками являются родственники болѣе отдаленные или же ближайшіе родственники (даже сыновья), но живущіе въ отдѣлѣ. Въ такомъ случаѣ родственники получаютъ землю и постройки, выстроенныя умершимъ, а приемышъ—движимое. Впрочемъ, наслѣдники, не выдавая ему имущества, могутъ удовлетворить его „полѣтнимъ“, размѣръ котораго долженъ будетъ соответствовать величинѣ движимаго имущества. Если послѣ умершаго остались только зять, жившій въ отдѣлѣ, да приемышъ, прожившій въ семьѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, то зять, уплативши приемышу „погодное“, можетъ получить всю землю или часть земли въ томъ только случаѣ, если своей у него мало; на движимое же имущество онъ не имѣетъ никакого права. Если зять жилъ въ семьѣ тестя, то онъ считается наравнѣ съ приемышемъ, „все равно какъ дѣтенокъ“, и дѣлитъ съ нимъ все поровну.

Большими правами, нежели приемыши, пользуются усыновленные. Они имѣютъ право требовать отдѣла, въ чемъ, однако, какъ и родные сыновья, могутъ получить отказъ со стороны усыновителя. Покидая семью усыновителя вслѣдствіе какихъ-либо обидъ съ его стороны, они всегда могутъ получить съ него черезъ волостной судъ „погодное“. Если усыновленный, не терпѣвшій никакихъ обидъ со стороны усыновителя, оставить его, отработавши за доставленное въ дѣтствѣ пристанище, то послѣдній говоритъ ему: „иди, коли хошь, безо всего; а что я кормилъ, поилъ тебя, пусть пропадаетъ!“ Но если усыновленный уйдетъ тотчасъ по достиженіи того возраста, въ который онъ становится способнымъ справляться со всеми крестьянскими работами, то

волостной судъ заставляеть его годикъ-другой поработать на усыновителя.

Переходя затѣмъ къ вопросу о наслѣдованіи лицъ, принадлежащихъ къ составу семьи умершаго крестьянина, мы остановимся прежде всего на правахъ его жены, при чемъ рассмотримъ два случая: во-первыхъ, когда покойный не оставилъ послѣ себя вовсе дѣтей мужескаго пола, и во-вторыхъ, когда остались дѣти мужескаго пола.

Если бездѣтная вдова жила въ отдѣлѣ отъ семьи своего свекра и прожила съ мужемъ недолго, то ей даютъ часть движимаго имущества и построекъ, чтобы обезпечить ея существованіе. Часть эта колеблется сообразно съ числомъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ замужествѣ, и если вдова прожила съ покойнымъ мужемъ болѣе 20 лѣтъ, то она получаетъ все движимое имущество, постройки, даже землю, которая отходить ей, однако, не иначе, какъ по приговору общества. Права на все полученное ею наслѣдство вдова сохраняетъ только до смерти, послѣ чего большая часть оставшагося имущества переходитъ родственникамъ мужа, а остальное распределяется по завѣщанію умершей, или же переходитъ къ ея родственникамъ. Если бездѣтная вдова выходитъ замужъ въ чужую семью, то все полученное ею послѣ мужа имущество, кромѣ скота, передаетъ свекру. Если же она беретъ къ себѣ въ домъ безземельнаго крестьянина, „примѣку“ по мѣстному названію, то можетъ оставить имущество за собою. Вторая жена, оставшись бездѣтною, должна замѣнить дѣтямъ первой жены мать и вступить въ права хозяйки; въ противномъ случаѣ она не можетъ пользоваться имуществомъ своего покойнаго мужа. Нужно замѣтить, что всѣ эти обычаи примѣняются только въ томъ случаѣ, когда умершій не оставилъ завѣщанія.

Слѣдующія два рѣшенія Сокольницкаго волостного суда пояснятъ намъ вышесказанное. Первое изъ нихъ я передаю вкратцѣ а второе привожу въ подлинникѣ.

1. Крестьянка Анна Кузьмина передъ смертью сдѣлала у священника завѣщаніе, по которому оставила своей родственницѣ одежду и хату безъ оконъ, половъ и потолка, а все остальное имущество, оцѣненное старшиною въ 79 р. 35 к.,—своему племяннику Алексѣю Иванову. Противъ этого наслѣдника

предъявилъ искъ племянникъ мужа умершей Анны Кузьминой. На судѣ онъ заявилъ, что тетка его, не получивши отъ мужа завѣщанія, могла распорядиться только четвертою частью движимаго и своимъ собственнымъ имуществомъ; завѣщанное же ея имущество нажито его дядею. Отвѣтчикъ возразилъ, что онъ издержалъ на похороны 38 руб. 50 коп. Истецъ на это замѣтилъ, что продукты поставленные въ счетъ Алексѣемъ Ивановымъ, принадлежали его покойному дядѣ. Судъ, разобравши это дѣло, постановилъ: платье покойной Анны Кузьминой и хату безъ половъ и оконъ передать родственницѣ завѣщательницы; отвѣтчику изъ движимаго имущества за понесенныя по погребенію расходы выдать 25 руб., какъ принадлежащую покойной четвертую часть имущества ея мужа; все остальное—въ пользу истца.

II. „Крестьянка Ермолинскаго общества деревни Гринькова, Олимпиада Бата, нова, поискиваетъ съ сверка оставшюся послѣ смерти мужа ея Максима Ефремова принадлежащую новую избу, матеріалъ которой она еще при жизни мужа приобрѣла для постройки на свои деньги; сынъ-же свекоръ ея Ефремъ Михайловъ добровольно не отдаетъ ей, а присвоиваетъ въ свою пользу. Просить присудить возвратить оную въ ея собственную пользу, такъ какъ она мужа похоронила на свой счетъ. Прочее имущество мужъ ея еще при жизни своей продалъ. Отвѣтчикъ Ефремъ Михайловъ пояснилъ что онъ не возвращаетъ ей избы потому, что послѣ смерти мужа не оставалось у нея дѣтей, а она выпла въ замужество за другого. Свидѣтели, крестьяне дер. Гринькова Петръ Ивановъ, Иванъ Сидоровъ и Филиппъ Никитинъ, показали, что по отдѣлѣ покойнаго мужа ея отъ отца, ему достался на долю срубъ безъ отдѣлки, но отдѣла на свой счетъ Олимпиада Потапова; кромѣ всего, ей досталась одна корова и лошадь, стоящія 57 руб. Сокольницкій волостной судъ, выслушавъ жалобу просительницы, объясненіе отвѣтника и показанія спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, сообразуясь съ обстоятельствами настоящаго дѣла, предложилъ сторонамъ покончить дѣло миромъ, но стороны не согласились. Имѣя въ виду что Ефремъ Михайловъ пояснилъ, что онъ не отбираетъ отъ нея избы послѣ мужа ея, а его сына, потому что она въ это время была беременна и разрѣшилась неживымъ младенцемъ, а когда не осталось наследниковъ отъ сына его, а ея мужа, то онъ и поискиваетъ, по праву закона, въ обратное свое пользованіе, корову же и лошадь оставляетъ въ собственную ея пользу,—а потому руководствуясь 96-й ст. „Общ. Полож. о крестьянахъ“, постановилъ: избу, оставшюся послѣ смерти солдата Максима Ефремова, которую просительница Олимпиада Потапова на свой счетъ отдѣлывала, то предоставить ей полное право получить оную въ свою собственность, имѣя въ виду, что въ замѣнъ оной Ефремъ Михайловъ получилъ амбаръ, оставшійся отъ покойнаго“.

Бездѣтная вдова, жившая съ покойнымъ мужемъ не въ отдѣлѣ, если не захочетъ остаться въ семьѣ, то получаетъ отъ свекра или отъ братьевъ покойнаго мужа столько, сколько они захотятъ ей дать „по чести“, сообразуясь съ числомъ лѣтъ, прожитыхъ ею въ семьѣ. Вообще бездѣтная вдова, жившая въ семьѣ своего мужа, получаетъ гораздо меньше

жившей въ отдѣлѣ. Если она пробыла въ семьѣ не больше года, то свекоръ, въ случаѣ ухода ея на сторону, не дастъ ей ничего; онъ только тогда надѣлится ее кое-чѣмъ изъ имущества, ежели она идетъ изъ его семьи замужъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, свекоръ не оставляетъ своей не-вѣстки безъ поддержки. Хотя съ одной стороны онъ и говоритъ ей: „я полѣтнаго тебѣ платить не буду: братья я тебя для того, чтобы вы подѣ старость меня кормили“; но съ другой стороны онъ наталкивается и на слѣдующее соображеніе: „она вѣдь шла жить съ нимъ вѣкъ, — не ея вина, что мужъ умеръ; она вышла замужъ и свою голову обвязала (т. е. связала свою судьбу съ судьбой мужа): какъ же ее теперь выгнать!“

Если у вдовы остается одна только дочь, то мать, въ качествѣ ея опекуниши и воспитательницы, сохраняетъ всѣ права на имущество, какъ движимое такъ и недвижимое. Землю, однако, вдова должна передать кому-либо изъ родственниковъ мужа, которые и пользуются ею до выхода дочери умершаго замужъ. Послѣ выхода ея замужъ землю они должны возвратить въ томъ только случаѣ, если она беретъ себѣ безземельнаго «примѣку». Если-же она выйдетъ замужъ въ чужую семью, то, сохраняя всѣ права на движимое имущество, не можетъ пользоваться землей своего отца, хотя по смерти мужа имѣетъ полное право возвратить ее отъ своихъ родственниковъ.

Если у вдовы остается нѣсколько дочерей, и ей приходится дѣлиться со свекровью, то число дочерей, оставленныхъ покойнымъ, не принимается въ расчетъ, и имущество дѣлится поровну между снохою и свекровью на томъ основаніи, что каждая изъ нихъ должна получить часть своего мужа.

Совершенно другое положеніе занимаетъ вдова, имѣющая дѣтей мужескаго пола. Она вступаетъ во всѣ тѣ права, которыми обладалъ въ своей семьѣ ея покойный мужъ. «Мать упротивъ отца», говорятъ крестьяне, и взрослые дѣти должны ей подчиняться такъ же, какъ и малолѣтніа. Въ отношенія матери къ дѣтямъ можетъ вмѣшаться только общество, какъ это видно изъ одного рѣшенія Сокольниковскаго волостнаго суда, который, руководясь мнѣніемъ общества, дозволилъ раздѣлъ между двумя братьями, несмотря на нежеланіе ихъ матери. Вдова не вступаетъ въ семейныя права своего мужа

въ томъ случаѣ, если въ семьѣ остается братъ ея мужа, который, какъ старшій въ семьѣ, становится полнымъ хозяиномъ. Она не беретъ въ свои руки управленія домомъ также и тогда, когда вся семья состоитъ изъ одного лишь взрослого сына: ея власть и опытность нужны для водворенія порядка въ большой семьѣ, для веденія же хозяйства признается вполнѣ способнымъ совершеннолѣтній мужчина. Во всей силѣ и полнотѣ проявляется власть матери при раздѣлахъ ея съ сыновьями. Никакихъ правилъ, какими, напримѣръ, руководятся при раздѣлахъ братья или дади съ племянниками, въ данномъ случаѣ не существуетъ. Мать можетъ взять себѣ, что ей угодно, даетъ каждому изъ сыновей такую часть, какую захочетъ, можетъ даже лишить сына доли въ общемъ имуществѣ.

Въ большинствѣ, конечно, случаевъ мать дѣлитъ своихъ сыновей поровну, но сама она беретъ себѣ не равную съ сыновьями часть, а обыкновенно еще до раздѣла отбираетъ для себя изъ имущества часть, размѣръ которой зависитъ отъ благосостоянія семьи. Если семья имѣетъ много земли, если, напримѣръ, каждый сынъ имѣетъ особый надѣлъ, то вдова беретъ себѣ надѣлъ своего мужа и кое-что изъ скота—корову, напримѣръ, овцу, и тотчасъ передаетъ ихъ одному изъ сыновей, у котораго она намѣрена поселиться. Если земли мало, то мать отцовскій надѣлъ дѣлитъ между сыновьями, которые сообща должны позаботиться о содержаніи ея до самой смерти или у одного изъ сыновей, или же, если она пожелаетъ, должны выстроить ей отдѣльную избу и доставлять всѣ необходимые припасы. Власть матери такъ сильна, что, по увѣренію крестьянъ, она можетъ даже измѣнить разѣ совершившійся раздѣлъ; но на практикѣ воля матери въ данномъ случаѣ контролируется мнѣніемъ общества, подъ защиту котораго прибѣгаетъ обиженный сынъ. Такъ, напримѣръ, одна крестьянка Сокольніцкой волости потребовала, чтобы волостной судъ заставилъ двухъ ея сыновей кормить ее и чтобы принудилъ одного сына передать другому нѣкоторыя постройки, полученные первымъ по раздѣлу. Судъ, удовлетворивши первое требованіе, во второмъ отказалъ. Что касается до той обстановки, при которой происходитъ раздѣлъ матери съ дѣтьми, то обыкновенно онъ совершается безъ участія поня-

тыхъ, и раздѣломъ руководить мать. Но если раздѣлъ является результатомъ семейной неурядицы, если дѣльба происходитъ безъ согласія всѣхъ членовъ семьи, не „по доброй совѣсти“, какъ говорятъ крестьяне, тогда требуется присутствіе понятыхъ.

По смерти матери все ея имущество, кромѣ земли, идетъ тому изъ сыновей, у котораго она жила передъ смертью и который принялъ на себя расходы по ея погребенію. Земля же, предоставленная матерью въ пользованіе одному изъ сыновей, никогда не остается ему, но идетъ въ раздѣлъ всѣмъ братьямъ.

По обычаямъ изслѣдуемой мѣстности, нѣкоторыми правами, хотя и очень незначительными, пользуется любовница умершаго крестьянина, съ которою онъ жилъ долгое время въ связи и оставилъ дѣтей. Собственно здѣсь она является только охранительницею тѣхъ правъ, которыми обладаютъ незаконно-рожденныя дѣти покойнаго; сама же она можетъ получить часть наслѣдства только по завѣщанію покойнаго. Законная жена имѣетъ полное право совершенно устранить отъ наслѣдованія любовницу и ея дѣтей. Если же законной жены нѣтъ, или она не заявитъ своихъ претевзій, то незаконныя дѣти получаютъ движимое имущество, но на землю, которая должна перейти родственникамъ умершаго, они не имѣютъ никакихъ правъ.

До сихъ поръ мы разсматривали тотъ случай, когда въ главѣ большой семьи остается мать. Посмотримъ теперь, къ кому переходитъ отцовская власть, если въ семьѣ умираютъ какъ отецъ, такъ и мать. Въ такомъ случаѣ семьею управляетъ или старшій дядя, живущій въ семьѣ, или же, если его нѣтъ, старшій братъ. Власть ихъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ хотя и равна отцовской власти, хотя крестьяне и говорятъ, что «большій братъ на мѣсто отца», но тѣмъ не менѣе, чтобы сохранить всю свою силу и полноту, она нуждается въ подрѣпленіи авторитетомъ общественнаго мнѣнія. Это особенно ясно обнаруживается въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ взрослыхъ членовъ семьи требуетъ отдѣла вопреки желанію «большаго брата». Отецъ въ такомъ случаѣ просто запретилъ бы раздѣлъ, но братъ-хозяинъ этого не можетъ сдѣлать; онъ говоритъ недовольному семьянину: „окажи (т. е. докажи) на меня обиду, тогда дѣлись“, и дѣло переходитъ въ волостной судъ. Исполнить волостной судъ желаніе

старшаго брата, онъ опять становится полнымъ хозяиномъ въ своей семьѣ; не исполнить, онъ обязанъ подчиниться. Среди крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что разъ въ такой семьѣ начались раздоры, ей надо раздѣлиться, потому что власть дяди или брата не настолько авторитетна и сильна, чтобы могла ради общихъ интересовъ семьи обуздать своекорыстные стремленія отдѣльныхъ ея членовъ.

Приступая къ раздѣлу, семья совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ своихъ родственниковъ, хотя и принадлежащихъ къ этой семьѣ, но уже отдѣлившись раньше. Это происходитъ вслѣдствіе того, что при раздѣлахъ всякій выходящій изъ семьи получаетъ сполна ту часть имущества, на которую онъ имѣетъ право въ моментъ отдѣла, и слѣдовательно совершенно прерываетъ свою имущественную связь съ семьей. При раздѣлахъ не получаютъ никакой доли также и женщины, живущія въ семьѣ. Совсѣмъ ничего не получаютъ замужнія. Дѣвушкамъ же обыкновенно даютъ кое-что изъ хлѣба или изъ одежды, да и то въ томъ только случаѣ, если мужчины захотятъ это сдѣлать „по чести“, какъ говорятъ крестьяне, но никакъ не по праву, котораго женщины не имѣютъ. Что касается до правъ вдовы на долю изъ имущества, то о нихъ уже говорилось выше. Устраняя женщину отъ участія въ раздѣлѣ, обычай даетъ ей полное право остаться въ семьѣ какого-либо отдѣлившагося родственника. Такую неравноправность женщинъ крестьяне объясняютъ тѣмъ, что главная доля заботъ и труда при обработкѣ земли падаетъ на мужчину; женщина считается какъ-бы неспособной вести сельское хозяйство. Поэтому земля отдается всегда въ руки мужчинъ; а разъ имъ отдана земля, они должны получить и всѣ средства для ея обработки, т. е. сельско-хозяйственный инвентарь, изъ котораго-то, главнымъ образомъ, и состоитъ все имущество крестьянина.

Не нужно думать, что женщины въ крестьянскомъ быту лишены наследственныхъ правъ: онѣ только уступаютъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ своимъ родственникамъ мужчинамъ. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ того случая, когда по смерти родителей представительницей семьи является одна лишь дочь. Она получаетъ все отцовское иму-

щество, включая сюда и землю, хотя послѣдняя не остается въ ея распоряженіи, но переходитъ во временное пользованіе кому-либо изъ родственниковъ. Послѣ ея замужества земля передается ея мужу, если она взяла себѣ „примаку“; но если она ушла въ чужую семью, то земля остается у родственниковъ, хотя она сохраняетъ на нее право и, оставшись по смерти мужа бездѣтною, снова можетъ ее получить.

Рѣшивши произвести раздѣлъ, крестьяне приступаютъ къ нему безъ предварительной оцѣнки подлежащаго раздѣлу имущества. Послѣдней подвергается только часть того изъ участвующихъ въ дѣлежѣ, который тотчасъ послѣ раздѣла уходитъ изъ родного селенія, оставляя свою часть на храненіе кому-либо изъ родственниковъ. Записи о раздѣлахъ вносятся въ книгу волостного правленія только въ томъ случаѣ, если семья не можетъ подѣлиться безъ участія понятыхъ. Обыкновенно каждый самъ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы его интересы не нарушались. Разъ они терпятъ какой-либо ущербъ, онъ призываетъ понятыхъ, и тогда во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній результаты совершившагося дѣлежа записываются въ книгу волостного правленія. Имущество при раздѣлѣ разбивается на нѣсколько однородныхъ группъ, каждую изъ которыхъ дѣлятъ на извѣстное количество равныхъ долей. Доли эти распредѣляются между членами семьи „по любкамъ“, по уговору или по жребію. Обычай дѣлиться „по любкамъ“ употребляется преимущественно тогда, когда дѣлятъ все имущество пополамъ, и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ дѣлежа дѣлитъ извѣстную группу имущества на двѣ доли, а другой выбираетъ изъ нихъ „любки“, т. е. ту часть, которая ему болѣе нравится. При раздѣлѣ слѣдующей группы роли ихъ мѣняются и т. д. Если имущество дѣлится на нѣсколько частей, то доли распредѣляются по уговору. Выбирая себѣ части изъ имущества, крестьяне руководятся нѣкоторыми установившимися обычаями. Существуетъ, напр., обычай, что старшіе братья должны уходить на „новую печину“, т. е. должны оставить отцовскій домъ, а младшіе остаются на „старой“. Само собой разумѣется, что такой способъ раздѣла общаго имущества возможенъ только при полномъ согласіи между членами семьи. Если этого согласія

нѣтъ, то обыкновенно приглашаются понятые, которые и предлагаютъ бросить жребій. Къ этому средству крестьяне рѣшаются прибѣгать только въ случаѣ совершенной невозможности уладить дѣло инымъ путемъ: жребій, по ихъ мнѣнію, никогда не можетъ правильно распредѣлить имущество. Являясь орудіемъ слѣпой случайности, онъ можетъ дать одному больше, а другому меньше. Если при раздѣлѣ одинъ изъ членовъ семьи отсутствуетъ, то доля его описывается и при понятыхъ вручается обыкновенно старшему въ семьѣ; если же послѣдній откажется взять ее, то она переходитъ кому-либо изъ другихъ родственниковъ.

Изъ общаго имущества при раздѣлахъ исключается все то, что принадлежитъ женщинамъ извѣстной семьи. Каждая женщина, замужняя или дѣвушка, имѣетъ свой особый сундукъ; въ немъ она хранитъ какъ свое приданое, такъ и все другое имущество, которое у ней не оспариваютъ остальные члены семьи. Въ этомъ сундукѣ все ея достояніе: „тутъ мои хоромы и терѣмы“, говоритъ она. Не получая ничего по раздѣлу, она, конечно, не обязана давать въ раздѣлъ то имущество, которое молчаливымъ согласіемъ семьи признано ея собственностью. Обыкновенно въ семьѣ какъ мужчины, такъ и женщины строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы какая-нибудь баба не забрала въ свой сундукъ чего-либо лишняго, такъ что сундуки эти являются собственно довольно точнымъ раздѣломъ между женщинами всего бабьяго добра, исключая отсюда, конечно, приданое, всегда принадлежащее только той женщинѣ, которая принесла его. Совсѣмъ не то бываетъ съ имуществомъ мужчинъ: оно цѣликомъ, не исключая даже носильнаго платья, поступаетъ въ раздѣлъ. Крестьяне избѣгаютъ оставлять въ нераздѣльномъ пользованіи что-либо изъ общаго имущества. Если начинается раздѣлъ, то это показываетъ, что согласіе и порядокъ въ семьѣ нарушены, и слѣдовательно всякое совмѣстное пользованіе можетъ вызвать только новые раздоры. Чаще всего крестьяне исключаютъ изъ раздѣла „токъ“, т. е. гумно съ находящимися на немъ постройками. Пользоваться имъ сообща довольно удобно, такъ что бывають даже случаи, когда нѣсколько семействъ общими силами устраиваютъ токъ и затѣмъ совмѣстно вла-

дѣютъ имъ. Другія постройки или же скотъ остаются въ общемъ пользованіи въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Это можетъ произойти только тогда, когда совладѣльцы, по выраженію одного крестьянина, „гораздо добросовѣстные люди“. Хлѣбъ какъ на корню, такъ и въ амбарахъ дѣлится на столько-же частей, на сколько и остальное имущество, но никакъ не по числу надѣловъ. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что въ обработкѣ земли всѣ принимали точно такое-же участіе, какъ и въ приобрѣтеніи остального имущества. Въ раздѣлъ идетъ „привитокъ“, т. е. имущество, нажитое по смерти отца, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и наследство, оставленное отцомъ. Все имущество, которымъ въ моментъ раздѣла владѣетъ семья, считается общимъ достояніемъ и дѣликомъ подлежать дѣлежу. Впрочемъ, случается, что лишніе работники въ семьѣ одного изъ участниковъ въ дѣлежѣ (напримѣръ, его сыновья), имѣющіе право вмѣстѣ съ отцомъ всего на одну лишь долю изъ общаго имущества, получаютъ съ согласія всей семьи кое-что изъ хлѣба и изъ одежды: „знизокъ (т. е. перемѣну) платья, четверикъ хлѣба“. Долги, сдѣланные для всей семьи кѣмъ-либо изъ ея членовъ, подлежатъ уплатѣ изъ общаго имущества. Сдѣланныя же кѣмъ-либо изъ членовъ семьи особыя издержки на общее имущество не могутъ повліять на величину его доли. Если кто и приобрѣлъ для семьи больше другихъ, то сдѣлалъ онъ это только благодаря тому, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи отцовское имущество, принадлежащее всей семьѣ. Другой же приобрѣлъ меньше не вслѣдствіе своего нерадѣнія, но потому только, что онъ, по объясненію одного крестьянина, былъ „младъ или не такъ смышленъ“. Всѣ трудились, по мѣрѣ своихъ силъ, на общую пользу, и слѣдовательно всѣ должны получить равныя доли. Подъ этими „всѣми“ нужно разумѣть, однако, не всѣхъ членовъ семьи, но только все первое поколѣніе наследователя, безъ всякаго различія по возрасту.

Если-бы кто-либо изъ этого перваго поколѣнія умеръ, оставивши послѣ себя сыновей, то не каждый изъ нихъ порознь, но всѣ они вмѣстѣ имѣютъ право на полученіе только одной отцовской доли, хотя-бы они были уже взрослыми работниками и потрудились для семьи болѣе другихъ малолѣтнихъ

наслѣдниковъ, получающихъ тѣмъ не менѣе полныя доли. Словомъ, имущество распредѣляется между наслѣдниками тѣмъ способомъ, который крестьяне называютъ дѣльбой „по отцамъ“, и при которомъ ни общее число душъ въ семьѣ каждаго наслѣдника, ни число рабочихъ душъ въ расчетъ не принимаются. Изъ земельныхъ угодій такому раздѣлу подлежить только надѣль, полученный семьей по наслѣдству. Остальные надѣлы переходятъ къ тѣмъ членамъ семьи, за которыми они записаны при надѣленіи крестьянъ землею; они распредѣляются, какъ говорятъ крестьяне, „по ревизскимъ душамъ“. „Такъ положилъ Богъ да царь“, объясняютъ крестьяне этотъ обычай, устанавливающій случайность въ распредѣленіи земли и идущій въ разрѣзъ съ другими обычаями, напримѣръ, съ обычаемъ, по которому малолѣтніе наслѣдники получаютъ такія-же доли, какъ и взрослые, такъ какъ каждый наслѣдникъ долженъ получить равную часть изъ отцовскаго имущества—„батьковщину“, и такъ какъ малолѣтній не виноватъ, что онъ родился позже взрослого. Впрочемъ, крестьяне видимо тяготеютъ къ распредѣленію земли „по ревизскимъ душамъ“ и держатся этого обычая только изъ нежеланія измѣнить своимъ твердо установившимся привычкамъ.

Если въ семьѣ остается мальчикъ-сирота, и если его мать выходитъ вторично замужъ, то онъ сохраняетъ всѣ права на отцовскую долю, независимо отъ того, идетъ ли онъ за матерью въ чужую семью, или же остается въ своей. Если мать такого сироты оставляетъ семью своего покойнаго мужа, не вступая во второй бракъ, то глава семьи имѣетъ полное право удержать долю сироты у себя, чтобы вдова не могла ее растратить; но ежели вдова вступаетъ во второй бракъ, то отчимъ можетъ потребовать себѣ, кромѣ земли и построекъ, все имущество пасынка, которое сдается ему по описи и затѣмъ переходитъ пасынку, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ такихъ точно размѣрахъ, въ какихъ получилъ его отчимъ.

Братъ-солдатъ сохраняетъ всѣ права на свою долю независимо отъ того, посылалъ ли онъ со службы домой деньги, получалъ ли онъ самъ что-либо отъ семьи, оставилъ ли онъ дома жену или нѣтъ. Доля его, равная съ долями остальныхъ братьевъ, опредѣляется тѣми размѣрами имущества, которыхъ

оно достигло ко дню раздѣла, но никакъ не тѣмъ имуществомъ, которое оставилъ братъ-солдатъ, уходя изъ дому. Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ такія соображенія: вѣдь братъ-солдатъ служить за всѣхъ братьевъ; будь онъ одинъ у родителей, ему не пришлось бы отбывать воинской повинности. „Ты работалъ дома, а я былъ на службѣ. Было тебѣ итти, а я бы поработалъ“, такъ скажетъ солдатъ своему брату, если тотъ не пожелаетъ выдать ему равной доли.

Размѣръ доли увеличивается нѣсколько на свадебныя издержки для холостыхъ братьевъ, если есть въ семьѣ женатые. Дѣлается это обыкновенно такимъ образомъ: до дѣлежа еще изъ общаго имущества выдѣляютъ холостому брату приблизительно столько, сколько издержано на свадьбу старшаго брата, а затѣмъ остальное имущество обычнымъ порядкомъ идетъ въ раздѣлъ. Выдача холостымъ братьямъ части общаго имущества на свадебныя издержки, кромѣ требованій справедливости, объясняется еще экономическимъ соображеніемъ. Каждому крестьянину, который хочетъ завести свое хозяйство, необходимо жениться, „а вѣдь еслибы онъ“, говорятъ крестьяне, „подѣлившись, издержался на свадьбу, то у него ничего не осталось бы“.

Братъ, бывшій на заработкѣ и ничего не посылавшій домой, тѣмъ не менѣе получаетъ изъ имущества часть, равную съ остальными. Только отецъ можетъ уменьшить его долю. Братья и волостной судъ пользуются этимъ правомъ, да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, только по отношенію къ движимому имуществу; на землю же права его безспорны. „Если брата“, говорятъ крестьяне, „увидать, что у него есть капиталъ, тогда высчитаютъ, а если онъ придетъ такъ, что у него и рубахи нѣтъ, то дадутъ полную часть“. Въ объясненіе этого обычая крестьяне приводятъ слова брата, который оставилъ родную семью и затѣмъ возвратился безо всякаго заработка. Вотъ какъ скажетъ онъ своему брату-хозяину, ежели тотъ не захочетъ дать ему полной части: „ты пользовался землей и потому платилъ повинности: вѣдь земля себя оплатитъ, а имущество это—отцовское, мое наслѣдство“. Лица дурного поведенія также получаютъ полныя доли. „Онъ, вѣдь, братъ“, — такъ объяснилъ одинъ крестьянинъ этотъ обычай.

Правила, которыми руководятся при раздѣлахъ дяди съ племянниками и двоюродные братья, вытекаютъ изъ основнаго обычая дѣлиться „по отцамъ“. Если дядя дѣлится съ нѣсколькими племянниками, сыновьями одного его брата, то онъ говоритъ имъ: „я съ братомъ дѣлюсь, а не съ вами“, и выдаетъ имъ одну долю на всѣхъ. Точно также при раздѣлѣ двоюродныхъ братьевъ имущество разбивается на столько частей, сколько было у нихъ отцовъ. Малолѣтніе племянники и двоюродные братья имѣютъ такія-же права на полученіе доли изъ общаго имущества, какъ и взрослые.

Намъ остается еще разсмотрѣть, получаютъ ли что-либо при раздѣлахъ незаконнорожденные, зятья и пасынки. Что касается первыхъ, то они могутъ получить что-либо по праву, по рѣшенію волостнаго суда, только въ томъ случаѣ, если долго жили въ семьѣ и хорошо работали; получаютъ они это вознагражденіе на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ получаютъ его и пріемыши, пробывшіе въ семьѣ долгое время. Малолѣтніе незаконнорожденные остаются въ семьѣ какого-либо родственника, напримѣръ, дяди. „Который-либо дядя“, говорилъ одинъ крестьянинъ, „да взмилуется взять его къ себѣ; онъ то считаетъ: вѣдь кровь наша, по сестрѣ родной“. Нѣсколько иными представляются отношенія самихъ крестьянъ къ незаконнорожденнымъ. Эти отношенія не имѣютъ опредѣленнаго характера и колеблются подъ вліяніемъ слѣдующихъ двухъ соображеній: съ одной стороны крестьянинъ изъ состраданія говоритъ: „вѣдь онъ не виноватъ“; но съ другой стороны, помня, что отцовская доля должна достаться только его сыновьямъ, онъ сурово отталкиваетъ незаконнорожденнаго: „иди туды, гдѣ твой батька“, говоритъ онъ ему. Перваго взгляда придерживаются старики крестьяне. Они еще при жизни стараются обезпечить незаконнорожденныхъ внучать, племянниковъ и т. д., ставятъ имъ избы, даютъ скотъ, а если можно, то надѣляютъ и деньгами. Молодое поколѣніе обыкновенно противодѣйствуетъ переходу въ руки незаконнорожденныхъ части изъ общаго имущества, уменьшающей долю каждаго изъ законныхъ наследниковъ. По смерти стариковъ наследники нерѣдко предъявляютъ иски къ незаконнорожденнымъ, получившимъ заблаговременно что-либо изъ общаго

имущества, и волостные суды рѣшаютъ эти дѣла въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда незаконнорожденные недолго жили въ семьѣ.

Зятя-пріемыши, или по мѣстному названію — «примаки», пользуются такими-же правами на общее имущество, какъ и пріемыши не родственники. Если они живутъ въ семьѣ недолго—3, 4 года, то имъ выдаютъ „полѣтнее“; но если они проживутъ больше, тогда имъ выдаютъ одинаковую съ наслѣдниками часть изъ общаго имущества, кромѣ земли, конечно. Въ общемъ, однако, права зятя довольно неопредѣленны и зависятъ отъ произвола наслѣдниковъ и усмотрѣнія волостного суда. Поэтому тесть всегда старается обезпечить зятя заблаговременно и по завѣщанію оставляетъ ему что-либо изъ своего имущества. Въ настоящее время крестьяне идутъ въ „примаки“ не иначе, какъ по особому договору, заключенному въ волостномъ правленіи. Въ этихъ договорахъ точно опредѣляются: 1) отношенія зятя къ тестю и его семейству и 2) имущественныя права, получаемыя зятемъ какъ при жизни тестя, такъ и по его смерти. По одному, напимѣръ, договору, зять, женившійся на падчерицѣ, обязуется быть вмѣсто сына родного, во всемъ повиноваться тестю и похоронить его; за это тесть передаетъ зятю все движимое и недвижимое имущество, въ томъ числѣ и землю. Тесть съ тещею живутъ у зятя, но если жить вмѣстѣ имъ не понравится, то зять обязанъ дать имъ хлѣба въ опредѣленномъ количествѣ, избу и корову. Кромѣ того, зять обязанъ выплатить двумъ дочерямъ тестя или наслѣдникамъ ихъ, по смерти тестя и его жены, по 30 рублей. За нарушеніе этого условія виновная сторона или наслѣдники ея подвергаются штрафу въ 300 рублей. По смерти зятя и жены его имущество обратно переходитъ тестю. Иногда въ этихъ договорахъ опредѣляется количество времени, которое зять долженъ прожить въ семьѣ тестя, чтобы получить права на его имущество.

Въ видѣ иллюстраціи этихъ отношеній прилагается копія одного договора, заключеннаго между тестемъ и зятемъ-пріемышемъ.

Мы нижеподписавшіеся, крестьяне Витебской губ., Невельскаго у., Сокольницкой вол., дер. Антоново Михайла Николаевъ и дер. Соськино Андрей Ананьевъ, заключили сіе добровольное условіе въ слѣдующемъ:

1) Я, Михаилъ Николаевъ, принявъ въ свой домъ вступившаго въ бракъ съ дочерью моею Настасьей Михайловой крестьянина Андрея Анањева съ тѣмъ, что онъ, Анањевъ, и Михайлова во все время совмѣстнаго жительства обязаны во всемъ повиноваться моимъ распоряженіямъ по хозяйству, уважать, безъ моего вѣдома и дозволенія ничего не начинать, а на случай смерти моей, Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, похоронить по обряду христіанскому за что имъ, Анањеву и Михайловой, а равно и ихъ наслѣдникамъ передаю разъ навсегда, половину всей доставшейся мнѣ въ дер. Автоново по люстраціонному акту земли какъ полевой, такъ огородной, усадебной и сада, а равно половину всего движимаго и недвижимаго имущества, какъ-то: строеній, скота, хлѣба и всей домашней рухляди и земледѣльческихъ орудій. Хотя-бы раздѣлъ между нами совершился послѣ совершенія сего документа въ скоромъ времени, но во всякомъ случаѣ изъ общаго нераздѣльнаго имущества мы, Анањевъ и Николаевъ, обязаны уплатить его, Николаева, двумъ замужнимъ дочерямъ: Ефросиньи и Александрѣ Михайловымъ по 100 руб., а всего 200 руб., а послѣ-же смерти моей, Николаева, и жены моей, Агафьи Сергѣевой, оставшаяся какъ земля, такъ и все движимое имущество, должно перейти во владѣніе ихъ и наслѣдниковъ Анањева и Михайловой пользованіе.

2) Уплата, причитающихся платежей и повинностей за землю—на обязанности того изъ насъ, Николаева и Анањева, кто будетъ пользоваться и какою частью.

3) Я, Михаилъ Николаевъ, никому кромѣ Анањева и его жены, упомянутыхъ въ первомъ пунктѣ сего условія, земли и движимаго имущества передать права не имѣю, такъ какъ таковыя уже переданы по сему условію.

4) Если бы во время совмѣстной жизни моей, Михаила Николаева, и его, Андрея Анањева, пришлось продать изъ имущества скота или хлѣба, или что другое, то это должно быть съ общаго совѣта, а равно и производить расходы денегъ также съ согласія.

5) На случай бы умеръ Андрей Анањевъ или его жена Настасья Михайлова, и послѣ ихъ смерти не останется дѣтей, то во всякомъ случаѣ означенное въ первомъ пунктѣ сего условія имущество и земли, должны принадлежать оставшемуся въ живыхъ, т. е. Андрею Анањеву или Настасьи Михайловой.

6) Если-бы произошелъ семейный раздѣлъ при моей, Михаила Николаева, и жены, Агафьи Сергѣевой, жизни, и я былъ бы не въ силахъ обрабатывать земли, то онъ, Андрей Анањевъ, и Настасья Михайлова обязаны во всякое требованіе помогать.

7) Если бы я, Михаилъ Николаевъ, или наслѣдники мои пожелали нарушить это условіе, то не иначе, какъ по уплатѣ неустойки ему, Андрею Анањеву, или его наслѣдникамъ 1500 руб.; а если я, Андрей Анањевъ, или мои наслѣдники не выполнятъ хотя части сего условія, то безъ всякаго спора и суда лишаюсь права на пользованіе поименованными въ 1-мъ пунктѣ имуществомъ и землею. (Далѣе слѣдуютъ подписи и засвидѣтельствованіе).

Что касается пасынка, то онъ, сохраняя всѣ права на часть отцовскаго имущества, изъ имущества отчима получаетъ

очень незначительную долю, которую даютъ ему наслѣдники „по совѣсти“. Волостной судъ обыкновенно не присуждаетъ имъ „погоднаго“. „Довольно съ тебя того, что отчимъ тебя взростилъ да кормилъ“, говорятъ пасынку судьи. Волостной судъ только тогда заставляетъ отчима выдать пасынку небольшую часть изъ имущества, когда тотъ оказалъ цѣнные услуги семьѣ. Въ Сокольниковѣ волостномъ судѣ, напримѣръ, разбиралось такого рода дѣло: отчимъ выгналъ пасынка и захватилъ имущество его жены. Тогда пасынокъ потребовалъ, чтобы отчимъ уплатилъ ему 300 рублей и возвратилъ имущество жены, въ чемъ однако отчимъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ издержался на свадьбу пасынка и хочетъ, чтобы тотъ для полученія части изъ его имущества прослужилъ у него вмѣстѣ съ женою по крайней мѣрѣ еще годъ. Судъ постановилъ: въ искѣ 300 рублей отказать, имущество жены истца возвратить, выдѣлить истцу изъ имущества отвѣтчика одну лошадь, двухъ коровъ (изъ 10) и 2 свиней (изъ 12). Въ общемъ пасынокъ получилъ приблизительно шестую часть имущества отчима.

Вотъ въ главнѣйшихъ чертахъ тѣ обычаи, которые выработали мѣстные крестьяне для своихъ семейныхъ раздѣловъ. Изслѣдуя ихъ, я руководствовался главнымъ образомъ юридической программой, изданной Этнографическимъ Отдѣломъ. Изъ всей главы о семейныхъ раздѣлахъ въ названной программѣ я долженъ былъ оставить безъ отвѣта только нѣсколько вопросовъ, которые касаются условій крестьянскаго быта, не существующихъ въ изслѣдуемой мѣстности. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о различіи въ обычаяхъ промысловаго и земледѣльческаго населенія и нѣкоторые другіе.

Н. Тесленко.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ

Кизлярскаго отдѣла Терской области.

Приступая къ изложенію моего описанія станицы Червленной, я считаю необходимымъ замѣтить, что эта станица имѣетъ въ своей жизни, въ своихъ обычаяхъ особенный характеръ. Ее нельзя принять за типъ казачьихъ станицъ современнаго положенія казачества, хотя нельзя отрицать существованія и общихъ чертъ. Ея географическое положеніе (пожалуй самое худшее въ сельско-хозяйственномъ отношеніи), ея сравнительная древность, историческое прошлое, составъ народонаселенія, обряды, обычаи — все это выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ сосѣднихъ станицъ. Всѣ станицы, напр., Терскаго войска народонаселеніе имѣютъ большей частью смѣшанное; между тѣмъ въ Червленной главная масса народонаселенія состоитъ исключительно изъ казаковъ старообрядцевъ, потомковъ древнихъ пионеровъ русскаго владычества на Кавказѣ.

Всѣ свѣдѣнія, предлагаемая здѣсь, по возможности тщательно провѣрены мною, и я записывалъ только то, что рельефно выдавалось или было общей чертой.

Считаю не лишнимъ указать на слѣдующія изслѣдованія той же станицы: 1) *Ржевусскій*: «Терцы». Сборникъ историческихъ бытовыхъ и географическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ. Въ этомъ трудѣ, хотя и имѣющемъ общій характеръ, въ бытовомъ отдѣлѣ есть статьи, относящіяся и къ быту станицы Червленной. — 2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып. VIII, 1889 г. Въ сборникѣ есть нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о ст. Червленной.

Станица Червленная—одна изъ древнихъ станицъ по Тереку. Сами жители говорятъ, что ихъ станица старше всѣхъ окружающихъ. Она находится подь $63^{\circ} 38' 30''$ вост. долготы и $43^{\circ} 29' 40''$ с. широты, въ 100 верстахъ отъ желѣзной дороги, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Грознаго и въ 140 в. отъ областного города Владикавказа. Расположена ст. Червленная на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки Терека. Это мѣстоположеніе сравнительно новое, не болѣе 40 лѣтъ, какъ говорятъ мѣстные сторожилы, и со времени ея основанія третье. Сначала станица была расположена на правомъ возвышенномъ берегу, у гребня, но постоянныя нападенія чеченцевъ долго тревожили жителей: не разъ скотъ угоняли, женъ и дѣвушекъ уводили. Долго казаки крѣпились, долго отстаивали свое родное пепелище, но не могли устоять противъ чуть ли не ежедневныхъ появленій горцевъ и рѣшили перенести станицу на другой берегъ Терека. Но и на этомъ новомъ мѣстѣ не ужилось станицѣ. То Терекъ своими разливами не разъ затоплялъ прибрежныя домики, то однажды пожаръ почти всю станицу выжегъ. Рѣшили старики опять на новое мѣсто перенести станицу, немного повыше, и дѣйствительно перенесли на новое мѣсто, а тамъ оставили лишь нѣсколько домиковъ, которые потомъ были обращены въ скитъ, гдѣ находятъ теперь себѣ успокоеніе старики бездѣтныя, старухи вдовы и старыя дѣвы. Этотъ скитъ нѣчто въ родѣ пріюта или богадѣльни. Каждое воскресенье жители станицы отправляются туда и несутъ кое-что изъ припасовъ убогимъ инвалидамъ.

Построена станица довольно правильно; улицы порядочной ширины. Есть дома и двухъ-этажныя, хотя ихъ немного; скорѣе ихъ можно назвать полутора-этажными. Распространенный типъ постройки домовъ въ общихъ чертахъ слѣдующій: на улицу выходитъ небольшой домикъ; домикъ деревянный и всегда наружная сторона имѣетъ «бревенчатый» характеръ (по—великорусски), средней высоты, обнесенный плетневою изгородью; сзади къ нему примыкаютъ домашнія службы, большей частью покрытыя черепицей или тесомъ. Дымовыя трубы и плетневая изгородь—необходимая принадлежность отъ самаго богатаго дома до мазанки, низшаго типа

постройки въ азіатскомъ вкусѣ, носящей названіе «сагли». Курныхъ избъ по станицѣ я не встрѣчалъ.

Основное населеніе станицы состоитъ изъ казаковъ—гребенцовъ¹⁾, издавна еще поселившихся здѣсь. По вѣроисповѣданію почти всѣ они принадлежатъ къ бѣглопоповскому толку, имѣютъ часовню; есть еще маленькія часовни единовѣрческая и австрійская, но съ небольшимъ числомъ послѣдователей. По происхожденію, какъ они и сами себя считаютъ, они—потомки русскихъ, первыхъ самостоятельныхъ колонизаторовъ кавказскаго края и мѣстныхъ жителей—осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ и даже ногайцевъ-татаръ. Такое смѣшеніе произошло въ далекое прошлое время, которое почти не оставило слѣдовъ въ памяти казаковъ. Смутныя историческія воспоминанія можно, пожалуй, видѣть въ одномъ только праздникѣ молодежи, который я тутъ-же и опишу вкратцѣ. Это именно — „пусканіе корабля.“ Оно обыкновенно бываетъ на Духовъ день, слѣдовательно, совпадаетъ съ днемъ завиванія вѣнковъ въ Россіи. Къ этому гулянію готовятся заранѣе. Корабль устраиваетъ каждый хороводъ отдѣльно. Молодежь мужская приготавливаетъ маленькую модель корабля съ мачтами, снастями, а дѣвушки убираютъ его флагами, парусами и т. п. Убранный корабль представляетъ довольно красивую модель. На палубѣ устанавливается столъ и около него куклы, представляющія казаковъ и казачекъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ; предъ ними на столѣ яства, чихирь, водка. Гребцы, кормчіе также изъ казаковъ на своихъ мѣстахъ. Потомъ самая красивая дѣвушка изъ хоровода беретъ корабль, ставитъ на голову и сопровождаемая своимъ хороводомъ идетъ къ Тереку (теперь только въ рощу). Недалекъ идутъ казаки—молодежь въ полномъ вооруженіи. Корабль пускали прежде съ острова, находящагося на Терекѣ. Интересна между прочимъ переправа молодыхъ казачекъ на островъ. Разстояніе небольшое отъ берега до острова и мѣсто сравнительно не глубокое. Каждый казакъ верховой подъѣзжаетъ къ дѣвушкѣ, за которой ухаживаетъ, и предлагаетъ ей свои услуги для переправы. Дѣвушка лѣвой ногой

¹⁾По послѣднимъ свѣдѣніямъ населенія всего 5300 д. об. п.

становится на стремя, и парень ее поддерживаетъ рукой. Когда такимъ образомъ всѣ переправятся, корабль ставятъ посреди хоровода, нѣкоторое время танцуютъ лезгинку, а потомъ пускаютъ. Парни ѣдутъ по берегу и, когда уже корабль станетъ скрываться изъ виду, дѣлаютъ выстрѣлы по немъ. Удачный выстрѣлъ одобряется всѣми. Теперь немного не такъ. Не носятъ уже корабли на Терекъ, а въ роцъ; здѣсь танцуютъ. Казаки не даютъ себѣ отчета, что значить это празднество. Но говорятъ, что это ведется еще изстари. Объясненіе, мнѣ кажется, можно искать въ дальнемъ историческомъ времени. По историческимъ свѣдѣніямъ казаки прибыли по Волгѣ въ Каспійское море, а отсюда стали расселяться по Тереку. Прибыли они на лодкахъ, на стругахъ, и воспоминаніе объ этомъ-то періодѣ и проглядываетъ, вѣроятно, въ обычай пусканія корабля.

Въ настоящее время казаки, смѣшавшись съ разными народами, образовали собою какъ бы особую разновидность Кавказской расы. По внѣшнему виду казакъ представляетъ среднее между русскимъ простолюдиномъ и горцемъ, съ большею, впрочемъ, наклонностью въ типѣ къ горцу Кавказской расы. Въ послѣднее время хотя и бывали случаи, что казакъ женился на чеченкѣ, осетинкѣ, но это лишь какъ исключенія, и бывало это потому, что иной разъ (особенно во время военныхъ дѣйствій) оставались дѣти—сироты горца въ станицѣ. Здѣсь они и получили первое воспитаніе и конечно становились по традиціямъ такими же казаками, какъ и дѣти казака. Ихъ происхожденіе только лишь и сказывалось во внѣшнемъ видѣ, и казакъ, конечно, не стѣснялся жениться на нихъ. Что касается до казаковъ, по внѣшнему виду напоминающихъ татаръ-ногайцевъ, то казаки сами объясняютъ это сношеніями казачекъ съ ногаями, что во всякомъ случаѣ считается аномаліей. Рассказываютъ какъ фактъ, что жена одного казацкаго атамана почти все состояніе растратила съ своими пастухами ногаями. Что страннѣе всего—это то, что жена атамана, какъ говорятъ, была въ полномъ смыслѣ слова красавица, ногай же образцовый представитель безобразія.

Казакъ — средняго роста, пропорціонально сложенъ, съ небольшою грудью, тонкой таліей и безъ живота. Худощавое

лицо, прямой носъ, маленькіе глаза, въ большинствѣ случаевъ каряго или темно-каряго цвѣта, маленькій ротъ, небольшія, тонкія губы, маленькія съ сложной раковиной уши, во многихъ случаяхъ роскошная борода въ русскомъ вкусѣ, густые русые или темнорусые волосы, всегда стриженные по *старо-вѣрческому* ¹⁾ обряду. Одѣтъ всегда чисто и опрятно въ черкеску, туго перетянутую ремнемъ; на ногахъ опойковые сапоги, на головѣ иной разъ роскошная папаха. На работѣ тоже чисто одѣваются, хотя уже безъ черкесокъ—въ бешметѣ, а въ жаркую пору и въ рубашкѣ, почти всегда обуты, хотя во что-нибудь. Вообще казаки очень красиваго типа, и если бы не маленькіе глаза, да не совсѣмъ хорошій взглядъ ихъ (съ нѣкоторымъ лукавствомъ), то каждаго почти можно бы взять за образецъ красоты. Исключеніе составляютъ только казаки ногайскаго пошиба, которые скорѣе типы дегенерации; да ихъ немного въ станицѣ, такъ что они почти незамѣтны среди населенія.

Казачка — полная гармонія казаку. Стройная, средняго роста, не особенно полная, скорѣе худощавая, съ тонкой таліей; тонкія, изящныя черты лица, съ легкимъ румянцемъ (иногда и не своимъ,—косметика въ ходу), изящный и прямой носъ съ тонкими ноздрями, небольшой ротъ съ красиво очерченными губами, прелестныя руки, чудныя брови (иногда подведенныя), таинственно-глубокіе глаза, сулящіе блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ свергающіе какимъ-то недобрымъ огонькомъ. Вся внѣшность казачки такъ и дышетъ изяществомъ, неподдѣльной граціей и сознаниемъ своей очаровательности, проглядывающей въ нѣкоторой кокетливости, присущей всѣмъ безъ исключенія казачкамъ. Мягкая, плавная рѣчь, слегка протяжная, съ какимъ-то оттѣнкомъ меланхолической грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ приятно ласкающая ухо. Одѣваются онѣ еще лучше и чище казаковъ; костюмъ вполне живописный, заимствованный изъ восточныхъ обычаевъ ²⁾. Единственное, что не вполне гармонируетъ съ общей красо-

¹⁾ Можетъ быть, это объясняется вліяніемъ азіатцевъ. Всѣ они подрядъ стриженные довольно коротко.

²⁾ Подробныя описанія одежды см. у Ржевусскаго, стр. 254.

той наряда да и красотой самой казачки, это — платокъ, накидываемый на голову и завязывающійся у подбородка. Между тѣмъ обычай строго слѣдитъ за этимъ, и ни одна дѣвушка, ни одна женщина не рѣшится показаться предъ посторонними съ непокрытой головой. Мнѣ думается, что этотъ платокъ и этотъ строгій обычай его ношенія есть видоизмѣненный обычай востока — носить покрывало на лицѣ. Подъ вліяніемъ особыхъ условій въ казачествѣ восточный обычай ношенія покрывала перешелъ просто въ ношеніе платка на головѣ. Въ послѣднее время костюмъ начинаетъ сильно видоизмѣняться, особенно въ обыденной жизни. Начинаютъ появляться кофты, юбки и т. д. Только во время праздниковъ женщины одѣваются въ свои прежніе костюмы. Старухи весьма неодобрительно относятся къ этимъ новшествамъ и видятъ въ этомъ паденіе нравственности.

Пришлые элементы населенія состоятъ изъ русскихъ, армянъ и горскихъ евреевъ. Русскіе и армяне занимаются торговлей; а изъ евреевъ часть винокуреніемъ, а большая часть приготовленіемъ мѣстной обуви (ногавицы, чупяки) и ея продажей. Въ жизнь казачества они не вносятъ ничего и не оказываютъ почти никакого вліянія на населеніе, которое вообще держится болѣе корпоративно.

Я не буду останавливаться на описаніи зданій, жилищъ и ихъ убранства, такъ какъ объ этомъ довольно подробныя свѣдѣнія уже извѣстны въ печати¹⁾, и перейду къ характеристикѣ общественной жизни казаковъ.

Отношенія между членами станицы можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) отношенія внѣ семьи и 2) отношенія семейныя.

Въ станицѣ по положенію и состоянію коренное населеніе раздѣляется на „господъ“ и „простыхъ казаковъ“ „Господами“ называются казачьи офицеры и урядники. Существенное различіе между этими двумя слоями населенія заключается лишь въ состояніи, и только въ послѣднее время стали различаться и по образованію. Въ прежнее время, во время боевой, походной жизни, каждый казакъ могъ надѣяться стать урядникомъ,

¹⁾ См. Ржевусскаго, стр. 251.

а потомъ и офицеромъ, теперь же для этого требуется нѣкоторое образованіе. Поэтому въ станицѣ еще много офицеровъ прежняго типа, и въ своей жизненной обстановкѣ они отличаются лишь сравнительнымъ достаткомъ. И воспитаніе дѣтей своихъ „господа“ только въ послѣднее время начали вести по городскому, т. е. стали отдавать дѣтей учиться въ среднюю школу. Прежде и въ поминѣ этого не было: какъ сынъ или дочь простого казака, такъ и дѣти „господъ“ получали воспитаніе одинаковое, и естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что не существовала такая рознь между дѣтьми казака и казачьяго офицера, какая наблюдается теперь. Въ былое время дочь офицера такъ же убирала виноградники, такъ же ходила „полоть арбузы“, такъ же принимала участіе въ хороводахъ и вечеринкахъ молодежи, какъ и простая казачка. И судьба ея скорѣе устраивалась, скорѣе она находила себѣ мужа по сердцу, и жизнь не разъ складывалась довольно счастливо. Въ послѣднее время уже не то: молодая дѣвушка, вкусивши отчасти городской жизни, уже не думаетъ о простомъ казакѣ, а непремѣнно мечтаетъ объ офицерѣ или какомъ-нибудь чиновникѣ. Мечты такъ и остаются мечтами, такъ какъ офицеръ или чиновникъ ищетъ или денегъ или порядочнаго образованія. Ни того ни другого не имѣютъ за собой дѣвушки, дочери казачьихъ офицеровъ, и естественно, что онѣ остаются подолгу, а иногда и совсѣмъ „въ дѣвкахъ“. Казаки уже стѣсняются сватать такую, да она и не пойдетъ. Однимъ словомъ, вышло что-то такое „ни пава, ни ворона“...

Положеніе сыновей „господъ“, конечно, лучшее: они могутъ уѣхать учиться, или же, если это не удастся, займутся хозяйствомъ и живутъ сносно. Нѣкоторые женятся на казачкахъ. Такъ, я зналъ сына одного офицера, которому не удалось получить образованія, и онъ сталъ прямо въ ряды простыхъ казаковъ, женился на хорошенькой дѣвушкѣ казачкѣ и теперь живетъ не дурно, вполне довольный своимъ положеніемъ.

Въ силу историческаго возникновенія казачьихъ офицеровъ, казаки хотя и считаютъ ихъ „господами“, но не почитаютъ ихъ высоко. Почетъ большей частью отдается тому, кто личными качествами заслужилъ его, и нерѣдко простой

старикъ казакъ бываетъ почетнѣе и его болѣе уважаютъ, чѣмъ офицера. Насколько, напр., равноправны офицеры и простые казаки, указываетъ то, что общество можетъ выслать изъ своей среды такъ же спокойно сына офицера, какъ и простого казака. Слово „господа“, очевидно, не казачье; оно занесено пришлыми русскими, такъ какъ казакъ совершенно не знаетъ (развѣ по наслышкѣ) крѣпостного состоянія, и даже такой распространенной на Руси пословицы, какъ „вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день“, казаки совершенно не слыхали.

Отношенія казаковъ между собой имѣютъ весьма мягкій характеръ. Вы почти никогда не услышите особенно рѣзкой брани, драки. Хотя и бываютъ стычки, но онѣ въ большинствѣ случаевъ кончаются примиреніемъ за „чепуркой“. Но все-таки, по выраженію казака, теперь отношенія гораздо худше стали чѣмъ прежде. Особенно жалуются старики на молодежь, которая почти перестала уважать стариковъ. „Нѣтъ, не такъ было въ наше время, говорятъ старики. Бывало старикъ идетъ, такъ издали снимешь шапку и спѣшишь поклониться. А теперь что? Теперь онъ самъ еще ждетъ отъ старика почета. Прежде, когда старики «угощаются», такъ молодежь уже не вмѣшивается, развѣ рѣдко, когда какой-нибудь старикъ пригласитъ. А теперь они впередъ сами лѣзутъ... Нѣтъ, видно, скоро конецъ свѣта... Сказано: пойдутъ тужики, да пыжики, такъ ужъ тутъ не жди добра“... Дѣйствительно, мнѣ самому пришлось наблюдать одинъ фактъ, какъ рѣзко относился одинъ юноша лѣтъ 17 къ старику.

Другъ друга казаки называютъ или по прозвищамъ, или же по отчеству, смотря впрочемъ, кто съ кѣмъ обращается. Такъ, если старикъ обращается къ молодому, онъ называетъ его прямо по имени, тотъ же по имени и отчеству. Молодежь между собою тоже обращается ласково. Такъ, напр., дѣвушки парней называютъ: Петичка, Алешичка, Ваничка... и т. п.; парни дѣвушекъ—Танечка, Манечка, Дунечка.

Отношеніе къ сиротамъ такое-же, какъ и вездѣ на Руси. Не сладко имъ живется и у казаковъ; но все таки положеніе сносное. Весьма интересна поговорка, отлично характеризующая взглядъ на сироту. Когда по ошибкѣ отрѣжутъ слишкомъ большой ломоть хлѣба, то казакъ иронически замѣчаетъ:

„ишь, сиротскій отвалиль“. Еще, напр., довольно характеренъ разсказъ, рисующій положеніе сиротъ въ семьѣ. Былъ у одной женщины сынъ родной и двое сиротъ на ея попеченіи. Однажды она захотѣла угостить своихъ питомцевъ яйцами, но у нея оказалось только два. Какъ быть? дать цѣлое своему сыну, а тѣмъ по половинѣ, — сейчасъ народъ ославитъ отношеніе ея къ сиротамъ, а ей этого не хотѣлось. И вотъ она рѣшилась на такую хитрость: дала по цѣлому яйцу сиротамъ и говоритъ имъ: „а ужъ вы дайте Ванѣ (ея сынъ) по половинкѣ.“ Дѣти сироты, понятно, въ восторгѣ: по цѣлому яйцу получили, между тѣмъ какъ Ваня по половинкѣ.

Отношенія къ пришлымъ элементамъ станицы: армянамъ, евреямъ и русскимъ, занимающимся торговлею, полу-презрительныя, съ нѣкоторой долей насмѣшки. Такъ, напр., про армянъ говорятъ: „тремлятые армяшки“; или еще вѣрная характеристика человѣка, не отличающагося гостепримствомъ: „у него словно у жида пообѣдать, у армянина переночевать“.

Особенно хороши отношенія между стариками. „Ну, старики, выпьемте“, такъ обыкновенно старикъ обращается къ своимъ сотоварищамъ и по лѣтамъ, и по бывшей тревожной жизни, и часто подъ влияніемъ чепурки вина, чихиря разойдутся старики и начнутъ вспоминать бывшее—прошлое, и мирная, тихая бесѣда далеко тянется за полночь. Но впрочемъ не всегда бываетъ такъ. Такой эпическій характеръ имѣетъ бесѣда, когда старики толкуютъ о прошлой жизни, о прежнихъ дѣлахъ и невзгодахъ. Если же вопросъ коснется теперешней жизни, теперешнихъ порядковъ, а особенно въ станичномъ правленіи, то разговоръ принимаетъ довольно жаркій оттѣнокъ. Слышны большей частью сѣтованія на состояніе дѣлъ въ правленіи, на слабость народа, начинающаго таки довольно часто попивать, на неуваженіе молодежи и на отступничество отъ старой вѣры. „Нѣтъ, слабъ сталъ народъ; не то, что было прежде“... Иной разъ спросишь: а почему это такъ?—„Да надзору стало меньше, много свободы дали; вотъ они, а особенно молодые, и куражатся“. Такъ обыкновенно объясняетъ старикъ настоящій упадокъ нравственности. Да пожалуй, отчасти можно согласиться съ мыслью старика.

Въ прежнее время казачество несло на себѣ довольно тя-

желый гнетъ военнаго начальства: пороли, наказывали, да и вообще дисциплина была суровая. Казакъ привыкъ къ суровой опекѣ военнаго начальства, привыкъ большую часть своихъ внутреннихъ дѣлъ дѣлать подѣ влияніемъ авторитета начальства, инициатива личная была развита въ довольно слабой степени. Но вотъ окончилось военное напряженное положеніе, казакамъ дали большую свободу, начальство уже перестало непосредственно прикасаться къ народной жизни, и пошли „тужики да пыжики“, по выраженію казака.

Особенно во вредѣ свобода оказалась молодому поколѣнію. Конечно, оно такъ и слѣдовало быть. Вѣдь старое поколѣніе не имѣло никакого другаго представленія о воспитаніи, какъ подѣ влияніемъ начальства, и потому, разѣ начальство перестало обращать вниманіе на внутреннюю жизнь, казачество какъ бы осталось безъ руля и своихъ дѣтей не могло поставить на лучшую и болѣе твердую почву, чѣмъ оказалось оно въ настоящее время. Военная же служба также менѣе вліяетъ на нѣкоторую хотя бы дисциплинарную обработку характера казака, такъ какъ она стала значительно легче, да и по количеству дѣтъ много меньше.

Это неумѣніе пользоваться свободой высказалось, напримеръ, довольно ярко въ такомъ фактѣ. Для улучшенія казачьяго быта имъ позволено было выкуривать нѣсколько ведеръ спирта безъ акциза для поддобриванія вина. Но они этимъ правомъ не воспользовались, а евреи, давая отчасти денегъ впередъ, отчасти и матеріаль (одежду), постоянно эксплуатировали въ свою пользу ихъ право. Какимъ образомъ это они устраивали, это для насъ все равно; характеренъ только фактъ, что евреи, какъ рассказываютъ, продали довольно большое количество спирта безъ акциза.

Во всемъ этомъ, конечно, сказываются извѣстныя нравственныя черты казака, но о нихъ мы скажемъ впоследствии подробнѣе.

Что касается отношеній семейныхъ, то ихъ, мнѣ кажется, умѣстно будетъ прослѣдить, начавъ съ вопроса объ отношеніи половъ. Прежде всего необходимо отмѣнить отличительную черту казака—стремленіе къ семейственности. Можетъ быть, потому такъ развиты у казаковъ тѣ обычаи, которые спо-

собствуютъ сближенію половъ, какъ хороводы „собиранія“, танцы. Выйдете вы, напр., лѣтомъ часа въ 3, въ праздникъ, на площадь, тамъ уже собираются группы дѣвочекъ-подростковъ отъ 9—13—14 лѣтъ, и устраиваютъ маленькій хороводъ. Какая-нибудь маленькая мастерица играетъ на гармоникѣ, и маленькія плясуньи учатся лезгинку. Мальчики не всегда участвуютъ, но большей частью все-таки группируются тутъ же, а иногда и принимаютъ участіе въ танцахъ. Эти мелкіе хороводы—первые воспитатели общественности казаковъ. Такихъ „мелкихъ“ хороводовъ нѣсколько и они собираются большей частью на площади.

Часовъ въ 5 начинаютъ собираться настоящіе хороводы, гдѣ уже участвуютъ исключительно взрослые дѣвушки и парни. Обыкновенно сначала выходятъ на площадь двѣ-три дѣвушки, черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединяются еще нѣсколько, и скоро составляется хороводъ, который уже идетъ къ опредѣленному мѣсту. Активными дѣятелями при составленіи хоровода являются нѣкоторыя дѣвушки, которыя вообще даютъ тонъ и направленіе всему хороводу. Парни уже приходятъ къ собравшемуся хороводу и принимаютъ участіе лишь какъ танцоры. Хороводъ держится дѣвушками. Парни тоже собираются группами и переходятъ отъ одного хоровода къ другому.

Названіе „хороводъ“, очевидно, великороссійское, оставшееся еще, какъ „преданье старины глубокой“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакого „хоровода“ не существуетъ. „Хороводъ“ казачій состоитъ въ томъ, что дѣвушки образуютъ изъ себя кружокъ, причемъ за руки даже и не берутся, а въ центрѣ или одна дѣвушка или дѣвушка съ парнемъ подъ скромное едва слышное, однообразное, однотонное рипанье гармоники танцуютъ лезгинку. Лезгинка—и гармоника: немножко странно. Мнѣ и самому такъ показалось, и я поинтересовался узнать, всегда ли была при хороводѣ гармоника. Оказалось, что она еще довольно недавно приобрѣла право гражданства. Прежде былъ бубенъ и вѣчто въ родѣ трещетокъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ начала появляться гармоника, подвергшаяся сначала большому гоненію; но она оказалась настолько жизненной, что не смотря на гоненія, которыя, какъ говорятъ, даже были

официальнаго характера, вытерпѣла и приобрѣла полное право гражданства. Рѣдко, рѣдко появится бубень, какъ бы напоминающая о прежнемъ своемъ значеніи, но въ большинствѣ случаевъ онъ скоро ступшевывается. Отъ прежняго бубна и трещетокъ остались теперь „ладоши“. Въ тактъ гармоника казачки довольно ловко ударяють ладонями, и подъ этотъ аккомпанементъ исполняется чудный, изящный танецъ лезгинка, вполне воплощающій въ себѣ идею систематическаго ухаживанія, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось при внимательномъ наблюденіи позы и выраженія на лицахъ танцующихъ.

Хороводы имѣють громадное значеніе въ жизни казачества. На нихъ-то и завязываются первыя отношенія между молодыми людьми, ведущія потомъ къ вѣнцу. Хороводовъ существуетъ два вида: первые отъ 4 час. до 8 вечера, а вторые съ 9-ти и до поздней ночи. Существенная разница между этими хороводами та, что первые хороводы имѣють характеръ болѣе оффиціальнѣй, а болѣе поздніе—интимнѣй. Всѣ участвующіе въ первыхъ хороводахъ одѣваются въ лучшіе костюмы; отношенія между молодежью довольно сдержанныя, даже холодныя; къ этимъ хороводамъ допускаются и посторонніе зрители. Далекое не тотъ характеръ имѣють хороводы послѣ 9-ти часовъ. Костюмы живописныя и изящныя перемѣнены на болѣе простыя и дешевыя. Отношенія принимаютъ характеръ, интимнѣй, и нерѣдко можно слышать и смѣхъ задорнѣй, и шутку парня насчетъ дѣвушки, а то и упреки ревности.... Посторонняя публика совсѣмъ не допускается. Здѣсь уже не пляшуть, а лишь пѣсни поють да ухаживають парни за дѣвушками.

Хороводовъ въ станицѣ нѣсколько, и каждый носитъ свое названіе. Такъ извѣстны хороводы: Пономаревыхъ, кабачнѣй, озернѣй, опальнѣй. Эти названія приурочиваются или къ тому мѣсту, гдѣ искони собирается хороводъ, или же дается названіе по фамиліи или прозвищу дѣвушекъ, выдающихся красотой, умнѣнемъ пѣть, плясать, или вообще отличающихся какими-нибудь рѣзкими качествами.

Существуютъ извѣстныя правила приличія во время хороводовъ—своего рода этикетъ. Такъ, напр., дѣвушка съ пар-

немъ не должна говорить, а если она позволяет себѣ отклоняться отъ этого правила, то она изъ такихъ, которыя потеряли уже честь. Эта „мотается“, какъ говорить казакъ. Но вообще можно сказать, что этого правила строго придерживаются даже дѣвушки, пользующіяся дурной репутаціей. Нужно замѣтить, что дѣвушки честныя не сторонятся даже отъ такой, сомнительная репутація которой уже давно установилась, лишь бы только она не выказывала явно своего поведенія, или же не старалась бы и другихъ совратить. Но парни тоже довольно настойчиво „отваживаютъ“ дѣвушекъ и женщинъ сомнительнаго поведенія, особенно если оно становится черезъ-чуръ публичнымъ.

Участвуютъ въ хороводахъ также и молодые — годъ, два послѣ свадьбы, хотя къ молодымъ относятся съ нѣкоторой ироніей, особенно напр. къ мужу, когда онъ пришелъ одинъ безъ жены. „Ну что, зачѣмъ пришелъ? Спалъ бы у себя на полатахъ“. При вызовѣ танцующихъ тоже соблюдается нѣкоторый этикетъ. Такъ, напр., когда дѣвушка вызываетъ парня, то она, пройдя сперва нѣсколько разъ по кругу, останавливается противъ парня и легкимъ, исполненнымъ граціи и изящества поклономъ вызываетъ парня. Если же парень вызываетъ, то онъ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ пируэта предъ той дѣвушкой, которую желаетъ пригласить. Нерѣдко эта церемонія повторяется до трехъ разъ, между тѣмъ какъ по малѣйшему намеку дѣвушки парень быстро выходитъ на арену. Отказаться парню отъ приглашенія дѣвушки приличіе совершенно не позволяетъ. Дѣвушка въ этомъ случаѣ свободнѣе, хотя все-таки отказываетъ она сравнительно рѣдко. Отказавъ одному парню, она можетъ рисковать тѣмъ, что и другой ее не пригласитъ. Въ этихъ случаяхъ парни поддерживаютъ нѣкоторую солидарность.

Дѣвушки и парни большей частью собираются въ одинъ и тотъ-же хороводъ, хотя по обычаю парни пользуются большей свободой, чѣмъ дѣвушки въ этомъ отношеніи. Такъ напр. дѣвушка можетъ танцевать исключительно лишь только въ томъ хороводѣ, въ которомъ она издавна участвуетъ; въ другихъ же хороводахъ она этого права не имѣетъ, а можетъ лишь только постоять, да быть холодной зрительницей. Не таково положеніе парней. Парни свободны вполнѣ и даже

пользуются относительнымъ почетомъ, особенно тотъ, кто хорошо танцуетъ; всякая дѣвушка сочтетъ за большое удовольствіе пройтись разъ, другой съ нимъ по кругу. И нѣкоторые парни съ донъ-жуанскимъ отгѣнкомъ довольно успѣшно пользуются этимъ преимуществомъ. Ограниченіе все таки существуетъ и въ этомъ случаѣ, особенно, если такого парня не любятъ или онъ принадлежитъ къ такому хороводу, съ которымъ парни этого хоровода находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ. Бываютъ случаи, что изрядно таки поколотятъ такого удалца.

Кромѣ описанныхъ мною хороводовъ, повторяющихся каждый праздникъ (конечно, если погода благопріятствуетъ), у молодежи есть еще два праздника, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: „собиранья“. Собиранья бываютъ разъ на Пасхѣ, другой разъ послѣ Вознесенія. Эти „собиранья“ имѣютъ огромное значеніе для окончательнаго сближенія молодежи.

По рассказамъ молодыхъ и старыхъ казаковъ, общій характеръ собираній таковъ. На собиранья опять таки сходятся уже болѣе знакомые другъ другу, т.-е. большей частью принадлежащіе къ одному и тому же хороводу. Домъ, въ которомъ предполагается устроить празднество, большей частью принадлежитъ роднымъ одного изъ участвующихъ, и на время празднества всѣ старики и женатые удаляются и не принимаютъ никакого участія въ празднествѣ. Это — гулянье исключительно одной молодежи. Для закупки различныхъ принадлежностей дѣлается сборъ, причемъ каждый участвующій парень вноситъ 60 копѣекъ, дѣвушка—15 к. Хотя дѣвушки сравнительно и мало вносятъ, но за то на ихъ обязанности лежитъ вся хозяйственная сторона пиршества, а также доставленіе куръ, яицъ и т. п. На собранныя деньги покупается водка, чихирь и гостинцы. Что же касается съѣстного, то все это должны доставить дѣвушки. Онѣ изъ своей среды выбираютъ какую нибудь побойчѣе да поопытнѣе, и она управляетъ веденіемъ всего дѣла; о времени начала пиршества уже заранѣе условливаются и стараются во что бы то ни стало быть готовыми къ назначенному часу, большей частью часамъ къ 8—9. Въ это время приходятъ парни, здороваются съ дѣвушками. Они считаются почетными гостями и имъ отво-

дится первое мѣсто. Потомъ избранная „хозяйка“ угощаетъ кого водкой, кого чихиремъ, при чемъ угощаемый не преминетъ попотчевать „хозяйку“. Но нужно сказать, что дѣвушки вообще пьютъ чрезвычайно мало и водки даже совсѣмъ не пьютъ. Сначала по обыкновенію нѣкоторая неловкость, но потомъ пойдутъ шутки, смѣхъ, танцы, начнутся душевные разговоры, и время летитъ весело. Здѣсь по большей части завязка и развязка чувства любви, здѣсь молодой казакъ спрашиваетъ у дѣвушки согласія на бракъ и здѣсь уже получаетъ окончательный отвѣтъ, послѣ котораго посылаетъ или не посылаетъ сватовъ, смотря по смыслу отвѣта. Въ послѣднее время особенно стали важны эти пиршества, такъ какъ теперь безъ обоюднаго согласія рѣдко можетъ произойти бракъ. Рассказываютъ напр. фактъ, что одинъ парень чуть ли не въ пять домовъ посылалъ сватовъ и вездѣ получалъ отказы, и все лишь потому, что ни съ одной изъ сватаемыхъ дѣвушекъ не переговорилъ заранѣе. Онъ былъ сирота, большей частью все бывалъ въ работѣ, даже и по праздникамъ, такъ какъ приходилось жить въ чужихъ людяхъ. Только тогда, когда ему удалось наконецъ познакомиться, переговорить, только тогда дѣло его по сватанью пошло удачнѣе.

Средства на ухаживаніе не вліяютъ, а исключительно лишь личныя достоинства, какъ физическія, такъ и нравственныя. Бываютъ случаи и такіе, что дѣвушка съ парнемъ сойдется раньше брака; но такой поступокъ для дѣвушки весьма опасенъ и можетъ повлечь серьезныя послѣдствія. Хорошо, коли парень добрый да милостивый попадетъ и, взявъ за мужъ, покроетъ стыдъ дѣвичій. Хотя общественное мнѣніе тяготѣетъ надъ нимъ, заставляя взять за себя опозоренную дѣвушку, но общественное мнѣніе можетъ служить лишь только нравственнымъ гнетомъ, и до формальнаго принужденія дѣло не доходитъ, такъ какъ казаки считаютъ въ такомъ фактѣ виновницей женщину. „Стало быть она ужъ такая“; „дура даетъ, умный беретъ,“ — не безъ ироніи замѣчаетъ онъ. Парни, знающіе, что та или другая дѣвушка находилась или находится въ связи съ кѣмъ-нибудь, большей частью держатъ это въ строгой тайнѣ, особенно если дѣйствительно дѣвушка хорошая. При такомъ стремленіи сохранить тайну, неудивитель-

но, что вытравленіе, убійство, вообще уничтоженіе плода въ большомъ ходу; часто также бываютъ случаи подкидышей. Такъ или иначе, дѣвушка еще можетъ рассчитывать выйти за мужъ за парня, за хорошаго жениха, а такъ какъ гласитъ поговорка: „хорошій мужъ покроетъ грѣхъ жены“, то тайна такъ и останется тайной; можетъ быть, только „встряхнетъ“ немного мужъ обманутый. Но другое дѣло, если дѣвушка такъ повела себя, что уже и съ другими „мотается“: такой дѣвущкѣ грозить или остаться въ дѣвкахъ, или въ лучшемъ случаѣ выйти за вдовца съ кучей дѣтей. Только крайняя необходимость можетъ заставить казака жениться на дѣвущкѣ, потерявшей честь, и онъ женится лишь тогда, когда другія хорошія дѣвущки отказываются.

Иной разъ бываетъ, что дѣвушка вполне согласится на предложеніе парня во время „собираній“ и говоритъ ему, чтобы онъ засылалъ сватовъ. Парень посылаетъ, а дѣвушка, раздумавъ или, можетъ быть, рассчитывая на болѣе лучшаго жениха, отказываетъ сватамъ. Но не добромъ достанется ей эта шутка. Парень озлобленный не останется въ долгу, и хорошо, коли та нашла себѣ жениха, а коли не нашла, то очень легко можетъ случиться, что она такъ и останется въ дѣвкахъ. Всѣми силами старается онъ распространить про нее самые нехорошіе слухи, говорить, что она способна на все и т. д., и нерѣдко эти слухи бываютъ причиной того, что дѣвушка такъ и останется въ дѣвкахъ.

Какъ я замѣтилъ выше, основная задача жизни казака и цѣль ея — стать семейнымъ, и все общество относится съ большимъ сочувствіемъ къ тѣмъ, кто женится. «Ну, что, бугай, не женишься?» — такъ обыкновенно выражаетъ общество порицаніе молодому казаку. „Студентомъ хочешь быть, что-ль“? Это стремленіе казака къ семейной жизни исходитъ изъ того, что „казаку одному жить не приходится“, что „лучше плохой постой чѣмъ хорошій походъ“, что „хорошей женой домъ держится“, „что толку бобылемъ то жить?“ И наоборотъ, къ тѣмъ, кто женится, общество относится съ большимъ сочувствіемъ. „Свадьба рубашку найдетъ“, такъ выражаются они, когда женящіеся черезъ-чуръ бѣдны. Миръ поможетъ: кто деньгами, а кто и натурой. Побудительной причиной служить еще и

то, что берутъ дѣвушку для увеличенія рабочей силы, для укрѣпленія въ парнѣ привязанности къ дому, семейной жизни. По обычаю считаются годными для брака парень 18 лѣтъ, дѣвушка 17. Но случаются браки и гораздо ранѣе. Бываютъ случаи, что родители раньше самовольно засватываютъ дѣтей, и неисполнить волю родителей въ такомъ случаѣ считается преступленіемъ противъ священной родительской власти.

Въ дѣлѣ выбора невѣсты участвуютъ какъ родители, такъ и самъ женихъ. Прежде, какъ рассказываютъ, желаніе дѣтей почти, не принималось во вниманіе, но теперь стали учащаться случаи, гдѣ инициаторомъ является парень. Прежняя, очень распространенная поговорка: „стерпится—слюбится“, извѣстная и казакамъ, уже не имѣетъ въ настоящее время непреложнаго значенія. И въ умѣ казака довольно ярко начинаетъ пробиваться воззрѣніе, выраженное другою пословицей: „насильно миль не будешь“, и нерѣдко бывали случаи, что родители, женившіе дѣтей на основаніи правила „стерпится—слюбится“, искренно раскаивались, видя далеко не блестящія послѣдствія легкомысленнаго отношенія къ судьбѣ своихъ дѣтей. Мнѣ указывали на факты, что часто въ такихъ случаяхъ жена или бросала мужа, или тайно жила съ другими, а хозяйство нерѣдко приходило въ упадокъ. „Жена поидеть, весь домъ уйдетъ“. Мужъ начинаетъ пьянствовать, заводитъ себя на сторонѣ любовь.

Въ послѣднее время какъ бы произошелъ компромиссъ между родителями и дѣтьми. Сынъ, напр., говоритъ родителямъ, что та или иная дѣвушка ему нравится и онъ желалъ бы взять ее себѣ въ жены. Родители обыкновенно разузнаютъ, какова семья, къ которой принадлежитъ указываемая дѣвушка, каковы нравственные и физическія качества этой личности. Что же касается состоянія дѣвушки, то казаки обыкновенно женятся безъ приданаго, хотя всякій казакъ желаетъ жениться болѣе или менѣе на равнѣ. Впрочемъ бываютъ случаи, когда денежный или вообще матеріальный элементъ въ женитьбѣ участвуетъ въ сильной степени,—это обыкновенно тогда, когда парень женищійся—сирота, бобыль. Онъ старается пріискать такую невѣсту, чтобы могъ вступить въ число членовъ семьи, на юртѣ (хозяйство) родителей невѣсты. Ког-

да послѣ справокъ и свидѣній окажется, что дѣвушка родителямъ понравилась, они одобряютъ выборъ сына и посылаютъ сватовъ. Если же по ихъ мнѣнію дѣвушка не удовлетворяетъ требованіямъ, то они стараются отговорить сына, иногда грозя отказомъ дать благословеніе. Но если тотъ все-таки настойчиво продолжаетъ добиваться цѣли, то можетъ достигнуть, хотя результаты такого брака бывають не особенно блестящи. Случается, что къ „молодой“, вошедшей при такомъ настроеніи въ семью мужа, послѣдняя становится во враждебныя отношенія, слѣдствіемъ чего бываетъ, что молодыхъ родители выгоняютъ изъ дому. Послѣдніе случаи сравнительно рѣдки, но все-таки бывають. Случается, что бракъ совершается и по предложенію родителей, которые указываютъ сыну на дѣвушку, какъ на желательную ими супругу для своего сына. Если ему не нравится предлагаемая ему дѣвушка, онъ прямо говоритъ это родителямъ и указываетъ на то, что если его женить, то онъ не будетъ жить съ женой. Иногда родители не обратятъ вниманія на эту „дурь,“ по ихъ мнѣнію, и женить, и нерѣдко на ихъ же глазахъ разыгрываются результаты злоупотребленія своей власти. Вообще можно сказать, что активнаго противодѣйствія молодежь, особенно дѣвушки, не высказываетъ своимъ родителямъ, и если родители захотятъ, то они добьются своей цѣли. Лишь послѣдующая жизнь молодыхъ, являясь какъ бы пассивнымъ противодѣйствіемъ волѣ родителей, выясняетъ послѣднимъ ложность взгляда ихъ на свои права въ данномъ случаѣ. Въ общемъ взглядъ казаковъ на женитьбу находится въ періодѣ броженія. Съ одной стороны прежній принципъ безапелляціонности и святости родительскаго приговора въ данномъ случаѣ сильно ослабѣлъ; съ другой новый принципъ „личнаго начала“, какъ еще слишкомъ новый, не проникъ вполне въ сознаніе населенія. Впрочемъ, судя по относительному количеству фактовъ, личное начало видимо все-таки беретъ верхъ, и мнѣ думается, не далеко то время, когда поговорка „стерпится—слюбится“ отойдетъ у казаковъ въ область преданій.

Къ свадьбѣ казаки готовятся довольно долго, и порядочная свадьба стоитъ рублей 200—300. Устраиваються свадьбы обыкновенно въ концѣ осени или зимою, когда чилирь

вполнѣ готовъ. Безъ водки еще можно обойтись, безъ чихиря не только свадьба, но никакое пиршество не обходится. Главныя издержки падаютъ на родителей жениха и его родственниковъ. Расходы главнымъ образомъ заключаются въ томъ, что какъ родителей, такъ и всѣхъ родственниковъ невѣсты родители жениха и его родственники должны ублаговлять, исполнять по возможности всѣ ихъ желанія, нерѣдко граничащія съ капризами.

Прежде былъ обычай, что женихъ и его родня *непрерывно* должны были дѣлать подарки родителямъ невѣсты. Подарки эти приблизительно состояли въ слѣдующемъ: отцу дарили „опоекъ“ (сапоги), матери — „козла“ (сабьянъ), бабушкѣ — непрерывно башмаки.

Родные невѣсты до введенія ея въ домъ жениха чувствуютъ себя героями: они куражатся, ломаются, предлагаютъ разныя требованія, и все *должна* исполнять родня жениха. Тяжело таки достается, особенно родителямъ жениха. Лишь только молодая будетъ введена въ домъ, какъ геройство и первенство родни молодой кончается. „Иного свата и въ шею выталкиваешь, ужъ черезъ-чуръ назойливаго“, замѣчаетъ казакъ по этому поводу. „Да много таки убудеть и скота, и дичи, да и чихирю бочки 2—3; все поѣдятъ и попьютъ сваты,“ — довольно злобно отзывается казакъ.

Иногда послѣ всѣхъ пиршествъ дѣвушка отказывается выйти замужъ. Въ такихъ случаяхъ (конечно, послѣ уговоровъ и угрозъ) начинается судебное дѣло. Кромѣ того, что большой позоръ роднѣ жениха и ему самому, еще очень большія матеріальныя затраты пропадаютъ напрасно. Мщеніе является во всей силѣ. Всѣ родные жениха стараются отомстить за позоръ. Ссоры, брань, а нерѣдко дѣло доходитъ и до побоевъ. Постараются всѣми силами обезславить дѣвушку, и бывають случаи, что совмѣстныя и довольно дѣятельныя усилія достигаютъ цѣли. Местъ въ этомъ случаѣ распространяется не только на самую виновницу, но и на всю ея родню. Кромѣ того, взысканіе свадебныхъ издержекъ идетъ своимъ чередомъ. Обязанная сторона подаетъ жалобы въ судъ станичный, прося взыскать убытки со стороны невѣсты. Въ большинствѣ слу-

чаевъ судъ постановляетъ взыскать, конечно, если не найдется особо уважительныхъ причинъ.

Если дѣвушка выходитъ изъ болѣе богатаго дома въ менѣе богатый, то ей иногда семья отдѣляетъ часть своего имущества; но характерно то, что эта часть ей не сейчасъ же дается на руки, а послѣ нѣкотораго довольно продолжительнаго времени. Эта часть остается у родителей и считается неприкосновенной ея собственностью. Основной мотивъ тотъ, что мужъ можетъ оказаться человѣкомъ не хозяйственнымъ, пьяницей, „студентомъ“ (такъ здѣсь прозываютъ всѣхъ отчаянныхъ гулякъ), и не только свое имущество, но и имуществожены спустить. Жена, да еще съ дѣтьми, можетъ оказаться совершенно безпомощной. Въ этихъ случаяхъ часть имущества, находящагося у родителей, служитъ гарантіей нѣкотораго обезпеченія.

Обрядовая сторона брачнаго ритуала довольно вѣрно описана въ книгѣ г. Ржевусскаго, стр. 205. Съ своей стороны прибавлю лишь нѣсколько замѣчаній. Прежде всего интересно будетъ отмѣтить, что на свадьбѣ главную роль играютъ женщины: въ ихъ рукахъ весь свадебный распорядокъ. Затѣмъ можно указать на измѣненіе нѣкоторыхъ народныхъ воззрѣній въ дѣлахъ брака и на смягченіе нравовъ. Такъ, напр. въ не такъ давнее время существовалъ слѣдующій обычай (изрѣдка и теперь примѣняющійся): послѣ брачной ночи „молодая“ спрашиваетъ мужа, можно ли отдать рубашку на удостовѣреніе свахѣ и родственникамъ. Если мужъ позволяетъ, то жена отдаетъ. Иной разъ мужъ не соглашается на „показаніе“ и на вопросъ: „гдѣ же честь твоей жены?“ — отвѣчаетъ, что это его дѣло: „я самъ знаю честь моей жены.“ На третій день сваха идетъ въ домъ родителей невесты, неся съ собой чихирь. Если дѣвушка оказалась честною, то сваха подноситъ вина въ крѣпкомъ стаканѣ матери невесты; въ противномъ случаѣ чихирь подносится въ дырявомъ стаканѣ, залѣпленномъ хлѣбомъ. Но всетаки пиршество не прекращается и празднество грубо не прерывается. Въ этомъ фактѣ, а также и въ томъ, что молодой мужъ не всегда допускаетъ постороннихъ свидѣтелей для удостовѣренія чести своей жены, сказывается нѣкоторая гуманность казака и его снисхожденіе къ слабости женщины. „Этого цвѣту по всему свѣту,“ такъ высказываетъ мысль

свою казаку на этот случай. Насколько резко изменяются взгляды на такой фактъ, можно для параллели указать на слѣдующій обычай, теперь уже совершенно не примѣняющійся и оставшійся лишь въ памяти казаковъ. Когда дѣвушка оказывалась не честной, то ее выводили на публичное мѣсто и надѣвали на нее рубаху, всю испачканную въ изверженія животныхъ. Послѣ этого дѣвушка оставалось только уйти куданибудь далеко изъ своей станицы. А теперь чаще и чаще встрѣчаются случаи, что мужъ покрываетъ грѣхъ жены.

На свадьбу непременно стараются пригласить „вѣдуновъ“ и во все время свадебнаго пиршества стараются быть съ ними въ ладу и поласковѣе, особенно съ тѣми, которымъ „отъ роду дано“, такъ какъ они считаются всесильными противъ всевозможныхъ чаръ. Но этимъ еще не довольствуются. Во время свадебнаго поѣзда на всѣхъ перекресткахъ крестятся, чтобы кто-нибудь не испортилъ молодыхъ, особенно молодого. Кстати сказать, что кто-нибудь изъ вѣдуновъ, иногда участвующихъ и въ пиршествѣ, по злобѣ подсыплетъ „травки“ молодому, и тотъ становится совершенно негоднымъ къ супружескому сожителству.

Свадебныя гулянья заканчиваются послѣ-свадебнымъ столомъ, который впрочемъ иногда отлагается по какимъ-нибудь причинамъ. Мнѣ пришлось присутствовать на одномъ такомъ обѣдѣ, происходившемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ (когда появился новый чихирь), хотя свадьба была на Пасхѣ. Столъ во всю длину комнаты былъ уставленъ всевозможными яствами. За столомъ сидѣло человѣкъ 30 гостей обоего пола въ такомъ приблизительно порядкѣ: въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣла мать молодой, сбоку ея по обѣ стороны—свахи, потомъ родственницы и наконецъ родственники молодой, и имъ-то со стороны родни жениха предлагалось послѣднее угощеніе. Налѣво на полатахъ расположились старухи и дѣти—родня жениха. Главныя гости были женская половина; почему—я не могъ допытаться и получалъ самые неопредѣленные отвѣты: „какъ-же, свадьба—это ихъ (женщинъ) дѣло“. Сначала всѣ какъ-то чувствовали нѣкоторую неловкость. Но вотъ мать молодого, довольно бойкая и остроумная женщина, стала подносить чихирь. Ну, конечно, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ,—

Выпили по чарочкѣ, закусили,
Выпили по другой, разговоры завели...

Веселѣе и веселѣе становилось. Стаганчики предназначены были лишь дамамъ, да изъ мужчинъ тѣмъ, кто попочетнѣе. Остальные пили изъ традиціонной чепурки, къ которой каждый приглядывался слегка. Появились и незваные, съ желаніемъ поглядѣть на бесѣду и веселье, да и самимъ принять участіе. Пришелъ одинъ казакъ, довольно таки выпившій, или какъ говорятъ здѣсь „обмокнувшійся“, и затѣялъ со всѣми перецѣловаться. Отказаться никто не могъ и уговаривать никто не пробовалъ. Онъ не стѣснялся ничѣмъ, лѣзъ прямо по столамъ, потомъ по полатымъ, и привелъ таки въ исполненіе свое желаніе.

Тѣмъ временемъ закуски все перемѣнялись; хотя ѣсть мало ѣли, но перемѣны были постоянныя; таковъ обычай, иначе, если перемѣны не будутъ, то плохая слава можетъ распространиться, относительно хозяевъ. Главное угощеніе: куры, утки, поросятина и мясо; изъ хлѣбнаго—„лепешки“, которыя также постоянно перемѣнялись, а гости большею частью только вскрывали ихъ и смотрѣли начинку, которая въ каждой перемѣнѣ бываетъ иная. Случайно, посмотрѣвъ на образа, я замѣтилъ рядомъ съ ними три куклы, изображающія собою казака въ полной формѣ, казачку и маленькую куклу, какъ бы казачка-мальчишку. Я спросилъ, что это за странность. — „А это подарокъ молодымъ; во время свадьбы эти куклы вѣшаютъ на почетномъ мѣстѣ: это значитъ пожеланіе молодымъ счастья и потомства“. ¹⁾ Вдругъ послѣ третьей перемѣны лепешекъ я услышалъ какой-то неодобрительный шопотъ между гостями. Оказалось, что по ошибкѣ хозяйки вмѣсто 3-й перемѣны лепешекъ была подана 4-я, послѣ которой должны были „выводить молодыхъ“. Ошибка была исправлена.

Наконецъ наступилъ моментъ „вывода“. Каждый изъ гостей полѣзъ въ кошелекъ, чтобы приготовить къ „дарамъ“. Показались и молодые. Имъ было не болѣе, какъ лѣтъ по 17—18. Одѣты были въ новые изящные костюмы. Лицо молодой было слегка набѣлено и нарумянено, брови подведены:

¹⁾ Подобный обычай существуетъ и у Грузинъ.

казаки въ этомъ дѣлѣ отличныя мастерицы. Молодая взяла поднось, поставила стаканы; мать ея налила ихъ чихиремъ, и молодая съ поклономъ начала обносить, начиная со старшихъ. Выпивая, каждый говорилъ пожеланія и дарилъ деньгами, влады ихъ на поднось. Родители и близкіе родственники молодого внимательно слѣдили за количествомъ денегъ, и нерѣдко были слышны возгласы, какъ-бы въ сторону: „маловато“, или что-нибудь подобное. Клади отъ 2-хъ рублей и меньше. Нужно замѣтить, что казаки весьма строго соблюдаютъ въ этомъ случаѣ правило равнаго возмездія. Такъ, если напр. кто изъ гостей положилъ извѣстную сумму на свадьбѣ у данныхъ лицъ, то эти послѣдніе въ свою очередь кладутъ столько же у нихъ на свадьбѣ, если она случится. Послѣ того, какъ молодая кончитъ обходъ, начинаетъ подносить молодой, а молодая въ это время даетъ отъ себя подарки кое-кому изъ гостей. Молодому уже кладутъ меньше. Въ общемъ, молодой положить рублей 50, молодому рублей 10—15. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ «обнесеній», молодые иногда повторяютъ ту-же процедуру еще раза по два каждый, причѣмъ уже получаютъ только по 5—20 коп. Послѣ этого наступаетъ самая веселая часть пиршества—пѣніе и танцы. Пируютъ до поздней ночи.

Въ женитьбѣ, по мнѣнію казаковъ, много зависитъ отъ судьбы. «Судьбы конемъ не объѣдешь», говоритъ пословица, и дѣйствительно, казаки глубоко вѣрятъ въ существованіе предопредѣленія въ этомъ смыслѣ. Для иллюстраціи этого воззрѣнія укажу на одну легенду, ярко освѣщающую взглядъ казака на судьбу по отношенію къ браку.

Дѣло было не такъ давно, лѣтъ 20—30 назадъ. Въ станицѣ была дѣвушка лѣтъ 14, заранѣе уже засватанная родителями за одного парня. Родители обѣихъ сторонъ, находясь издавна въ дружескихъ отношеніяхъ, захотѣли и на будущее время закрѣпить попрочнѣе эти отношенія и рѣшили женить своихъ дѣтей, когда они достигнутъ совершеннолѣтія. Когда парень выросъ и родители начали поговаривать о женитьбѣ, указывая ему между прочимъ на давно сосватанную невѣсту, онъ и слышать не хотѣлъ, да и дѣвушка тоже симпатіи особенной къ парню не чувствовала; но родители его настойчиво поддерживали свое рѣшеніе, грозя въ противномъ

случаѣ не дать благословенія на другой бракъ. Парень задумалъ отдѣлаться отъ навязываемой ему нелюбимой дѣвушки и рѣшился убить ее. Подговоривъ съ собой товарища, одѣлся по-чеченски, и въ одинъ изъ вечеровъ, когда дѣвушка шла по воду, они наскочили верхами, и парень «нареченный женихъ» шашкой такъ и хватилъ по лицу дѣвушки. Кровь хлынула ручьемъ, и дѣвушка упала, издавая отчаянные крики, а мнимые чеченцы быстро ускакали. На крикъ дѣвушки сбѣжались и нашли её въ безпамятствѣ, но рана не была опасная. Тѣмъ не менѣе отъ большой потери крови, отъ испуга дѣвушка очень долго болѣла. Родители парня, конечно, уже не настаивали на своемъ рѣшеніи, — «такова ужъ видно судьба»; да и въ домъ брать больную, слабую невѣстку, конечно, не было желательно. Прошло года 2—3. Парень рѣдко бывалъ въ этой станицѣ; родители обоихъ умерли; тутъ еще служба года 4 отняла, и жениться ему за это время какъ-то не удалось. Однажды онъ случайно заѣхалъ къ станицу Н., въ которой до сихъ поръ еще ни разу не былъ, попалъ на хороводъ, протанцевалъ съ одной дѣвушкой, въ полномъ смыслѣ красавицей, въ самомъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, влюбился въ нее, сталъ ухаживать, и скоро устроилась ихъ свадьба. Послѣ свадьбы молодой мужъ, взглядывшись въ свою подругу, замѣтилъ у нея легкій шрамъ на шеѣ. Она ему объяснила, что когда она еще дѣвочкой шла по воду, чеченцы наскочили на нее, хотѣли увезти, но это имъ не удалось, и одинъ со злости хватилъ ее шашкой. Мужъ сознался, что это сдѣлалъ онъ изъ ненависти къ ней. Тутъ только онъ понялъ, что судьбы и конемъ не объѣдешь, но былъ доволенъ и счастливъ съ своей суженой.

Г. Малявкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСТОЧНЫЯ ПАРАЛЛЕЛИ

къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести нѣкоторыя русскія сказки, а именно: о злой мачехѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сходное содержаніе. Такъ какъ одна изъ этихъ восточныхъ сказокъ, именно сказка объ Эрдени-Хараликѣ, переведенная еще въ 1829 г. съ монгольскаго на нѣмецкій языкъ, выдаетъ своего героя за воплощеніе буддійскаго бодисатвы Арья-Бало (это отождествленіе дѣлается самимъ текстомъ сказки), то нами въ началѣ статьи помѣщена краткая характеристика этого бодисатвы, которая пригодится и для слѣдующихъ двухъ приготовляемыхъ къ печати статей, имѣющихъ служить продолженіемъ настоящей. Послѣ этой характеристики мы приступаемъ къ настоящему предмету нашей статьи: сначала излагаемъ по Шмидту сказку объ Эрдени-Хараликѣ, и потомъ сходную съ нею тангутскую сказку объ Егъ-таму-нцо; затѣмъ переходимъ къ русскимъ сказкамъ и заканчиваемъ статью сопоставленіемъ найденныхъ въ нихъ параллелей.

Подъ именемъ Арья-Бало (ārjapāla), или Авалокитешвара, извѣстенъ одинъ буддійскій бодисатва. Онъ почитается въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ, Монголіи, Манчуріи и Японіи. Южнымъ буддистамъ онъ неизвѣстенъ. Краткая характеристика его была сдѣлана И. П. Минаевымъ ¹⁾. Въ несчастіяхъ буд-

¹⁾ Она помѣщена въ статьѣ Минаева подъ названіемъ: „Буддійскія молитвы,“ въ Зап. вѣст. Отд. И. Р. Археол. Общ.,“ т. II, в. I и II (1887 г.), стр. 125.

дисты обращаются болѣе всего къ заступничеству этого бодисатвы. Онъ исцѣляетъ отъ болѣзней ¹⁾; онъ спасаетъ отъ гибели путешественниковъ, заблудившихся въ пустынѣ (что, напримѣръ, рассказываетъ о себѣ китайскій паломникъ Сюань-цань), спасаетъ мореплавателей отъ кораблекрушенія (случай съ другимъ китайскимъ паломникомъ Фа-сяномъ). Есть рассказы о чудесахъ, совершенныхъ его статуями. Такія чудотворныя статуи были въ Кабульской долинѣ и въ Магадѣ. Ниже мы приведемъ рассказъ о чудѣ статуи Арья-Бало, въ которомъ богъ является другомъ бѣдной, несчастной невѣсты. Могущество и святость Арья-Бало таковы, что произнести одинъ только разъ его имя, равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если-бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ.

Въ V—VII вѣкѣ, говоритъ Минаевъ, Авалокитешвару чтили по всей Индіи. Почитаніе его началось, вѣроятно, задолго до времени Фа-сяна и Сюань-цаня; эти китайскіе паломники, совершившіе хожденіе въ Индію, упоминаютъ о немъ. Авалокитешвара явился впервые на горѣ Потала; это, повидимому, мифическая гора, не существующая на землѣ. Вѣрующіе однако указываютъ горы этого имени на землѣ. Гора Потала есть въ Лассѣ (въ Тибетѣ); на ней находится дворецъ Далай-ламы, который, считается воплощеніемъ Авалокитешвары. Арья-Бало является вѣрующимъ всегда въ блескѣ и сіяніи; изъ его устъ исходятъ разноцвѣтные лучи; посрединѣ вѣнца (на его головѣ) блеститъ камень чинтамани,—говорится въ книгѣ Карандавѣуха (Минаевъ, *ib.*, стр. 129). Драгоценный камень будетъ нерѣдко фигурировать также въ легендахъ, которыя мы будемъ приводить ²⁾.

¹⁾ У Минаева приведена непальская легенда о брахманѣ, который былъ пораженъ проказою и оставленъ всѣми родными и друзьями. Авалокитешвара явился ему въ образѣ ребенка, прикоснулся до его тѣла и исчезъ. Большой выздоровѣлъ и сталъ звать ребенка. Тогда раздалось таинственное слово и вознѣстло брахману, кто былъ ребенокъ, а затѣмъ самъ милосердый явился ему въ славѣ и сіяніи.

²⁾ Въ легендѣ о чудѣ статуи Арья-Бало (XI гл. Швиджура) тоже является драгоценный камень (см. ниже). Не къ тому ли же богу Арья-Бало относилась первоначально легенда о ворахъ, выковыривающихъ драгоценный камень изъ лба статуи, по теперешней редакціи—статуи Будды?

Въ Китаѣ этотъ бодисатва почитается въ видѣ женщины; китайцы даютъ ему имя Гуань-инъ-пуса; англійскіе миссіонеры и синагоги называютъ это божество обыкновенно *goddess of mercy*. Въ Тибетѣ и Монголіи Арья-Бало изображается стереотипно или въ видѣ сидящей съ поджатыми ногами фигуры, или въ стоячемъ положеніи; иногда ему придается 11 головъ, иногда только 3, иногда онъ имѣетъ 8 рукъ, у другихъ статуй 4, но есть и только съ двумя руками; наконецъ, дается ему неограниченное число рукъ; эти послѣднія статуи называются „тысячерукии Арья-Бало.“¹⁾ Въ рукахъ онъ держитъ священные или символическіе предметы, но въ средней правой и въ средней лѣвой всегда лукъ и стрѣлы. Черезъ плечо переброшена звѣриная шкура или, можетъ быть, тѣло звѣря. У китайцевъ Гуань-инъ-пуса изображается въ стереотипномъ тибетско-монгольскомъ видѣ, а также въ видѣ женщины въ китайскомъ одѣяніи. Встрѣчаются статуетки глиняныя, фарфоровыя и изъ агальматолита. На картинахъ, нарисованныхъ на бумагѣ или шелковой матеріи, Гуань-инъ-пуса изображается стоящею на берегу моря подѣ сѣнью бамбука; передъ нею среди волнъ на листѣ водянаго растенія стоитъ дитя и протягиваетъ къ ней руки. Въ воздухѣ къ богинѣ летитъ птица (бѣлый голубь или лебедь), несущая четки. Встрѣчаются также статуетки или картины, представляющія Гуань-инъ-пусу держащую ребенка на рукахъ. Какъ будто есть легенда, что она выходитъ на берегъ моря или озера и находитъ ребенка или ищетъ ребенка, брошеннаго въ воду, находитъ его и ловитъ ¹⁾. Изображенія Гуань-инъ-пусы очень разнообразны; особенно многочисленны сцены, представляющія ее спасительницей отъ кораблекрушенія и другихъ бѣдъ. Отъ изображенія Гуань-инъ-пусы въ видѣ китайской дамы въ китайской прическѣ до стереотипнаго тибетско-монгольскаго Арья-Бало въ китайской живописи существуетъ постепенный переходъ, и можно собрать интересную коллекцію изъ

¹⁾ Изображеніе Гуань-инъ-пусы въ видѣ китайской дамы, передъ которою на волнахъ ребенокъ, молящій о спасеніи, можно видѣть въ книгѣ: „Memoires sur la Chine par le comte d'Escaugas de Lauture,“ Paris, 1865, p. 72. Изображенія бронзовой статуи Гуань-инъ-пусы съ ребенкомъ на рукахъ есть въ „Annales du musée Guimet“, T. XI, pl. XI, XII, XIII и XIV.

этихъ переходныхъ изображеній. Китайцы какъ монголо-тибетскую стереотипную фигуру съ 11-ю головами и 8-ю руками съ лукомъ и стрѣлами, такъ и китайскую даму съ ребенкомъ на рукахъ, одинаково называютъ Гуань-инь-пуса и объ формы считаютъ женскимъ божествомъ. Монголы и тангуты различаютъ Арья-Бало и Гуань-инь-пусу; они имя Арья-Бало даютъ только стереотипной фигурѣ съ лукомъ и стрѣлами и принимаютъ ее за мужчину; изображенія же Гуань-инь-пусы въ видѣ дамы монголы называютъ Дара-эке, тангуты Джолма или Долгарь. Сами монголы и тибетцы изображаютъ Дара-эке только стереотипически въ видѣ женщины, сидящей съ поджатыми ногами, и около каждаго ея плеча поднимается вертикально цвѣтокъ. Называютъ-ли китайцы эти монголо-тибетскія изображенія Гуань-инь-пусой, мнѣ неизвѣстно. Китайскія фарфоровыя изображенія Гуань-инь-пусы въ Монголіи также встрѣчаются, но очень рѣдко.

Итакъ, мы имѣемъ три типа изображеній: 1) Арья-Бало со множествомъ рукъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, 2) Гуань-инь-пуса въ видѣ китайской дамы и 3) Дара-эке, женщина съ поджатыми ногами и цвѣтами по богамъ. Китайцы имѣютъ только №№ 1 и 2, оба называютъ однимъ именемъ и оба принимаютъ за фигуру женскаго пола Гуань-инь-пуса. Монголы и тибетцы имѣютъ только №№ 1 и 3; они знаютъ также и Гуань-инь-пусу, но не смѣшиваютъ ее съ Арья-Бало, а называютъ ее Цагань-дара-эке (по крайней мѣрѣ къ этимъ изображеніямъ такъ относится неученый народъ). Слѣдовательно, они отождествляютъ Гуань-инь-пусу съ Дара-эке, но послѣднюю они не смѣшиваютъ съ Арья-Бало. Въ какія отношенія они ставятъ Дара-эке къ Арья-Бало, изъ легендъ не ясно, но какая-то связь между богомъ и этой богиней есть. Дара-эке, какъ и Арья-Бало на ладоняхъ рукъ имѣютъ глаза.

Легенды и прославленія Авалокитешвары въ санскритской литературѣ содержатся въ книгахъ „Kāraṇḍa-viūcha“ и „Saddharma-Puṇḍarīka“; первая издана въ Калькуттѣ, но не переведена, только Кауэлль перевелъ изъ нея легенду о происхожденіи Авалокитешвары въ адъ и напечаталъ въ „The Journal of Philology“, vol VI, стр. 222. Вторая переведена Бюрнуфомъ

на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Le Lotus de la bonne loi“. На тибетскомъ языкѣ, легенды объ Арья-Вало собраны въ книгѣ Мани-Гамбумъ; эта книга переведена на монгольскій языкъ, но переводовъ на европейскіе языки нѣтъ. Есть-ли на китайскомъ языкѣ особыя сочиненія о Гуань-инь-пусѣ, мы не знаемъ; D'Escauras de Lauture (Memoires sur la Chine, стр. 69) упоминаетъ книгу Су-шенъ-цзи, а Edkins (Chinese Buddhist, стр. 382) книгу Ping-shu-pi-t'an. ¹⁾

Сказка объ Эрдени-Харалигѣ, переводъ которой сдѣлалъ Шмидтъ, по словамъ его, взята монголами изъ тибетскаго сочиненія Norwu-p'engwa ²⁾. Ея монгольскій текстъ напечатанъ въ Монгольской хрестоматіи I. Ковалевскаго. Вотъ ея со-
держаніе:

Къ сѣверу отъ Энедкека (Enedkek), у народа Бѣде (Bede), былъ царь Тегусъ-Дзокту (Tegus-Tsoktu); жена его называлась Тегусъ-Гегенъ (Tegus-Gegén); у нихъ была единственная дочь Саманъ-Табадри (Samam-tabhadri ³⁾); при ней были двѣ служанки. Эти послѣднія позавидовали почету, который всѣ оказывали царевнѣ, и придумали средство унижить царевну и устроить такъ, чтобы имъ отдавали тотъ почетъ, который ранѣе оказывался царевнѣ. Онѣ убѣдили царевну отправиться съ ними въ лѣсъ мыть бѣлье и взять съ собою тазы. У царевны былъ тазъ золотой, у служанокъ мѣдные. Придя въ

¹⁾ Литература объ Авалокитешварѣ, на русскомъ: *И. Минаевъ*, Буддискія молитвы въ „Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., т. II, в. I и II (Сиб., 1887.), стр. 125. На иностранныхъ языкахъ: *Keppen*, Die Religion des Buddha, II В., стр. 20, 22; *Pallas*, Sammlungen historischer Nachrichten, I и II, стр. 396 и слѣд. О Гуань-инь-пусѣ: *Memoire sur la Chine par le comte d'Escauras de Lauture*, Paris, 1865, p. 68, 69, 71, 72; *A Catena of Buddhist scriptures from the Chinese by Samuel Beal*, London, 1880 г., стр. 139, 205, 241 и слѣд., 261 и слѣд.; *John Henry Gray*, China, a history of the laws, manners and customs of the people, Lond., 1878, vol I, стр. 162, 163; *Lustus Doolittle*, Social life of the Chinese, New-York. 1865. vol. I, 27, 261; *Annales du musée Guimet*, T. XI, p. 188—197.

²⁾ *Schmidt*, Geschichte der Ost-Mongolen, S. 425—488.

³⁾ Samantabhadra есть има бодисатвы, который почитается китайцами подъ именемъ Р'и—hien; резиденціей его счѣтается гора Оми (Wo-mei) въ Сы-чуани. Въ Китаѣ болѣе другихъ знамениты три бодисатвы или пуса: Гуань-инь-пуса (резиденція—островъ Путо), Вунь-шу-пуса (Манджушри, резиденція—гора У-тай) и Пу-сянь (резид.—гора Оми).

лѣсь, онѣ уговорили царевну опустить свой тазъ въ воду такъ-же, какъ сдѣлали это онѣ со своими. Сначала царевна отказывалась, но когда увидѣла, что мѣдные тазы служанокъ плаваютъ и не тонуть, она опустила и свой золотой тазъ; онъ ушелъ въ воду. Служанки стали ругать царевну. Тогда царевна велѣла одной изъ нихъ пойти къ царю-отцу и спросить: будутъ-ли родители сердиться, если она вернется домой, или ужъ ей ѣхать въ другое государство, не надѣясь на прощенье. Когда служанка пришла къ царю, онъ сказалъ ей: „Золотыхъ тазовъ у меня много, а дочь одна: пусть вернется домой!“ и далъ служанкѣ коня, на которомъ царевна должна пріѣхать. Но служанка нагрузила лошадь припасами, пріѣхала къ царевнѣ и сказала: „Царь осердился за потерю золотого таза, прислалъ лошадь съ припасами и велѣлъ ѣхать въ чужое царство“. Встрѣтивъ одного человѣка, служанка упросила его распустить слухъ, будто всѣ три дѣвицы утонули. Потомъ всѣ трое сѣли на лошадь: служанки сѣли впереди, царевну посадили сзади и поѣхали. Ихъ встрѣтилъ молодой царь Амуголангъ-ябукчи (Amugholang Jabuktschi) и спросилъ ихъ, кто онѣ такія. Служанки отвѣтили: „Мы двѣ царскія дочери, а третья—наша служанка“.— „Куда вы ѣдете?“ спросилъ ихъ царь.— „Мы ѣдемъ искать себѣ молодого царя въ женихи“.— „Молодой царь—я“, говоритъ царь. „А вы къ чему пригодны?“ Тогда одна служанка говоритъ, что она можетъ горстью лоскутьевъ одѣть сто человѣкъ; другая служанка обѣщаетъ горстью муки накормить сто человѣкъ; когда царь спросилъ царевну, она сказала, что родить ребенка съ золотою грудью. Царь беретъ царевну въ жены, а служанокъ заставляетъ служить ей. Приближаются роды; царь ѣдетъ искать мамокъ. Въ его отсутствіе, царица родитъ золотогрудаго царевича (Erdeni Charalik); тогда служанки даютъ царицѣ питье, отъ котораго она впадаетъ въ безуміе, а ребенка ея прячутъ подъ порогъ и оставляютъ только послѣдъ. Царь возвращается съ мамками, думаетъ, что царица обманула его, удаляетъ ее, а приближаетъ къ себѣ служанокъ. Когда онъ проходитъ въ дверь и шагаетъ черезъ порогъ, онъ всякій разъ чувствуетъ, что кто-то его дергаетъ; онъ велитъ изслѣдовать почву подъ порогомъ, тогда служанки помѣщаютъ ре-

бенка надъ верхнимъ косякомъ двери; тогда что-то трогаетъ волосы царя, когда онъ проходитъ въ двери; служанки, послѣдовательно перемѣщаютъ ребенка подъ тронъ, въ хлѣвъ и, наконецъ, зарываютъ въ саду. Тутъ вырастаетъ дерево съ желтыми вѣтвями; это дерево портятъ овцы; отъ одной овцы родится необыкновенный ягненокъ, превращающійся потомъ въ принца Erdeni Charalik, который открываетъ царю всю исторію своей матери. Послѣ этого служанки были прогнаны. Этотъ Эрдени-Хараликъ, былъ воплощеніе Арья-Вало (Arja Palo). Эрдени-Хараликъ сначала ѣдетъ къ своему дѣду Тегусъ-Дзюкту, потомъ ѣдетъ доставать сердце быка Rakscha-Kurin и, наконецъ, достаетъ себѣ невѣсту Dâkini-Dschânâ-Goschja. На пути къ невѣстѣ онъ проѣзжаетъ черезъ непроходимое озеро съ черной водой, потомъ бомъ или приторъ, подъ которымъ течетъ вода, такъ что проѣзда подлѣ бома нѣтъ, потомъ проѣзжаетъ черезъ непроходимыя горы и черезъ заставу ассуровъ. Непроходимое озеро превращается передъ Эрдени Хараликомъ въ сухую площадь, неприступныя горы разступаются и т. п. Послѣ всего этого Эрдени Хараликъ проѣзжаетъ черезъ мѣстопребываніе Rakschasas, которые жили во дворцѣ, окруженномъ семью желѣзными стѣнами; при входѣ во дворецъ стояло озеро человѣческой крови, а на берегахъ озера лежали кучи человѣческаго мяса.

Сказка сама говоритъ, что ея герой Эрдени-Хараликъ есть воплощеніе бога Арья-Вало. Насколько это утвержденіе не случайно, т. е. дѣйствительно ли сюжетъ этой сказки органически связанъ съ именемъ Арья-Вало, покажутъ будущіе труды фольклористовъ въ средѣ монголовъ и близкихъ имъ кочевниковъ. Чтобы указаніе монгольской (или монголо-тибетской, что, вѣроятно, вѣрнѣе) редакціи подтвердилось, нужно, чтобы были записаны другія сказки и легенды, въ которыхъ отражались бы черты того-же сюжета или въ прямой связи съ именемъ бога, или съ намеками на его атрибуты.

Въ Амдо, т. е. въ сѣверо-восточной части Тибета, отъ того же старика тангута, отъ котораго я записывалъ тангутскую версію Гэсэра*), я записалъ также тангутскую сказку

*) Будетъ напечат. въ слѣд. кн. „Этнографическаго Обзорія“.

объ Егъ-таму-нцо. Уцаря было двѣ дочери: Нгулыггунъ (серебряная царевна) и Ксэрлыггунъ (золотая царевна); у царевенъ была служанка Егъ-таму-нцо. У серебряной царевны было серебряное ведро, у золотой—золотое, у служанки—деревянное. Служанка уговорила царевенъ играть, бросая ведро на воду. Царевны согласились; ихъ ведра утонули, одно деревянное ведро плаваетъ. Царевны посылаютъ служанку къ царю спросить его, что ему дороже, дочери или ведра. Царь сказалъ служанкѣ, что ведра онъ можетъ велѣть снова сковать, а дочерей уже не наживетъ. Онъ далъ ей лошадь и припасовъ и велѣлъ поскорѣе привезти дочерей. Но служанка сказала царевнамъ, что царь осердился на нихъ и велѣлъ имъ уѣзжать изъ его царства. Теперь служанка заставляетъ царевенъ отдать ей свое платье; переодѣлись, царевны надѣли платье служанки. Сѣли всѣ трое на лошадь, впереди Егъ-тому-нцо, сзади ея царевны, и поѣхали. Встрѣтилъ ихъ царскій сынъ. Егъ-таму-нцо спрашиваетъ его, которой изъ нихъ варить ему пищу. Царевичъ говоритъ: задней. Сзади всѣхъ сидѣла Ксэрлыгъ. Тогда Егъ-таму-нцо разсаживаетъ царевенъ иначе и опять спрашиваетъ царевича: которой варить пищу? Выборъ царевича опять палъ на Ксэрлыгъ. Потомъ царевичъ пускаетъ стрѣлу: подлѣ которой дѣвушки стрѣла ляжетъ, той и варить ему пищу. Онъ стрѣляетъ три раза и стрѣла всякій разъ ложится подлѣ Ксэрлыгъ. Тогда царевичъ выбралъ ее варить ему пищу. Продолжая путь, онѣ подѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Егъ-таму-нцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла своей сестрѣ пѣсенку. Утопленная сестра, услышавъ пѣсенку, выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса, но приказывала все съѣдать въ полѣ, а не носить во дворецъ. Однажды, по забывчивости, она принесла кусокъ во дворецъ; тамъ нашла у ней Егъ-таму-нцо, начала допрашивать Нгулыгъ, и та созналась, что получаетъ пищу отъ утопленной сестры. Тогда Егъ-таму-нцо пошла сама пасти овецъ, подошла къ озеру и спѣла такую же пѣсенку, какую пѣла Нгулыгъ. Когда Ксэрлыгъ вышла изъ воды, Егъ-таму-нцо разсѣкла ей голову рас-

каленнымъ сошникомъ. Послѣ того Ксърлыгъ перестала выходить на зовъ сестры. Нгулыгъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Ёгъ-таму-нцо велѣла подбросить его подъ овецъ, чтобъ онѣ растоптали его, но овцы разбѣжались. Точно также разбѣжались и лошади и коровы. Тогда Ёгъ-таму-нцо приказала на овечьемъ дворѣ вырыть яму, положить въ нее ребенка и завалить навозомъ; къ матери ребенка велѣла подкинуть щенка и сказала царю, что Нгулыгъ родила щенка. На могилѣ закопаннаго ребенка выросъ цвѣтокъ, овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говорить Нгулыгъ: „Мать, не ходи въ степь! я буду пасти овецъ“. Ягненокъ сталъ пасти стадо. Потомъ ягненокъ учить Нгулыгъ, чтобы она пожаловалась царицѣ Ёгъ-таму-нцо, что пѣгій ягненокъ заводитъ стадо то въ горы, то въ воду, и совѣтовала бы ей приказать убить ягненка; когда зарѣжутъ ягненка, Нгулыгъ должна собрать всѣ косточки и положить въ пещерѣ. Нгулыгъ жалуется мнимой царицѣ Ёгъ-таму-нцо, но та ей не вѣритъ и идетъ сама пасти овецъ; пѣгій ягненокъ, дѣйствительно, заводитъ стадо въ разныя опасныя мѣста, и разсерженная Ёгъ-таму-нцо приказываетъ зарѣзать ягненка. Нгулыгъ собираетъ косточки и кладетъ въ пещерѣ. Черезъ семь дней вмѣсто костей въ пещерѣ является дитя лама ¹⁾. Нгулыгъ стала ловить его, поймала, но онъ развалился; опять стали кости. Черезъ 7 дней въ пещерѣ опять появился лама, уже постарше лѣтами. Нгулыгъ опять ловить его, и онъ опять развалился, снова стали только кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился взрослый лама. Нгулыгъ стала ловить его и поймала. На этотъ разъ лама остался живымъ. Лама говорить Нгулыгъ: „Мать, иди къ царю и скажи ему, что въ пещерѣ родился лама“. По зову Нгулыгъ царь пришелъ въ пещеру вмѣстѣ съ царицей Ёгъ-таму-нцо. Царь и царица садятся рядомъ съ ламой, а Нгулыгъ у дверей. Лама приглашаетъ послѣднюю съѣсть поближе, но царица противится, чтобы нечистоплотная Нгулыгъ съѣла рядомъ съ нею. Лама протягиваетъ къ Нгулыгъ свою ладонь, проситъ ее плюнуть, глотаетъ ея слюну и говорить, что эта слюна показала ему

1) Рассказчикъ добавлялъ: „это былъ великій, великій лама“.

вкусною, какъ молоко матери. Царица предлагаетъ ламѣ и свою слюну, увѣряя, что ея слюна вкуснѣе, но лама отказывается. Потомъ лама подбрасываетъ вверхъ тарелку и спрашиваетъ у нея: „Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксарлыгъ въ озеро?“—„Ёгъ-таму-нцо“, отвѣчаетъ тарелка.—„Кто ей разрубилъ голову?“—„Ёгъ-таму-нцо“.—„Когда у Нгулыгъ родился полузолотой, полусеребряный ребенокъ, не велѣла ли Ёгъ-таму-нцо закопать его въ землю?“—„Велѣла“, отвѣчаетъ тарелка.—„Когда на могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?“—„Съѣла“.—„Не приказала ли Ёгъ-таму-нцо зарѣзать ягненка?“—„Приказала“.—„Не положила ли Нгулыгъ кости ягненка въ пещеру?“—„Положила“.—„Не народился ли изъ этихъ костей лама, который теперь сидитъ рядомъ съ царицей?“—„Народился“. Истина раскрылась, и царь велѣлъ Ёгъ-таму-нцо привязать къ семи лошадямъ и размыкать ¹⁾.

Конецъ этой сказки другой, чѣмъ у переведенной Шмидтомъ; послѣдняя форма, которую принимаетъ гонимое лицо, не царевичъ, а лама. Эта форма какъ будто оправдываетъ показанія монгольской редакціи, что подъ этимъ лицомъ скрывается богъ Арья-Бало. Можетъ быть, такое измѣненіе въ редакціи произошло уже подъ вліяніемъ буддизма.

Въ Ургѣ я слышалъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ записать, третій вариантъ этой сказки. Я спросилъ у одного ханхасца, не слыжалъ ли онъ сказки о Бэгерь-Меджитѣ? Въ отвѣтъ на это онъ переспросилъ меня: „О трехженномъ Бэгерь-Меджитѣ?“ и рассказалъ сказку, краткое содержаніе которой слѣдующее: У царя Бэгерь-Меджита три жены. Исторія приобрѣтенія женъ,—смутно припоминаю,—кажется, та-же, что и въ предыдущихъ сказкахъ. Младшая жена въ отсутствіе царя родитъ чудеснаго ребенка; двѣ старшія жены кладутъ его въ золотой ящикъ, золотой ящикъ запираютъ въ серебряный, серебряный въ желѣзный, желѣзный въ деревянный и зарываютъ подъ порогъ; но имъ приходится перемѣстить этотъ кладъ въ другое мѣсто: онѣ прячутъ его подъ престолъ;

¹⁾ Эту сказку рассказалъ мнѣ 60-лѣтній старикъ, тангутъ Салунъ, уроженецъ изъ мѣстности Дуя, къ сѣверу отъ монастыря Лабрана, въ 200 верст. на западъ отъ Лань-чжоу, столицы провинціи Гань-су.

но и здѣсь его пребываніе обнаруживается; тогда онъ бросаютъ ящикъ въ море. Ящикъ найденъ кѣмъ-то, вскрытъ, и ребенокъ спасенъ. Онъ приходитъ въ возрастъ и обличаетъ своихъ враговъ. Эпитетъ „трехженный,“ приписанный Бэгерь-Меджиту, показываетъ, что появленіе этого имени тутъ не было произволомъ моего рассказчика и что редакция сообщаемой сказки давно свыглась съ именемъ Бэгерь-Меджитъ.

Перейдемъ теперь къ русскимъ сказкамъ.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“ г. Романова (Витебскъ, 1887, вып. 3) помѣщена слѣдующая сказка: У батяи было три дочки: голось въ голось, волосъ въ волосъ. Они пошли по грибы; пошелъ дождь, и дѣвицы сѣли подъ березу; дождь былъ такой сильный, что потекла рѣчка и дотекла до царскаго двора. Царь послалъ узнать, откуда взялась рѣчка. Посланный слуга увидѣлъ трехъ дѣвицъ и подслушалъ ихъ разговоръ; одна говоритъ: если-бъ царь взялъ ее замужъ, она все войско бы одѣла, другая бы все войско накормила, а третья беретса родить царю сына—во лбу мѣсяць, на пылицѣ зорьки. Царь женился на послѣдней. Пожили немного, и царь поѣхалъ на дальнюю границу. Безъ него царица родила чудеснаго сына и отправила царю письмо со слугой. Слуга зашелъ дорогой къ ея сестрѣ; сестра подмѣняетъ письмо; она пишетъ, что царица родила не то собаку, не то лягушку. На обратномъ пути новый обмѣнъ письма и новый подлогъ; въ подложномъ письмѣ былъ приказъ задѣлать ребенка въ бочку и бочку опустить въ море. Мальчикъ вышелъ изъ бочки, выстроилъ отъ острова до земли мостъ и повелъ свою мать по мосту къ царю, который собрался праздновать свою свадьбу съ другой сестрой. Его допустили во дворець, какъ искуснаго скрипача. Царь выноситъ коробку съ орѣхами и говоритъ, что отпишетъ тому полцарства, кто отгадаетъ эти орѣхи. Мальчикъ беретса отгадать. Царица говоритъ, что ему не отгадать, но всѣ требуютъ, чтобы онъ началъ отгадывать. И вотъ онъ отгадываетъ: „Было у батяи три дочки: чѣтъ — пара орѣшковъ! Голось въ голось, волосъ въ волосъ, чѣтъ—пара орѣшковъ!“ Такими короткими фразами пересказывается вся сказка до конца; послѣ каждой фразы прибавляется: „чѣтъ—пара орѣшковъ!“ Повто-

рение сказки кончается фразами: „Царь внесъ коробку орѣшковъ, чѣтъ—пара орѣшковъ! Кто эти орѣхи отгадаетъ, отпишу половину царства, чѣтъ—пара орѣшковъ! Никто не взялся, только я взялся, чѣтъ—пара орѣшковъ.“ Кончивъ гаданье, мальчикъ снялъ шапку, а у него во лбу звѣзда, на потылицѣ—зорьки. Тогда тетку его, сестру его матери, привязали къ конскому хвосту и разорвали на части (стр. 302—304).

Дождь въ связи съ темой о трехъ сестрахъ является и въ одной урянхайской сказкѣ, записанной мною въ долинѣ верхняго Енисея въ китайскихъ предѣлахъ. Она помѣщена въ моихъ Очеркахъ с.—з. Монголіи, IV, 343. Три дѣвицы сидѣли на вершинахъ трехъ елей и играли на музыкальныхъ инструментахъ. Ъхали три охотника, услышали игру и подѣхали подъ деревья. Въ это время на головы молодцовъ полилась вода; они подумали, что идетъ дождь; посмотрѣли вверхъ, увидѣли дѣвицъ и предложили имъ спуститься и стать ихъ женами ¹⁾. На другой день старшій изъ охотниковъ, отправляясь на охоту, спрашиваетъ свою жену, что она ему сдѣлаетъ. Та обѣщаетъ ему спать даху изъ шкуры „джалбана“ (вѣроятно, небольшое животное, какой-нибудь грызунъ). Другая дѣвица обѣщаетъ своему мужу спать чехоль на брусъ изъ кожи вши; третья—родить мальчика съ серебряною шею, золотою головой. Уѣхали мужья; третья сестра родила мальчика, какого обѣщала; старшія позавидовали, бросили мальчика въ озеро, а вмѣсто его подложили крота. Вернулись мужья; у старшихъ обѣщанія исполнены, а у младшей въ колыбели кротъ. Мужъ этой послѣдней изломалъ у нея руки и ноги и выколоушалъ глаза; потомъ всѣ три охотника съ двумя другими сестрами уочевали съ этого мѣста. Оставленная искалѣченная женщина видитъ, какъ крыса лѣчитъ себя корнями травъ; она перенимаетъ это искусство у крысы и возвращаетъ себѣ и руки и глаза. Затѣмъ она идетъ къ озеру и влечетъ своего сына. Онъ вышелъ изъ воды и сталъ бѣгать кругомъ озера; мать хотѣла поймать его, но не могла, хотя и обращалась къ озеру съ такимъ воззваніемъ: „Мать-озеро,

¹⁾ Охотники сначала не узнали ихъ (не были-ли онѣ въ видѣ птицъ?) и хотѣли стрѣлять по нимъ. И здѣсь, какъ въ тибетской сказкѣ, три стрѣлы.

отець-озеро! поймайте!“ Мальчикъ ушелъ въ воду. Мать пришла къ доскуту бѣлаго войлока лучокъ и стрѣлку ¹⁾, положила на берегу и снова стала кликать сына; озеро заиграло, мальчикъ вышелъ и сталъ бѣгать. Мать опять взмолилась озеру, но поймать опять не могла, мальчикъ снова ушелъ въ воду. Только когда она въ третій разъ вышла на озеро, ей удалось схватить мальчика. Мальчикъ сказалъ ей: „Если ты моя мать, то дай мнѣ грудного молока и пусти свои слезы въ мои глаза.“ Она дала ему молока и капнула слезы. „Теперь вижу, что ты моя мать,“ сказалъ мальчикъ. Мальчикъ этотъ получаетъ потомъ имя Ерь-Сару (*ерь* по-тюрски—визъ, мужъ).

Въ томъ же „Сборникъ“ г. Романова помѣщена сказка о сынѣ Хороборѣ (стр. 298—301). У короля три дочери, а у другого сынъ. Королевичъ хочетъ жениться на младшей; старшія завидуютъ ей и хвастаются: одна обѣщаетъ изъ одной „кужалинки“ (волозна) выткать тридцать поставовъ съ поставомъ, другая—изъ одной пшеничинки испечь тридцать пирожковъ съ пирожкомъ; младшая говоритъ, что она родитъ тридцать сыновъ и сына Хоробора—во лбу звѣзда, въ потылицѣ мѣсяцъ, по поясъ въ золотѣ, по колѣни въ серебрѣ. Далѣе исторія съ подложными письмами. Царю написали, что его жена родила тридцать щенятъ и одного щенка шелудиваго. Мать съ дѣтьми въ желѣзной бочкѣ брошена въ море. Хороборъ (или Хыроборъ) думаетъ: „Господи! взялся бы вѣтеръ и прибилъ бы насъ къ берегу, а бочку разбилъ-бы!“ Поднимается вѣтеръ, пригоняетъ бочку къ острову и разбиваетъ ее. Хороборъ выходитъ съ матерью на берегъ. Тутъ, по желанію Хоробора, появляется городъ. Шли мимо города корабельщики, увидѣли городъ; увидѣли тридцать сыновъ, какъ они катаютъ золотое ядро. Хороборъ подарилъ имъ kota. Корабельщики возвратились домой и рассказали царю, какое они видѣли диво на островѣ; царь хочетъ ѣхать смотрѣть, но новая царица отговариваетъ его: это, говорить, не диво: есть коза обаполь озера, на одномъ рогу мельница, на другомъ мость. Котъ слышалъ этотъ разговоръ и передаетъ его Хоробору. По желанію Хоробора, является у него такая дивная

¹⁾ На изображеніяхъ Арья-Бало ему даются въ руки лукъ и три стрѣлы.

коза. Ее опять видят корабельщики и доносят о томъ царю. Царица сказываетъ о существованіи еще большаго дива— о чудесномъ вепрѣ (воперъ-загуберъ), но, по желанію Хоробора, является у него и этотъ вепръ ¹⁾. Потомъ точно такимъ же образомъ рассказывается, что у него явился перстень: потрясъ его, выскочатъ двѣнадцать молодцовъ, которые все доставляютъ, что человѣку понадобится. Царица, наконецъ, говоритъ: если Хороборъ такой сильный, то пусть сдѣлаетъ мостъ съ острова до царскаго двора. Котъ передаетъ эти слова Хоробору; двѣнадцать молодцовъ строятъ мостъ. Царь пріѣхалъ по мосту на островъ, узналъ свою жену и своихъ дѣтей, а своячину разорвалъ на конскихъ хвостахъ.

Тотъ-же сюжетъ былъ записанъ Адриановымъ въ Бійскомъ округѣ въ Томской губерніи отъ русской крестьянки. Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукою рукописи Адрианова и не могу пересказать ее цѣликомъ, а долженъ ограничиться помѣщеніемъ того краткаго изложенія сказки, какое было сдѣлано въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монг, IV, 924. Царскій сынъ подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на младшей, жена родитъ ему трехъ золоторукихъ мальчиковъ, но Ягишна подмѣняетъ ихъ котенкомъ, щенкомъ и „сыномъ Коростой“; царскій сынъ велитъ заключить ихъ въ бочку и кинуть въ море; бочку прибываетъ къ острову, Короста вышибаетъ ногами дно у бочки. Вдуть мимо купцы; Короста прычется на корабль, пріѣзжаетъ ко двору царскаго сына,

¹⁾ Моя жена отъ своей няни Авдотьи Артемьевны Грузинцевой, уроженки известнаго промышленнаго села Павлова, Нижегородской губ., въ дѣтствѣ слышала сказку о царевичѣ Збудѣ Збудовичѣ. Царевичъ имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и сбудется. Отсюда и имя его Збудъ. Царь услышалъ, какъ три дѣвицы похвалялись своимъ искусствомъ: младшая хвалълась родить мальчика— „по запысья руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ.“ Царь женится на младшей, а потомъ уѣзжаетъ на войну; жена безъ него родитъ мальчика съ золотыми ручками и серебрянными ножками. Двѣ отвергнутыя сестры пишутъ царю, что царица родила „невѣдомо какую звѣрушку.“ Отецъ велитъ оставить ребенка до его пріѣзда; злая женщина подмѣняетъ письмо, пишутъ другое, въ которомъ велѣно засмотрѣть мать и мальчика въ бочку и пустить въ море. Мальчикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ и разспрашиваетъ мать, какъ они очутились въ бочкѣ. Мальчикъ думаетъ: „кабы насъ прибило вѣтромъ къ берегу!“—бочку прибываетъ къ берегу. „Кабы насъ выбросило на берегъ!“—волной бочку выбрасываетъ на берегъ. „Кабы бочка разсыпалась!“—бочка разсыпалась.... Конечъ забыть.

подслушиваетъ разсказъ Ягишны о трехъ золоторукихъ мальчикахъ, находящихся въ заточеніи у медвѣдя въ норѣ, освобождаетъ ихъ, обманывая медвѣдя, и приводитъ мальчиковъ къ матери. Кромѣ того онъ добываетъ борова и kota, который по столбу ходитъ. Царскій сынъ узнаетъ объ островѣ и живущей на немъ матери съ тремя мальчиками, возвращаетъ ее въ свой домъ, а Ягишну приказываетъ разстрѣлять на воротахъ. У Рудченка (Южно-русскія сказки, II, 51) помѣщена сходная сказка подъ названіемъ: „Богатырь з бочки“. Чудные предметы, добываемые богатыремъ по указаніямъ лжецарицы: 1) котъ, который ходитъ кругомъ столба и разсказываетъ сказки, 2) золотой мостъ черезъ море, на немъ церковь: идутъ въ церковь—деревья цвѣтуть, выходятъ—плоды поспѣваютъ; за церковью мельница, на 12 каменьевъ мелется, изъ-подъ каменьевъ горячее молоко бѣжитъ; 3) восемь сыновъ-соколовъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, по локти золотыя руки, по колѣна золотыя ноги, на головѣ золотыя чубы, у каждаго на лбу мѣсяць, а по краямъ—звѣзды.

Съ тѣмъ же началомъ записана сказка на сѣверѣ Европейской Россіи г. Барсовымъ. Царь, подслушавъ разговоръ трехъ дѣвицъ, выбираетъ третью, похваставшуюся золотою и серебряною ступней. Одна баба обратила царицу въ утку, а на ея мѣсто поставила свою дочь. Царь во время охоты видитъ утку. Когда онъ плюнулъ, утка подхватила его слюну. Два раза она это исполнила вполне удачно, въ третій не совсѣмъ, потому что царь хотѣлъ поймать ее, и она испугалась. Она родитъ двухъ мальчиковъ-самобратовъ, Бориса и Глѣба, и третье яйцо. Царь приглашаетъ ихъ къ себѣ на пиръ, мать даетъ имъ яйцо, которое должно предостерегать ихъ отъ козней мачехи, но они не соблюли наставленія матери, какъ беречь яйцо; яйцо, ранѣ предупреждавшее ихъ о грозящей опасности, замолчало, и они погибли. (Древняя и Нов. Россія, 1879, № 9, стр. 403). У Худякова (Великорусск. сказки, III, 89) сказка продолжается дальше: утка, которая здѣсь золотая, приноситъ живой и мертвой воды и оживляетъ дѣтей; въ это время царь ловитъ ее, она принимаетъ прежній видъ и становится вновь женою царя. Мальчиковъ двое, какъ и у Барсова, но именъ нѣтъ.

У Аванасьева эта сказка въ пяти вариантахъ подъ общимъ названіемъ: „По колъни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“ (Нар. Русск. ск., в. VI, изд. 1861 г., стр. 336 и слѣд.). Отмѣтимъ въ нихъ интересное. Младшая сестра родить иногда трехъ сыновей съ указанными примѣтами, иногда семь сыновей въ трехъ брюхахъ (т. е. сначала трехъ, потомъ еще трехъ, и наконецъ одного), иногда девять. Ранѣе рожденные мальчики подмѣняются котятми и щенками, послѣдній—простымъ ребенкомъ; этотъ же послѣдній и попадаетъ въ бочку вмѣстѣ съ матерью, освобождаетъ братьевъ и восстанавливаетъ мать на прежнемъ мѣстѣ. Въ вариантѣ *d* этотъ будущій освободитель родился отъ той же гонимой матери; также и въ вариантѣ *b*: мать девятаго сына, родивши, прячетъ его въ рукавъ. Въ вариантахъ *a* и *b* ясно выражена божественная особенность героя, сбывчивость его желаній. „Сударыня матушка!“ говоритъ онъ своей матери, находясь вмѣстѣ съ нею въ бочкѣ: „когда-бъ по моему велѣнью, по шучьему прошенью, по божьему благословенію, мы пристали къ берегу!“ Когда онъ съ такимъ же присловьемъ высказываетъ желаніе, чтобы бочка лопнула, бочка рассыпается. Находятъ мать съ сыномъ или купцы или нищія. Разговоръ царя съ царицей передается или черезъ нищихъ или самъ герой летаетъ къ царю подъ видомъ мухи, или комара, или пчелы. О добываніи необыкновенныхъ предметовъ рассказывается только въ одномъ вариантѣ *d*; добываются, во-первыхъ, зеленый садъ, въ саду—мельница, сама мелеть, сама вѣетъ, и пыль на сто верстъ мечеть; возлѣ мельницы столбъ, на столбѣ—золотая клѣтка, ходитъ по столбу ученый котъ; во-вторыхъ, золотая сосна, на ней сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія; въ третьихъ, три брата родныхъ, похищенныхъ злою лже-царицей. Въ остальныхъ вмѣсто этого только одно добываніе братьевъ, иногда простое воссоединеніе съ ними. Въ вариантѣ *d* подмѣненные три брата обращены въ голубей. Они родились отдѣльно другъ отъ друга, но сказка заставляетъ ихъ, когда родился послѣдній и обращенъ злой царицей въ голуба, слетѣться и улетѣть вмѣстѣ. Родится четвертый братъ, который и находитъ ихъ.

Въ вариантѣ *a* мать ослѣплена. Сынъ (подкидышъ) моетъ мать съ пожеланіемъ, чтобы явились глаза, и зрѣніе матери

возвращается. Въ томъ же вариантѣ сынъ-подкидышъ молоко матери употребляетъ, какъ средство узнать родство. Въ домъ, гдѣ живутъ три сына гонимой женщины, онъ относитъ три лепешки, замѣшенные на молокѣ матери. Дѣти ѣдятъ и узнаютъ вкусъ молока матери. Въ вариантѣ *b* то же дѣйствие производить хлѣбцы на молокѣ матери. Въ вариантѣ *d*—три просвиры, но значеніе ихъ забыто ¹⁾. Гонимая женщина въ вариантѣ *b* называется Марфой; въ остальныхъ у ней имени нѣтъ. Ея гонительница тоже безъ имени; въ вариантѣ *b* она названа Ягой-бабой. ²⁾.

У Аванасьева также есть сказка о царевнѣ, обращенной въ сѣрую птицу (№ 17, вып. VIII, изд. 1863). Дмитрій царевичъ привозитъ свою сестру къ Ивану Царевичу. Нянька велитъ ей скинуть драгоценное платье и бьетъ ее по тѣлу; полетѣла Марья царевна сѣрой утицей. Въ платье царевны нянька нарядила свою дочь. Дмитрія царевича за обманъ посадили въ темницу. Утица прилетаетъ навѣщать брата въ

¹⁾ Пятый вариантъ у Аванасьева не относится къ этому типу. Это сюжетъ объ оклеветанной сестрѣ, но нѣкоторыя черты сближаютъ ее съ кругомъ затронутыхъ нами сказокъ. Жена брата выпускаетъ его коня, сокола и наконецъ бросаетъ его единственнаго сына подъ ноги лошадямъ и обвиняетъ въ этомъ его сестру. Братъ отводитъ сестру въ лѣсъ; она забирается въ дупло; здѣсь ее находитъ царевичъ; она родитъ ребенка—по локоть руки въ золотѣ и т. д. Подмѣна писемъ. Матери отрубаютъ руки и изгоняютъ ее въ лѣсъ съ ребенкомъ. Захотѣвъ напиться, она склонилась надъ колодеземъ и уронила ребенка въ воду, но руки ея вдругъ вырастаютъ, и она спасаетъ ребенка. Странствуя, она приходитъ въ домъ брата. Братъ предлагаетъ игру—пересыпанье орѣховъ изъ короба въ коробъ. Мальчикъ рассказываетъ вновь всю исторію, приговаривая къ каждой своей фразѣ: „два орѣха въ коробъ, два изъ короба“. Начало сказки (оговоръ сестры) ср. съ монгольской легендой о Цыганъ-дара-эке (Очерк. С.-З. Монг., IV, 319).

²⁾ Материнское молоко есть и въ сванетской сказкѣ сходнаго сюжета, помѣщенной въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, изд. въ Тифлисѣ, т. X, стр. 163. Содержаніе: три дѣвочки; младшая родитъ золотыхъ сына и дочь. Дѣти подмѣнены щенятами, а сами брошены въ воду. Выросшій мальчикъ исполняетъ трудныя порученія царя: достать золотую яблоню съ Эльбруса, зеркало съ Эльбруса и дочь Западнаго царя. Первые двѣ поѣздки угрожали гибелью; герой могъ окаменѣть, но онъ избѣжалъ гибели, вспоминая въ время „блага сосцовъ матери“. Эпизодъ о добываніи невесты ср. съ бурятской сказкой о Хань-Гужирѣ (Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. I, стр. 64); см. укрощенія коня, въ бурятской укрощеніе собаки Гунирь. Начало сванетской сказки ср. съ началомъ Ерь-Сару (Очерк. IV, 341).

темницу, при входѣ въ которую оставляетъ свои крылья. Иванъ Царевичъ подкарауливаетъ, сжигаетъ крылья и ловитъ дѣвицу. Она оборачивается разными гадами, но онъ не пугается, изъ рукъ не выпускаетъ. Она обращается въ веретено, царевичъ переломилъ веретено на двое, одинъ конецъ бросилъ впереди себя, другой назадъ, и сказалъ: „стань передо мной красная дѣвица, а за мной бѣлая береза“ (стр. 169.).

Послѣдніе варианты уже представляютъ переходъ къ новой группѣ сказокъ, въ которыхъ введена тема обращенія женщины въ звѣря или птицу. Начинаются эти сказки большею частью такъ: вдовецъ, имѣющій дочь, женится на вдовѣ, которая за собой приводитъ то-же дочь. Мачеха не любитъ падчерицу и заваливаетъ ее работой. Каждый день, высылая ее пасти скотъ, она задаетъ ей большіе уроки прясть и ткать. Падчерицу выручаетъ быкъ или корова; животное приходитъ къ плачущей дѣвочкѣ, спрашиваетъ ее о горѣ и потомъ даетъ ей совѣтъ, что дѣлать. Дѣвочкѣ приходится или влѣзть къ коровѣ въ одно ухо и вылѣзть въ другое, или только посмотреть въ ухо коровѣ; какъ только она это сдѣлаетъ, весь урокъ, заданный мачехой, готовъ.

Пересмотръ этихъ сказокъ мы начнемъ съ бѣлорусскаго варианта, который записанъ г. Романовымъ не дословно, а только въ видѣ пересказа (Бѣлорусск. Сборн., в. 3, стр. 292). У дѣда были дочь и сынъ. Мачехины порученія исполняетъ быкъ. По требованію мачехи, быкъ зарѣзанъ. Падчерица, промывая кишки, нашла въ нихъ два зерна—одно золотое, другое серебряное, и, какъ совѣтовалъ ей быкъ, посадила ихъ въ землю. Тамъ явилась медовая криница, двѣ яблони—одна съ золотыми, другая съ серебряными яблоками, и кони—золотая и серебряная шерстинка. Скоро пасынокъ, напившись воды изъ овечьяго слѣда, сдѣлался „баранькомъ“. Провѣзшій купецъ женился на падчерицѣ и повезъ къ себѣ; за нимъ потекли рѣки медовыя, пошли кони—золотая и серебряная шерстинка, пошли чудесныя яблоки и побѣжалъ баранька. Черезъ три года падчерица съ мужемъ, ребенкомъ (родившимся у нихъ) и баранькомъ пріѣхали въ гости къ мачехѣ. Мачеха раздѣла падчерицу, обшила ее въ „рысьсюю скуру“ и выгнала, а свою дочь нарядила въ ея платье. Купецъ не замѣ-

тилъ обмана и поѣхалъ домой. Когда ребенокъ начинать плакать, баранька выносила его на дворъ и кричалъ: „рыся, рыся! молодѣнь плачець, ѣсци хочецъ!“ Рысь прибѣгала и кормила ребенка. Подслушавъ это, купецъ сдѣлалъ облаву; поймали рысь, она сдѣлалась женщиною, баранька сдѣлался мальчикомъ. Бабину дочку привязали къ лошадиному хвосту и пустили въ поле.

Въ другомъ бѣлорусскомъ вариантѣ, помѣщенномъ на той же страницѣ того же сборника и также переданномъ въ видѣ краткаго пересказа, падчерица также обращена въ рысь. Когда мачеха и падчерица пошли въ баню, мачеха оборотила ее рысью, а свою дочь послала съ ребенкомъ къ Ивану Васильевичу, королевскому сыну. Ночью ребенокъ захотѣлъ ѣсть и началъ кричать. Нянька вынесла его на крыльцо и стала звать мать: „рыся Марыся! и гуси спяць и куры спяць, только сынъ твой не спиць: трехъ даѣнь молодѣнь—ѣсци хочецъ!“ Мать прибѣжала, накормила ребенка и опять убѣжала въ лѣсъ. На третью ночь Иванъ Васильевичъ, королевскій сынъ, по наущеню няньки, схватилъ рысь, когда она хотѣла бѣжать въ лѣсъ. Она скинулась мухой, онъ ее разорвалъ; сдѣлалась иглою, онъ ее переломилъ; тогда она сдѣлалась молодежию. Мачеху съ ея дочерью привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разнесли по чистому полю.

Въ третьемъ вариантѣ Романова (*ibid.*, стр. 292—295) падчерица обращена въ лису; г. Романовъ въ примѣчаніи догадывается, что лиска—позднѣйшая замѣна рыськи.

Жилъ дѣдъ съ бабой; у нихъ была дочка. Баба умерла; дѣдъ говорить дочкѣ: „будемъ съ тобой, дочушка, жениться!“ Дочь отказывается, хочетъ напередъ спросить мать, приходитъ на могилу матери, плачетъ и рассказываетъ, что отецъ хочетъ, чтобы она за него замужъ пошла. Мать говоритъ: „пусть онъ тебѣ (напередъ) справить платье, какъ на небѣ звѣзды, какъ на небѣ мѣсяцъ“. Отецъ справилъ все это и опять хочетъ жениться на своей дочери. Дочь снова идетъ на могилу матери за совѣтомъ. И такъ дочь ходитъ на могилу матери, мать научаетъ ее, что требовать отъ отца, и отецъ, кромѣ платья, справляетъ ей повозку, какъ звѣзды и какъ мѣсяцъ, и такихъ же коней. Въ послѣдній визитъ дочери мать

говорить ей: „пустъ онъ женится на вдовѣ съ тремя дочерьми“. Онъ и женился на вдовѣ. Мачеха не влюбилась падчерицы, заваливаетъ ее работой, но падчерицу выручаетъ „коровка Буренка“. Дѣвушка въ одно ухо дунеть, въ другое протянетъ—и работа готова. Мачеха посылаетъ свою дочь подсмотреть, кто помогаетъ падчерицѣ. Падчерица опять идетъ на могилу матери и мать ей совѣтуетъ предложить мачехиной дочкѣ поискать у нея вшей и во время исканья приговаривать: „спи вочко, спи другое!“ Мачехина дочка засыпаетъ и не видитъ, какъ коровка Буренка исполняетъ работы. Мачеха догадалась и вставила своей дочкѣ третье око, которымъ та усмотрѣла секретъ падчерицы. Мачеха требуетъ, чтобы дѣдъ зарѣзалъ коровку Буренку. Падчерица, по совѣту матери, стала перебирать кишки, нашла зерно и посадила подъ окномъ. Выросла яблоня—одно яблоко золотое, другое серебряное, но яблоки никому не даются. Въ святой день мачеха отправилась съ тремя дочерьми въ церковь, а падчерицу оставила дома, насыпала золы въ макъ и велѣла ей макъ очистить. Падчерица надѣла платье, какъ звѣзды и мѣсяцъ на небѣ, справленное ей отцомъ, сѣла въ справленную имъ же повозку на такихъ же чудныхъ лошадяхъ и тоже поѣхала въ церковь. Тамъ увидѣлъ ее царскій сынъ, захотѣлъ ее взять замужъ. Онъ разлилъ на ея пути растопленную смолу, одинъ черевикъ въ смолѣ и остался. Сталъ ѣздить царскій сынъ по всему царству примѣривать черевикъ; мачеха подсѣкла пальцы своимъ дочерямъ, чтобъ черевикъ пришелся, а падчерицу спрятала подъ корыто. Однако царевичъ нашелъ ее и женился на ней. Когда родился ребенокъ, они поѣхали къ мачехѣ. Мачеха повела родильницу въ баню, обернула ее лисицей, а свою дочку поставила на ея мѣсто. Баба-пупорѣзница, когда дитя захочетъ ѣсть, вынесетъ его на улицу и скажетъ: „лиска, лиска! дитя плачетъ, ѣсть хочетъ!“ Мужъ подкараулил лисицу, и когда она скинула свои лисьи шкуры, чтобы покормить ребенка, онъ сжегъ ихъ. Потомъ мачеху и ея дочь привязали къ конскому хвосту.

Къ этому варианту близка сказка о Строевой дочери у Худякова (Великор. ск., II, 71—75). Ея особенности: пряжа не кладется въ ухо коровѣ, а корова жретъ ее и выпускаетъ

готовую теань; зарываются не зерна, а трубуха и ножки, и на этомъ мѣстѣ вырастаетъ садъ съ золотыми яблоками; превращеніе совершается въ банѣ; злая мачеха стала парить падчерицу и приговаривать: „чтобъ тебѣ отнынѣ и до вѣку рысью бѣгать!“ Няня ходитъ съ плачущимъ ребенкомъ въ поле и поетъ: „ой рысь-поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!“ Когда приходитъ рысье стадо, Строева дочь выходитъ, снимаетъ шкуру и кормитъ ребенка; мужъ сжигаетъ шкурку, схватываетъ жену поперекъ тѣла; она обращается ужомъ, жабой, веретеномъ; онъ ломаетъ веретено и бросаетъ передъ собой,—она становится по прежнему.

Въ вариантѣ Кулиша (Записки о южной Руси, II стр. 24) парубокъ, который носитъ плачущее дитя на болото, къ обращенной въ козу матери, поетъ:

„Ой рись коза! твѣй синь плаче,
Твѣй синь плаче, исти хоче.

Въ четвертомъ вариантѣ Романова (стр. 289) нѣтъ ни обращенія падчерицы въ животное, ни могилы матери. Работы за падчерицу исполняетъ корова Буреня. Подстерегаетъ ее самъ отецъ падчерицы, и онъ первый подаетъ мысль зарѣзать корову. Какъ поступить въ этомъ случаѣ, учитъ падчерицу сама корова Буреня. Падчерица собрала всѣ ея кости и зарыла подъ окномъ, на этомъ мѣстѣ разливается крыница и вырастаетъ яблоня. Никто не можетъ ни яблока сорвать, ни воды зачерпнуть, а царь увидѣлъ это чудо и требуетъ. Мачеха спрятала падчерицу подъ корыто, но ее нашли. Падчерица достала яблоко и зачерпнула воды. Царь взялъ ее съ собой, и яблоня съ крыницей пошли вслѣдъ за ними. Царь женилъ на этой дѣвицѣ Марей своего сына. Мачеха хочетъ погубить Марей и зоветъ ее къ себѣ въ гости. Марей пріѣхала къ мачехѣ и здѣсь родила. Мачеха отсѣкла ей руки, „куксы ей позаверчивала“, подвязала ей ребенка и пустила въ бѣлый свѣтъ, а свою дочку на ея мѣсто выправила. Подошла Марей къ самому синему морю, наклонилась напиться, обмочила свои „куксы“ въ водѣ и стала вновь съ руками. Пошла она отъ моря, дошла до царскаго двора и спряталась съ сыномъ за печку. Царь услышалъ голосъ ея мальчика и вызвалъ изъ-за печки. Мальчикъ рассказываетъ исторію своей матери.

сказка повторяется. Въ концѣ разсказа мальчикъ обращается къ царскому сыну: „здравствуй, отецъ мой родимый!“ Снявъ съ себя шапку и обнаружилъ звезду на темени. Мачеху привязали къ конскому хвосту.

Эти два послѣдніе варианта г. Романова интересны для насъ тѣмъ, что въ нихъ находятся темы, въ одномъ — отецъ, желающій жениться на собственной дочери, въ другомъ — отсѣченные руки. Эти двѣ темы въ нѣкоторыхъ западныхъ сказаніяхъ, встрѣчаются вмѣстѣ и именно въ такой связи: отецъ, овдовѣвъ, хочетъ жениться на своей дочери и цѣлуетъ ея руки; это возмущаетъ чувство дочери, она сама отрубаетъ себѣ руки, которыя цѣловалъ отецъ, и отсылаетъ ему; или отецъ получаетъ отказъ, сердится, велитъ отрубить руки дочери; въ обоихъ случаяхъ онъ приказываетъ посадить ее въ лодку и отпустить на море. Та-же тема въ нѣсколько измененномъ видѣ разсказывается о китайско-буддійской богинѣ Гуань-инь-пусъ, которая китайскими буддистами считается воплощеніемъ Арья-Бало или Авалокитешвары. Гуань-инь-пуса была дѣвица, желавшая остаться дѣвственницей; но отецъ принуждалъ ее выйти замужъ. Дѣвица бѣжала изъ родительскаго дома въ отдаленный монастырь (на островъ Путо), сдѣлалась монахиней и затѣмъ прославилась какъ цѣлительница болѣзней. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ; гонцы его, искавшіе искуснаго врача, дошли и до острова Путо; Гуань-инь-пуса отрубаетъ себѣ руки и изъ нихъ дѣлаетъ лѣкарство для исцѣленія отца. (*Annales du musée Guimet*, T. XI, p. 196).

Въ южно-русскихъ вариантахъ, собранныхъ Чубинскимъ (*Труды этногр.-стат. экспед. въ западно-русскій край*, Спб., 1878, т. II, №№ 138, 139, 140, 141, 142), падчерица обращается большею частью въ птицу, и въ одномъ вариантѣ — въ щуку. Въ вариантѣ № 138 (стр. 448) падчерицѣ помогаетъ волкъ; яблоня вырастаетъ отъ камешка, найденнаго падчерицей въ кишкахъ вола; на падчерицѣ женится панъ, но ее обращаютъ въ гусыню. Когда она купалась, дочь мачехи стала бить ее розгою, приговаривая: „лети, рисю, гускою!“ Она обратилась въ гусыню и улетѣла. Съ оставшимся ея ребенкомъ нянчится, вмѣсто няньки, зайчикъ. Онъ носитъ ребенка въ лѣсъ и поетъ: „рисю, рисю, дитя плаче, исти хоче“. Кончается тѣмъ, что

пань подкарауливаетъ мать, пришедшую кормить ребенка, набрасываетъ ей на шею „стѣнжку“ (ленту) отъ сорочки, и она принимаетъ прежній видъ. Въ № 139 падчерица обращена уточкою, въ 140—гускою, въ 142—птицею. Въ № 139 обращеніе въ утку производится такъ-же, какъ и въ № 138, во время купанья, посредствомъ битья розгою, но отворачиваніе въ старый видъ накидываніемъ на шею „чирвои стѣнжки“; въ № 140 и обращеніе въ птицу и отворачиваніе равно совершаются посредствомъ накидыванія на шею обрацаемой той ленты, которою ея рука была связана съ рукою ея жениха во время вѣнчанья. Въ вариантѣ № 140 не сразу совершается обращеніе въ утку: сначала она перекидывается мышью, потомъ котомъ, собакою, волкомъ и всякимъ другимъ звѣремъ; но по совѣту знахарки нужно было продолжать бить, пока она не перекинется птицей, тогда нужно отпустить. Въ № 139 переходныя обращенія кошкой и собакой упоминаются при возвращеніи въ прежній видъ. Въ вариантѣ № 141 (стр. 459) падчерица обращена щукой. Яблоня вырастаетъ изъ закопанной въ землю головы коровы. На падчерицѣ же нится царевичъ; когда онъ увозитъ ее, слѣдомъ за ними уходитъ и яблоня. Когда царевича не было, мачеха ночью сдѣлала падчерицу щукою и пустила въ море, а свою дочь одѣла въ платье обращенной. Одинъ лакей каждый день носить оставшееся сиротою дитя къ морю и причитаетъ: „Оленице, сестрице! Приплинь, приплинь до берега, дитя твое умирае“. Щукой же обращена мать въ вариантѣ Рудченка (II, 51). Тѣмъ не менѣе нянька, носящая дитя на рѣку къ щукѣ, поетъ:

Рисю, рисю! молодюкъ плаче,

Молодюкъ плаче, йісти хоче.

У Аванасьева подобный вариантъ записанъ въ самой краткой редакціи. Сказка названа „Арысь-поле“ (VII, 218, № 27); Старикъ имѣлъ дочь красавицу и женился на вѣдьмѣ. Вѣдьма обратила падчерицу „звѣремъ Арысь-поле“ и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье нарядило свою дочь. Старая мамка носить ребенка падчерицы въ лѣсъ и поетъ:

Арысь-поле! дитя кричить,

Дитя кричить, пить-ѣсть хочеть.

Арысь-поле прибѣжить, сбросить шкурку и накормить ребенка. Мужъ сжигаетъ шкурку.

Въ собраніи Садовникова (Сказки и пред. Самарск. края, стр. 218) у мачехи—пасынокъ Ванюшка и падчерица Аннушка. Уроки, задаваемые мачехой,—пряжа и шитье. Помощникомъ падчерицы выставленъ быкъ „бынеюшко“. Изъ кишокъ убитаго быка вырастаетъ яблоня. На падчерицѣ женится баринъ. Ягая-баба (отдѣльный персонажъ отъ мачехи) посылаетъ падчерицу въ баню; та сходила и забыла тамъ кольцо, посылаетъ за нимъ брата, но совѣтуетъ не лизать козлиного сала, положеннаго тамъ мачихой. Ванюшка лизнулъ и сталъ козленкомъ. Ягая-баба позвала падчерицу купаться, посадила ее въ воду и привязала къ ней камень. Козленокъ бѣгаетъ къ рѣчкѣ и поетъ пѣсенку, просить сестренку выглянуть. Она отвѣчаетъ, что рада бы выглянуть, но „горючъ камень ко дну тянетъ, люты змѣи сердце сосутъ“. Однако на первый зовъ показываетъ изъ воды голову, на слѣдующій еще больше высовывается, въ третій разъ—по поясъ. Въ это время баринъ вытянулъ ее изъ воды, снова сдѣлалъ своей женой, а Ягую бабу посадилъ на ворота и разстрѣлялъ изъ поганаго ружья.¹⁾

Приведенныя русскія сказки мы можемъ раздѣлить сначала на двѣ группы. Къ первой мы относимъ сказку, герой которой въ разныхъ вариантахъ названъ именами: Хороборъ, Богатырь изъ бочки, Збудъ Збудовичъ, Короста. Ея содержаніе: три сестры, хвастающіяся своимъ искусствомъ; младшая родитъ чудеснаго ребенка; подмѣна дитяти; мать съ ребенкомъ въ бочкѣ плаваютъ по морю; добываніе трехъ чудесныхъ предметовъ; обличеніе обмана.

Другую группу составляютъ три версіи. Первая: мачеха не любитъ падчерицу и обременяетъ работой; падчерицѣ помогаетъ быкъ или корова, которую гонимая дѣвушка называетъ иногда сестрицей (Драгомановъ 361; Рудченко, II, 51). Животное зарѣзано по требованію мачехи; падчерица зарываетъ въ землю какіе-нибудь остатки отъ покровительствовавшего животнаго (два зерна, найденныя въ кишкахъ животнаго: Романовъ, в. 3, стр. 292; Рудченко II, 51; Драгомановъ

¹⁾ Бѣлорусскіе варианты въ „Бѣлорусск. Сборникѣ“ г. Романова, в. 3, стр. 265.

361; одно зерно: Романовъ, *ibid.* Рудченко, II, 43; кишки, Садовниковъ, 218; требуха и ножки, Худяковъ, II, 71; кости, Романовъ, в. 3, 289; голова животного, Чубинскій, II, 459; кошелекъ, найденный въ кишкахъ, Чубинскій, II, 448). На мѣстѣ, гдѣ они зарыты вырастаетъ чудесная яблоня. Царь (баринъ, купецъ) женится на гонимой падчерицѣ, и яблоня иногда уходитъ вслѣдъ за нею (Драгомановъ 361; Романовъ, в. 3, 289). Она родить сына; мачеха обращаетъ падчерицу въ животное (въ *рысь*, Худяковъ, II, 71—75; Романовъ, в. 3, 292; въ *козу*, Кулишь, II, 24; въ *уся*, Чубинскій, II, 448; въ *щуку*, Рудченко, II, 51, и Чубинскій, II, 459). Нянька ходитъ съ ребенкомъ къ матери просить для него молока; возвращеніе матери въ прежній видъ.

Вторая версія начинается такъ-же: покровительствующее животное зарѣзано, вырастаетъ дерево; конецъ другой: гонимая падчерица секретно одѣвается въ дорогое платье и прѣзжаетъ въ церковь; ее отыскиваютъ по башмаку, который она завязала въ смолѣ.

Третья версія: мачеха гонитъ двоихъ дѣтей, пасынка и падчерицу; пасынка обращаетъ въ козленка, а падчерицу спускаетъ на дно озера или рѣки съ камнемъ на шеѣ.

Назовемъ первую группу сказками о богатырѣ, заключенномъ въ бочку, а вторую—сказками о гонимыхъ дѣтяхъ. Не только три версіи второй группы наращаются темами одна изъ другой (какъ, напримѣръ, въ вариантѣ Романова, в. 3, стр. 292—295), но и сказки о гонимыхъ дѣтяхъ представляютъ заимствованія изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Такую смѣсь представляетъ версія, въ которой женщина, по злой волѣ ея гонителя, обращается въ угку (вариантъ Барсова въ Древ. и Нов. Россіи, 1879, № 9, стр. 403). Версія эта начинается эпическимъ мѣстомъ изъ сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку (три похваляющіяся сестры, женитьба царевича), но потомъ слѣдуетъ разсказъ о двухъ преслѣдуемыхъ братьяхъ.

Въ восточныхъ вариантахъ это смѣшеніе еще больше. Такъ, въ сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, приведенной въ началѣ статьи, стоятъ рядомъ тема о трехъ дѣвницахъ, сватающихся за царевича, и тема о деревѣ, вырастающемъ на мѣстѣ

погребенія; въ приведенныхъ выше русскихъ вариантахъ вездѣ эти темы стоятъ отдѣльно. Отраженіе темы о гонимыхъ дѣтяхъ въ тангутской сказкѣ еще сильнѣе; здѣсь одна сестра утоплена, а другая ходитъ на берегъ къ утопленницѣ вызывать ее изъ воды, въ родѣ того, какъ въ нашей сказкѣ о братѣ, обращенномъ въ козла, и объ его утопленной сестрѣ. Изъ русскихъ сказокъ не видно, кто такой быкъ, который покровительствуетъ гонимой падчерицѣ, и почему онъ это дѣлаетъ. Въ тангутской сказкѣ это лицо осмыслено. Это—сынъ гонимой женщины, зарытый въ землю и возродившійся подъ видомъ животнаго. Такое осмысленіе важно тѣмъ, что оно противопоставляетъ тангутскій вариантъ тѣмъ русскимъ вариантамъ, въ которыхъ женщина обращается въ рысь. Въ монголо-тангутской сказкѣ обращеніе (въ дерево ¹, въ ягненка и наконецъ вновь въ человѣка) происходитъ съ сыномъ гонимой женщины, въ русскихъ (въ рысь, щуку, утку)—съ самой гонимой женщиной. На нашъ взглядъ, эти двѣ версіи, не смотря на различное теченіе разсказа въ отдѣльныхъ мѣстахъ, воплощаютъ въ себѣ одно и то-же представленіе, но то, что одна версія поняла въ видѣ мужчины, другая поняла въ видѣ женщины. (Рысь-поле, Арысь-поле). Такое же двойственное пониманіе прилагается и къ бодисатвѣ Арья-Бало; онъ представляется и въ видѣ мужчины и въ видѣ женщины.

Версіи 1) объ уткѣ, проглотившей слюну царя, и 2) о пасынкѣ, обращенномъ въ козленка, и о сестрѣ его, опущенной въ воду съ камнемъ на шеѣ, не нуждаются въ подробныхъ указаніяхъ ихъ принадлежности къ одному циклу съ приведенными монголо-тибетскими сказками. Менѣе очевидны отношенія сказки о богатырѣ, заключенномъ въ бочку. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ варианты ея только начинаются сходнымъ эпизодомъ о трехъ сестрахъ; потомъ младшая сестра заключается съ сыномъ въ бочку и опускается въ море, и далѣе

1) Въ монгольской сказкѣ на мѣстѣ, гдѣ зарыто дитя, вырастаетъ дерево, въ тангутской—цвѣтокъ. Подобное представленіе получило мѣсто и въ буддйской агіографіи; гдѣ былъ зарытъ послѣдъ, въ которомъ родился Зонхава (въ Гумбумѣ), на томъ мѣстѣ выросло чудесное дерево *занданг*, т. е. сандалное, которое и теперь указываютъ въ Гумбумѣ, увѣряя, что его листья покрыты тибетскими письменами. На самомъ дѣлѣ это не сандалное дерево, а сирень.

исторія развивается совершенно иначе, такъ что можно подумать, что тема о плавающей въ морѣ матери ничего общаго съ монголо-тибетскими сказками объ Эрдени-Харалигѣ и Ёгъ-таму-нцо не имѣеть. Однако сближеніе послѣднихъ съ одной сказкой, записанной у тюрковъ южной Сибири, устраняетъ эти сомнѣнія. Сказка эта записана Адриановымъ и помѣщена въ моихъ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, 600. Герой сказки называется Кэрэкъ-Кирвэсъ-Хэмэрэ-мэргэнь; отецъ его—Аройбай-Его-ханъ. Ходъ разсказа тотъ-же, что въ сказкахъ о Хороборѣ, Коростѣ, Збудѣ Збудовичѣ и др., только нѣтъ бочки. Такъ-же младшая жена общается родить богатыря и родить, но завистливая старшаа подмѣниваетъ его щенкомъ; вмѣсто заключенія матери съ сыномъ въ бочку, сынъ просто брошенъ въ озеро (золотое озеро, Алтынъ-куль), а его мать оставлена на берегу въ одиночествѣ. Затѣмъ ханъ посылаетъ на озеро пословъ посмотрѣть, что на немъ дѣлается; эти послы замѣняютъ купцовъ въ русской сказкѣ; подобно тому, какъ въ русской сказкѣ мальчикъ, живущій съ матерью, летаетъ къ отцу подъ видомъ мухи, и Кэрэкъ-Кирвэсъ летаетъ подъ видомъ птицы подслушивать рѣчи хана въ отвѣтъ на разсказы пословъ. Въ русскихъ сказкахъ Хороборъ и другіе герои, руководствуясь подслушанными рѣчами лже-царицы, добываютъ за три поѣздки нѣкоторые чудесные предметы; точно также и здѣсь Кэрэкъ-Кирвэсъ совершаетъ три поѣздки съ подобной цѣлью. Онъ добываетъ: желѣзнаго оленя, у котораго было только пятно на лбу уязвимо и другое между стегнами, оружіе, скованное семью свѣтлыми кузнецами (долонъ-арыкъ-дарханъ) и невѣсту, дочь чудовища Убиртыхъ-Хормозда. Но указанія дѣлаются здѣсь не царицей злой, а самимъ ханомъ, такъ что Ягъ-бабъ, Ягишвѣ приведенныхъ русскихъ сказокъ и Ёгъ-таму-нцо тибетской, здѣсь соотвѣтствуетъ Его-ханъ. Пока, въ томъ видѣ, какъ мы передали здѣсь эту сказку, въ ней нѣтъ никакихъ отношеній къ монголо-тибетскимъ версіямъ, но эпизодъ о мальчикѣ, брошенномъ въ озеро, ставитъ дѣло иначе. Тутъ мы встрѣчаемъ подробности, которыя есть и въ сказкѣ о Ёгъ-таму-нцо. Сначала мальчикъ, подобно какъ въ Ёгъ-таму-нцо, брошенъ подъ ноги лошадей, потомъ дикихъ верблюдовъ, потомъ овецъ въ расчетѣ, что онъ будетъ по-

топтанъ; но животныя выказываютъ доброе расположеніе къ ребенку. Потомъ онъ брошенъ въ озеро, изъ котораго выходитъ играть на берегъ моря. Мать ловить его, но ребенка не дается. Только когда она принимается ловить его въ третій разъ, ей удается поймать его. Онъ требуетъ, чтобы она брызнула изъ своей груди молокомъ въ его ротъ, чтобы по вкусу его убѣдиться, что она дѣйствительно его мать. Она дѣлаетъ это ¹⁾, и онъ остается съ матерью. Въ сказкѣ о Ёгь-таму-нцо мать также ловить мальчика до трехъ разъ, и только въ третій разъ ей удается поймать его. Это тотъ же эпизодъ, только перенесенный изъ середины сказки въ ея заключеніе. Молоко въ тибетской сказкѣ смѣнилось слюной.

Семь кузнецовъ (Долонъ-Арыкъ-Даръ-ханъ), упомянутые въ этой сказкѣ, обращаютъ насъ къ монгольскому сказанію о Гэсэръ. Въ этомъ сказаніи также есть семь кузнецовъ; вмѣсто свѣтлыхъ—„арыкъ“, они названы шелудивыми—„ходжугуръ“ (Долонъ-Ходжугуръ-тарханъ); кромѣ того, они названы братьями. Они являются въ эпизодѣ о Гуменъ-ханѣ, который составляетъ третью главу сказанія (въ переводѣ Шмидт:). У Гуменъ-хана умерла жена, и онъ не можетъ разстаться съ покойницей; это имѣло послѣдствіемъ то, что вся жизнь въ царствѣ остановилась. Исцѣлить хана (отдѣлать его отъ труппа) можетъ только Гэсэръ-ханъ; но чтобы эта операція прошла для самого Гэсэра безъ дурныхъ послѣдствій, ему нужно похитить съ неба отъ своей небесной матери девять „эрдени“: золотую мельницу (алтанъ теерме), золотую пчелу (алтанъ зоко), золотого хорька (алтанъ курене), золотую цѣпь или петлю для изловленія солнца (наранъ бариху алтанъ чалма), серебряную цѣпь для изловленія мѣсяца (сара бариху менгунъ чалма), кровь изъ клюва черного орла, молоко изъ груди черной орлицы, слезы изъ глазъ черного орленка и драгоценный камень молоръ-эрдени со дна моря ²⁾. Чтобы

¹⁾ Для этого она поднимается на „высокую гору“ и оттуда пускаетъ струю молока.

²⁾ Такъ въ вариантѣ, который я слышалъ отъ одного ордосскаго монгола. У Шмидта 14 предметовъ [Die Thaten Bogda Gesser chan's. 1839, S-Pb, S. 100]. Невѣсты нѣтъ, но нужно обратить вниманіе на присутствіе въ числѣ эрдени петли для ловли солнца и мѣсяца. Ср. съ золотымъ арканомъ, который служитъ

получить эти эрдени, онъ долженъ задобрить свою небесную мать и поднести ей вино въ семи чашахъ, сдѣланныхъ изъ череповъ семи шелудивыхъ братьевъ кузнецовъ. О семи братьяхъ кузнецовъ см. также въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 126; тамъ они приурочены къ семи звѣздамъ Большой Медвѣдцы. Тамъ же и о матери Гэсэра; осердившись на сына за похищеніе эрдени, она брызнула въ него молокомъ изъ своей груди, отчего на небѣ образовался млечный путь.

Кэрэкъ-Кирвэсъ, кромѣ упомянутыхъ выше трехъ предметовъ: желѣзнаго оленя, оружія, скованнаго семью кузнецами, и невѣсты, добываетъ еще четыре предмета: восемь клыковъ, находившихся у чудовища Чекана, мечъ, погруженный въ скалу, сѣтъ, замытую песками на днѣ морскомъ, и шубу изъ подземнаго царства Ерлика. Всего семь; въ сказаніи о Гэсэрѣ—девять ¹⁾. Два слова о желѣзномъ оленѣ. Въ записи г Адрианова при словѣ олень ²⁾ поставлено въ скобкахъ тюркское „сынъ“; слѣдовательно желѣзный олень будетъ: темиръ-сынъ. Это и есть желѣзный А-сынъ, который является въ тангутской версіи Гэсэра, записанной мною въ Амдо и еще не напечатанной. У желѣзнаго А-сына все тѣло желѣзное, только подъ горломъ уязвимое мѣсто. У Темиръ-сына также все тѣло покрыто желѣзомъ, за исключеніемъ пятна на лбу и мѣста между стегнами.

Эти сопоставленія даютъ поводъ предполагать, что эпизодъ о Гуменъ-ханѣ первоначально рассказывался по плану сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и другихъ, родственныхъ послѣдней. То есть, кромѣ разказа о добываніи семи или девяти предметовъ (семи эрдени), въ сказаніи о Гуменъ-ханѣ былъ и разказъ о рожденіи мальчика и о томъ, что онъ былъ брошенъ въ озеро, но при включеніи этого сказанія въ книгу о Гэсэрѣ эпизодъ объ озерѣ и мальчикѣ былъ опущенъ. Такъ какъ въ книгѣ о Гэсэрѣ о рожденіи его уже рассказывается въ

для нахидыванія на купающуюся въ озерѣ дѣвцу-лебедь, которая потомъ становится женой героя сказки; см. въ Очеркахъ С.-З. Монг., IV, сказки № № 110 (стр. 373) и 155 (стр. 523).

¹⁾ Ср. съ семью эрдени Чакравартина.

²⁾ Собственно, у г. Адрианова стоитъ: „желѣзный звѣрь“.

первой главѣ (по Шмидту), то было бы неестественно во второй разъ заставлятъ его рождаться въ третьей главѣ, которая содержитъ въ себѣ исторію Гуменъ-хана. Можетъ быть сказаніе о Гуменъ-ханѣ начиналось не только въ родѣ сказки о Кэрэкъ-Кирвэсѣ, но даже и въ родѣ сказокъ о Эрдени-Хараликѣ, о Эр-Сару ¹⁾, Ёгъ-таму-нцо, т. е. въ немъ было не только озеро, но даже и три сестры. На существованіе другого начала указываетъ слѣдующее: во 1-хъ, рассказъ, который находится въ нѣкоторыхъ тангутскихъ вариантахъ о томъ, что Гэсэра вскорѣ послѣ его рожденія бросали въ степи, въ снѣгъ и пр. съ цѣлью погубить, —намекъ на тему бросанія ребенка подъ ноги животныхъ, находящуюся въ сказкахъ о Кэрэкъ-Кирвэсѣ и Ёгъ-таму-нцо; во 2-хъ, въ рассказѣ о молокѣ матери Гэсэра можно видѣть параллель съ рассказомъ о молокѣ матери Кэрэкъ-Кирвэса, только побужденіе иначе истолковано; въ 3-хъ, записанная въ Монголіи и помѣщенная въ моихъ Очеркахъ (IV, 495) сказка о Гумъ-ханѣ (вѣроятно то-же, что и Гуменъ-ханъ) вмѣстѣ съ чертами изъ книги о Гэсэрѣ (ханъ, не расстающійся съ умершей женою) содержитъ рассказъ о гонимыхъ мачехою дѣтяхъ прежней царицы. Изгнанные дѣти страдаютъ въ степи отъ жажды; въ это время старшій братъ обращается съ молитвой къ небу, и съ неба падаетъ дождь, наполняющій подставленную чашку. Въ другой сказкѣ, имѣющей сюжетомъ исторію царевичей, преслѣдуемыхъ мачехою, вмѣсто дожда съ неба падаетъ мѣшокъ съ молокомъ ихъ умершей матери, находившейся въ это время уже на небѣ (Очерки, IV, 284) ²⁾.

Пользуясь параллелями, мы можемъ возстановить рассказъ о Гэсэрѣ и Гуменъ-ханѣ въ такомъ видѣ: три сестры; Гуменъ ханъ женится на младшей, она должна родить Гэсэра; подмѣна ребенка щенкомъ; мать родившагося ребенка изгнана,

¹⁾ Въ Эр-Сару сходныя черты съ Кэрэкъ-Кирвэсомъ: троекратная ловля мальчуга, изгнание помоченныхъ конечностей, руководствуясь наблюденіемъ надъ искалѣченной крысой.

²⁾ Въ калмыцкомъ вариантѣ этой сказки, записанной Бергманомъ (*Nomadische Streifereien unter d. Kalmuken*, Rida, 1805), мачеха преслѣдуетъ пасынка *Go Tschikitu* или *Ojoo-Tschikitu* и падчерицу *Aerdäni Zázäk*; *Go-Чикиту*, прибавляетъ Бергманъ, есть воплощеніе Ховмимъ бодисатвы (т. е. Арья-Бало).

или мать изгнана до родовъ, беременная (о дѣтствѣ Гэсэра дѣйствительно рассказывается, что мать его передъ родами жила въ изгнаніи); ребенокъ брошенъ въ озеро, но найденъ матерью; затѣмъ мальчикъ, т. е. Гэсэръ, вырастаетъ, добываетъ семь эрдени, и освобождаетъ отца отъ злой лже-царицы ¹⁾. Въ такомъ же составѣ сказка могла рассказываться и на западѣ (въ Россіи), но взаимныя отношенія вариантовъ здѣсь болѣе ослабли, чѣмъ на востокѣ. Тѣмъ не менѣе намеки на общность происхожденія остались, и, напримѣръ, появленіе въ сказкѣ о богатырѣ, добывающемъ kota, борова, мельницу, и пр., темы о трехъ сестрахъ не есть чуждое наслоеніе, а слѣдъ прежней редакціи.

Въ какомъ отношеніи всѣ эти сказанія стоятъ къ фигурѣ Арья-Бало, и въ какой мѣрѣ показанія монгольскихъ сказочниковъ относительно того, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ сюжетовъ будто бы относятся къ этому богу, соотвѣтствуютъ легендарной правдѣ,—отвѣта на эти вопросы должно ожидать отъ ориенталистовъ и ученыхъ, занимающихся буддизмомъ.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Въ сказкѣ объ Ою-Чияты-ханѣ, представляющей вариантъ сказки Бергмана Ою-Чияту, изганный мачихой царевичъ вырастаетъ на сторонѣ, возвращается къ отцу, убиваетъ его жену, подъ видомъ которой скрывался дьяволъ, и очищаетъ отца отъ оскверненія посредствомъ молока (Очерки, IV, 285).

ИЗЪ ОБЛАСТИ СУЕВѢРІЙ

Малоруссовъ Черниговск. губ.

(Народная медицина и представленія о загробной жизни).

Предлагаемый мною матеріалъ представляетъ не болѣе, какъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ с. Пашковѣ Черниг. губ., Нѣжинскаго у. Здѣсь, какъ и вездѣ, народная фантазія, неудовлетворенная окружающей дѣйствительностью, стремясь объяснить явленія природы и человѣческой жизни, создала массу суевѣрій, украсила участіемъ сверхъестественныхъ силъ и явленій сѣрую, неприглядную, немногосложную деревенскую жизнь. Впрочемъ въ настоящее время, благодаря вліянію городской цивилизаціи, распространенію грамотности, дѣятельности духовенства, большая часть прежнихъ суевѣрій исчезла. Крестьянинъ не успѣлъ еще вполне замѣнить прежняго міросозерцанія новымъ, тѣмъ не менѣе уже прислушивается къ этому новому, съ недоувѣріемъ и даже пренебреженіемъ относясь къ преданіямъ старины и оставляя переживаніе старыхъ принциповъ болѣе консервативнымъ по природѣ женщинамъ. Но и въ умахъ послѣднихъ не сохранилось почти ничего цѣльнаго; остались только обрывки прежнихъ вѣрованій и представленій, и нерѣдко только отдаленный намекъ указываетъ на существованіе въ прошедшемъ какого-нибудь, быть можетъ, сильно развитаго культа.

Такіе остатки прежнихъ суевѣрныхъ представленій встрѣчаются и въ народной medicinѣ, по которой мнѣ удалось добыть нѣкоторыя, къ сожалѣнію, довольно скудныя свѣдѣнія.

Народная медицина также утратила здѣсь въ значительной степени свое прежнее значеніе. Если крестьянинъ и обра-

щается еще къ помощи деревенской знахарки чаце, чѣмъ къ врачу, то это слѣдуетъ, мнѣ кажется, объяснить отчасти тѣмъ, что знахарка всегда подъ рукой, между тѣмъ лѣченіе у врача не всегда возможно; но вообще крестьяне не особенно довѣряютъ ихъ лѣченію, въ особенности различнымъ заговорамъ, нашептываніямъ и т. п. суевѣрнымъ средствамъ.

Медицинскія знанія отчасти передаются старшими младшимъ, когда первые чувствуютъ приближеніе смерти или, по слабости, не могутъ уже заниматься своимъ ремесломъ, отчасти усваиваются путемъ опыта. Сообщеніе своихъ медицинскихъ знаній передъ смертью избранному лицу является необходимымъ, благодаря взгляду самихъ знахарей на свое ремесло, какъ на дѣло грѣховное, и происходящему отсюда нежеланію унести этотъ грѣхъ съ собою къ могилу. Передавать свои знанія лицу старше себя нельзя.

Занимаются знахарствомъ обыкновенно люди пожилые, по большей части женщины, у которыхъ это занятіе соединяется почти всегда съ занятіемъ повивальной бабки.

Насколько мнѣ удалось замѣтить, различаются два главные вида болѣзней: 1) болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, какъ напр. отъ простуды, и 2) болѣзней, происходящія отъ дѣйствія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ причислить также болѣзни, происходящія отъ вѣтра. Вѣтеръ, хотя и крайне нечисто, также представляется въ видѣ какого-то злого духа.

Изъ такого дѣленія болѣзней на два разряда вытекаютъ и два способа ихъ лѣченія, которые однако не разграничиваются строго. Первый видъ болѣзней лѣчится преимущественно лѣкарствами, которыя должны дѣйствовать прямо на больной организмъ человѣка; второй видъ — разными суевѣрными средствами, дѣйствіе которыхъ направлено преимущественно противъ тѣхъ злыхъ силъ, отъ которыхъ произошла болѣзнь. Что касается формъ, въ которыхъ олицетворялись разные болѣзни, то онѣ по большей части забылись. О несомнѣнномъ существованіи ихъ въ прошедшемъ можно заключить между прочимъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ заговорахъ обращаются съ извѣстными словами къ болѣзнямъ, какъ къ существамъ живымъ.

Лѣкарства, употребляемыя народомъ, приготовляются по большей части изъ травъ. Срывая траву, знахарь или знахарка произноситъ обыкновенно слѣдующія слова: «Господь садывъ, Илья родывъ, Маты Божа поливала усимъ намъ гришнымъ и праведнымъ давала».

Привожу списокъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ, молитвъ и заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, составленный по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ одной знахаркой въ с. Пашковкѣ:

Расторопша. Собирается осенью и варится въ водѣ. Даютъ пить отъ коликъ въ животѣ.

На Ивана Купала собираются: чистикъ (мужкой и женскій), братикъ и сестрица, богородична травка и дрыкъ.

Чистикъ. Растирается въ деревянной посудѣ съ чистой водою (не варится). Употребляется при лѣченіи людей и животныхъ отъ укушенія змѣи. Даютъ пить, прикладываютъ по три раза къ больному мѣсту и къ сердцу, и остатки выливаютъ на больного.

Братикъ и сестрица. Въ отварѣ этой травы купаютъ дѣтей.

Богородична травка варится въ водѣ. Пьютъ отъ боли горла. Питье и обмываніе этимъ отваромъ считается вообще полезнымъ для здоровья.

Дрыкъ. Варятъ и пьютъ при зараженіи бѣшенствомъ отъ собаки. Бѣшенство, по народному убѣжденію, переходитъ не только отъ укушенія, но также отъ взгляда и близкаго сосѣдства съ бѣшеной собакой.

Кладникъ и золототысячникъ пьютъ при боли въ животѣ. Кладникъ варится, а золототысячникъ настаивается на водѣ.

Бобовникъ растетъ на болотѣ; его также варятъ и пьютъ отъ боли въ животѣ. Отъ рѣзи въ животѣ подкуриваютъ *перьями отъ черной курицы*. При слабомъ желудкѣ, полезно пить *молоко съ льнянымъ съменемъ*, при твердомъ—*сыворотку*.

Добровка (травка) сушится и растирается въ порошокъ, которымъ засыпаютъ раны.

Листья *лопуха* прикладываютъ къ болячкамъ. Къ ранамъ также прикладывается каша изъ *льна*. Къ нарывамъ прикладываютъ наговоренную *сметану* или наговоренный *медъ*, намазавъ его на *липовый* или *фасолевый* завяленный листокъ. Полезно также прикладывать жеванный *бубликъ*.

Корень папоротника, вырытый весной, сушится, заваривается и пьется при боли подъ ложечкой и отъ глистовъ.

Отваръ *мяты* пьютъ отъ кашля. Отваръ мяты съ сыровцомъ употребляется при болѣзни сердца.

Материнка варится съ сахаромъ и употребляется отъ кашля. Эту траву можно собирать впродолженіе всего лѣта. Отъ кашля же ѣдятъ *медъ*, сваренный съ *сьменемъ конскаго щавеля* на сковродѣ, и запиваютъ эту смѣсь кипяченымъ *молокомъ*.

Корень конскаго щавеля собирается въ маѣ, сушится и заваривается, какъ чай; настоємъ полощутъ ротъ для излѣченія отъ зубной боли. То-же средство употребляется и при болѣзни десенъ. Кромѣ этого помогаютъ при зубной боли молитвы обращенныя къ свв. Николаю, Антонію, Гавріилу и Тихону, которые считаются цѣлителями зубной боли.

Отъ боли въ груди прикладываютъ къ ней *пшеничныя лепешки съ медомъ*; если въ лепешкѣ появятся дырочки, значить болѣзнь перешла въ нее.

Для излѣченія горячки катаютъ по тѣлу больного *горячій мякишиъ черного хлѣба*, а затѣмъ черезъ плечо бросаютъ его собацѣ. Горячка, такимъ образомъ, переходитъ на собаку, а изъ нея выходитъ вмѣстѣ съ лаемъ. Для излѣченія лихорадки, берутъ *личную пленку* и надѣваютъ ее, какъ наперстокъ, на мизинецъ лѣвой руки; черезъ нѣсколько времени начинается ломота въ лѣвой рукѣ, пленка лопається, и ноготь обернутый ею сходитъ, что и служитъ признакомъ того, что лихорадка исчезла. Лихорадка—жидовка, и потому, можно еще выгнать ее изъ тѣла, намазавшись свинымъ саломъ. Происхождение лихорадки объясняется такъ: люди сначала не знали этой болѣзни; когда Иродіадѣ принесли на блюдѣ голову Іоанна Крестителя, она отъ ужаса впервые затряслась въ лихорадкѣ. Отъ нея эта болѣзнь распространилась по всему свѣту; вотъ почему лихорадка считается жидовкой. Въ связи съ этимъ разсказомъ находится представленіе объ Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о цѣлителѣ лихорадки. Страдающіе этой болѣзнью молятся ему, постятся въ пятницу и въ день Усѣкновенія. Нѣкоторое указаніе на то-же представленіе о лихорадкѣ можно видѣть еще въ слѣдующемъ способѣ ея лѣченія: нужно носить на шеѣ «жидывскаго Бога»; это—икона, нарисованная на телячьей

шкурѣ; добыть ее можетъ только «москаль» (согдатель). Если не поможетъ ношеніе этой иконы, то нужно прижечь ее на огнѣ и дымомъ ея подкурить больного.

Въ предупрежденіе заразы нужно, такъ сказать, окружить себя собственнымъ дыханіемъ: сначала подышать въ каждую ладонь поочередно и сунуть ихъ за пазуху; потомъ въ обѣ ладони сразу и обтереть ими лицо: „твѣй духъ при тоби,— говорить знахарка,— дакъ ничего до тебе и не пристане“.

Кромѣ этихъ средствъ, употребляемыхъ при лѣченіи бо- лѣзней, существуютъ еще нѣкоторыя акушерскія средства. Въ предупрежденіе выкидыша повивальная бабка снимаетъ обручъ съ «дижки» (квашни) и трижды поднимаетъ имъ вверхъ животъ беременной. Во время родовъ бабка тѣмъ же обру- чемъ трижды надавливаетъ животъ роженицы сверху внизъ и затѣмъ разрываетъ обручъ. При трудныхъ родахъ мужъ роженицы беретъ ее подъ локти и встряхиваетъ, затѣмъ ло- жится на полъ, и жена трижды переступаетъ черезъ него. Въ домѣ растворяютъ сундуки, двери, разстегиваютъ платье, от- воряютъ „дичу“ съ хлѣбомъ и проч. Во время купанья ново- рожденнаго бабка выпрямляетъ ему члены слѣдующимъ обра- зомъ: вытягиваетъ лѣвую ногу и правую руку, а локоть лѣ- вой руки соединяетъ съ колѣномъ правой ноги, затѣмъ на- оборотъ. Если на спинѣ новорожденнаго есть волосы, то бабка при купаньѣ стелетъ въ корыто съ водой на дно простыню, бро- саетъ туда нѣсколько простыхъ колосьевъ ржи и кладетъ въ него ребенка потомъ сверху просѣиваетъ черезъ рѣшето на спину ребенка пепель. Волосы отъ этого должны исчезнуть. Если не снять волосы, то ребенокъ все будетъ выгибаться назадъ.

Второй способъ лѣченія, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ употребленіи разныхъ суевѣрныхъ средствъ. Главное мѣсто между ними занимаютъ заговоры. Приведу тѣ, которые мнѣ удалось узнать. Но предварительно надо замѣтить, что передъ всякимъ заговоромъ произносится обыкновенно слѣ- дующая молитва: „Николай, угодникъ Божій, помощникъ Бо- жій! Ты ѣ у поли, ты ѣ у доми, у пути ѣ у дорози, на не- беси и на земли; заступы и сохрани одѣ усякого зла!“

1) *Чтобы выгнать болѣзнь изъ тѣла* произносятъ слѣдующій заговоръ: „Де люды не ходять, де пивень не піе, де сонце

не сходять, де хрыстьянскій голось не заходьтъ,—на очерета, на болота на быстрые воды! Тамъ соби гуляй, лозою хиляй, пескомъ посыпай! тамъ тоби гулять, роскоши мать!“

2) Заговоръ *отъ ломоты*, которая происходитъ отъ вѣтра: „Шла Маты Божа золотымъ мосточкомъ, золотымъ щипочкомъ. Дванадцять ангеловъ, Евангелысты, Хранысты, подайте меча съ подь правого плеча, биби (диду) податы, хрещеному(имя) присикаты (присѣчь), шобъ не ломыло, не палыло, шобъ не болило, шобъ зъ ногъ не валыло; трычи по трычи присикаю, вырубаю и зарубаю“. По произнесеніи этихъ словъ, знахарь или знахарка переступаетъ черезъ больного, топаеть ногами и крестится.

3) Другой заговоръ *отъ ломоты*: „Якѣ болячка ломовая, костяная, золотушна, шобъ не палыло, шобъ не свирбило, не щемило, присичу и засичу“.

4) Заговоръ *отъ злыхъ духовъ*: „Дыхимы очима да сыль, да печина! Шо ты намъ, то й тоби: якъ намъ добре, дакъ и тоби нехай добре; якъ намъ худо, дакъ и тоби нехай худо! Нехай буде добре тоби й намъ!“

5) Когда *ребенокъ сильно плачетъ* обращаются къ знахаркѣ. Послѣдняя беретъ ребенка на руки и съ поклономъ обращается сначала къ образамъ: „Вамъ хороше стояты, нашей дытыноци крипко спаты! Дий Боже переспаты, здоровенькимъ статы, Божу волю маты, само себе забавляты! „Потомъ съ такимъ же поклономъ обращается къ столу: „Тыхо стылъ стоять, тыхо хлибъ лежить, подь столомъ земля спытъ; тымъ сномъ поздоровляю, крыкъ и зыкъ отбываю.“ Наконецъ къ порогу: „День добрый тоби дубе! На тоби, дубе, крыкывецъ и плаксывецъ; ты крыкывецъ соби, дубе, заберы, а сонъ крипкій прыделы!“ Далѣе трижды: „тоби, дубе, крипко стояты, а нашей дытыноци крипко спаты!“

Такія же суевѣрія дополняютъ и украшаютъ и представленія о загробной жизни.

Приведу только два разсказа, могущихъ до нѣкоторой степени рисовать эти представленія. Въ одномъ изъ нихъ весь будущій міръ представляется въ видѣ 5-ти садовъ, и жизнь въ каждомъ изъ нихъ представляетъ извѣстную степень блаженства или мученій. Вотъ этотъ разсказъ:

Одному крестьянину, во время тяжкой болѣзни, явился во снѣ какой-то человѣкъ съ рыжей бородой и велѣлъ за собою слѣдовать. Долго шли они; наконецъ увидѣли передъ собою дверь. Человѣкъ съ рыжей бородой отперъ ее ключами, и взорамъ крестьянина представился цвѣтущій садъ, въ которомъ маленькія дѣти играли яблоками и бубликами. Осмотрѣвъ этотъ садъ, крестьянинъ со своимъ проводникомъ отправился дальше и увидѣлъ такой же садъ; здѣсь „парубки и дивчата“ сидѣли и пѣли пѣсни. Третій садъ, который показалъ крестьянину неизвѣстный человѣкъ, не отличался уже такимъ богатствомъ растительности; здѣсь не было такого благоуханія цвѣтовъ и пѣнія райскихъ птицъ, какъ въ первыхъ двухъ. На травѣ сидѣли молодые женатые мужчины и женщины и мирно бесѣдовали. Въ четвертомъ саду, по правую сторону, сидѣли старики и курили трубки, въ дыму которыхъ еще можно было дышать; по лѣвую сидѣли старухи, окруженныя собственной слювой, и плевали вокругъ себя („отъ-то якъ плюнешь та нерозотрешь“, — прибавляетъ рассказчица, — то такъ тоби на тымъ свити и буде“). Подходя къ пятому саду, крестьянинъ еще издали почувствовалъ жаръ и услышалъ запахъ смолы. Когда проводникъ отперъ ему дверь сада, крестьянинъ увидѣлъ голыхъ людей, ворочавшихъ руками комья горячей смолы; не успѣлъ онъ ступить сюда, какъ ему опалили ноги, и онъ поспѣшилъ уйти. „Вотъ здѣсь будешь и ты“, — сказалъ ему человѣкъ съ рыжей бородой, — „если не покаешься въ своихъ грѣхахъ“.

Нужно замѣтить, что въ общемъ, представленія о блаженствѣ за гробомъ не отличаются такой грубостью, какъ можно было бы судить по этому разсказу.

До страшнаго суда души праведныхъ, по народному повѣрью, живутъ на дворѣ царя Давида. Все, что пожертвовано человѣкомъ на этомъ свѣтѣ въ пользу храмовъ и бѣдныхъ, въ будущемъ составляетъ его собственность и кладется тамъ передъ его душой на столѣ. Имѣя постоянно передъ глазами вещественное напоминанье о добрыхъ дѣлахъ, сдѣланныхъ на землѣ, душа испытываетъ блаженство.

Другой разсказъ можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: считаются-ли безгрѣшными души младенцевъ?

Младенецъ стучить въ дверь рая: „Я сегодня родился и крестился,—говорить онъ,—не грѣшенъ передъ Богомъ; впустите меня!“—„Какъ же ты не грѣшенъ, когда ты пролилъ кровь своей матери?“—отвѣчаетъ ему Богъ, и велитъ Ангелу дать младенцу большое блюдо, отвести его въ лѣсъ и не пускать въ рай, пока онъ не наполнитъ слезами всего блюда. Долго стоитъ ребенокъ въ лѣсу и плачетъ, но слезы не покрыли еще и дна блюда. Наконецъ проходятъ мимо него разбойники и спрашиваютъ, о чемъ онъ плачетъ. Младенецъ разсказалъ имъ о своемъ горѣ. Услышавъ, что ребенокъ страдаетъ такимъ образомъ только за то, что появился на свѣтъ, разбойники вспомнили свою грѣшную жизнь. Страхъ и раскаянье въ сдѣланныхъ преступленіяхъ овладѣло ими. Слезы ручьями потекли изъ ихъ глазъ и сразу переполнили блюдо. За это Богъ простилъ и ихъ, и ребенка, и всѣхъ принялъ въ рай.

Е. Шарко.

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей В. И. Вербицкій.

(Некроль).

Еще одна тяжелая утрата для молодой русской этнографин: 12-го октября минувшаго года въ Улалинскомъ станѣ Алтайской духовной миссіи скончался отъ болѣзни почекъ, на 63-мъ году отъ рожденія, помощникъ начальника миссіи Томской епархіи, протоіерей *Василій Ивановичъ Вербицкій*. Жизнь покойнаго служить высоко - поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать въ глухомъ, заброшенномъ углу человѣкъ, ищущій дѣятельности и желающій принести пользу какъ окружающимъ его, такъ и наукѣ. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій вскорѣ-же по окончаніи курса наукъ въ Нижегородской семинаріи прибылъ въ Сибирь и 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ здѣсь миссіонерской дѣятельности на Алтай, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію мѣстнаго инородческаго населенія. Съ самаго-же начала своего поступленія въ миссію о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка мѣстныхъ инородцевъ немыслимы ни успѣшная среди нихъ миссіонерская дѣятельность, ни столь тѣсно связанная съ нею для каждаго миссіонера дѣятельность въ области этнографіи, горячо принимается за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія является сначала его „Краткая грамматика алтайскаго языка“, а потомъ, по накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіе 30-ти слишкомъ лѣтъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“. Рядомъ съ собираніемъ лексикологическаго матеріала идетъ и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, разбросанныхъ, къ сожалѣнію, по разнымъ изданіямъ (въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Географ. Общества“, „Православномъ Обзорѣніи“, „Томскихъ Губ. Вѣд.“, „Томскихъ Епарх. Вѣд.“, „Памятныхъ книжкахъ Томской губ.“, „Восточ-

номъ Обзорѣніи“ и въ приложеніи къ нему—„Литератур. Сборникъ“), этнографія впервые обогащается подробными и въ высшей степени цѣнными для нея свѣдѣніями о кочевникахъ Алтая. Прилагаемый ниже списокъ трудовъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуеетъ о важности ихъ для этнографіи. Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ,—матеріальнаго или духовнаго,—которая не заинтересовала-бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была-бы изучена имъ въ возможной полнотѣ. Особенное же вниманіе о. Вербицкаго всегда приковывала къ себѣ миѳологія алтайцевъ, насколько исполненная образной поэзіи, настолько-же полная высоко-научнаго значенія. Миѳы и легенды, собранные В. И. Вербицкимъ среди инородцевъ Алтая, заключаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій источникъ для этнографіи вообще, и для фольклора въ частности, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить уже одно то, что наши извѣстные фольклористы не разъ черпали для себя матеріаль изъ этого источника, хотя отыскивать его приходится въ мало извѣстныхъ и трудно находимыхъ изданіяхъ (полный экземпляръ, напр., „Томскихъ Губ. Вѣд.“, въ которыхъ преимущественно и печатались статьи покойнаго, находится въ Евр. Россіи только въ С.-Петербур. Имп. Публич. Библиотекѣ).

Послѣднее обстоятельство—разбросанность статей прот. Вербицкаго по мало доступнымъ изданіямъ—невольнo наводитъ насъ на мысль объ изданіи сборника статей покойнаго. Оуществленіе этой мысли является крайне желательнымъ и необходимымъ. Съ одной стороны, сборникъ этотъ, заключаая въ себѣ пока *единственное* столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сдѣлано покойнымъ о. Вербицкимъ, будетъ имѣть важное научное значеніе; съ другой—изданіемъ его почтится достойнымъ образомъ память неутомимаго труженика-этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію наукѣ. Мы надѣемся, что мысль наша встрѣтитъ должное сочувствіе во всѣхъ, кому дороги успѣхи родной этнографіи и кто привыкъ цѣнить заслуги такихъ, столь рѣдкихъ въ наше время, ея дѣятелей, однимъ изъ которыхъ былъ покойный протоіерей. Сочувствіе дѣлу изданія сборника можетъ быть выражено какъ въ матеріальной поддержкѣ, такъ и въ сообщеніи данныхъ для подробной біографіи покойнаго, которую предполагается, вмѣстѣ съ портретомъ о. Вербицкаго, приложить къ сборнику *).

*) Сборникъ будетъ разосланъ всѣмъ лицамъ, внесшимъ на изданіе его не мене 2-хъ рублей (къ сборнику будетъ приложенъ ихъ списокъ). Какъ деньги, такъ и біографическія свѣдѣнія объ о. Вербицкомъ просимъ адресовать: Въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“ (Москва, Политехнический Музей).

Труды прот. В. И. Вербицкаго:

- 1). Краткая грамматика алтайскаго языка, под редакціей Н. П. Ильминскаго. Казань. 1869 г.
- 2). Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV + 494 in 8°.
- 3). Замѣтки кочеваго алтайца. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.
- 4). Записки миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи. „Православное Обозрѣніе“ 1863—1869 гг. и „Томскія Губ. Вѣд.“, 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—38.
- 5). Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и раздѣленіе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки—двоедланцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; вѣрованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность мірозданія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылака Эрлика, его нападенія на чело-вѣка; виновность чело-вѣка и осужденіе (1); 5) міръ Эрлика; брань Мангдышѣре съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (2); 6) о всемірномъ потопѣ (3); 7) происхожденіе шаманства; раздѣленіе языковъ и опредѣленіе безграмотства (4); 8) о Тенгере—Тедьгечѣ—небозаключителѣ (5); 9) Тенгере—Тедьгечѣ въ царствованіи Шаржаалты 2-го; 10) кончина вѣка съ ея признаками (6); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (7); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ—скедамовъ; 3) о междуособной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Наратаномъ; 4) происхожденіе народа „туургутъ“ и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (8); 6) Мрасскій порогъ (9); 7) богатыри рѣки Катунь; 8) богатыри горы Катунь (10); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашъ (11); 12) Турамыгъ; 13) китайскій богатырь Садагай (12); 14) Такпах-ажигы; 15) мѣвъ о происхожденіи верблюда и осла (13); 16) Алтайская чуждъ; 17) происхожденіе сѣока мундусовъ и теолессовъ; 18) участъ грамотности алтайцевъ (14); нравы, обычаи, обряды, и примѣты; лѣченіе болѣзней; пѣсни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная пѣсня алтайскаго батыря Канзы (15); 3) бородастый Тень-бегей; 4) плачь о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустнаго чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) бесполезность мѣбня по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12) воспомнаніе товарищества; 13) воспомнаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачь о потерѣ сына; 16) о дружелюбїи и согласїи; 17) нужда въ пѣсенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) состраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Ораднй и Урей и 7 пѣсенъ безъ названій; пословицы; загадки. „Томскія Губ. Вѣд.“ 1869 г. №№ 30—33, 35, 37—42, 44—47, 49—51, и 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16—19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранѣе въ тѣхъ-же „Томскихъ Губ. Вѣд.“ именно: 1—1859 г., № 29; 2—1859 г., № 45; 3—1865 г., № 6 (см. также статью о Вербицкаго: „Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ“ въ „Восточномъ Обозрѣніи“ 1882 г., № 30); 4—1865 г., №№ 17 и 18; 5—1865 г., № 31; 6—1860 г., № 30; 7—1858 г., № 29; 8—1860 г., № 37; 9—1862 г., № 37; 10—1862 г., № 24; 11—1861 г., № 27; 12—1859 г., № 45; 13—1861 г., № 32; 14—1865 г., № 18; 15—1864 г., № 9.
- 6). Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по рр. Томи, Мрассѣ, и Кондомѣ. „Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.“, изд. Томскаго статист. комитета.
- 7). Очеркъ дѣятельности Алтайской духовной миссіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея (1830—1880 г.). „Памятная книжка Томской губ. 1885 г.“, изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.
- 8). Краткія свѣдѣнія объ Алтайской дух. миссіи, извлеченныя изъ рапорта помощника начальника миссіи Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, пред-

ставленнаго имъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Исааію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, раздѣленіе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, вѣрованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычай и обряды). „Томскія Епарх. Вѣд.“ 1886 г., №№ 19—22.

9). Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан, 2) Шанчилик, 3) Кізей, 4) Туралыг, 5) Садагай-гай, 6) Кылан, 7) Мазарак, 8) Кызыл-гай, 9) Улуг-таг, 10) Курт'-як таш, 11) Катун, 12) Ак-гай, 13) Патно-гайзы, 14) Манак, 15) Ог-аттыг таш, 16) Казырган и Кедеге-даг; 17) Унзас-калбажи. „Литературный Сборникъ“, изд. редакціи „Восточнаго Обзорія.“ Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10). Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чревѣ матерей своихъ; рожденіе ихъ большею частію отъ престарѣлыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и дѣтская сила; богатыр. сѣдло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила; богатыр. вѣзда; богатыр. битвы. „Томскія Губ. Вѣд.“ 1882 г. №№ 33, 44, 45, и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11). Памятники наказанной вѣтренности и послушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшъ). Томскія Губ. Вѣд., 1861 г., № 27.

12). Алтайскій богатырь Ольгуджъ (преданіе черневыхъ татаръ). „Томскія Губ. Вѣд.“ 1868 г., № 2.

13). Люди, превратившіеся въ звѣрей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медвѣдь, кукушка, иволга, глухарь и коростель. „Том. Г. В.“ 1869 г., № 39.

14). Образы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранные В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). „Томскія Г. В.“ 1874 г. №№ 18, 19, 21 и 22.

15). Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Туралыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). „Томск. Губ. В.“ 1865 г., № 1.

16). Тюрюнь—Музынай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцвѣтныхъ камней и наськомыхъ. „Томск. Г. В.“ 1863 г., № 27.

17). Замѣчанія на статью объ Алтай: „Татарскія пѣсни“, Н. Ананьина, въ „Томск. Г. В.“ 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). „Томск. Губ. В.“ 1859 г., № 13.

18). Первая пища человѣка по изгнаніи его изъ „аруунъ-сюдунъ;“ вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). „Томскія Губ. В.“ 1859 г., № 38.

19). Понятія алтайскихъ инородцевъ о душѣ. „Том. Г. В.“ 1860 г., № 5.

20). Названія мѣсяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созрѣваемости хлѣба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ и 5) по занятіямъ, свойственнымъ извѣстному мѣсяцу. „Томскія Губ. В.“ 1864 г., № 3.

21). Сеоки (кость, родъ, поколѣніе) алтайцевъ. „Томск. Г. В.“ 1865 г., № 42.

22). Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). „Томск. Г. В.“ 1859 г., № 5.

23). Питье въ Алтай (вода, чегәнъ, кумысъ и арака). „Том. Г. В.“ 1861 г., № 14.

24). Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. „Томск. Г. В.“ 1863 г., № 49.

25). „Сагыры“ (приготовленіе кожъ на Алтай). „Томск. Г. В.“ 1864 г., № 29.

26). Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. „Томскія Губ. Вѣд.“ 1858 г. № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27). Предразсудки и суевѣрія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религиозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйствѣ и 3) въ лѣченіи болѣзней. „Томск. Губ. В.“ 1863 г., № 12.

28). Русская парная баня. „Томск. Г. В.“ 1862 г., № 40.

1891 г., 8 марта.

Ал. Ивановскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Книги, ученныя и справочныя изданія.

А. Н. Пыпинъ. — Исторія русской этнографіи. Томъ II: Общій обзоръ изученія народности и этнографія великорусская. СПб. 1891 г.

Заглавіе и подзаглавіе второго тома изслѣдованія А. Н. Пыпина тѣ же, какъ и въ первомъ томѣ, — и столь же мало характеризуютъ дѣйствительное содержаніе его труда. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что «границы этнографіи вообще трудно опредѣлимы, и особенно трудно опредѣлимы, относительно нашего матеріала и въ нашемъ состояніи науки». Но тѣмъ менѣе удобно, какъ намъ кажется, дѣлать изъ столь неопредѣленнаго термина заглавіе книги. Неопредѣленности заглавія соответствуетъ, правда, въ данномъ случаѣ и нѣкоторая неопредѣленность очертаній, въ которыхъ движется изложеніе автора. Предметомъ своихъ изслѣдованій авторъ дѣлаетъ не только ходъ *научнаго „изученія народности“*, со всѣхъ тѣхъ сторонъ, въ которыхъ характерныя черты народности могутъ проявиться: со стороны языка, религіи, народнаго творчества, матеріальнаго и юридическаго быта, историческаго процесса; параллельно съ этимъ онъ изучаетъ также и „развитіе *общаго интереса* къ изученію народности“, насколько оно выражается въ литературѣ и публицистикѣ. Итакъ, въ книгѣ А. Н. Пыпина мы получаемъ, съ одной стороны, рядъ весьма интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи нѣсколькихъ специальныхъ наукъ, имѣющихъ или могущихъ имѣть отношеніе къ этнографіи; съ другой стороны, такой же рядъ эпизодовъ изъ исторіи общественныхъ настроеній, насколько послѣднія отражались во взглядахъ на народъ русскаго образованнаго общества. Тотъ и другой рядъ наблюденій сводится въ одно цѣлое той основной задачей автора, о которой мы говорили въ рецензіи на первый томъ „Исторіи русской этнографіи“ (Этн. Об. VII), именно, желаніемъ познакомить читающую публику съ тѣмъ, что сдѣлано русской наукой, литературой и публицистикой для рѣшенія столь важнаго вопроса, какимъ является вопросъ о соціальной, политической и культурной роли русскаго народа въ русскомъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Тотъ, кто не хочетъ спорить противъ возможности самой постановки такой задачи, не будетъ, конечно, возражать и противъ сопоставленія

ряда отдѣльных фактовъ изъ исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія, нужныхъ для ея выясненія.

Мы были бы, конечно, несправедливы къ автору, если бы потребовали, чтобъ онъ разрѣшилъ поставленную задачу въ полномъ размѣрѣ. Такое разрѣшеніе есть, разумѣется, дѣло самой науки въ ея окончательномъ развитіи, а не ея популяризатора и историка. Послѣдній не можетъ уйти дальше того, что даетъ наука въ ея современномъ состояніи; его задача состоитъ лишь въ томъ, чтобъ это современное состояніе изобразить наиболѣе полно и точно. Съ этой только точки зрѣнія мы и можемъ судить о томъ, въ какой степени авторъ приблизился къ выполненію своей задачи.

Довольно естественно, что, въ качествѣ популяризатора науки, А. Н. Пыпинъ наиболѣе полно и обстоятельно воспользовался тѣми отдѣлами ея, которые ближе соприкасаются съ его собственной спеціальностью — исторіей литературы. Почти половина всего II го тома занята исторіей изученія древней народной словесности и вѣрованій. Здѣсь находимъ очень обстоятельныя характеристичныя дѣятельности Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Аванасьева (III и IV главы); затѣмъ, двѣ очень интересныя главы (VIII и IX) посвящены изложенію ученыхъ споровъ о происхожденіи русскаго народнаго эпоса: результаты новѣйшихъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича едва ли не впервые становятся доступными для большой публики въ этомъ изложеніи А. Н. Пыпина. Положительныхъ выводовъ для познанія „народности“ новая школа, правда, не даетъ никакихъ; за то она приходитъ къ очень важному отрицательному: дѣятельность этой школы окончательно отодвигаетъ въ прошлое всѣ смѣлыя народно-психологическія построенія, всѣ болѣе или менѣе остроумныя попытки проникнуть въ народную душу съ помощью героевъ народнаго эпоса. Этимъ, однако, вопросъ о народно-психологическомъ значеніи произведеній народной словесности не упраздняется, а лишь — отчасти денационализируется, отчасти же — въ національн.мъ смыслѣ — отсрочивается впредь до накопленія современной наукой болѣе надежныхъ матеріаловъ для его разрѣшенія.

Второе мѣсто послѣ литературы занимаетъ, въ изложеніи автора, исторія. Развѣтїе русской исторической науки интересуется А. Н. Пыпинъ, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по скольку оно содѣйствуетъ разрушенію славянофильской исторической схемы, во-вторыхъ, поскольку оно вводитъ народъ въ сферу историческаго изученія. Славянофильскому взгляду на исторію посвящена цѣлая глава (VII), въ которой авторъ излагаетъ историческіе взгляды К. Аксакова и полемизируетъ, преимущественно, противъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра Великаго. Славянофильство, несомнѣнно, есть заразъ и крупный фактъ въ исторіи русской науки и въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній: намъ кажется, что А. Н. Пыпинъ недостаточно строго различаетъ эти два вѣда славянофильства: славянофильскую доктрину и славянофильство, какъ извѣстную общественную — политическую группу.

Нападая, большею частью, вполне справедливо, на публицистическую практику славянофильства, онъ не вполне точно и отчетливо формулируетъ его теорію и поэтому не даетъ читателю яснаго представленія о генезисѣ и развитіи этой теоріи. Этимъ же, повидимому объясняется и почти полное игнорированіе авторомъ неославянофильства. Съ своей точки зрѣнія авторъ, конечно, правъ, преслѣдуя преимущественно *ходячія* воззрѣнія партій, приходящей къ славянофильству, какъ наиболѣе вредныя, именно, въ силу своей распространенности; но за то онъ даетъ этимъ возможность и всѣмъ противникамъ замѣтить, что нападенія, направленные противъ популярныхъ искаженій славянофильской теоріи, мало задѣваютъ самую эту теорію. Другой результатъ, интересующій автора въ развитіи русской исторической науки, заключается, какъ мы сказали, въ изученіи исторической роли народа; стремленіе раскрыть народную сторону исторіи, изучить „роль народа, его силъ и характера въ созданіи государства и судьбу народа въ новѣйшемъ государствѣ“ — составляетъ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, особенную заслугу новѣйшей историографіи (стр. 171).

Очень скромный придатокъ къ рассмотрѣннымъ двумъ отдѣламъ, утилизирующимъ выводы современнаго историко-литературнаго и историческаго изученія, составляютъ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія объ изученіи другихъ сторонъ народности: языка, права, матеріальнаго и экономическаго быта. Читатель чувствуетъ, какъ по мѣрѣ удаленія отъ народно-психологическихъ и культурно-историческихъ вопросовъ и по мѣрѣ приближенія къ историко-юридическимъ и историко-экономическимъ вниманіе автора ослабѣваетъ, и притомъ гораздо быстрее, чѣмъ уменьшается важность самыхъ вопросовъ для его темы. На самомъ дѣлѣ, если идѣ историческое изученіе упразднило навсегда самую возможность славянофильской схемы, такъ это именно въ этихъ сферахъ народной жизни. Что касается, далѣе, вопросовъ историко-географическихъ, здѣсь сообщенія автора ограничиваются уже нѣсколькими библиографическими справками; но и такихъ справокъ не находимъ для вопросовъ историко-этнологическихъ, которые, кажется, должны бы занять не послѣднее мѣсто въ „Исторіи русской этнографіи“.

Соотвѣтствуетъ ли указанная неравномѣрность освѣщенія—сравнительно большей важности, которую приписываетъ авторъ въ ученіи о народности культурнымъ даннымъ сравнительно съ социальными, политическими и антропо-географическими? Въ такомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, это было бы теоретической ошибкой, которая доказывала бы для насъ, что авторъ еще стоитъ на одной и той же теоретической почвѣ съ своими противниками. Или же эта неравномѣрность есть невольная дань ученаго излюбленной имъ специальности? Въ такомъ случаѣ, будемъ благодарны А. Н. Пыпину и за то, что онъ далъ, что могъ. Мы впрочемъ далеко еще не закончили съ перечисленіемъ того, что дѣйстви-тельно далъ А. Н. Пыпинъ въ рассмотрѣнномъ II томѣ. Мы говорили выше, что кромѣ данныхъ изъ исторіи русской науки, онъ группируетъ также данныя изъ исторіи русскаго общественнаго мнѣнія. Отношенію

къ народу беллетристики и публицистики посвящены двѣ послѣднія главы второго тома (XI и XII). Здѣсь читатель найдетъ много остроумныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюдений надъ постепеннымъ развитіемъ знакомства съ народомъ среди русской читающей публики,—начиная съ того момента, когда народъ впервые появился въ русскомъ романѣ, въ качествѣ случайнаго гостя, котораго или показывали публикѣ какъ этнографическій курьезъ или принаряжали для соблюденія литературнаго приличія въ барскія чувства и понятія,—и кончая послѣднимъ временемъ, когда этотъ гость самъ сталъ въ литературѣ хозяиномъ, завоевалъ себѣ право въ литературномъ изображеніи оставаться самимъ собой и настолько приучилъ публику къ своей физиономіи, что она могла, уже не развлекаясь его бытовыми особенностями, прислушаться внимательнѣе къ его рѣчамъ, и взглянуть пристальнѣе въ его житейскую обстановку.

Главный интересъ второй изъ названныхъ двухъ главъ составляетъ критика *народнической теоріи*. „Народничество, о которомъ говорилось такъ много въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ есть нечто весьма неясное не легко опредѣлимое произвольное“.—такъ начинаетъ А. Н. Пыпинъ эту главу, и затѣмъ старается разобрать въ основныхъ понятіяхъ, на которыхъ построена народническая теорія. Въ результатъ разбора онъ находитъ въ основѣ теоріи двѣ существенныя ошибки. Во первыхъ, народничество слишкомъ выдѣляетъ „деревню“ изъ общаго политическаго и общественнаго быта страны и, добровольно сжывая такимъ образомъ сферу своихъ наблюдений, этимъ самымъ лишается возможности правильно разрѣшить и даже поставить возбуждаемые жизнью „деревни“ вопросы. Во вторыхъ, именно вслѣдствіе этого, народничество, въ лицѣ большинства своихъ представителей, приходитъ къ очень страннымъ выводамъ о роли „интеллигенціи“ и „европейской цивилизаціи“, видя въ первой только непроеводительный классъ, а во второй—только проводникъ патентованной формы „хищничества“, экономической эксплуатаціи. Этимъ основными недоразумѣніями объясняется, по мнѣнію А. Н. Пыпина, и то положеніе, которое занимаютъ иногда народники въ общественной группировкѣ, громя „либерализмъ“ и получая въ награду за это рукоплесканія настоящихъ обскурантовъ.

Мы очень сочувствуемъ всему, что говоритъ почтенный авторъ, возражая противъ теоріи народничества. Но мы опасаемся, что причины разногласія двухъ теорій не ограничиваются указанными А. Н. Пыпинымъ терминологическими недоразумѣніями Народничество, какъ славянофильство, имѣетъ свою теорію и свои популярныя искаженія. Возражать противъ послѣднихъ—еще не значитъ уничтожить основанія первой, и теоретики народничества, какъ теоретики славянофильства, будутъ до нѣкоторой степени правы, если отвѣтятъ А. Н. Пыпину, что его критическія замѣчанія бьютъ иногда мимо цѣли. На самомъ дѣлѣ, народники могутъ называть непроеводительный классъ не „интеллигенціей“, а непроеводительнымъ классомъ, и современныя формы экономической эксплуатаціи не „европеизмомъ“, а именно—экономической эксплуатаціей; виѣ-

стѣ съ этниъ уничтожатся, конечно, многія странности и наивности народнической теоріи; но самая теорія отъ того, навѣрное, не уничтожится и даже не станетъ слабѣе, а только возражать противъ нея будетъ нѣсколько труднѣе, потому что нужно будетъ возражать уже по существу.

Мы не можемъ закончить этой рецензій, не упомянувъ о томъ, что книга А. Н. Пыпина вызвала два очень интересные автобіографическіе этюда, принадлежащіе перу двухъ весьма крупныхъ представителей русской науки. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ приложеніи къ самой книгѣ, именно автобіографическая замѣтка проф. А. Н. Веселовскаго съ весьма любопытными подробностями объ обстоятельствахъ, опредѣлившихъ его ученое направленіе. Другой этюдъ, принадлежащій В. И. Ламанскому, имѣетъ форму полемической статьи противъ II тома „Исторіи русской этнографіи“ и помѣщенъ во II выпускѣ „Живой Старинѣ“ (218—233); статья эта, конечно, прежде всего важна въ критическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней отмѣчены нѣкоторыя послѣдствія односторонности той точки зрѣнія, на которой стоятъ А. Н. Пыпинъ. Но едва ли не важнѣе статья В. И. Ламанскаго для характеристики не г. Пыпина, литературная фizioномія котораго достаточно извѣстна, а самого автора, который, по свойству своей дѣятельности, имѣлъ меньше случаевъ высказываться передъ большою публикой. Особенно цѣнны сообщенія В. И. Ламанскаго о хорошо извѣстныхъ ему лицахъ славянофильскаго кружка, а также о С. М. Соловьевѣ. Личный элементъ въ этихъ сообщеніяхъ, несомнѣнно, также очень подчеркнутъ, но именно поэтому и легко отдѣлать его отъ важныхъ фактическихъ показаній, имѣющихъ всю цѣну историческаго свидѣтельства современника.

II. Милюковъ.

Н. И. Костомаровъ. — Литературное наследіе. (*Автобіографія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Последняя работа*). Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ. Спб. 1890. Ц. 3 р. 50 к.

Имя покойнаго Н. И. Костомарова, несомнѣнно, должно привлекать къ себѣ всѣхъ работниковъ въ области русской этнографической науки, понимаемой въ обширномъ смыслѣ. Явившійся представителемъ федеративной теоріи о началѣ древней Руси, теоріи, первые зачатки которой нельзя не видѣть въ молодыхъ политическихъ мечтаніяхъ о славянской взаимности и славянской федераціи (стр. 61: „федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй“; „мысль о славянской взаимности и славянской федераціи оставалась у меня, какъ завѣтная въ жизни“, стр. 63., срв. стр. 113 и 121), Н. И. Костомаровъ не разъ подчеркивалъ въ своихъ трудахъ значеніе этнографіи, не разъ обращался къ ней и самъ. Въ обширномъ библиографическомъ указателѣ трудовъ Н. И. Костомарова, приложенномъ къ настоящему изданію (см. дополненіе къ нему въ „Русской Старинѣ“ 1891 г. № 2, стр. 484), перечислено до 36 №№. такъ или иначе относящихся къ русской этно-

графіи (именно: № 8, 9, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 24, 35, 49, 52, 53, 64, 72, 74, 82, 104, 122, 124, 126, 132, 178, 195, 197, 199, 201, 207, 226, 231, 241, 270, 282, 285, 308, 314.). Просматривая автобіографію Н. И. Костомарова въ названномъ изданіи, читатели безъ особаго труда знакомятся съ этнографическими вкусами покойнаго историка, происхождение и развитіе которыхъ, стоитъ въ тѣсной связи съ первоначальными условіями его жизни. Онъ подошелъ къ этнографіи со стороны исторіи, интересъ къ которой сумѣлъ возбудить въ немъ харьковскій профессоръ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ (см. стр. 22), принадлежавшій къ школѣ живописцевъ — историковъ (онъ называлъ Вальтеръ-Скотта „абботсфордскимъ чародѣемъ“; въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщ. есть, кажется, статья М. М. Лунина о Вальтеръ-Скоттѣ). Все-что въ указанномъ смыслѣ, можетъ быть, перепало Н. И. Костомарову и отъ проф. Гулака Артеровскаго (срв. стр. 96 „Исторической записки Москов. Археол. Общества“. М. 1890). Зачитываясь въ концѣ тридцатыхъ годовъ историческими сочиненіями, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ вопросу: „отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народнои массы?“ (стр. 28). „Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его *быть*, о его духовной жизни, о его чувстваваніяхъ, способѣ его радостей и печалей“. Отвѣчая на поставленный вопросъ, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ убѣжденію, что „исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ *живомъ народѣ*“. Такъ началось увлеченіе этнографіей, и въ частности малорусской народностью, усиленное знакомствомъ съ Из. Ив. Срезневскимъ, а познатиѣ кружкомъ молодежи, увлекавшимся малорусскою поэзіей, этнографіей („преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы“ стр. 36) и писавшимъ по-малорусски повѣсти и стихотворенія (см., напр., малороссійскій отдѣлъ „Молодича“ на 1843 г., изданнаго И. Бецимъ). Стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ не разъ грѣшилъ и самъ Н. И. Костомаровъ. Тогда же, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, начались и этнографическія экскурсіи Н. И. Костомарова.

„Я началъ,—пишетъ покойный историкъ (стр. 29),—дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами... Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, выѣшивался въ бесѣды, разспрашивалъ о народномъ житѣ-бытѣ, записывалъ сообщаемыя извѣстія и заставлялъ пѣть пѣсни“. После своего учительства въ ровенской гимназіи, возвращаясь въ 1845 году въ Кіевъ, онъ вывезъ съ Волыни „большой ворохъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и разказовъ“. Матеріалъ этотъ былъ собранъ отчасти самимъ Н. И. Костомаровымъ, отчасти его учениками, которыхъ онъ сумѣлъ приохотить къ собранію народныхъ памятниконъ (стр. 59). Та же дѣятельность

въ интересахъ этнографіи продолжалась и въ періодъ саратовской ссылки. Въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ собиралъ мѣстные народныя пѣсни вмѣстѣ съ г-жею А. Н. Паскаловой. „Мы приглашали, писать онъ (стр. 13, срв. стр. 69), простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу“. Плодомъ этихъ занятій были сборники пѣсенъ, изданные Н. И. Костомаровымъ въ 50-хъ и 60-хъ г.г., а также его научныя статьи по вопросамъ русской народной поэзіи и особливые взгляды на характеръ и цѣли изученія русской исторіи. Въ своемъ интересѣ къ народу, къ народной и общественной жизни („покойнаго Костомарова трудно упрекнуть въ недостатокъ внимательности къ историческимъ явленіямъ, въ которыхъ можно замѣтить участіе общества“, говоритъ проф. В. О. Блочевскій въ „Русской Мысли“ 1890 г. № 1, стр. 145), Н. И. Костомаровъ былъ однимъ изъ смѣлыхъ новаторовъ, которому приходилось выслушивать укоры за свое пристрастіе къ мужику и съ высоты профессорской кафедръ, и изъ подвала цензурской канцеляріи. Въ своей диссертациі, „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843) онъ имѣлъ въ виду провести „задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способами выраженія мыслей и чувствованій. Харьковскій профессоръ философіи Протопоповъ, преемникъ *частнаго пристава* (см. стр. 20) Чанова, являлся противникомъ диссертациі, говоря (срв. стр. 46), что „такой предметъ, какъ *мужицкія пѣсни*, униженъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени“ (стр. 42). Находила такое занятіе униженнымъ и современная цензура. Когда въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. печатались Н. И. Костомаровымъ собранныя въ край пѣсни, изъ С.-Петербурга получена была бумага съ извѣщеніемъ, что „высшая правительственная власть замѣтила, что въ Саратов. Губ. Вѣдомостяхъ печатаются *некстати* народныя пѣсни непристойнаго (!?) содержанія, причѣмъ противъ одной пѣсни было замѣчено: «мерзость, гадость», если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати“ (стр. 75). Н. И. Костомаровъ тутъ же приводитъ и отрывокъ изъ пѣсни, возбудившей такое негодованіе не въ мѣру и не кстаті ревнивой по морали цензуры. Такое же цензурское преслѣдованіе при изданіи народныхъ пѣсенъ пришлось испытать Н. И. Костомарову и нѣсколько позднѣе (стр. 82). „Цензоръ затиралъ, пишетъ онъ, краснымъ черниломъ особенно такія мѣста, которыя могли бы показаться неудобными для чтенія молодыхъ дѣвицъ“. Изданіе пѣсенъ, жалуются Н. И. Костомаровъ, жестоко пострадало. Подобные факты, помимо ихъ чисто культурнаго интереса, должны возбуждать, конечно, крайне скептическое отношеніе къ этнографическимъ изданіямъ того времени, лишеннымъ огромной дозы научной цѣнности. Всегда Н. И. Костомарова привлекала народная масса; разсказывая о ходѣ своихъ работъ по исторіи Смутаго времени, онъ

пишетъ: „мое давнее желаніе—обработывать въ исторіи главнымъ образомъ теченіе *народной* жизни (этнографическіе курсы въ историческомъ изученіи) влекло меня къ этой эпохѣ... я былъ вѣренъ себѣ и своей задачѣ работать надъ исторіею *народа*, народной массы“ (стр. 152—3). Такъ, поставивъ себѣ задачей, выдвигать на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ, Н. И. Костомаровъ обращаетъ вниманіе „на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ русской державы“ (стр. 114), на этнографическое положеніе инородцевъ въ ихъ настоящемъ (стр. 113)) и на этнографическія задачи русской археологии (см. на стр. 120 упрекъ г. Духинскому за рѣшеніе этнографическихъ вопросовъ безъ основательнаго знакомства съ русской археологіей). Последняя наука, какъ тѣсно связанная у насъ съ этнографіей, также приковывала къ себѣ вниманіе Н. И. Костомарова, который во время своихъ путешествій по Россіи никогда не упускалъ случая къ знакомству съ вещественными памятниками русской старины. Рассказывая о своемъ путешествіи въ Керчь (1841 г.), онъ возмущается „возмутительными злоупотребленіями, совершавшимися при раскопкѣ керченскихъ кургановъ“, когда будто бы сами археологи „утаивали найденныя въ курганахъ драгоценности и тайно продавали ихъ англичанамъ“ (стр. 36). Въ Вишневецѣ онъ обращаетъ особенное вниманіе на громадныя картины въ замкѣ князя Любомирскаго, изображающія сцены изъ жизни Лжедмитрія I и совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ (стр. 55, срв. 89 и 162). Въ селѣ Старая Ладога взоръ его поражается рядомъ большихъ кургановъ на высокомъ берегу Волхова... „такъ и тянетъ порыть ихъ и поискать въ ихъ вѣдрахъ какихъ-нибудь остатковъ до-исторической старины“... (стр. 148). Тѣ же старыя городища и курганы привлекаютъ его и на берегахъ рѣки Роси по дорогѣ въ Борсунь (стр. 183); у Матроникскаго монастыря онъ обращаетъ вниманіе на валы, въ которыхъ находили золотыя и серебряныя монеты первыхъ вѣковъ существованія Византійской имперіи (стр. 184, см. также стр. 71, 144, 148, 176, 198, 202). Отмѣчая nepозволительную агитацію, которая началась въ извѣстной части нашей прессы по поводу археологическаго сѣзда въ Кіевѣ, Н. И. Костомаровъ пишетъ (стр. 204): „подозрѣнія, взводимыя тогда на Кіевскихъ ученыхъ, были до крайности неумѣстны и вредны въ томъ отношеніи, что на будущее время стѣсняли свободу выбора предметовъ, касавшихся мѣстной исторіи литературы и этнографіи... а между тѣмъ, если археологическіе сѣзды предположено собирать по очереди въ разныхъ краяхъ Россіи, то *естественно надобно ожидать и желать, чтобы наибольшая и наилучшая часть рефератовъ относилась къ предметамъ мѣстной археологии и исторіи* *).

Помимо автобіографіи, представляющей значительный интересъ для

*) На стр. 136—139 описано пребываніе въ Вильнѣ, въ которой предположенъ археологическій сѣздъ (IX-й) въ 1893 году, и знакомство съ извѣстнымъ мѣстнымъ археологомъ покойнымъ Киркоромъ (срв. стр. 168).

изученія этнографическихъ видовъ Н. И. Костомарова, въ этнографическомъ изданіи стоитъ упомянуть о двухъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ „Литературнаго наслѣдія“, именно: „о семейномъ бытѣ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и „о воспоминаніяхъ борьбы казаковъ съ мусульманствомъ въ народной южно-русской поэзіи“. Последняя статья — небольшой, легкій набросокъ, написанный на случай и не имѣющій значенія; первая — окончаніе большого труда Н. И. Костомарова, печатавшагося въ „Бесѣдѣ“ 1872 г., подъ заглавіемъ: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и въ „Русской Мысли“ 1880 и 1883 г.г., подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Она требуетъ довольно осторожнаго къ себѣ отношенія, такъ какъ методическіе приемы автора ея не всегда способны устоять предъ критическимъ анализомъ современнаго ученаго этнографа. Ея оцѣнка должна, конечно, стоять въ связи съ двумя первыми частями труда.

Мы думаемъ, что „Литературное наслѣдіе“ найдетъ обширный кругъ читателей, особливо въ виду помѣщенной здѣсь „автобіографіи“ писателя, наиболее читавшагося въ нашей публикѣ изъ всѣхъ русскихъ историковъ. Доходъ отъ изданія предоставляется въ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета грамотности.

В. Н. Сторожевъ.

V. Latyshev.—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II. Petropoli. 1890.

Среди немногочисленныхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся классической филологіей, В. В. Латышевъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность образцовымъ изданіемъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ (и досихъ поръ ежегодно находимыхъ) въ районѣ древне-греческихъ поселеній южной Россіи. Второй томъ этого капитальнаго изданія, предпринятаго на средства Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, содержитъ 470 надписей изъ Пантикапыя и его окрестностей, Фанагоріи, Горгиппій, Танаиды, и нѣсколько такихъ, которыя нельзя приурочить къ какой нибудь опредѣленной мѣстности.

Сборнику надписей издатель предпослалъ введеніе, въ которомъ (въ главѣ 1-ой) дѣлаетъ обзоръ народностей, жившихъ нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Боспоромъ Биммерійскимъ, представляетъ (во 2-ой главѣ) очеркъ исторіи Боспорскаго царства и (въ главѣ 3-ей) перечисляетъ должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ надписями.

Специалистамъ въ классической филологіи предстоитъ сдѣлать оцѣнку труда В. В. Латышева со стороны точности изданія надписей, полноты комментарія, установленія хронологіи и т. д. Я могу здѣсь только отмѣтить высокой интересъ, представляемый изданнымъ г. Латышевымъ эпиграфическимъ матеріаломъ для исторической этнографіи. Какъ извѣстно, среди чисто греческихъ личныхъ именъ, встрѣчается въ надписяхъ немало варварскихъ, негреческихъ, этимологическій разборъ кото-

рых представляеть для насъ единственную возможность ориентироваться въ вопросѣ о національности тѣхъ племень, на почвѣ которыхъ процвѣтали основанные греками торговые города. Въ моемъ изслѣдованіи „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“ (Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. ССXLVII. Отд. 2, стр. 231—283), въ которомъ я представилъ этимологическій разборъ иранскихъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ надписяхъ греческихъ поселеній, но особенно обильно въ надписяхъ изъ Танаиды, я уже воспользовался, благодаря любезности В. В. Латышева, большинствомъ личныхъ „варварскихъ“ именъ, вошедшихъ нынѣ во 2-ой томъ его изданія. Всего въ моемъ распоряженіи было около 425 такихъ именъ изъ Тираса, Ольвіи, Херсонеса Таврическаго, Пантисапѣи, Танаиды, Фанагоріи и нѣког. другихъ мѣстностей. Анализъ этого лингвистическаго матеріала привелъ меня къ заключенію, что тотъ элементъ въ населеніи, который, нѣсколько неопредѣленно, называли „иранскимъ“, можетъ быть опредѣленъ болѣе точно, именно, что припонтійскіе иранцы, особенно населеніе бассейна Танаиса, были предками нынѣшнихъ осетинъ. Подавляющее большинство иранскихъ личныхъ именъ, преимущественно танаидскихъ, представляютъ такіа фонетическія черты, которыя роднятъ ихъ съ осетинскимъ языкомъ; но съ другой стороны нѣкоторыя, правда немногочисленныя, имена совпадаютъ съ древне-персидскими и не могутъ принадлежать живому иранскому языку, отразившемуся въ именахъ первой категоріи. *Чистоперсидскія* имена являлись у скивовъ и сарматовъ, а также среди потомковъ греческаго населенія припонтійскихъ городовъ, какъ отголоски культурнаго вліянія, которое широко распространилось еще въ періодъ Ахеменидовъ во многихъ неиранскихъ сатрапіяхъ обширнаго персидскаго царства и даже далеко за его предѣлами. Распространеніе персидскихъ личныхъ именъ я старался объяснить, предположивъ два пути—*южный* и *сѣверный*.

Первымъ путемъ могли въ болѣе позднее время приходить на сѣверное побережье понта персидскія имена изъ Малой Азій, особенно изъ Понтійскаго царства, оказывавшаго при Митридатѣ Евпаторѣ, какъ извѣстно, сильное вліяніе на Боспоръ.

Но персидскія имена болѣе древняго періода, встрѣчающіяся у скивовъ временъ Геродота, проникли къ нимъ вѣроятно сѣвернымъ или сѣверо-восточнымъ путемъ, т. е. могли быть занесены въ припонтійскія степи скивами изъ Азій, гдѣ скивы (саки) въ древнія времена содѣйствовали съ Ираномъ и восприняли нѣкоторыя черты его высокой культуры.

То и другое предположеніе находятъ себѣ новое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ „варварскихъ“ именахъ, встрѣчающихся въ надписяхъ 2-го тома. Среди уже извѣстныхъ мнѣ раньше именъ мелькають нѣкоторыя новыя, носяція иранскій отпечатокъ и дополняющія мои прежнія наблюденія.

Но надписи даютъ еще возможность, которой я не имѣлъ прежде, судить, хотя приблизительно, о количественномъ отношеніи варварскихъ именъ къ чисто греческимъ, напримѣръ, въ Танаидѣ.

Читая какую нибудь танаидскую надпись, содержащую списокъ долж-

ностныхъ лицъ или почетныхъ гражданъ города, получаешь такое впечатлѣніе, что большинство изъ этихъ лицъ носятъ ли они варварскія или греческія имена, были *полуварвары* съ точки зрѣнія какого нибудь афинянина, т. е. либо потомки сарматовъ, вкисившіе отъ эллинской культуры, либо потомки осарматившихся грековъ. Возьмемъ, на примѣръ, любопытную надпись № 430, относящуюся къ III вѣку по Р. Х., именно къ 220 году: „Съ добрымъ счастіемъ. При царѣ Рискупоридѣ, сынѣ великаго царя Савромата, и Зиновѣ Фаннеевѣ, посланникѣ царя Рискупорида, и при *Хобаринѣ Сандарзиевѣ* (Χοβάρηνος Σανδαρζίου), *Вавѣ Взорасповѣ* (Βάβος Βαζοράσπου), *Нивловорѣ Досимоксаревѣ* (Νιβλόβωρος Δοσιμοκάρου), *Хороавѣ Сандарзиевѣ* (Χοράβος Σανδαρζίου), архонтахъ Танаитовѣ, *Хобфразмѣ Форгаваковѣ* (Χοφραζμός Φοργαβάκου), я Василидѣ Θεониковѣ, эллинархѣ, возобновилъ рыночную площадь на собственный счетъ, возстановилъ городу и купцамъ чрезъ попечителей Зинова Фаннеева, *Фарноксарва Тавреева*, (Φαρνόσαρδος Ταρέου), *Фалдарана* Аполлоніева (Φαλδάρηνος Απολλωνίου), и архитекторовъ Дюфанта Неополова и Аврелія Антонина. *Навака Мевакова* (Νάβακος Μεβάκου), въ 517 году.“ Въ этой надписи, не совсѣмъ грамотной, какъ многія танаидскія, на 26 личныхъ именъ (не считая царскихъ) приходится 15 „варварскихъ“, 9 греческихъ и 2 латинскихъ. Такъ всѣ четыре архонта Танаитовѣ, т. е. туземнаго городского населенія, носятъ чисто *иранскія* имена и отчества; изъ такъ называемыхъ *попечителей* ἐπιμεληταί *двое* (Фарноксаревъ и Фалдаранъ) также сарматскаго происхожденія, хотя отецъ послѣдняго носитъ чисто греческое имя (Аполлоній); наконецъ изъ трехъ архитекторовъ одинъ носитъ имя греческое, другой римское (Аврелій Антонинъ), а третій, вѣроятно младшій помощникъ, сарматское (Навакъ Меваковъ). Чистыми греками, по крайней мѣрѣ по именамъ и отчествамъ, оказываются высшія лица: царскій посланникъ (Зиновъ) и эллинархъ, т. е. глава *эллинской* городской общины (Василидъ Θεониковъ). На доказательствѣ иранства варварскихъ именъ надписи не останавливаюсь, такъ какъ этимологическій анализъ ихъ сдѣланъ мною въ моемъ изслѣдованіи.

Изъ неизвѣстныхъ мнѣ прежде варварскихъ именъ танаидскихъ надписей нѣкоторыя оказываются иранскими, и для пополненія списка уже разобранныхъ мною раньше именъ, считаю нелишнимъ остановиться на нихъ вкратцѣ.

1. Φορίακος (№ 447): въ первой части я вижу осетин. фур—*много*, *очень*, авест. rougi, входящее въ составъ многихъ именъ: ав. rougi asra—многоконный, rougi-gāo—обильный скотомъ и др. Тоже слово находимъ въ другихъ сложныхъ танаидскихъ именахъ: Φορ-γάζακος, Φορ-ῆρακος, разобранныхъ мною подъ № 82. Вторая половина—ιακος напоминаетъ осет. jāu—*просо*, слово, которое восходитъ къ арийскому и праиранскому yaва (срав. авест. yaва, санскрит. yaва, н.-перс. jav) и вѣроятно имѣло у сарматовъ значеніе либо хлѣбнаго зерна вообще, либо ячменя. Такимъ образомъ Φορ-ιακος значило бы: *изобилующій ячменемъ*.

2. Ἀσπίνδαος (№ 447): съ этимъ именемъ можно сравнить индійское Ἀσπίνδαος (у Диодора Сиц. 2,34), такъ что иранство его достаточно засвидѣтельствовано. Но этимологія представляетъ нѣкоторое затрудненіе: усматривая въ первой части обычное *асра* (конь), мы затруднимся объясненіемъ звука *ч*, предшествующаго второй части имени, содержащей слово *дана* (срав. это слово въ первой части танаидскаго имени *Δανα-ράζμαχος* или *Δανα-ράζμαχος*). Поэтому я предпочитаю сопоставить Ἀσπιν—съ осет. словомъ *äfsän*—железо, прилаг. *äfsänag*—железный (ср. афганск. *osrahan*, памирск. *spin*). Иранск. группа согласныхъ *sr* получила въ сарматскомъ, какъ и въ осетинскомъ, видъ *fs*, напр. осет. *äfsä*—кобыла = ир. * *asra*. Значеніе второй части *dāna* приблизительно намъчается авестійскимъ *dāna*: 1) твореніе, 2) даеніе, даръ.

3. Ἀράζμαχος (№ 454): это имя восходитъ къ иранск. глагольному корню *gāz*, ср. авест. *gāz*—устанавливать, рядить, осет. *a-raz un* (inf.)—направлять, править. *Au*—соотвѣтствуетъ иранск. предлогу *ava*, входящему въ сложеніе съ глагольными корнями и соотвѣтствующему осет. предл. приставкѣ дигор. *yo-*, иронск. *y-*, напр: *yo-ram un* (диг.) успокоивать, срав. санскр. (*ava+gam*) и друг.

4. *Ραυρίμαχος*: это имя не трудно разложить на составные элементы: предложную приставку *ρα-*, корень *υρις*—и обычный суффиксъ—*αχ*—(ака), но оговорить корень съ какимъ нибудь иранскимъ глаголомъ я не могу. Предложная приставка *ρα* соотвѣтствуетъ осетинской *ра*, восходящей къ иранск. *ra-*, авест. *ra-* (въ сложеніи съ глаголами *ra-*), персійск. *ra-* и *rag*, новоперс. *rag*. По значенію осет. *ра* отвѣчаетъ нашимъ *вы-*, *из-*, напр. *ра-кäsчн*—выглянуть, *ра-тärчн*—изгонять и др. Замѣчу, что отпаденіе иранскаго *r* передъ гласными (*r* и *l*) составляетъ звуковую черту, специально роднящую осетинскій языкъ съ сарматскимъ; ср. танаид. имя *Λεϊμαχος* съ осет. *limän*—другъ, милый, — причемъ оба слова восходятъ къ иранскому глагольному корню * *fri*—любить, съ суффиксомъ причаст. страд. залога—*тапа*.

Разсмотрѣнные имена, какъ и большинство „варварскихъ“ танаидскихъ, принадлежатъ сарматамъ или потомкамъ обзленившимся сарматовъ, жившихъ въ Танаидѣ и вообще въ территоріи нижняго Дона. Всѣ они сравнительно позднія, т. е. относящіяся къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., и носятъ фонетическія черты сарматскаго языка, по всей вѣроятности предка нынѣшняго осетинскаго

Но въ надписяхъ 2-го тома встрѣчаются и имена чисто персидскія, изъ которыхъ отмѣтимъ два болѣе древнія и одно болѣе позднее. На отломкѣ плиты, найденной въ 1885 году въ курганѣ, въ 6 верстахъ отъ Тамани, читаются имена: *Σατραπάτης Σπιθαμέω*, которыхъ персидскій (точнѣе индійскій) характеръ ярко бросается въ глаза. Первое имя носилъ одинъ сатрапъ Эвбатаны (Ath. 12,538, a). Въ первой части *Σατρα*—находится тоже слово авест. *ušaθra* (власть), которое составляетъ первый членъ слова *σατράπης*, перс. *ušatrapâvâ* (Behist. III, 14.55), т. е. блюститель власти (воласти). У сарматовъ, какъ и у осетинъ,

иранская группа согласныхъ θr *) перешла въ группу rt , такъ что иранское $\chi\theta a\theta r\theta a$ получило въ осетинскомъ видѣ $\dot{\alpha}$ -хсарт (подвигъ силы), а въ сарматскомъ видѣ $\chi s a r t$, передаваемый въ танаидскихъ надписяхъ чрезъ $\xi a r \theta - o s$; срав. имена: $\Phi a r \nu o - \xi a r \theta o s$. (ср. персид. $\Phi a r \nu a \xi \acute{\alpha} \theta r \theta \eta s$), $\Delta i \delta \nu \acute{\iota} \mu \acute{o} - \xi a r \theta o s$, $\Delta o s \nu \acute{\iota} \mu \acute{o} \xi a r \theta o s$. Такимъ образомъ группа tr въ $\Sigma a t r a \beta \acute{\alpha} t \eta s$ (№ 381) представляетъ точное доказательство тому, что это имя не сарматское. Имя $\Sigma \pi \acute{\iota} t \acute{\alpha} m a s$ носилъ зять Астіага (Сtes. 45, b.), и оно же является въ Авестѣ постояннымъ эпитетомъ Заратуштры (Spitama или Spitâma), принимаемымъ обыкновенно за отчество: Спитамовичъ, потомокъ Spitama. Надпись съ разсмотрѣнными персидскими именами относится по Латышеву къ IV в. до Р. X. и указываетъ такимъ образомъ персидское (мидійское) вліяніе въ области древней Фанагоріи.

Другая надпись (№ 299) на надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ 1860 близъ Берчи, содержитъ также персидское имя, принадлежавшее, быть можетъ, греку. Она содержитъ 8 чувствительныхъ стиховъ, которые г. Латышевъ переводитъ такъ: Фарнакъ Фарнаковъ, прощай! ($\Phi a r \nu \acute{\alpha} \chi \eta \Phi a r \nu \acute{\alpha} \chi o \nu \chi a \acute{\iota} r e$). Взгляни, странникъ, на надгробную плиту Фарнака, котораго сломилъ тяжкій Аидъ, изловивъ злосчастную юность, ремесломъ учителя гимнастики, дѣтами молодого, изъ своей отчизны Синопы по доблести удалившагося на западъ. Урну съ его прахомъ скрываетъ Боспорская земля, и гимнасіи открыто оплакиваетъ его тщетными слезами; а пріемный отецъ его Химатионъ предупредилъ любовью природу (т. е. родного отца), поставивъ каменный памятникъ на его могилѣ.

Итакъ плита покоилась надъ прахомъ жителя Синопы, попавшаго на Боспоръ и практиковавшаго въ Пантикапейѣ въ качествѣ учителя гимнастики. Для насъ интересно, что этотъ юноша, воспѣтый греческими стихами, носилъ, какъ и его отецъ, чисто персидское имя Фарнака. Такія имена были распространены въ Малой Азіи еще съ той поры, когда ея области входили въ составъ великаго царства Ахеменидовъ. Мы находимъ ихъ въ Баппадокии ($\acute{\Lambda} r \iota a r \acute{\alpha} \theta \eta s$, $\acute{\Lambda} r \iota o \beta a r \zeta \acute{\alpha} \nu \eta s$), Арменіи ($\acute{\Lambda} r \iota \acute{\alpha} m \nu \eta s$, $\acute{\Lambda} r \tau a o \nu \acute{\alpha} \theta \eta s$, $\acute{\Lambda} r \tau a \beta \acute{\alpha} \zeta \eta s$) и въ позднѣйшемъ Понтийскомъ царствѣ, котораго цари производили себя отъ одного изъ семи персовъ, свергнувшихъ Лжемердиса вмѣстѣ съ Даріемъ Гистаспомъ. Естественно, что и среди населенія Синопы встрѣчалось немало иранскихъ личныхъ именъ, носимыхъ обзленившимися потомками иранцевъ. Отсюда и изъ другихъ мѣстъ южнаго побережья Понта такія имена переходили на сѣверные берега въ греческіе торговые города. Дѣйствительно, имя $\Phi a r \nu \acute{\alpha} \chi \eta s$, носимое синопскимъ учителемъ гимнастики, встрѣчается болѣе 25 разъ во 2-мъ томѣ надписей г. Латышева (танаидскихъ и горгиппійскихъ), и разсмотрѣнная нами надпись подтверждаетъ предположенный нами путь перехода такихъ именъ съ южнаго берега Понта на сѣверный. Но, конечно, нельзя думать, что всѣ припонтійскіе Фарнаки были потомки иранцевъ. Разъ это имя было въ модѣ, оно могло быть даваемо и дѣтямъ грековъ.

*) θ выражаетъ спирантъ, приблизительно соответствующій англ. th.

Это видно изъ того, что отцы многихъ фанагорійскихъ и танаидскихъ Фарнаковъ носятъ чисто греческія имена. напр.: *Φαρνάκης Ἀπολλωνίου* (№ 351), *Φ. Ἰρακλείδου* (№ 446), *Φ. Θεοτάμιου* (№ 442) и др. То-же популярное имя было эллинизировано въ формѣ *Φαρναχίου*, встрѣчающейся не менѣе часто чѣмъ *Φαρνάκης*, и точно также отцы многихъ Фарнакіоновъ греки по именамъ: *Φ. Ἀγαθοῦ*, *Φ. Ἐριαιδίου*, *Φ. Ἐρωτος*, *Φ. Ἠγούμενου*.

Этими замѣчаніями я ограничусь, въ виду того, что имѣлъ цѣлью лишь обратить вниманіе на высокій интересъ, представляемый трудомъ В. В. Латышева для исторической этнографіи Южной Россіи.

Вс. Миллеръ.

Н. Θ. Сумцовъ.—Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890.—Новый трудъ проф. Н. Θ. Сумцова представляетъ отдѣльное изданіе ряда статей, которыя онъ печаталъ въ 1889 и 90 гг. въ „Кіевской Старинѣ“. „Культурными переживаніями“ авторъ называетъ остатки древняго міросозерцанія и древней морали, сохранившіеся до нашихъ дней въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простаго народа. Въ небольшихъ этюдахъ Н. Θ. Сумцовъ разсмотрѣлъ до 200 „переживаній“, которыя въ концѣ книги, въ предметномъ указателѣ, только для облегченія обзора онъ подводитъ подъ слѣдующія рубрики: внѣшняя природа, село и хата, личная жизнь крестьянина, пища и одежда, семейная жизнь, общественная жизнь, праздники и игры, музыкальные инструменты, промыслы, базарные обряды, проступки и наказанія, демонологія, народно-поэтическая зоологія, народно-поэтическая ботаника, мелкія повѣрья, нѣкоторые литературные мотивы, значеніе нѣкоторыхъ словъ. Вносить какую нибудь систематизацію въ этотъ разнообразный и обильный матеріалъ авторъ считаетъ преждевременнымъ. „Въ народной жизни, говоритъ онъ, культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другого, какъ разнородные и разновременные обломки старины. Въ предлагаемыхъ статьяхъ я не буду подгонять культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, мифологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлать ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигрываютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, рассматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться на любомъ мѣстѣ своего труда; читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ“ (стр. 2). Последняя *выгода* читателя—возможность выбора статей по личнымъ наклонностямъ и привычкамъ (?)—намъ не вполне ясна. потому что мы не знаемъ, какого читателя имѣетъ въ виду авторъ. Но

всякій научный читатель будетъ цѣнить „возможную законченность“ изслѣдованій и въ этомъ отношеніи останется удовлетворенъ многими статьями „Культурныхъ переживаній“. Отличное знакомство съ южно-русскимъ бытомъ, поставленнымъ авторомъ на первый планъ, и значительная начитанность въ литературѣ по общей этнографіи даютъ ему возможность обставить многія „переживанія“ такими параллелями, которыя разъясняютъ ихъ нерѣдко чрезвычайно удачно. Но рядомъ съ „законченными по возможности“ этюдами, книга г. Сумцова содержитъ множество мелкихъ замѣтокъ, иногда въ нѣсколько строкъ, которыя могутъ быть названы только зачатками будущихъ изслѣдованій. Онѣ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ случайно отмѣченный и кажущійся ему интереснымъ фактъ прикрѣпляетъ къ двумъ-тремъ другимъ аналогичнымъ и давно известнымъ и затѣмъ сѣшптъ подвести этотъ маленькій матеріалъ подъ отдѣльную рубрику. Очень вѣроятно, что такая небольшая замѣтка могла бы впоследствии разростись до „законченнаго“ изслѣдованія подъ перомъ того же автора, и едва-ли читатель поспѣвалъ бы на него, еслибъ карточка съ отмѣченнымъ фактомъ дождалась своей очереди и предстала въ болѣе полномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, для читателя едва ли представитъ интересъ узнать изъ замѣтки № 24 (стр. 84), что на островѣ Суматрѣ привязываютъ на шею скоту деревянный колокольчикъ, сходный съ *калаталомъ*, колотушкой или колокольчикомъ, надѣваемымъ въ Малороссіи на быковъ и коровъ съ тою цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. „Фактъ этого сходства, говоритъ авторъ, интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала“. Но и безъ этой параллели, которую исчерпывается вся замѣтка, мы склонны думать, что калатало снарядъ весьма первобытный, а скептика, не признающаго древности калатала, этимъ фактомъ не убѣдишь. Но это, конечно, частность. Въ большинствѣ изслѣдованій авторъ даетъ параллели дѣйствительно разъясняющія разсматриваемое имъ „переживаніе“, и объясненія его логически вытекаютъ изъ приводимыхъ фактовъ. Я позволю себѣ отмѣтить только нѣкоторые немногіе случаи, гдѣ предложенное Н. Θ. Сумцовымъ объясненіе, кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ интересномъ этюдѣ „олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства“ (№ 1), авторъ между прочимъ говоритъ, что религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, и ссылается на описанный проф. Антоновичемъ барельефъ существующій на одной скалѣ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи. Здѣсь представлена такая сцена: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣняхъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и держащая въ рукахъ чашу. Сзади за человѣческой фигурой стоитъ фигура оленя, поставленная, повидному, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталъ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что

изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшаго христіанству религіознаго культа. О древности и происхожденіи барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія равномерно. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (стр. 7).

По мнѣнію г. Сумцова, все содержаніе рельефа объясняется вполне удовлетворительно фактами *христіанской* символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды. „Плакида“, страстилатъ при Троянѣ царѣ, любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ оленемъ. Олень соскочилъ на высокой камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускающій свѣтъ сильнѣе солнца, а посреди роговъ образъ святаго тѣла Христова. „О Плакида, что мя гониши?—сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явиться тебѣ. Азъ есмь Иисусъ Христосъ... Слыша страстилатъ прирашенъ бѣ, спада съ коня“. Это описаніе символическаго оленя, по мнѣнію Н. Θ. Сумцова, „объясняетъ происхожденіе подножія оленя на днѣстровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи“ (стр. 11). Но во первыхъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобъ допустить эту мысль: въ рельефѣ нѣтъ нисколько указанія на христіанство, а находеніе въ ближайшихъ окрестностяхъ кремневыхъ орудій и вывѣтренность поверхности рельефа относятъ его ко временамъ доисторическимъ. Во-вторыхъ и сцена, изображенная на рельефѣ, развѣ только присутствіемъ оленя напоминаетъ приведенный авторомъ эпизодъ изъ житія св. Евстафія Плакиды. Человѣческая колѣнопреклоненная фигура стоитъ не передъ оленемъ, а передъ сидящимъ на деревѣ пѣтухомъ, «совершая какъ будто либацію», а главной черты житейскаго символическаго оленя—креста между рогами—на барельефѣ нѣтъ. Кстати по поводу символическаго оленя замѣтимъ, что авторъ могъ бы значительно пополнить свое изслѣдованіе матеріаломъ, собраннымъ въ известной статьѣ Адальберта Куне: *Выстрѣлъ дикаго охотника въ солнечнаго оленя*, помѣщенный въ 1869 г. въ *Zeitschrift für deutsche Philologie* Höpfer'a u. Zacher'a (I т. стр. 89—119).

Въ замѣткѣ объ *игрѣ въ короля* (№ 59), въ которой, между прочимъ, дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту, авторъ говоритъ: «въ игрѣ отражаются *воспоминанія* народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вѣнчивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хоровахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія и состоянія». Лично намъ такое объясненіе представляется неубѣдительнымъ, во-первыхъ, потому, что мы сомнѣваемся въ той патриархальной идилліи, которую нарисовалъ авторъ, а во-вторыхъ, не думается, чтобъ южно-русская игра въ короля могла быть отраженіемъ народныхъ *воспоминаній* объ этомъ патриархальномъ времени, если оно

когда нибудь существовало. Что касается самой игры, то авторъ могъ бы восполнить свою замѣтку о ней нѣкоторыми славянскими параллелями, которыя, быть можетъ, привели бы его къ другому объясненію. Обрядовая игра *кralице* совершается около Троицына дня кое-гдѣ въ Сербіи (см. у Вука Караджича, въ словарѣ, подъ сл. *кralице*), а сербская игра соотвѣтствуетъ такой же чешской *hra na krále* а на *králku*, совершаемой о *svatém Duse*. Описание этой игры въ разныхъ мѣстностяхъ Чехіи см. у Krolmus'a, *Straroceske pověsti* etc. III. p.p. 80.—197. Не всегда удачны лингвистическія догадки автора, который, впрочемъ, и не причисляетъ себя къ лингвистамъ. Отмѣчу то, что мнѣ представляется наиболѣе сомнительнымъ. Такъ названіе кувшина Харьков. губ. *куманецъ* (стр. 120), очевидно уменьшительное (съ суф. -ць) отъ *куманъ*, авторъ считаетъ словомъ греческаго происхожденія и сопоставляетъ съ греч. *κῆμα*—волна. *κῆματι* волнуюсь, *κῆμας*—беременная, между тѣмъ какъ *куманъ* есть татарск. *куманъ*, *куманъ*—кувшинъ, названіе чрезвычайно распространенное на Кавказѣ и на всемъ мусульманскомъ востокѣ. Глаголь *гадати* или *гати* не можетъ быть сопоставленъ съ санскр. корнемъ *ga*—пѣть (стр. 122), точно такъ же, какъ употребляемое въ галицкой Руси названіе для зарубокъ *раваша* не можетъ восходить къ корню глагола *ръти* (стр. 123). Станнымъ кажется мнѣ и сопоставленіе названія *каганецъ* (печникъ, плешка) съ тюркскимъ титуломъ *каганъ* и мотивъ такого сопоставленія: „не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того на рода, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ?“ (стр. 126). Названіе *юстець*, обозначающее болѣзнь, колтунъ, кашель, и вполне удовлетворительно объясняющееся обыкновенно умилостивительныхъ названій для болѣзней (напр. великорус *юстя*, *добруха* для лихорадки), авторъ считаетъ возможнымъ этимологически сблизить съ нѣмецк. *husten*—кашель, англосакс.—*huosta*, сканд. *hosti*, др. верхне-нѣмец. *huasto*, что въ звуковомъ отношеніи невозможно (стр. 224). Въ доказательство тому, что „во многихъ языкахъ *одни и тѣже слова* выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его“, авторъ неудачно приводитъ санскр. *bhata*—*домовой* (точнѣе это слово значить: воинъ, рабъ, названіе одного змѣевиднаго демона) и *bhûta*—*духъ*, *привидѣніе*, неудачно потому, что оба названія восходятъ къ разнымъ корнямъ, не сходнымъ ни въ звукахъ ни въ значеніи (стр. 236). Вообще, интересныя изслѣдованія Н. Ѳ. Сумцова ничего бы не потеряли, еслибъ авторъ рѣше вдался въ этимологическія соображенія, которыя для неспеціалиста весьма рискованны. Опасно также приводить отдѣльные слова изъ разныхъ языковъ, не отдавая себѣ отчета въ точномъ произношеніи отдѣльныхъ звуковъ (напр въ санскритѣ нѣтъ демона Тричыры (стр. 227), а есть *Tricitras*, гдѣ *c* не есть русс. ч. а небн. ш).

Спѣшу оговориться, что при подавляющей массѣ фактовъ отдѣльные недосмотры неизбежны и нисколько не умаляютъ высокаго интереса новой книги проф. Сумцова. Обширная начитанность автора въ этнографіи

ческой литературы русской и иностранной видна во множествѣ отдѣльных этюдовъ. Конечно, и въ этомъ отношеніи возможны пополненія, которые вѣроятно будутъ сдѣланы специалистами и впоследствии самимъ авторомъ; съ своей стороны считаю не лишнимъ для №№ 70 и 71 (о цимбалахъ и гусяхъ) обратить его вниманіе на недавно вышедшее изслѣдованіе А. С. Фамицына -- «Гусли — русскій народный музыкальный инструментъ, историческій очеркъ», С.-Петербург. 1890 стр. I+135, въ которомъ въ *прибавленіи* сообщаются историческія свѣдѣнія о цимбалахъ.

Въ заключеніе въ интересахъ русской этнографіи можемъ пожелать, чтобъ проф. Сумцовъ продолжалъ столь удачно начатый имъ рядъ изслѣдованій въ области культурныхъ переживаній.

Вс. М.

Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XIV. Выпускъ I. Тифлисъ, 1890 г. (416+62 стр. in 8°). — Кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества продолжаетъ печатать на страницахъ своихъ Записокъ рядъ интересныхъ монографій, очерковъ, замѣтокъ, посвященныхъ быту народовъ Кавказа и его природѣ. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ статьи Н. Я. Динника: „Путешествіе по Дигоріи“. „Пѣздку въ Балкарію“, и „Современные и древніе ледники Кавказа“. Три статьи посвящены Хевсуретіи: „Замѣтка о Хевсуріи“, Н. А. Худадова, „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ“, кн. Р. Д. Эрнстова, и Замѣтка о монографіи г. Раде „Хевсурія и Хевсуры“. кн. Р. Д. Эрнстова“. Одна статья посвящена инглицамъ: „Замѣтки о Закатальскомъ округѣ“, Дм. З. Баградзе, и одна „Шахсеванамъ на Мугани“, В. С. Маркова.

Путешествуя по Дигоріи, Н. Я. Динникъ обратилъ вниманіе на одну пещеру близъ аула Заделеска, гдѣ совершаются общественныя жертвоприношенія „передъ началомъ покоса и уборки хлѣбовъ, а другой разъ нѣсколькими днями раньше“. Въ послѣднемъ случаѣ дигорцы молятся о всѣхъ младенцахъ, родившихся послѣ жертвоприношенія предъидущаго года. Эта святиля дигорцевъ называемая „Олхсай-дона“ наполнена предметами домашняго ихъ обихода и массой нагроможденныхъ череповъ и роговъ животныхъ. — „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о „Хевсурахъ“, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ кн. Р. Эрнстовъ, даетъ много новыхъ данныхъ, ускользнувшихъ отъ прежнихъ наблюдателей. Юристы для эмбриологій права найдутъ въ этомъ трудѣ массу фактовъ, неизвѣстныхъ изъ этнографическихъ сообщеній о хевсурахъ. Таковы рубрики: „Сатавно“, „самтпунebro“, „принятіе на себя грѣха“, „Курисъ моттра“ и др. Статья о „Хевисъ-бери“ является въ совершенно новомъ видѣ. М. М. Ковалевскій въ своемъ трудѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ“, упрекая изслѣдователей быта кавказскихъ народностей въ томъ, что они обращаютъ исключительное вниманіе на религіозныя вѣрованія, имѣтъ сомнѣнія, не зная почтеннаго труда г. Урбнели. О замѣткахъ Д. З. Баградзе мы говорили въ IV кн. Этногр. Об.“ О „Шахсеванамъ“ слѣ-

дуетъ сказать, что подъ этимъ именемъ извѣстны персидскіе кочевники, съ 1828 г. перекочевавшіе въ предѣлы Россіи. Много любопытныхъ свѣдѣній сообщается объ ихъ религіи, бракѣ, похоронахъ, языкѣ и пр.

А. Хах — овл.

Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 г.). Вып. I, подъ редакц. П. Стефановскаго. (Владикавказъ. 1890 г. стр. 274 + 178 in 8°). Немногія мѣстности Россіи могутъ похвалиться столь значительнымъ количествомъ мѣстныхъ дѣятелей, направляющихъ свои силы на изученіе своей страны, какъ это могутъ сдѣлать съ полнымъ основаніемъ Кавказъ и Закавказье. Кромѣ значительнаго числа ежегодно публикуемыхъ въ различныхъ некавказскихъ изданіяхъ трудовъ мѣстныхъ работниковъ, мы ежегодно имѣемъ и нѣсколько новыхъ „кавказскихъ“ изданій, въ которыхъ заключается интересный матеріалъ для Кавказовѣдѣнія. „Труды“ Кавказскаго Отд. И. Р. Г. Общества, обширные „Сборники матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и др. содержатъ труды мѣстныхъ жителей, стремящихся ознакомить читающую публику съ окружающей ихъ средой, и нельзя не отдать имъ справедливости, что многіе изъ этихъ трудовъ являются не маловажными вкладами въ науку народовѣдѣнія. Теперь передъ нами еще новое изданіе, служащее лучшимъ доказательствомъ того, что силы на Кавказѣ въ отношеніи къ самоислѣдованію не только не уменьшаются, но съ каждымъ годомъ вѣрнѣе и растутъ. Довольно обширный томъ „Терскаго Сборника“ содержитъ въ себѣ нѣсколько статей, могущихъ заинтересовать этнографа, именно статьи *Е. Максимова: Терское казачье войско, Пѣсни терскаго казачества, Чеченскія пѣсни*, также ст. *Обитатели Гумикской плоскости, Н. Семенова*. Работа Е. Максимова, основанная на статистическихъ данныхъ, даетъ ясную картину современнаго матеріальнаго быта терскихъ казаковъ; что до „краткаго историческаго очерка“, которымъ авторъ открываетъ свое изслѣдованіе, то онъ могъ бы, конечно, быть и полнѣе и лучше разработаннымъ. Впрочемъ эти недостатки не могутъ быть поставлены въ упрекъ г. Максиму, такъ какъ очеркъ служить скорѣе введеніемъ, чѣмъ отдѣльной частью труда автора. Если мы упоминаемъ объ этомъ, то лишь въ виду того, что желательно было бы имѣть хорошій трудъ по исторіи терскаго казачества, — тѣмъ болѣе, что существующія по этому вопросу сочиненія едва ли могутъ быть названы удовлетворительными. Разрабатывать же исторію терскаго казачества, кажется намъ, было бы легче всего мѣстному жителю, такъ какъ ему удобнѣе пользоваться незатронутымъ еще мѣстнымъ архивнымъ матеріаломъ. 71 *NV* пѣсень терскаго казачества представляетъ несомнѣнный интересъ для этнографа уже своимъ количествомъ и тѣмъ, что пѣсни записаны въ разныхъ станицахъ. Нельзя однако назвать удачной систему, принятую г. редакторомъ при расположеніи пѣсень. Предпосылая сборнику пѣсень довольно обширное предисловіе, редакторъ желаетъ въ пѣсняхъ представить бытъ и жизнь терскаго казака; редак-

торъ представляетъ себѣ, что казаки собрались и начинаютъ бесѣду; вспоминаютъ старое и каждый изъ присутствующихъ вставляетъ свое слово; вслѣдствіе этого пѣсни—остатки старины, въ видѣ отрывка изъ былины про князя Владиміра, смѣняются рассказомъ про Полтавскій бой и т. п. Принятая г. редакторомъ система, несомнѣнно, при извѣстной долѣ воображенія, оживляетъ картину, но къ сожалѣнію она ведетъ къ разбросанности пѣсенъ и дѣлаетъ затруднительнымъ пользованіе ими. Въ поименованныхъ нами выше статьяхъ можно было-бы также указать нѣкоторые недостатки: нѣкоторую поспѣшность выводовъ и т. п.; но они, какъ и недостатки указанные нами выше, не идутъ сильно въ ущербъ значенію „Сборника“: избѣгать ихъ легко — и тогда новый „Терскій Сборникъ“ получитъ такое же значеніе для этнографіи, какъ и „Сборники“, издаваемые Кавказскимъ учебнымъ округомъ.

Н. Х.

Грузинскія сказки, собранныя г. *Агниашвили*. Книга I. Тифлисъ. 1891 г. Изданіе грузинскаго издательскаго товарищества. 1+1+2 стр. in 8°.—Грузинское издательское товарищество, недавно организовавшееся въ Тифлисъ, приступило къ печатанію народныхъ произведеній, обнародованіе которыхъ является настоятельною необходимостью, въ виду вытѣсненія устнаго творчества новыми общественными условіями, невыгодно отражающимися на развитіи и сохраненіи народной поэзіи. Товарищество намѣревается прежде всего собрать и напечатать сказки, а за ними пѣсни, легенды, поговорки, загадки, заговоры и проч. Въ заключеніе cadaго отдѣла будетъ приложенъ разборъ напечатаннаго матеріала съ прибавленіемъ вариантовъ и дополненій къ опубликованнымъ памятникамъ. Насколько богата грузинская народная поэзія, можно судить по тому факту, который былъ сообщенъ въ „Иверіи“: г. Разикашвили передалъ издательскому товариществу до 2000 пѣсенъ, 700 поговорокъ, 350 загадокъ, собранныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи. Обнародованіе ихъ желательно не только въ интересахъ освѣщенія прошлой судьбы Грузіи, но и въ интересахъ этнографіи и всеобщей исторіи литературы. Неисчерпаемый запасъ грузинскаго народнаго творчества можетъ дать много чрезвычайно любопытнаго и новаго матеріала. Отрывки грузинской народной поэзіи послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ для статьи проф. В. Ѳ. Миллера: „Иранскіе отголоски на Кавказѣ“. Когда будутъ собраны сказанія объ Амиранѣ и Дареджанѣ, о Таріелѣ и Автандилѣ, явится возможность указать отношенія и связи между произведеніями народной словесности и памятниками искусственной литературы, оставленными Мосе Хонели и Шота Руставели. Тѣ немногія сказанія, сказки, поэмы, какія до сихъ поръ были напечатаны въ грузинскихъ повременныхъ изданіяхъ, даютъ ручательство въ томъ, что собранія народныхъ произведеній обѣщаютъ быть любопытнымъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ для народовѣднія вообще.

Въ настоящей книгѣ помѣщено 14 сказокъ: Мастеръ и ученикъ, Мачеха и три дочери, Бездѣльникъ, Коробъ лягушки, Судьба, Божій сынъ.

Звѣя и крестьянникъ, Гуламбара и Суламбара (имена собакъ), Два брата, Царевичъ, Бѣдняжка, Мать, три дочери и сынъ, Пастухъ и счастливый мальчишкѣ, Два вора Лисица и царевичъ. Названія нѣкоторыхъ сказокъ не даютъ представленія о богатомъ ихъ содержаніи и иногда отлѣкаются не точносью озаглавленія сказки, что нужно отнести насчетъ собирателя.

А. Хах—овъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., т. XXI, № 5.—Изъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ „Извѣстій“, непосредственное отношеніе къ этнографіи имѣетъ только одна—„Урянхайская земля и ея обитатели“, А. М. Африканова. Подъ именемъ Урянхайской земли извѣстна сѣверная часть Монголіи между 50° и 53° сѣв. шир. и 59° и 69° вост. долг., окаймляемая хребтами: съ сѣвера—Саянскимъ съ востока—Хангинскимъ, съ запада—Алтайскимъ и съ юга—Танну-Ола. Населена онаполу-ко чевыми племенами, называемыми по-монгольски „уряхай“ или „танну-уряхай“, а по-русски—сойотами; сами-же сойоты называютъ „туба“ или „тува“. Все населеніе Урянхайской земли равняется приблизительно отъ 35 до 40,000 человекъ. Кромѣ сойотовъ, здѣсь-же, на западной сторонѣ оз. Косогола, по рр. Шижкиту, Урею и Хакхему, живетъ монгол. племя „дархаты“, которыхъ насчитываютъ до 7,000 чел. Цѣнными въ статьѣ г. Африканова являются свѣдѣнія о сойотскихъ племенахъ или хошунахъ и подраздѣленія ихъ на „сумо“ (роды). Описаніе же внѣшней обстановки жизни сойотовъ—ихъ жилищъ, пищи и одежды—очень кратко и въ имѣющіяся въ литературѣ данныя по этому предмету, не вносятъ ничего новаго.

Ал. И—скій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи, т. II, вып. 1 и 2.—Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Имп. Рус. Геогр. Общества за послѣдніе три года, въ бытность правителемъ дѣлъ его извѣстнаго путешественника Г. Н. Потанина, отличался особенно кипучею и плодотворною дѣятельностью, выразившеюся какъ въ снаряженіи нѣсколькихъ экспедицій, такъ и въ выпускѣ ряда изданій, блиставшихъ обиліемъ полныхъ высоко-научнаго интереса работъ мѣстныхъ изслѣдователей. Въ нашемъ изданіи въ свое время были отмѣчены эти работы; въ настоящей-же замѣткѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ двухъ выпускахъ „Записокъ“ Отдѣла по этнографіи, вновь обогащающихъ послѣднюю въ высшей степени цѣнными вкладами. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ“, М. Н. Хангалова. Имя г. Хангалова давно пользуется среди этнографовъ, вполне заслуженною извѣстностью, одною изъ самыхъ дѣятельныхъ провинціальныхъ работниковъ въ области этнографіи, уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ горячею любовью и неутомимо, занимающагося разностороннимъ изученіемъ быта бурятъ. Новый трудъ г. Хангалова посвященъ специально шаманству у бурятъ и является продолженіемъ одной изъ его

статей, разсматривающей тотъ-же вопросъ и напечатанной въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сибир. Отд.“, 1883 г., т. XIV, № 1 и 2. Особенно обстоятельно и подробно авторъ останавливается на высшихъ существахъ (тэнгэри, тэнгерины, заяны, бурханы), которыхъ буряты насчитываютъ 99, приводятъ имена всѣхъ ихъ и даетъ характеристику большинства этихъ божествъ. Затѣмъ говоритъ о „хатахъ“ или дѣтяхъ тэнгэриновъ, о бѣлыхъ и черныхъ кузнецахъ, изъ которыхъ бѣлые или западные, считаются бурятами за добрыхъ и покровительствующихъ заяновъ, защищающихъ людей отъ восточныхъ, злыхъ хатовъ и заяновъ и излѣчивающихъ отъ разныхъ болѣзней. Далѣе характеризуются „хозяйниъ всей земли“ — Дабанъ-Саганъ Ноенъ, представляемый старикомъ съ сѣдыми волосами, и хордуги (почтаемые камни), спустившіеся, по вѣрованію буряты, на землю съ неба. Изъ такихъ хордуговъ, особеннымъ почетомъ и извѣстностью пользуются два бѣлыхъ камня во 2-мъ Олзоевомъ родѣ Унгинскаго инородч. вѣдомства: „Саллигухи-бумал-саганъ-шулуунъ“ и „Улухэни-бумал-саганъ-шулуунъ“. Слѣдующія затѣмъ главы, посвящены описанію онгоновъ (глав. обр. т. наз. „вечерочныхъ“ — „надани-онгонъ“, призываемыхъ на вечерахъ для веселья), душъ умершихъ шамановъ и различныхъ обрядовъ (до 30) и жертвоприношеній, совершаемыхъ шаманами. Вообще трудъ г. Хангалова отличается рѣдкою полнотою и обстоятельностью и въ небогатую литературу о шаманствѣ въ Сибири безспорно вноситъ весьма крупный и драгоценный вкладъ. — Второй выпускъ „Записокъ“ содержитъ въ себѣ статьи: *Н. И. Запозлева* — Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ буряты (пѣсни о бурятѣ, распятою въ Иркутскѣ; анахан; аршаны, или цѣлеб. ключи; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ); *П. П. Батарова* Бурятскія повѣрья о боходаяхъ и анахаяхъ; *М. Н. Хангалова* — 1) Судъ заяновъ надъ людьми и 2) Преданія и повѣрья унгинскихъ буряты; *Д. Клеменца* — Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9 табл. рисунковъ); *Н. В. Скаго* — Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ и *Н. Прилузова* — Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Ал. И-скій.

Отчетъ объ Алтайской и Киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1889 г. Томскъ. 1890 г. — Въ приложеніи къ „Отчету“, находимъ двѣ интересныя статьи начальника миссій Томской епархіи, *епископа Макарія*: „Инородцы Нарымскаго края“ и „Матеріалы для изученія языка Васьюганскихъ инородцевъ (остяковъ) Нарымскаго края“ Объ инородцахъ Нарымскаго края писано было много. Достаточно указать на труды Гр. Новицкаго („Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ“), И. С. Полякова („Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби“, изд. въ 1877 г. Акад. Наукъ), Финша и А. Брэма („Путеш. въ Зап. Сибирь“), Н. П. Григоровскаго („Очерки Нарым. края“ и „Описаніе Васьюганской тундры“ въ „Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. IV и VI), А. В. Адрианова („Забутые люди забытаго края“), Н. Городкова („Религіоз. языч. возрѣ-

нія остяковъ⁴⁾ и мн. др. Но свѣдѣнія, сообщаемыя всѣми этими изслѣдователями, во всякомъ случаѣ оставляютъ еще достаточно пробѣловъ, пополненія которыхъ требуетъ состояніе современной науки. Вышеназванныя статьи епископа Макарія и представляютъ собою попытку—и очень удачную—въ этомъ послѣднемъ направленіи. Являясь крайне сжатыми и краткими, онѣ, тѣмъ не менѣе, заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ литературѣ свѣдѣнія о нарымскихъ инородцахъ—объ ихъ бытѣ, языкѣ, ихъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, о свадебныхъ обрядахъ, занятіяхъ мужчинъ и женщинъ, о вымираніи племени (въ 1862 г. было васьюган. остяковъ 854 чел. об. пола, въ 1882 „.—726, въ 1888 г.—502) и пр. Статьи еп. Макарія являютъ тѣмъ болѣе цѣнными и своевременными, что, какъ видимъ изъ выше приведенныхъ цифръ о движеніи инородч. населенія Нарымскаго края, оно быстро вымираетъ, и его, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ ждетъ участь, общая и многимъ другимъ сибирскимъ инородцамъ, т. е. совершенное въ концѣ концовъ исчезновеніе съ лица земли.—Искренно желаемъ, чтобы алтайскіе и вообще сибирскіе миссіонеръ, уже не разъ дѣлавшіе крупныя вклады въ этнографическую литературу, продолжали и на будущее время обогащать ее своими цѣнными изслѣдованіями.

Ал. И—скій.

Временникъ Центрального Статистическаго Комитета. 1890. № 17. А. Ефимовъ: Православное населеніе Томской г. по даннымъ 1870—1880 г. (СПБ. 1890. стр. 43 in 8^о).—Небольшой, но хорошо разработанный, демографическій очеркъ г. Ефимова представляетъ данныя о движеніи православнаго населенія Томской губ. Разработавъ данныя за десять лѣтъ, авторъ можетъ придти къ довольно прочнымъ выводамъ о рождаемости, смертности, бракѣ и т. д. какъ городского такъ и сельскаго православнаго населенія губерніи. Значеніе и интересъ его труда однако сильно ослабляется тѣмъ, что г. Ефимовъ раздѣлилъ населеніе губерніи не по племенамъ, не по занятіямъ, а по вѣроисповѣданію. Несомнѣнно, большинство православныхъ падаетъ на русскихъ насельниковъ: однако съ одной стороны есть и инородцы, принявшіе крещеніе, а съ другой, изъ числа русскихъ насельниковъ исключаются старообрядцы (15296 ч.) и единовѣрцы (31573 ч.), такъ что около 5% всѣхъ русскихъ насельниковъ (предполагая, что всѣ православные виѣсть съ тѣмъ и русскіе) исключаются изъ очерка г. Ефимова. Такъ какъ дѣленіе населенія по принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію не совпадаетъ съ дѣленіемъ по народностямъ, не представляющимъ однороднаго въ Томск. губ., не совпадаетъ и съ дѣленіемъ по занятіямъ и т. д.—факторами, обуславливающими % движенія народонаселенія, то невольно является вопросъ, для чего г. Ефимовъ предпринялъ свой трудъ, доставившій ему повидимому не мало работы. Для статистиковъ онъ едва ли будетъ особенно полезенъ, именно въ виду избраннаго г. Ефимовымъ принципа дѣленія населенія по вѣроисповѣданію; тѣмъ менѣе по

этой причинѣ онъ можетъ быть пригоденъ для этнографа. Приходится невольно пожалѣть, что авторъ, затративъ свой трудъ и время, не принесъ пользы русской наукѣ, которая не будетъ въ состояніи извлечь изъ его работы какія либо свѣдѣнія.

Н. Х.

Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей. I. (Томскъ. 1890. стр. 308 in 8°).—При открытіи Университета въ г. Томскѣ многіе возлагали надежды на то, что съ устроеніемъ въ Сибири научнаго центра пойдетъ и болѣе успѣшно дѣло изученія этой еще почти вовсе неизвѣстной, обширной части Россіи. Дѣйствительно, повидимому, эти ожиданія начинаютъ оправдываться: въ краткосрочный періодъ своего существованія этотъ научный центръ успѣлъ уже дать плоды своей дѣятельности, привлечь и сгруппировать вокругъ себя мѣстныхъ научныя силы и опубликовать результаты трудовъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей. Открытіе при Томскомъ Университетѣ ученаго Общества (23-го сент. 1889 г.) является лучшимъ доказательствомъ того, что въ лицахъ, желающихъ принести свой трудъ на дѣло изслѣдованія мѣстнаго края, нѣтъ недостатка, а содержаніе статей I тома доказываетъ, что многіе изъ мѣстныхъ дѣятелей не жалѣютъ ни времени ни труда для изученія своего края. Мы не будемъ распространяться о содержаніи всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ,“ такъ какъ многія изъ нихъ не имѣютъ отношенія къ нашему изданію; коснемся лишь тѣхъ статей, которыя являются интересными для этнографа. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить обширную работу *С. К. Кузнецова: Отчетъ объ археологическихъ разысканіяхъ въ окружностяхъ (?) г. Томска* (съ планомъ и рисунками). Автору удалось совершить обширныя раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ кургановъ, такъ и городищъ; раскопки дали интересные результаты, которые г. Кузнецовъ старается объяснить при помощи уже опубликованныхъ находокъ въ разныхъ частяхъ Европы. — Нельзя не пожалѣть, что слишкомъ малое количество таблицъ, помѣщенныхъ въ качествѣ приложенія къ статьѣ, не даетъ возможности судить вполнѣ о значеніи этихъ находокъ. Крайне интересна работа *И. Я. Соловцова: Матеріалы о распредѣленіи кургановъ и городищъ въ Тобольской губ.*, которая несомнѣнно сослужитъ большую службу всякому изслѣдователю археологій и краниологій въ указанной мѣстности. Небольшая замѣтка *Н. Ф. Катанова: Бубенъ и колотушка шамана, по описанію Минусинскихъ татаръ* даетъ подробное описаніе какъ устройства самого бубна, такъ и рисунковъ, помѣщенныхъ на немъ и — что особенно цѣнно — объясненіе значенія этихъ рисунковъ. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому Обществу въ его полезной дѣятельности всесторонняго изслѣдованія края, выразимъ также пожеланія, чтобы Общество, изучая край въ археологическомъ и антропологическомъ отношеніи, обратило еще болѣе серьезное вниманіе и на изслѣдованіе быта современныхъ жителей края, русскихъ и инородцевъ: этимъ оно принесетъ огромную пользу русской наукѣ.

Н. Х.

Обзоръ Амурской Области за 1889 г. (Благовѣщенскъ. 1890. стр. 23 in fol., съ приложеніемъ 8 ил. статист. таблицъ).—Изъ пяти отдѣловъ, на которые раздѣленъ Обзоръ Амурской Области, наиболѣе интересными для этнографа являются отд. I: „Естественныя и производительныя силы Области и экономическая дѣятельность населенія“; отд. IV.: „Народное здравіе и общественное призрѣніе“ и отд. V.: „Народное просвѣщеніе.“ Населеніе области крайне незначительно—а именно: 87,705 д. об. п. при пространствѣ въ 393,366 кв. в., что составляетъ около 0,2 чел. на одну кв. версту. Изъ всего числа населенія 20,242 чел. приходится на города. Остальное населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ Амурскаго казачьяго войска (17,935), крестьянъ (25,488), корейцевъ (990), манжуръ (14,000), инородцевъ (3,000) и приисковыхъ рабочихъ (6,000). Естественный приростъ населенія не особенно значителенъ, именно около 1,6%; гораздо значительнѣе приростъ отъ иммиграціи; такъ въ 1889 г. переселилось всего 3062 ч. об. п. что составляетъ 3½%. Переселенцы приходятъ сюда преимущественно изъ Области Войска Донскаго, изъ губ. Полтавской и Тамбовской и Забайкальской Области. Изъ указанныхъ мѣстностей въ 1889 г. переселилось сюда изъ общаго числа 3062 ч.—2682 ч. б. п. Больше всего переселенцевъ приходится на Тамбовскую губ.—989 б. п. слѣдовательно ок. 32,3%. Медицинская помощь организована довольно плохо; такъ на всю Амурскую Область приходится лишь 4 врача (1 областной, 1 горской, и 2 на золотыхъ приискахъ) и 17 фельдшеровъ. Быть можетъ, отчасти этимъ слѣдуетъ объяснить сравнительно незначительный естественный приростъ населенія въ Области, такъ какъ, повидимому, многія условія (хорошіе урожан, отсутствие недостатка земли и т. п.) должны были бы содѣйствовать большому приросту населенія. Дѣло народнаго просвѣщенія оставляетъ также желать многого, такъ какъ, если принять во вниманіе только народныхъ школы, то ихъ окажется всего лишь 33 (2 народ. училища въ Благовѣщенскѣ, 22 казачьи школы, 7 крестьянскихъ и 2 приисковыя). Наибольшую грамотность мы видимъ среди казачьяго населенія—именно 4,7% (въ крестьянскомъ 1,2% и приисковомъ 1,9%). Несмотря на этотъ абсолютно небольшой % грамотности среди населенія Амурской Области, мы должны однако отмѣтить, что онъ значительно выше (особенно между казаками), чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а даясь въ отдаленныхъ окраинахъ, какъ Амурская Область, онъ даже относительно высокъ.

Въ общемъ, публикуемые „Обзоры,“ конечно, оставляютъ желать много лучшаго, какъ въ отношеніи обилія сообщаемаго ими матеріала, такъ и въ отношеніи обработки тѣхъ свѣдѣній, которыя они содержатъ. Но въ виду малаго знакомства нашего съ Сибирью, „Обзоры“ представляютъ все таки существенный интересъ для нашего отечествовѣднія и даютъ этнографу матеріалъ, при помощи котораго онъ, занимаясь этнографіей населенія Сибири, будетъ въ состояніи объяснить многія неясныя или вовсе непонятныя явленія сибирской жизни.

Н. X.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Витебскомъ центральномъ архивѣ, изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина. *Выпускъ двадцатый*. Витебскъ, 1890. Тоже, *выпускъ двадцать первый*. Витебскъ, 1891.

Какъ извѣстно, Витебскій центральный архивъ учрежденъ въ 1861 г. „для сохраненія историческихъ матеріаловъ, для *всесторонняго изученія быта* западнаго края и разработки разныхъ актовъ и документовъ.“ Въ 1869 г. архиву поставлено въ обязанность, „печатно издавать всѣ тѣ матеріалы, которые могутъ относиться до историческаго *быта* бѣлорусскаго края и до опредѣленія правъ на имущество по записямъ“. Задачи, какъ видитъ читатель, не малы. Къ сожалѣнію, для выполненія ихъ не дано достаточныхъ средствъ: весь штатъ архива, а слѣдовательно и его юридическая, ученая и издательская дѣятельность, заключается единственно въ лицѣ архиваріуса; на печатаніе матеріаловъ ежегодно ассигнуется 2000 р. Понятно, что дѣятельность архива, при этихъ условіяхъ, не можетъ быть блестящею. Тѣмъ не менѣе, благодаря болѣе или менѣе удачному выбору архиваріуса, архивомъ, начиная съ 1871 г., издается ежегодно около 50 печ. листовъ „Матеріаловъ,“ въ общемъ представляющихъ весьма цѣнный вкладъ въ историческую науку. Достаточно сказать, что въ вышедшихъ доселѣ выпускахъ помѣщены, между прочимъ:

22 приходо-расходныя книги города Могилева, обнимающія періодъ времени съ 1679 по 1711 г.

80 актовъ Витебскаго и Полоцкаго земскихъ судовъ за 1592—1731 гг.

55 актовъ Витебскаго градскаго суда за 1634—1712 гг.

54 акта изъ градскихъ книгъ Витебскаго воеводства за 1596—1712 гг.

43 акта Полоцкаго магистрата за 1652—1771 гг.

170 актовъ Витебскаго магистрата за 1743—1791 гг.

1457 актовъ Могилевскаго магистрата за 1577—1787 гг.

и 90 актовъ Кричевской магдебургіи за 1662—1771 гг.

Кромѣ того, здѣсь напечатаны:

Описаніе границъ витебскаго воеводства съ землями государства Московскаго, учиненное въ 1648 г.

Разграниченіе Витебскаго воеводства и гос—ства Россійскаго въ 1777 г.

Fructus spirituales—журналъ, веденный іезуитами Витебской коллегіи съ 1714 по 1813 г.

Инвентарь имѣнія Вялуа, составл. въ 1790 г., и мн. др.

Матеріалы эти, независимо отъ общенсторическаго значенія, представляютъ животрепещущій интересъ и для бытописателя западной Руси, затрогивая всѣ стороны давноиннувшей жизни бѣлоруссовъ, начиная отъ политической и церковной, и кончая экономической, бытовою и семейной.

Обращаясь къ послѣднимъ выпускамъ, мы должны заявить, что своимъ содержаніемъ они не только не уступаютъ прежде вышедшимъ, но значительно и превосходятъ ихъ.

Здѣсь помѣщена, между прочимъ, приходорасходная книга города Мо-

гилева за семь мѣсяцевъ 1711 г., ярко обрисовывающая положеніе этого злосчастнаго города въ періодъ Сѣверной войны, когда бурмистры, войты и райцы игродскіе то и дѣло должны были угощать, задабривать и подкупать егеряловъ, полковниковъ, пановъ капитановъ, аттатантовъ, егзекуторовъ, поручниковъ и т. п. чиновъ польскихъ, русскихъ и шведскихъ—то за умнейшенне провианту, дымовъ въ тарифе, коней почтовыхъ; то — абы презъ мѣсто хорогви не шли, жебы въ месте не стали зъ своими жолнерами, или — жебы жолнеры уступили зъ места, и т. п.

Какъ видно изъ расходныхъ записей, брали всѣ, кто могъ, и все, что могли, начиная отъ денегъ — „золотыхъ“,⁴ лудана, фалендышу (сукна), футръ лиссихъ, скуръ турецкихъ и т. п., и кончая ситницами, селедцами, олеемъ, цыбулей, горелькою, дегтемъ и кореннями...

Напр., 11 марта 1711 г. куплено для пп. егзекуторовъ рыбы свежія, рыбы вяленой, селедцовъ десятокъ, ситницъ шесть, соли кварту, крупъ кварты три и олею, перцу четвертку, овса мерку, сѣна саноуъ двое и вязки три, еще рыбы вяленой, ситницъ пять, пароговъ пять, сѣна ношекъ пять и т. д. 17 марта салъдату дали на горельку, на баранки и на пиво. 19-го поеднали салдатовъ, што потребовали хомутовъ, 1 золотымъ, 15 восмаками, и горельки купили на 6 восмаковъ. 22-го купили корення на полмисокъ пану полковнику Баратынскому, на свято: перцу фунтъ, имъберу фунтъ, мигдаловъ фунтъ, розынокъ (изюму), фунта два — великихъ и малыхъ, гвоздикъ лоты два, шафрану лотъ, цынамону лоты два, горельки гарцовъ сорокъ.

Такія же „корення“ посылались „на свято,“ къ пасхѣ, и многимъ другимъ, между прочимъ, пану пастеру всонжу Четвертынскому, епископу Бѣлорусскому, на поклонъ, съ добавленіемъ рыжу, цукру, вина и т. п.

Высокій интересъ представляютъ и помѣщенные здѣсь акты Витебскаго земскаго (53 №№) и гродскаго (54 №№) судовъ, характеризующіе м. проч. отношеніе мѣстнаго населенія къ факту появленія перваго католическаго костела въ Бѣлоруссіи (основ. въ 1387 г. въ м. Обольцахъ, оршан. у. по распоряженію Ягелла), и указывающіе на то значеніе, какое придавалось Римомъ этому костелу, въ цѣляхъ распространенія католицизма среди православнаго бѣлорусскаго населенія (в. ХХ, № 2). Въ другихъ описываются правовыя и экономическія нестроенія, имѣвшія мѣсто въ краѣ въ эпоху Сѣверной войны и придавшія ему въ концѣ концовъ видъ *desertae Arabiae*, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ повѣрочная люстраціонная комиссія 1712 г. (*ib.*, № 54). Даются образчики дѣятельности латинскаго духовенства, евреевъ; затронуть чрезвычайно интересный вопросъ о такъ наз. панцырныхъ боярахъ и польскихъ казакахъ; всесторонне описанъ тогдашній бытъ безправнаго бѣлорусскаго мужика (ХХ, 65). Здѣсь же есть отзвуки смутнаго времени (ХХІ, № 136), убійства Бунцевича (*ib.* № 125) и т. п.

Въ актахъ Витебскаго воеводства (в. ХХІ, 81 №№) 1713 г. даны инвентари Усвятскаго замка и староста, приведены примѣры практики

характернаго копнаго суда, указывается жалкое положеніе въ то время православныхъ монастырей и т. д.

Изъ отдѣльныхъ документовъ въ разбираемыхъ книгахъ помѣщены: интересный инвентарь им. Вяда. вышеупомянутаго Оболецкаго костела, сост. въ 1790 г., *Fructus spirituales* и 35 документовъ, касающихся главнымъ образомъ дѣятельности іезуитовъ.

Наконецъ, въ обѣихъ книгахъ имѣются особня „Прибавленія,“ за которыя нельзя также не поблагодарить редакцію. Здѣсь, между прочимъ, приведены изъ актовыхъ книгъ указанія мѣстъ нахождения древнихъ памятниковъ: вологовокъ, могильниковъ, городищъ, валовъ, острыхъ могилъ, *скожорошицъ* могилкохъ, мостищъ, церковищъ, замковъ, старыхъ и великихъ дорогъ, каменныхъ крестовъ, камней съ крестами и написаніи, змѣевыхъ могилъ и т. п. Указанія эти въ высшей степени драгоценны какъ для археологической карты Витебской губерніи, такъ и для древней топографіи гор. Витебска въ особенности. Къ выпускамъ, по обыкновенію, приложены указатели личный и топографическій. Въ XXI вып. въ видѣ отдѣльнаго приложенія даны три снимка съ почерковъ.

Вообще, въ предѣлахъ возможнаго, изданіе улучшается съ каждымъ годомъ. Недостаткомъ его—если только можно назвать это недостаткомъ—является отсутствіе переводовъ латинскихъ и польскихъ актовъ, желательныхъ въ настоящее время, въ видахъ доступности изданія для средняго читателя, съ которымъ наукъ уже и теперь нельзя не считаться. Безъ особаго обремененія изданія, переводы могли-бы печататься петитомъ, въ видѣ выноски; да и самыя акты слѣдуетъ печатать помельче (теперь—крупная терція). Слѣдуетъ также, по возможности, устранить корректорскіе недосмотры и опечатки, иногда затемняющія смыслъ текста (XXI, 109 а; XX, стр. XV, 10, 40 b. 41 а, и т. д.) и принять мѣры къ возможно широкому распространенію изданія и на книжномъ рынкѣ и въ средѣ ученой. Вообще же акты, и другія витебскія изданія служатъ яркимъ образчикомъ того, какъ много, при самоотверженной преданности дѣлу, можетъ сдѣлать для науки и одинъ честный труженикъ, даже при ограниченныяхъ средствахъ и при неблагопріятной обстановкѣ. Желаемъ изданію дальнѣйшаго успѣха, вопли въ заслуживаемаго.

Л.

А. Сапуновъ.—Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ, 1890. 31 стр. Изд. Витебскаго Статистич. Комитета.

Вопросъ о Двинскихъ или такъ называемыхъ Борисовыхъ камняхъ (что, впрочемъ, не всегда одно и то-же) интересуетъ ученый міръ еще со временъ Стрыйковскаго, впервые отмѣтившаго, во-второй половинѣ XVI в., существованіе памятниковъ этого рода. Сто лѣтъ спустя о нихъ возобновилъ рѣчь Кояловичъ; потомъ, еще чрезъ сто лѣтъ, о нихъ говоритъ Шлецеръ Въ 1818 г., когда производилась очистка русла Двины, два камня съ надписями были взорваны одинъ, по выраженію современнаго официального документа, «растрѣявъ въ мелкія дребезги», другой

подвергся незначительной порчѣ и существуетъ, въ испорченномъ видѣ до настоящаго времени. Въ этомъ году, какъ видно изъ переписки Канкрина съ гр. Румянцевымъ, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, было вообще констатировано существованіе четырехъ камней, кромѣ «растрѣяннаго». Послѣ Беппена, упоминающаго о камняхъ въ „Спискѣ русскихъ памятниковъ“, болѣе точныя свѣдѣнія о нихъ, съ приложеніемъ рисунковъ, сообщилъ гр. Плятеръ въ журн. „Rubon“ за 1842 г. и гр. Тышкевичъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій по археологiи ¹⁾. Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія сообщенія объ этихъ камняхъ, появившіяся отъ времени до времени въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ ²⁾, составляли только перефразировку или переводъ ст. Плятера, не рѣдко съ копіями его же рисунковъ. Болѣе точныя свѣдѣнія и рисунки даны только въ „Трудахъ I. Археологическаго Сѣзда“, по сообщеніямъ Буцинскаго и Шмидта.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до настоящаго времени, когда, наконецъ, изслѣдователю мѣстной старины А. П. Салунову пришла счастливая мысль заняться имъ на мѣстѣ, какъ изъ желанія выяснить, насколько возможно, значеніе камней, такъ и въ особенности дать точное описаніе ихъ и вѣрные снимки. Мысль эта явилась какъ иельная болѣе кстати, въ виду существующаго предположенія о новой очисткѣ русла Двины, тѣмъ болѣе, что попытки мѣстной администраціи къ извлеченію памятниковъ изъ воды не увѣнчались успѣхомъ, и они могли бы погибнуть—на этотъ разъ, окончательно.

Въ своей брошюрѣ авторъ, прослѣдивъ литературную исторію предмета (стр. 3—18), указываетъ мѣстоположеніе памятниковъ, описываетъ ихъ внѣшность, опредѣляетъ расположеніе надписей и т. п. (18—26). Между прочимъ любопытно, что авторъ приходитъ къ убѣжденію въ болѣе позднемъ происхожденіи Двинскаго камня, находящагося въ настоящее время во дворѣ Историческаго Музея въ Москвѣ. Насколько можно судить, камень этотъ, по начертанію буквъ, близокъ къ каменному кресту въ м. Романовъ, описанному въ т. XI «Древностей».

Намъ, вообще кажется, что авторъ не ошибся бы, если бы къ этой категоріи позднѣйшихъ камней, не имѣющихъ ни историческаго ни археологическаго значенія, отнесъ всѣ камни съ изсѣченными на нихъ крестами безъ надписей. Это знакомъ съ Бѣлоруссiей, тому извѣстно, что подобныя камни, вмѣстѣ съ массивными крестами, во множествѣ разсѣяны по лицу ея, не только на кладбищахъ, но и средь полей, въ лѣсахъ и т. п. Описаніе такихъ камней авторъ могъ бы найти въ «Древностяхъ»; еще больше ихъ въ архивахъ нашихъ Археологическихъ Обществъ. Давать имъ названіе «Борисовыхъ» едва ли основательно ³⁾.

¹⁾ „Rzut oka na zródła archeologii krajowej“, 1842 г.

²⁾ „Витебск. Губ. Вѣдом.“, „Ученыя Зап. Акад. Наукъ“, „Вил. Вѣстн.“, „Древности“, „Всемирн. Иллюстр.“, „Русскій Паломн.“, „Живоп. Россія“, „Пам. кн. Вят. губ. 1867 г.“ „Бѣлор.“ и Литва“, „Бѣлорусскія Древности“ и др.

³⁾ Срав., между прочимъ, Истор.-юрид. матер. Витебскаго центр. арх., вып. XXI, стр. 481—483.

Переходя затѣмъ къ вопросу о значеніи памятниковъ (стр. 27—31), г. Сапуновъ утверждаетъ, что всѣ они, кромѣ вышеупомянутого, изсѣчены около 1126 г. полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ, и предполагаетъ, что „этотъ благочестивый князь, желая хоть чѣмъ-нибудь отвратить бѣду (?) которою грозили громадные Двинскіе камни предприимчивымъ его подданнымъ, плававшимъ на своихъ стругахъ по Двинѣ, пожелалъ обезвредить эти камни дѣломъ благочестія—изсѣченіемъ крестовъ и надписей. Въ то-же время эти камни должны были громко свидѣтельствовать (?) и о томъ, что князья полоцкіе — единственные полноправные хозяева этого важнаго торговаго пути и что они—господа всей земли, по которой течетъ эта бѣлорусская рѣка“...

Можетъ быть это и такъ; но могло быть и иначе. Автору, очевидно, неизвѣстно, что въ предѣлахъ той же Витебской губерніи и теперь существуютъ камни, обоготворяемые мѣстными жителями, имъ приносятъ жертвы хлѣбомъ, мелкими монетами и т. п., украшаютъ лентами, вѣнками, цвѣтными лоскутками и т. п. Бъ этой же категоріи боготворимыхъ камней должны быть отнесены многочисленныя „кравцы“—камни, чудесно шившіе платѣ окрестнымъ жителямъ и т. п. Не вѣрнѣ ли допустить, что набожный князь Борисъ (хотя существованіе такихъ камней въ южной части Минской губерніи заставляетъ предполагать и не одно это лицо), стараясь утвердить новую, христіанскую, вѣру въ своихъ подданныхъ—недавнихъ язычникахъ, изсѣкалъ кресты именно на такихъ, боготворимыхъ ими, камняхъ, подобно тому, какъ въ настоящее время духовенство ставитъ подлѣ нихъ кресты или иконы.

Затѣмъ при рѣшеніи вопроса собственно о Двинскихъ камняхъ необходимо имѣть въ виду и существующее до сего времени, у прибрежныхъ жителей этой рѣки, обыкновеніе изсѣкать кресты и надписи на камняхъ, находящихся въ руслѣ рѣки и обнажающихся только въ необыкновенно мелководные годы,—какъ бы въ память этихъ „сухихъ“ лѣтъ. Если намъ не измѣняетъ память, не далѣе какъ въ 1888 г. такой случай имѣлъ мѣсто въ г. Суражѣ, отстоящемъ отъ Витебска на нѣсколько десятковъ верстъ, вверхъ по Двинѣ. Лѣтомъ этого года здѣшній мѣщанинъ, замѣтивъ въ руслѣ Двины камень, до того времени никогда не обнажавшійся, поспѣшилъ изсѣчь на немъ крестъ, годъ и свои инициалы, приготовивъ такимъ образомъ загадку для будущихъ археологовъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и обще-распространеннаго въ Бѣлоруссіи обычая—сооружать кресты по обѣту, въ случаяхъ немѣня дѣтей, или непродолжительности жизни ихъ и т. п. Легко можетъ быть, что и большая часть Двинскихъ надписей обязана своимъ происхожденіемъ или любителямъ, желавшимъ въ то многоводное время отмѣтить случаи необыкновенныхъ мелководій, въ которыя выдавались изъ воды такъ называемыя Борисовы камни, не каждый годъ видимыя и при нынѣшнемъ всеобщемъ обмеленіи рѣкъ,—или „общинникамъ“, видѣвшимъ въ изсѣченіи ихъ дѣло благочестія. Но, кажется, менѣе всего имъ можно придавать политическое значеніе.

Впрочемъ, въ послѣсловіи авторъ заявляетъ, что не выдаетъ своего мнѣнія за непреклонное и что цѣль, его труда—представить точные описанія этихъ интересныхъ памятниковъ. Цѣль эта авторомъ вполне достигнута, и наука не можетъ не быть ему благодарна за настоящій трудъ, тѣмъ болѣе (добавимъ отъ себя), что онъ служитъ доказательствомъ поворота въ дѣятельности г. Сапунова, между тѣмъ какъ казалось, что почтенный издатель „Витебской Старины,“ оставилъ разработку насущныхъ вопросовъ историческихъ, ограничивъ свою дѣятельность узкими рамками церковной старины.

Въ брошюрѣ приложено 22 рисунка камней, причемъ къ изображеніямъ, снятымъ авторомъ, указаны и масштабъ.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. т. 47 и 48. *Сочиненія А. А. Котляревскаго*, т. I и II, Въ т. 47: „Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ“; „Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ“; „Два вопроса русской исторической Науки“ (по поводу изданія Пѣсенъ Кирѣвскаго); „Сказанія о русскихъ богатыряхъ“; рецензія на рѣчь Ѳ. И. Буслая: „О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ“; „Русская Народная литература“ (по поводу Пѣсенъ Кирѣвскаго, Духовныхъ стиховъ Варенцова и Памятниковъ старин. рус. лит.); „Новые труды по русской старинѣ и народности“ (Старосвѣтскій Бандуристъ—Закревскаго, Воронеж. Бесѣда, Воронеж. Литер. Сборникъ, Рус. простонар. легенды); „Старина и Народность за 1861 г.“.

Въ т. 48: „Русскія народныя сказки“ (по поводу изданія сказокъ Аванасьевымъ); „Замѣтка о значеніи гончарныхъ знаковъ“; „Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей“; „Основной элементъ русской богатырской быliny“; разборъ „Поэт. воззр. Славянъ на природу“ Аванасьева; рецензія на „Историч. пѣсни малор. нар.“, Антоновича и Драгоманова.

Сборникъ Херсонскаго Земства, 10. «Историческій очеркъ развитія Херсонской земской сельско-хозяйственной статистики». Въ этой статьѣ читатель находитъ рядъ болѣе или менѣе важныхъ указаній на положеніе населенія и на литературу объ экономическомъ строѣ жителей Херсонской губ.—А. *Падалка*: Главные моменты въ хозяйственномъ развитіи Херсонскаго края.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г., вып. I., Изд. Губ. Стат. Комитета.

Центральный Петербургскій Стат. Комитетъ, какъ извѣстно, имѣетъ своей задачей руководить изслѣдованіями по статистикѣ при помощи мѣстныхъ губернскихъ стат. комитетовъ. Это руководство выражается, между прочимъ, въ установленіи рубрикъ, по которымъ должны распределяться свѣдѣнія, въ выработкѣ общихъ программъ и статистическихъ таблицъ

для изслѣдованія и т. п. Но какъ всякое центральное учрежденіе, стоящее болѣе или менѣе далеко отъ живой жизни, Центральный Комитетъ далеко не выполнилъ бы своей задачи, если бы не предоставилъ мѣстнымъ комитетамъ нѣкоторой свободы дѣйствій. Въ этомъ спасеніе статистики, иначе она окончательно превратилась бы въ рутинную формалистику. Теперь, наоборотъ, мы видимъ, что очень многіе мѣстные статистическіе комитеты даютъ массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и оригинальныхъ изслѣдованій, произведенныхъ по собственной программѣ, обыкновенно утверждаемой Центр. Комитетомъ. По такой именно специальной программѣ издается и Воронежская Пам. Книжка въ текущемъ году. Для составленія ея мѣстнымъ комитетомъ собрано такое количество статистич. данныхъ по всевозможнымъ вопросамъ, что пришлось раздѣлить изданіе на два выпуска солиднаго объема, судя по 1-му выпуску. Хотя въ этомъ выпускѣ нѣтъ ничего строго-этнографическаго, но мы отмѣчаемъ его именно потому, что онъ выдѣляется обиліемъ справочныхъ и статистическихъ свѣдѣній и вызываетъ полную признательность М. А. Дикареву, на долю котораго выпалъ главный трудъ по выработкѣ формъ, собранію, разработкѣ и печатанію матеріаловъ. Во второй выпускѣ имѣютъ войти списки населенныхъ мѣстъ, статистич. данныя по нѣкоторымъ специальнымъ вопросамъ и литературный отдѣлъ, который будетъ состоять изъ поэмы А. Серебрянскаго (друга и учителя А. В. Кольцова), изъ изслѣдованія М. А. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ и собранныхъ имъ пословицъ и поговорокъ, если для нихъ найдется мѣсто.

Н. Я.

А. Лебедевъ. — *Духоборцы въ Слободской украинѣ* (Харьковъ, 1890, стр. 31 in 8°). Небольшой трудъ г. Лебедева содержитъ въ себѣ интересныя и новыя свѣдѣнія о духоборцахъ въ Харьковской губ. Опубликовывая данныя добыты авторомъ изъ архивнаго матеріала. Г. Лебедевъ даетъ ясную картину, какъ религиозныхъ воззрѣній духоборцевъ, такъ и дѣйствій администраціи, направленныхъ къ уничтоженію секты въ указанныхъ мѣстностяхъ, въ концѣ XVIII и началѣ текущаго столѣтій. Духоборцы, одна изъ крайне интересныхъ рационалистическихъ сектъ среди русскихъ крестьянъ, заслуживаютъ вниманія изслѣдователей, и нельзя не отнестись сочувственно къ опубликованію новыхъ данныхъ по этому вопросу. Лишь при накопленіи матеріала наукѣ можно будетъ уяснить причины возникновенія духоборства, а также исторію его происхожденія и развитія, и узнать способы, при помощи которыхъ распространяемо было это ученіе его послѣдователями. Въ концѣ своей статьи г. Лебедевъ приводитъ записанное настоятелемъ церкви въ селѣ Большіе Приходы (въ 30 в., отъ Харькова) о. Григоріемъ Лобковскимъ преданіе, какъ о происхожденіи села, такъ и о распространеніи среди мѣстныхъ жителей духоборства. На основаніи этого преданія, возникновеніе духоборства слѣдуетъ отнести къ болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ это обыкновенно принято, и признать, что оно занесено великоруссами. „Въ этихъ преданіяхъ, справедливо замѣ-

чаетъ г. Лебедевъ... конечно... нельзя искать во всемъ полной фактической вѣрности... но въ общемъ преданія эти, какъ вообще народныя преданія, все таки не могутъ быть лишены реальной основы, и указываемый въ нихъ фактъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, въ особенности, когда указаніе это такъ сходится съ указаніями и документальными данными“, въ которыхъ фамиліи духоборцевъ великорусскія. Собраніе въ большинствѣ количествѣ подобныхъ преданій, быть можетъ, помогло бы выясненію вопроса о мѣстѣ и времени происхожденія духоборцевъ, — вопроса, оставшагося до настоящаго времени не разъясненнымъ.

Н. Х.

D. Dan.—*Die Völkerschaften in der Bukowina. I Heft. Die Liprowaner in der Bukowina* (Czernowitz. 1890. Стр. 34 in 8°).

Небольшой трудъ г. Дана о нашихъ раскольникахъ въ Буковинѣ представляетъ изъ себя компіляцію источниковъ уже напечатанныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Большая часть статьи посвящена исторіи заселенія раскольниками Буковины, изложенію ихъ религіозныхъ догматовъ и лишь 6 страницъ содержатъ свѣдѣнія о бытѣ липованъ. Что касается 1-й части, то она для русскаго читателя представляетъ весьма мало интереса, такъ какъ наша обширная литература по расколу можетъ дать и болѣе полныя и болѣе цѣнныя свѣдѣнія, чѣмъ статья г. Дана. Что до 2-й части, то г. Данъ описываетъ въ ней нѣкоторые обряды липованъ, ихъ одежду, внѣшность и т. п. Новаго мы и въ этой части труда едва ли много найдемъ. Предназначенная для читателей—нѣмцевъ, статья г. Дана можетъ имѣть интересъ, но не для русскихъ читателей. Отмѣтимъ однако слѣдующіе факты въ трудѣ г. Дана: именно, число липованъ въ Буковинѣ значительно увеличивается; такъ въ 1784 г. ихъ считалось отъ 350—400 душъ, въ 1847 г. ихъ было около 2000, въ 1852—2645, въ 1857—2939, 1863—2942, въ 1869—2928 и въ 1880—2801 душъ. Такой значительный приростъ (хотя и съ нѣкоторыми колебаніями) слѣдуетъ объяснять, кромѣ прироста путемъ естественнымъ, также и распространеніемъ ученія липованъ, какъ среди русиновъ, такъ и среди нѣмцевъ. Въ своемъ костюмѣ и бытѣ липоване не измѣнили своей національности и до настоящаго времени рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей.

Н. Х.

Georg Buschan.—*Germanen und Slaven. Eine archäologisch — anthropologische Studie* (Münster. 1890 г., стр. 49 in 8°, съ приложеніемъ таблицъ, карты и нѣсколькихъ рисунковъ въ текстѣ).—Авторъ этого небольшого труда задался рѣшеніемъ крайне интереснаго вопроса о расселеніи славянъ и германцевъ въ сѣверной и восточной Германіи. Вопросъ, который авторъ избралъ содержаніемъ своей статьи, какъ извѣстно, не новый; многіе ученые старались его рѣшить то въ томъ, то въ иномъ смыслѣ; однако, не смотря на тяжелый трудъ, потраченный въ этомъ направленіи, на много-

численные споры, возникавшіе, благодаря разногласію изслѣдователей, — вопросъ этотъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ. Трудъ г. Бушана мало прибавляетъ новаго въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, пока авторъ стоитъ на почвѣ изложенія данныхъ, добытыхъ археологіей, классификаціи этихъ данныхъ, нельзя не отдать полной справедливости въ эрудиціи по указанному вопросу. Основательно знакомый съ литературой предмета, дѣлавшій самъ не мало археологическихъ разысканій, г. Бушанъ даетъ полную, ясную и систематичную картину результатовъ, добытыхъ нѣмецкими археологами. Другое дѣло, когда авторъ переходитъ на почву выводовъ, суть которыхъ сводится къ тому, что германское племя, господствовавшее отъ Вислы до Рейна, уступило около 900 г. по Р. Х. мѣсто славянскому для того, чтобы вскорѣ послѣ этого начать снова свое поступательное движеніе. Если откинуть дату, которою авторъ опредѣляетъ вторженіе славянъ и о которой намъ придется сказать подробнѣе, выводъ автора едва ли можетъ подвергнуться серьезнымъ возраженіямъ. Но дѣло въ томъ, что въ указанномъ трудѣ онъ является бездоказательнымъ. Принимая аргюгіи мнѣніе, что одніе находки относятся къ славянамъ, другія къ германцамъ, и не подтверждая это положеніе никакимъ серьезнымъ доказательствомъ, г. Бушанъ приходитъ къ указанному заключенію, вовсе не обращая вниманія на рядъ источниковъ, которые свидѣтельствуютъ съ большей достовѣрностью, чѣмъ археологическія находки, что въ началѣ христіанской эры балтійское поморье было занято германскими племенами, либо въ качествѣ населенія постояннаго, либо въ видѣ бродячихъ дружинъ, покоровившихъ славянскихъ насельниковъ, жившихъ здѣсь. Изъ частныхъ выводовъ останавливается на себѣ мнѣніе автора, что главное заселеніе славянами сѣверной и восточной Германіи произошло между 800—900 гг. по Р. Х. Основаніемъ для этого положенія служатъ автору находки арабскихъ монетъ, относящихся главнымъ образомъ къ этому времени. Постановка вопроса заселенія указанныхъ мѣстностей славянами на эту почву вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ *арабскія* монеты доказывать эпоху занятія какой нибудь мѣстности *славянскими* племенами. Въ этомъ отношеніи мы должны г. Бушану сдѣлать то-же возраженіе, которое ему сдѣлалъ и г. Вирховъ (въ *Zeitschrift für Ethnologie*. 1890. IV, стр. 171, 172), что находка арабскихъ монетъ, относящихся къ извѣстной эпохѣ, можетъ служить лишь доказательствомъ эпохи развитія торговыхъ сношеній съ арабами — не болѣе.

Г. Бушанъ, повидимому, игнорируетъ тѣ упоминаемыя имъ самимъ (стр. 46, 47) данныя, которыя могутъ свидѣтельствовать о заселеніи славянами указанныхъ мѣстностей задолго до той эпохи, отъ которой сохранились арабскія монеты. Эти послѣднія могли появиться на балтійскомъ поморьѣ лишь послѣ того, какъ арабы расширили свои торговыя операціи — до предѣловъ поморья съ одной стороны, а съ другой лишь послѣ того, какъ образовались и окрѣпли славянскія племена на поморьѣ, завоевавъ для послѣдняго серьезное положеніе въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ. Не касаясь спорныхъ свѣдѣній о заселеніи славянами Поморья въ

началъ нашей эры, нельзя упускать изъ виду, что на основаніи источниковъ, мы можемъ констатировать уже обширныя населенія славянъ на Поморьѣ въ VI в., когда они являются уже сильными племенами, ведущими ожесточенную борьбу съ своими сосѣдями.

Страннымъ намъ кажется и выводъ автора о томъ, что Венеты, до своего поступательнаго движенія, подверглись уже культурному вліянію германцевъ. Основаніе для этого положенія авторъ видитъ въ словахъ Тацита, который сообщаетъ, что Венеты, „хотя и приняли многіе обычаи отъ своихъ сосѣдей, причисляются однако скорѣе къ германцамъ, такъ какъ они строятъ крѣпкіе дома, имѣютъ шиты, такъ какъ они хорошіе ходоки и любятъ быть пѣшими, чего нѣтъ у восточныхъ сосѣдей ихъ — сарматовъ, которые проводятъ жизнь въ телѣгахъ и верхомъ. И съ вѣшной стороны ихъ можно отличить отъ сарматовъ“ (стр. 23). Быть Венетовъ, столь рѣзко отличавшей ихъ отъ кочевниковъ — сарматовъ, естественно могъ подать римскому историку мысль о причисленіи венетовъ скорѣе къ германцамъ, чѣмъ къ сарматамъ; но въ настоящее время серьезный ученый едва ли будетъ строить на подобныхъ данныхъ выводъ о вліяніи одного народа на другой. Повидимому, г. Бушанъ держится мнѣнія, что сарматы — славяне, и поэтому и толкуетъ слова Тацита съ этой стороны; ему повидимому неизвѣстно, что теорія о славянскомъ происхожденіи сарматовъ, благодаря серьезнымъ и основательнымъ изслѣдованіямъ, отошла уже въ область историческихъ заблужденій. Другимъ основаніемъ положенія о вліяніи германцевъ на славянъ авторъ видитъ въ обрядахъ погребенія. Констатируя, что въ мѣстахъ, которыя онъ считаетъ славянскими, встрѣчается какъ погребеніе, такъ иногда и сожженіе труповъ, г. Бушанъ, не допуская мысли о возможности развитія этихъ двухъ видовъ погребенія у одного и того-же народа путемъ самостоятельнымъ, объясняетъ обрядъ сожженія труповъ у славянъ заимствованіемъ отъ германцевъ (стр. 24). Незнаніе такого простаго факта, какъ существованіе совместно нѣсколькихъ самостоятельно выработавшихся способовъ погребенія у одного и того-же народа, нѣсколько поражаетъ въ г. Бушанѣ, повидимому хорошо знакомомъ съ данными археологіи. Впрочемъ, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе и, объясняя заимствованіемъ отъ германцевъ обычай сожженія у славянъ, онъ нѣсколько далѣе (стр. 33), говоря, что у германскихъ племенъ существовали тѣ же два способа погребенія, — объясняетъ это не заимствованіемъ отъ сосѣдей, какъ мы были бы въ правѣ ожидать, а тѣмъ, что германское племя, раскинувшееся на широкое пространство, выработало себѣ и разные способы погребенія своихъ усопшихъ; приписывать германцамъ способность выработать разные способы погребенія — авторъ считаетъ вполне естественнымъ; допустить же, что разные славянскія племена, населившія Поморье, внесли съ собой и разные способы погребенія, — г. Бушанъ, повидимому, не желаетъ. Это послѣднее тѣмъ болѣе странно, что авторъ отгѣняетъ, что заселеніе описываемыхъ имъ мѣстностей произошло посредствомъ неоднократнаго вторженія изъ разныхъ мѣстностей разныхъ славянскихъ племенъ. Конечно, будь г. Бушанъ болѣе знакомъ съ выво-

дами русской археологін, онъ едва ли впалъ бы въ подобное противорѣчіе. Результаты, добытые археологическими разысканіями въ области славянскихъ могилъ въ Россіи, доказали разнообразіе способовъ погребенія разныхъ славянскихъ племенъ, причемъ кромѣ двухъ главныхъ способовъ—погребенія и сожженія—каждый изъ нихъ варьируется по мѣстностямъ. Указанія на разнообразные способы погребенія мы находимъ и въ нашей лѣтописи. Естественно, что и въ Поморьѣ, населенномъ разными племенами (Поморяне, Ране, Лютичи, Стодоряне, Бодричи, причемъ каждое изъ нихъ дробилось на нѣсколько подгруппъ) могли развиваться разнообразные виды погребенія.

Незнакомство съ Россіей, можетъ быть, и нельзя ставить въ вину нѣмецкому ученому; однако, такъ какъ такое незнакомство отражается иногда неблагоприятно на достоинствѣ труда, то едва ли оно желательно для серьезныхъ изслѣдователей. Это незнакомство, между прочимъ, заставляетъ г. Бушана считать и Мерю „древнимъ русскимъ племенемъ“; хотя авторъ и ссылается при этомъ на сочиненіе гр. А. С. Уварова: „Меряне“, тѣмъ не менѣе причисленіе мерянъ къ русскимъ племенамъ, принадлежитъ къ собственнымъ соображеніямъ автора.

Въ заключеніе нашей замѣтки, пожалѣемъ, что интересный и важный вопросъ о заселеніи и культурѣ славянъ въ сѣверной и восточной Германіи остался въ томъ же положеніи, какимъ онъ былъ и до выхода въ свѣтъ труда г. Бушана, и пожелаемъ автору быть болѣе счастливымъ въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ по этому же вопросу.

Н. Х.

Der Buchenwald. № 3 и 4.—R. Kaindl и A. Monastyrski: *Die Rutenen in der Bukowina*. (Czerņowitz. 1889, 1890; стр. 87+98 in 8°).

Передъ нами двѣ небольшія книжки, посвященныя изложенію этнографическихъ данныхъ о Русинахъ, населяющихъ мѣстности у Нижняго Черемоша (Czeremosz), Прута и до Днѣстра. Русиновъ, живущихъ въ другихъ мѣстностяхъ, авторъ не имѣлъ въ виду (обработка матеріала принадлежитъ г. Кайндлю). Трудъ г. Кайндля начинается краткимъ очеркомъ исторіи Русиновъ, начиная отъ древнѣйшихъ временъ. Этотъ очеркъ, предназначенный служить лишь введеніемъ, не отличается полнотой, но въ немъ собраны всѣ болѣе выдающіеся факты исторіи Русиновъ, вслѣдствіе чего для читателя не специалиста онъ представляетъ нѣкоторый интересъ. Болѣе полна и обширна 2-я часть труда, посвященная этнографіи современныхъ Русиновъ. Въ рядѣ небольшихъ очерковъ, авторъ излагаетъ свѣдѣнія объ обрядахъ при рожденіи и крещеніи ребенка, объ отношеніяхъ между молодежью, сватовствѣ и свадьбѣ, отношеніяхъ между супругами, о положеніи пріемышей и работниковъ, о вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ населенія, обрядахъ при погребеніи, и наконецъ нѣсколько легендъ и сказокъ. Если сравнить обиліе содержанія съ небольшимъ объемомъ книги, то уже на основаніи этого можно было-бы сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя по каждому отдѣлу, должны быть не велики. И это дѣйствительно такъ, но въ

виду того, что авторъ передаетъ матеріалъ, собранный имъ и г. Монастырскимъ, почти безъ всякихъ разсужденій, то ему все таки удается дать читателю довольно ясную, хотя и сжатую картину быта Русина. Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ приведеніемъ обрядовыхъ пѣсень, колядокъ и т. п., которыя, однако, къ сожалѣнію, приведены только въ нѣмецкомъ переводѣ. Для нѣмецкихъ читателей этотъ переводъ, конечно, имѣеть большое значеніе, но авторъ во всякомъ случаѣ увеличилъ бы достоинства своего труда, еслибы рядомъ съ переводомъ онъ помѣщалъ и самый текстъ.

Хотя работа гг. Кайндля и Монастырскаго и оставляетъ еще обширное поле изслѣдованія для будущихъ работниковъ по этнографіи Русиновъ, тѣмъ не менѣе, она все-таки имѣеть свою долю интереса, какъ для желающихъ ознакомиться съ духовнымъ бытомъ Русиновъ, такъ и для тѣхъ, кто пожелалъ-бы сравнивать обряды и повѣрья Русиновъ съ обрядами и повѣрыями славянскаго населенія Россіи и другихъ странъ.

Н. Х.

Каталогъ предметовъ Олонецкаго естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Сост. Ф. С. Шелюковымъ. Петро-заводскъ, 1889 г. 1—166 стр. Въ предисловіи къ Каталогу говорится объ исторіи музея (основанъ 1881 г.), объ инициативѣ въ этомъ дѣлѣ бывшаго губернатора Г. Г. Григорьева, дѣятельности покойнаго секретаря губ. статистическаго комитета А. И. Иванова, помощи со стороны частныхъ лицъ какъ деньгами, такъ и приношеніемъ предметовъ бытовыхъ, картъ, картинъ и проч. Благодаря дѣятельности людей, завѣдовавшихъ музеемъ, и частнымъ пожертвованіямъ, музей къ 15 мая 1884 г. имѣлъ 2,954 предмета, а къ 1 апр. 1889 г. уже 3,932. Кромѣ предметовъ, характеризующихъ край со стороны фауны, флоры, естественныхъ богатствъ, промысловъ, ремеслъ и проч., музей имѣеть историко-этнографическій отдѣлъ около 600—700 предметовъ бытовой жизни: утварь, одежда, средства передвиженія, лѣкарственные растенія, орудія каменнаго вѣка, типы мѣстныхъ племенъ, этнографическія карты и т. д. Завѣдующимъ музеемъ теперь назначенъ А. К. Гинтеръ, человекъ извѣстный своими зоолого-ботаническими работами какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ; ему музей обязанъ какъ зоолого-ботаническими коллекціями, такъ и многими бытовыми предметами, орудіями каменнаго вѣка и т. д.

Г. И. К.

2. Журналы.

Wisła 1890 г. Вып. 1—4. Вып. I—O r z e z k o w a, Ludzie i kwiaty nad Niemnem. Небольшой сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащій перу извѣстной польской писательницы: 36 народныхъ названій растеній, 161 пословица, 24 загадки, нѣсколько пѣсень, повѣрій и т. д. Grabowski, Rodania i legendy, zapisane u autorów staropolskich: 45 разнообразныхъ преданій, изъ которыхъ нѣкоторыя очень любопытны для исторіи „страствующихъ сказа-

ній." Такія виборки очень важны въ виду рѣдкости старо-печатныхъ изданій; желательнo было бы, чтобы примѣръ г. Грабовскаго нашелъ себя подражателя между ученими, знакомыми со старанной южно-русской литературой, произведе- нія которой очень мало распространены и извѣстны: въ сочиненіяхъ Голятовска- го, Кальнофойскаго и др. можно подыскать много цѣнныхъ данныхъ для сравни- тельной исторіи всеобщей литературы. *Smoleńcówna, Chłopkie dziecko:* сводъ данныхъ, касающихся жизни крестьянскаго ребенка, собранныхъ главнымъ образомъ въ Хмельникъ Люблинской губ. *Matlakowski, Bajki i gadki dziecięce.* A. l. P., *Zabawa dziecięca w Niemca i Polaka.* *Skrzydłska, Wiesz Krupnie w Tomaszowskiem* (обряды, повѣрія, говоръ и пр.; новыхъ и интерес- ныхъ данныхъ почти нѣтъ). *Krauss, Goniwty ślubne u Słowian południowych:* интересные данныя относительно „умыванія“ женщяцъ у южныхъ славянъ; зна- комство автора съ спеціальной литературой этого вопроса довольно поверхностно. *Gloger, Na falach Bugu* (археологическо этногр. замѣтки и наблюденія). I. K., *Do „brzozy grzyźnijskiej“* (дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же журналѣ, т. II, 817 и III, 614). *Storozenko, List do redakcji z powodu „Jemioły“* (выписка изъ „Роксоланіи“ Кленовича, пополняющая замѣтку г. Рос- гафисскаго объ „Jemiole“ (Wisła, II). *Ziembka, O przezwiskach ludowych:* замѣтка, вызванная однимъ изъ параграфовъ „Культурныхъ переживаній“ г. Сум- цова, посвященнымъ вопросу объ „уличныхъ кличкахъ.“ *Lu bic z, Podanie o „praw- dzie Osieckiej“ i przysłowia:* „ślusarz zawinił a kowala powieszono“; любопытныя замѣтки, объясняющія распространенныя въ Польшѣ выраженія, извѣстныя, если не ошибаемся, въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. *Kopernicki, Odrzwia ozdobne w chatach górali ruskich.* *Ziembka, Przyczynek do słownictwa złodziejskiego i kilka próbek poezji złodziejskiej w okolicy Dąbrowy górniczej.* Нѣкоторыя изъ словъ этого „арго“ любопытны: *chodaki* (buty, trzewiki, wogóle obuwie) извѣст- ны и въ юго-западномъ краѣ; *chlust* напоминаетъ объ извѣстной малорусской кар- точной игрѣ, *foter* — нѣм. *Vater* (?), *łuz* — *księzyc*, *mak* срв. *макушка*. *Kar- łowicz, Systematyka pieśni ludu polskiego* (дополненія: пѣсни съ загадками и неисполнимыми требованіями; краткое изложенеіе 8 разобраныхъ Чайльдомъ бал- ладъ). *Adalberg, Przysłowia Żydowskie* (580). *Karłowicz, Kobza i skrzypce.* Замѣтки Целячинскаго и Грабовскаго по народной медицинѣ. *Ulanowska, Chata łotewska.* A. l. P., *Pismo obrazowe.* R. L., *Kudelski i Mat- lakowski, Wołania nzwierzęta Matlakowskie.* Do słownika nazw topo- graficznych. *Dowojna—Sylwestrowicz, Pilekalis* (мурганы и городаща) w Lyngmianach. *Wolskii Dowgird, Pisanki.* *Swiętochowski, Żydzi na prowincji.* I. K. *Liście makowe* (обычай класть ихъ подъ голову дѣтямъ). Рецензія на: „Ieszcze o klechdach i pieśniach ludu w ziemi Sieradzkiej“ г-жи Пентковской и „Скоморохи на Русь“ Фамицына. Обзоръ журналовъ: *Archiv für Anthropologie, Das Ausland, Kwěty, Киевская Старина, Восходъ, Revue d'anthropologie, Mélusine, Ur-Quell, Revue des traditions populaires, La tradition.*

Вып. II.—*Niederle, Szkic dziejów antropologii* (переводъ съ чешскаго) A. l. P., *Oranie wody* (крадzież ziemi, wody, oborywanie wsi podczas zarazy). *Ciszewski, O zamku ojcowskim, obleganym przez Szwedów.* *Weryho, Olsztyn w opowieściach ludu.* *Dowojna—Sylwestrowicz, Kozik* (вожъ, оправленный въ козій поръ). *Zawiliński, Mit o Tantalu i Syzyfie w powieściach ludu od Myślenic i Lidu:* многія параллельныя славянскія сказанія остались неизвѣстными автору; приурочивать этотъ мифъ къ эпохѣ аrio-европейскаго единства, какъ это дѣлаетъ авторъ, по меньшей мѣрѣ преждевременно. *Zasęga, Ziemia cheł- mińsko—miechowskiaka* (главнымъ образомъ статистическія данныя). *Ciszewski, Uzupełnienie artykułu: Lud jako twórca terminologii językoznawczej i niektó- rych nazw plemiennych.* *Ulanowska, Mądry student i głupi pan* (народный анекдотъ). *L. S. K., Ze starej książki* (описаніе нѣсколькихъ обрядовъ, найден- ное въ одной книгѣ прошлаго вѣка). A. l. P., *Cztery podania o stworzeniu ziemi: 4 космогоническихъ разсказа дуалистическаго характера, взятыхъ изъ „Zbiog'a“, (1878), статья Дубасова въ „Древней и Новой Россіи“ (1880), замѣтки Данилев- скаго и Горбунова въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1888—9). R. T., Przyczynek*

do przesądów o babie i innych. Al. P., Zestawienie klechdy polskiej z szereńską i wociacką (сказка о зайці, коті, волкѣ и медвѣді). Dowgird, Spinki góralskie. Karłowicz, Systematyka, pieśni ludu polskiego: польскіе варіанти баллади объ Ясѣ и Касѣ; перечисленіе напечатанныхъ, среди которыхъ мы не встрѣтили ссылки на „Starodawne dmy i pieśni“ Glogera, стр. 1—6, и 10 нонимъ и славянскія къ нимъ параллели, среди которыхъ нѣтъ нѣсколькихъ. напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ.“ Въ концѣ изложено кратко 5 балладъ, ра-зобранныхъ Чайльдомъ. Wolski, Przyczynki do pieśni dziadowskiej o bitwie pod Wiedniem roku 1688. Замятка по народной медвѣднѣ г. Зембы, Чарковскаго и Сембжидкаго, замятки о „кулѣ“ или „кривулѣ“ (палкѣ) г-жи Ульянопской, г. Любича и Карловича. Lubicz, A pochylone. Lubicz, Czarkowski, Pawłowicz, Wołania na zwierzęta. Czarkowski, Матеріалы для словаря топографическихъ названій. Sokołowski, Piłkalnie. Lubicz, Ciszewski, Kolberg, Добываніе огня посредствомъ тренія. Zawiliński, Wodecki, P. B., Sembrzyski, Названія коровъ и воловъ. Замятка о писанкахъ, г-жи Садовской. Замятка о „маковнхъ листьяхъ“ г. Федеровскаго. Рецензія на: „Воронъ въ народной словесности“ Сумпова и „Былина о Жидовнѣ“ Халанскаго.—Обзоръ журналовъ: Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Mélusine, Am Urquell, Revue des traditions populaires, La tradition, Этнографическое обозрѣніе.—Корепниці, Некрологъ О. Кольберга.

Вып. III. Gloger, Na falach Bugu (окончаніе). Karłowicz, Zabawki dziecięce. Lasęga, Ziemia chełmińsko-michałowska (оконч.). П р о ф. Суминовъ, Starodawne sposoby przyrządzania chleba (журъ, сімченикъ, каша, кулага, кануць, кишкець, влаша, саламаха или саламата, мамалыга или малай, тегери, вивсянникъ, кулишъ, кисель, варченя или солодуха, толокно, кислуха, колотуха, дежень, крушникъ, рѣсзакъ или рѣсакъ, врѣпка, ролевка, засіежка, крушонка frejдка, muza, rozworka, pawarka, качмакъ, дивезъ, и булгуръ; обрядовые хлѣбы: балець, банникъ, боговица, miłosti bożej, верчъ, vēnes, дивень, жыляники, колачи, козуля, коровай, кошары, крачунъ, kukiełki, куриникъ, лежень, лѣсвенки, люшпнѣ-пряга, медвѣники, опекуши, перенеча, погача, прыжанина, rogale, сочня, strucla, стульня, тужилка, турта, тутманникъ, faworki, хворостъ или хрусть, chróst, calta, землянь, чорба,¹⁾ шпикъ, szczodraki, моленца и посохи). Kraus, Powrót umarłych na świat, studjum wiary ludowej południowo-słowiańskiej (duchopirioży-tilium). Матеріалы по народной медвѣднѣ г-жи Лисовской. Замятки о „кулѣ“ или „кривулѣ“ Сембжидкаго, Карловича и Любича. Ciszewski, Pismo obrazowe. Pleszczyński, Wołania na zwierzęta. Lubicz, Piłkalnie. I. K., Niecienie ognia. Pleszczyński. Назвы крѣв и волѣв. Wodecki. Żyjd w trzech miasteczkach w Galicji. Pleszczyński и I. K. Liście makowe. Рецензія на: „Szkice z dziejów twórczości ludowej. Dmy“, г. Равиты. „Zwyczaj w niektórych okolicach powiatu Lukowskiego“ Лєвопцєвича. „Przyczynek do wiadomości o żywieniu się ludu wiejskiego“, Хєлховскаго и „Charakter wierzeń litewskich“ Мѣжинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Archiv, für anthropologie, Revue des traditions populaires, La Tradition, Этногр. Обозрѣніе, Сборникъ за народны умоворенія, наука и книжница, Nyare Bidrag, Kwěty, První a druha zprava společnosti přátel starožitnosti českých v Praze.

Вып. IV. Parczewski, Германизация powiatu olawskiego. Grabowski, Pódania i legiandy zapisane u autorów staropolskich. Zieliński, Lud Basiowiecki, jego pieśni, zwyczajy i wierzenia. Sembrzyski, Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich. Siarkowski, Wyciąg dosłowny procedury karnej z księgi Akt wojtowskich b. miasteczka Krzyżanowice od 1528 do 1772 oraz z innych akt dawnych. Dowgird, Pisanki. Lorentowicz, Lud fabryczny w Pabjanicach. Reinstejn, Pani majstrowa z Podwala. Wawrzениcki, Stekierki drewniane. Kosiński, Zapiski etnologiczne zebrane w Jurkowie i

¹⁾ Чорба—разсогъ (тур.), а не хлѣбъ. Помнится, въ такомъ же смыслѣ употребляется чорба или щорба въ Малороссіи.

okolicy. Проф. Сумцовъ, Dodatek do spisu chlebów obrzędowych (koléndrê, koljendari, kollanton, le pain de Calende, баццла, базильта, pain de saint Loup, kullura, coquilles, keniole, cuniolo или quéniole, quignot, queugnot, cougnaux или cogné, plum-pudding, mince pie, paines, carvue, le gateau des rois, bretzel, pain de saint Nicolas, craquelin, cornaboeufs, nolais и naulet). Karłowicz Systematyka pieśni ludu polskiego (краткое изложение содержания 11 балладъ, разобранныхъ Чайльдомъ). Siarkowski и Smolencówna, замѣтки по народной медицині. R. F., Kula. Wasilewski, Chata. Plichta, A pochylone. Do wojna—Sylwestrowicz. Pismo obrazowe Plichta, Nazwy topograficzne. R. L., Piłkalnie. Plichta, Lisie makowe. Рецензія на „Ludność Polska w Prusach Zochodnich, jej rozwój i rozsiedlenie w bieżącym stuleciu,“ Надморскаго, „Roman o Apollonovi králi Turskem v czeché, polské a ruské literaturze“. „Slaveni u davnini“ Маретича, „Нова збирка народнихъ малорусскихъ приказокъ. Комарова, „Сказки Манжуры, „На сѣверѣ“ В. Х., „Хронологическая классификація моголя Южной Россіи“ Самоквасова, „La musique et la danse dans les traditions des Lithuaniens“ Феккенштедта, „Русскій соловей“ Врабеля, „Наши коляды“ г. Франка и „Wspomnienie Tatrów“ Глинскаго. Обзоръ журналовъ: Mélusine, Am Ur-Quell, L'anthropologie, Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie, Altpreuussische Monatschrift, Kwěty, Nowa Zeta, Zeitschrift für Ethnologie, Киев. Стар., Истор. Вѣсти, Журн. Мип. Нар. Пр., Живая Старина. K r a u s s, Czorba. Krzywicki, Baba jako wróżba nieszczęścia. Sembrzycki, Skaleczone nazwiska polskie (авторъ объясняетъ такія фамиліи, какъ Kowski и пр., ошибкой пѣмедкихъ чиновниковъ, принявшихъ черную часть фамиліи за имя: Marcinkowski—Kowski. Не было ли это сокращеніемъ фамиліи отцовъ для незаконнорожденныхъ дѣтей, довольно распространенныхъ въ Россіи: Репнинъ—Пнинъ, Трубецкой—Бецкой, Дверницкій—Нидцкій и т. д.?) съ дополненіями г. Карловича. K o t i Ń s k i, Chłopskie serca. Dębicki, Szarka barania. H. R., Czy to „Baba“).

Вѣстникъ Европы. 1890.—Декабрь. Ред. на: Описание Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. Изд. Имп. Прав. Палестинскаго Общ. подъ ред. П. А. Смирку. Спб., 1890.—1891. Январь.—Рец. на кн.: Расколъ и его путеводители. Изданіе и сочиненіе К. Попова. Саратовъ, 1890.—Рец. на кн. С. Максимова: „Крылатя слова“. Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится—по толкованію С. Максимова. Спб. 1890.—Рец. на кн. Н. П. Остроумова: Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ I. Ташкентъ, 1890.—Рец. на кн. г. Маркова: Путешествіе по Св. Землѣ. Спб., 1891.—Февраль.—Рец. на: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Подъ ред. Николая Харузина. М. 1890. (Извѣстія. II. Общ. д. ест., ант. и этн. Т. LXIX, Труды Этногр. Отд. т. XI, вып. I).

Вѣстникъ обществ. гигиены, судебной и практич. медицины.—Инварь. Д-ръ Канановъ сообщаетъ не безынтересныя данныя о народномъ акушерствѣ на Кавказѣ. Бесплодіе у закавказскихъ народовъ, какъ напр. у армянъ и грузинъ, встрѣчается часто, а бесплодная женщина считается у нихъ грѣшною предъ Богомъ и съ семейными даже не имѣетъ права разговаривать; вотъ почему противъ бесплодія употребляются всевозможныя средства (окуриваніе различными веществами, распариваніе наружныхъ половыхъ органовъ, употребленіе внутрь нефти, тампоны, смоченные различными веществами, и т. д.). Во время самой беременности у нѣкоторыхъ туземокъ принимаются извѣстныя мѣры предосторожности (бинтованіе живота, воздержаніе отъ поднятія тяжестей и проч.). Не мало прилагается стараній узнать плодъ ребенка и избавить его отъ хворости. Что касается родовъ, то здѣсь употребляются различныя приемы для ускоренія ихъ и облегченія. Даются различныя снадобья внутрь, снаружи—встрякиванія, кривлянія и т. п. Пуповина перевязывается только въ одномъ мѣстѣ у пупочнаго кольца, центральный же конецъ остается не перевязаннымъ, чтобы стекала негодная кровь.

Джеджили (Нана — журналъ на груз. яз.) 1891 г.—1. Сказка о царяхъ восточномъ и западномъ, записанная въ Карталиннн. „Разказъ объ Абрамѣ“,—

народная легенда, записанная В. Баблашвили. Пѣсни, записанныя А. Диасмидзе и А. Хахановичъ. Поговорки и загадки.

Живая Старина, вып. II.—Этнографія Россіи касаются слѣдующія статья и замѣтки: *И. Н. Ждановъ*. Пѣсни о князѣ Михаилѣ (окончаніе).—*Приклонскій*. Три года въ Якутской области (продолж.).—*Проф. Соболевскій*. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Чурило, Пленъ, Дюкъ, Соловей, Будимиръ, Ставръ, Годинъ, Дунай, Хотѣнъ, Блудъ, Козаринъ, Волкъ, Жидовинъ, Микула, Селянинъ, Святогоръ, Бермата, Буславъ, Казимиръ, Колыванъ, Мамелфа—Амелфа, Путята, Рахманъ, Саулъ, Сбродъ, Оника-Аника, Тугаринъ, Шарко, Кошей, Латыгорка, Афромей-Вахромей, Левандовъ крестъ, Кидишъ, Орѣховецъ, Смородина). Нѣкоторыя изъ сближеній г. Соболевскаго сомнительны (Бермата-Бернъ, Бернъ, лѣтописное Берико; Левандовъ крестъ—Леонидовъ; Дювъ-Дюрдій-Юрій). Къ сожалѣнію, авторъ игнорировалъ въ своей замѣткѣ указанія предыдущихъ изслѣдователей эпоса.—*М. И. Соколовъ*. Отчего канутъ Иванова дня (28 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? (выдержка изъ рукописи XVI в.).—*Маманинъ*, Велико-русскія народныя легенды (Марина безбожница и Стенька Разинъ, Брюсъ, Пугачъ, и Салтычиха).—„Огонь на свадьбѣ“ (изъ Новаго Времени).—*Г-жа Сакошичъ*, Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гроднен. губ., Кобрин. у. (окончаніе).—*Щколдинъ*, Лопарскія сказки, легенды и сказанія.—*Приклонскій*, Якутскія народныя повѣрья и сказки.—Въ отдѣлѣ критики и библиографіи отмѣтимъ: Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи (1879—1889 г.), Вольтера; рецензіи на „Этнографическое Обозрѣніе“ (кн. VI), „Крылатыя слова“ Максимова, „Mélanie“, „Исторія русской этнографіи“ Пыпина (т. II).

Зоря. (Львовъ). Это изданіе, считающееся лучшимъ среди галицко-русскихъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ (съ иллюстр.); посвящено литературѣ и наукѣ, и въ этой области довольно внимательно слѣдитъ за новостями, отмѣчая главнымъ образомъ все, что касается малорусской народности не только въ Галиціи но и въ Россіи. Изъ области этнографіи помѣщаются библиографическія указанія и отчеты (въ томъ числѣ и о нашемъ изданіи); попадаются также и оригинальныя статьи и замѣтки, могущія заинтересовать этнографа. Такъ напр., въ 1890 г. находимъ: „Очерки Угорщины“ Де ни са, „Изъ лѣтней повѣдки по Черниговщинѣ“ О. Я. Ко н и с к а г о, „Про покойниковъ“ Д. Ле п я г о, „Топогр.-истор. записки о старинномъ м. Потылицѣ“ Евг. Го р н и ц к а г о, замѣтки о раскопкахъ проф. Антоновича, о народной медицинѣ и т. д. Въ 1891 г. (№ 2) помѣщенъ портретъ и некрологъ знаменитаго слависта Ф. Миклошича, рисунки свадебныхъ моравскихъ костюмовъ, статья В. Лукича о популярно-народныхъ книжкахъ, замѣтка о раскопкахъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ (№ 3); продолжается „Исторія русской (малорусской) литературы“ Огоновскаго и вызванная ею полемика. Въ № 5, посвященномъ исключительно 30-й годовщинѣ смерти Тараса Шевченка (26 февр. 1861 г.), находимъ между прочимъ сообщенное г. Крымскимъ народное преданіе (Кіев. г., Звенигородка) о Шевченкѣ: „Шевченко всегда ходилъ съ Кулишемъ; они были товарищи, но К. не былъ такой храбрый и хитрый, какъ Ш. А. Шевч. былъ страшный богачъ: куда ни ступить—за нимъ деньги рѣвкой. Около него собиралась масса бѣдняковъ, и всѣ получали деньги горстями. Полиція его невзлюбила, и чтобы завладѣть его богатствомъ, на него навела глубокий сонъ и зарыли въ могилѣ. Но Ш. былъ великій знахарь. Три дня онъ полежалъ въ могилѣ, а потомъ ожилъ, и до сихъ поръ, вѣроятно, живетъ“. Мы видимъ здѣсь приращеніе известной легенды, рисующей народную вѣру въ живучесть и бессмертіе народныхъ и національныхъ героевъ въ широкомъ смыслѣ.

Иверія. 1890. Де к а б р ь. Состояніе Имеретіи, *Л. Ортирели*, Авторъ. между прочимъ, отмѣчаетъ существующій до сихъ поръ у имеретинъ обычай поклоненія дубу 15 августа. Жители селенія Джикъ, переселенцы изъ Абхазіи, въ виду усиленной смертности у нихъ выбрали дубъ, которому приносятъ въ жертву свѣчи, деньги и пр. и просятъ о смягченіи гнѣва и дарованіи продолжительной жизни.

1891 г. Я н в а р ь. Легенда о сотвореніи чело́вѣка. Богъ, сотворивъ чело́вѣка, далъ ему право жить 30 лѣтъ. Но потомъ онъ выпросилъ себѣ 20 лѣтъ изъ 40, которые были дарованы ослу и 40 лѣтъ изъ 60, отъ которыхъ просила Бога освободить свинья. Поэтому, хотя чело́вѣкъ достигаетъ иногда 100 лѣтняго возраста, но „чело́вѣчески“ онъ живетъ лишь 30 лѣтъ.—Загадки, собранныя въ Озургетскомъ уѣздѣ.—Легенда объ образованіи въ Ахталѣ грязе-лѣчебнаго источника. По этой легендѣ тамъ, гдѣ нынѣ бьетъ ключемъ свинцоваго цвѣта грязь, находилось гумно. Въ день Преображенія священникъ здѣсь молотилъ хлѣбъ; Христосъ, проходя, проклялъ его, а на мѣстѣ гумна стала бить лѣчебная грязь, вынося изъ глубины лопатку, лубину и пр. До сихъ норъ въ народѣ сохранилась легенда въ стихотворной формѣ объ Ахталѣ.—Отзывъ о X т. „Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“. Авторъ замѣтки указываетъ на важныя недостатки очерка грамматики сванетскаго языка, составленнаго г. Грегомъ.—Ф е в р а л ь. — Пшавы и Пшаветіа, ст. *Давида Хизанашвили*. Авторъ подробно и обстоятельно описываетъ порядки, господствующіе въ семьѣ Пшавы и взаимныя отношенія между членами дома. Сватаніе и свадьба въ связи съ обычаями, сюда относящимися, составляютъ главное содержаніе статьи.—Разборъ „Сказокъ, собранныхъ г. Агніашвили“, А. Хаханашвили.—Продолженіе статьи г. *Урбели*: „Атабаги Бека и Агбуга и ихъ законодательство“.

Мурчъ (Молотъ, изд. по армянски въ Тифлисѣ, ежемѣс.). 1890. — 1 и 2. *М. Абенанъ*. „Народная повѣсть“. Разборъ нар. полунсторическихъ поэмъ: „Давидъ Сагунскій или дверь Мхера“ (Константинополь 1877) и „Давидъ и Мхеръ“ (Шуша, 1839).—*Леонъ Саринсянъ*: „Пѣздка въ Турецкую Арменію.—1, 2, 3, 7. *Лео*: „Изъ нашей жизни“. Оч. соврем. положенія арм. семьи.—*Я. Рец.* на бытовую очеркъ Папазіана: „Лало“ (изъ жизни тур. армянъ).—*В. Папазіанъ*: „Хатъ-Саба“—бытов. очеркъ изъ нравовъ арм. цыганъ.

Православный Собесѣдникъ. А в г у с т ь. *А. Вышнеторскій*. Географическое описаніе Аравіи. Глава изъ „Географіи“ Таквимъ-аль-больдана (Альбуфеды). А в г у с т ь—О к т я б р ь. *В. Соколовъ*. Обрѣзаніе у Евреевъ.—Н о я б р ь. *С. Терновскій*. Праздникъ Кущей у евреевъ.

Русская Мысль. 1890. Д е к а б р ь. *А. А. Исаяевъ*: Какъ относятся въ Сибири къ переселенцамъ? (По личнымъ наблюденіямъ) Рец. на книги Д. Н. Алучина: 1) Сани, ладыя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. М., 1890. 2) Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о чело́вѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. М. 1890.—Рец. на кн.: „Годъ на Сѣверѣ“, С. В. Максимова. 4-е доп. изд. И. К. Прянишникава. М. 1890.—1891. Я н в а р ь. *В. Ф. Миллеръ*. „Экскурсія въ область русскаго эпоса. I. Князь Владиміръ и Евпраксія“. „Вопросъ объ отношеніи былевого князя Владиміра къ историческому—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго былевого эпоса. Большинство изслѣдователей (напр. О. Миллеръ, Л. Н. Майковъ) высказалось за то, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ князѣ Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженныя въ теченіе вѣковъ позднѣйшими историческими наслоеніями“. Эти изслѣдователи не могли объяснить самаго важнаго вопроса: „Почему историческій Владиміръ представляется въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру“, хотя всѣ историческія данныя рисуютъ намъ совершенно противоположный типъ? Огвѣтъ на это могутъ дать только восточныя сказанія, отъ которыхъ съ такимъ предубѣжденіемъ отказывался О. Миллеръ. Историческія данныя ясно показываютъ намъ, „какія черты историческаго Владиміра... могли бы отложиться въ народной памяти“. „Въ личности Владиміра надъ княземъ дружиннымъ преобладаетъ князь земскій“, стоявшій за славянскій элементъ противъ варяговъ, оберегатель и устроитель своей земли. Онъ былъ „первымъ популярнымъ княземъ древней Руси“; идеализація его замѣтна уже въ лѣтописномъ извѣстіи ¹⁾. „Такая личность должна

¹⁾ Въ малор. заговорахъ попадается: „Місяцю Владиміру“ (Чубинскій, Тру-

была на долгія времена отложена въ народной памяти, стать центромъ эпическихъ сказаній... дѣйствительнымъ „краснымъ солнышкомъ“ Русской земли, широко разливающимъ свои лучи во всей области эпическихъ сказаній“. Былевой Владиміръ отличается непопулярностью ²⁾, изображаемою часто былинными въ комическихъ чертахъ; былинныя заставляютъ его унижаться передъ богатырями, „не скупиться на слезы и поклоны“. Въ его характеристикѣ замѣчается двойственность, которую чувствовали и сами сказители: онъ то щедръ и ласковъ, то грубо неблагодаренъ и жаденъ. Само собою разумѣется, что мало можетъ быть общаго между историческимъ Владиміромъ и былевымъ, которому даются нелепые эпитеты: дурень, собака, сводникъ, воръ; такихъ прозвищъ мы не найдемъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ. Для объясненія причинъ такого явленія В. О. Миллеръ привлекаетъ къ сравненію данныя „Рустеміады“, вліяніе которой на нашъ эпосъ „проявляется не въ одной личности, а въ нѣсколькихъ, не въ одной фабулѣ, а въ цѣломъ рядѣ;“ „иранскій эпосъ оказалъ вліяніе на русскій не въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ является въ изложеніи персидскаго поэта—историка и эклектика Фирдоуси, но въ наши былинныя, какъ и въ кавказскія сказанія, могли перейти лишь основы нѣкоторыхъ фабулъ, пройдя притомъ черезъ рядъ передѣлокъ, измѣненій и искаженій какъ въ промежуточной (туркской) средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ вліяніемъ раціональной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпического цикла“. На Владиміръ „отложились нѣкоторыя черты того типа эпическаго или сказочнаго царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ ³⁾, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема“; типы иранской царицы и княжны Евпраксіи чрезвычайно сходны. Близость между иранскими сказаніями Рустема цикла и былинными о Владимірѣ и Евпраксіи доказывается у почтеннаго автора многими сопоставленіями. Съ большимъ интересомъ будемъ ждать дальнѣйшихъ „экскурсовъ“.

Сѣверный Вѣстникъ. 1890. Декабрь. Областной отдѣлъ. Н. Астуревъ: Монголы-буряты Иркутской губерніи. Интересны этнографическія свѣдѣнія о бурятахъ, съ которыми автору пришлось лично познакомиться. Буряты живутъ отдѣльными родами, причѣмъ родовыя традиціи еще настолько сильны среди нихъ, что напримѣръ обнищавшаго сородича родъ считаетъ своей обязанностью кормить. У бурятъ часто встрѣчается патронатство: вокругъ богатаго родича тѣснится кружокъ бѣдныхъ кліентовъ, которымъ онъ помогаетъ въ ихъ затрудненіяхъ, за что они въ свою очередь находятся у него въ извѣстнаго рода кабальѣ. Не всѣ буряты ведутъ одинаковый образъ жизни: тункинскіе буряты, напримѣръ, кочевники и занимаются почти исключительно скотоводствомъ; буряты же кудинскаго, капсальскаго и др. вѣдомствъ (вѣроятно тутъ повліяло близкое сосѣдство съ русскими) уже давно занимаются земледѣліемъ. Вообще близость русскимъ отражается на бурятахъ; среди нихъ встрѣчаются люди, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чаше всего такіе буряты по окончаніи курса возвращаются къ сородичамъ и ведутъ прежній образъ жизни, не отличаясь отъ прочихъ бурятъ ни въ обычаяхъ, ни даже въ костюмѣ. Обыкновенно они исповѣдуютъ отцовскую религію, хотя на ряду съ идолами покло-

ды, I, 92), т. е. князю, съ именемъ Владиміра, какъ князя хатъкоуту? Память о немъ въ Малороссіи сохраняется до сихъ поръ (см. Максимовичъ, Сочиненія III, 194, 197, 254, и „О народной истор. поэзіи въ древней Руси“, Москвитинъ, 1845 г.).

²⁾ Для образованія подобнаго рода сказаній могъ дать толчекъ извѣстный рассказъ о Владимірѣ, спрятавшемся отъ Печенѣговъ подъ мостомъ.

³⁾ Благодаря сказкѣ объ Ерусланѣ, онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ названіемъ Картауса, Картавуса. Мы знаемъ только одинъ случай упоминанія его имени въ малорусскомъ эпосѣ: „якъ бувъ собі царь *Картавусъ*, то надивъ винъ картузъ, на картузъ гарбузъ, на гарбузъ дыню, а на дыню огурецъ, тай всій казди княецъ“ (Манжура, Сказки, пословицы и т. п., Харьковъ, 1890, документныя сказки, № 4 стр. 126).

наются и нашимъ иконамъ. Особенно чтятъ бураты св. Николая Чудотворца; день 9-й мая они празднуютъ моленіями и гульбой. Къ несчастію, по отношенію къ своимъ одноплеменникамъ такіе бураты являются большею частью эксплуататорами. Статья г. Астырева изобилуетъ, вообще, интересными, подчасъ правда мелкими и отрывочными свѣдѣніями: такъ въ болѣе и менѣе полныхъ чертахъ авторъ знакомитъ насъ съ жилищами, костюмами, вѣрованіями свадебными обрядами, жертвоприношеніями и моленіями бурятъ и т. п.—Изъ провинціальной печати. Этотъ отдѣлъ въ данномъ номерѣ посвященъ исключительно вопросу о положеніи кустарей и кустарной промышленности.—Рец. на кн.: VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ отъ 28-го Дек. 1890 г. до 7-го Января 1890 г. СПб., 1890 г. Рец. на кн. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ. 2 тома. М. 1890.—1891.—Февраль. Областной отдѣлъ. *Е. С.* Сектанты поселенцы въ Якутской губерніи (въ личныхъ наблюденіяхъ). Авторъ выставляетъ на видъ несимпатичныя черты сектантовъ поселенцевъ Якутской губ., принадлежащихъ къ сектѣ скопцовъ. Трусливость, несообщительность, лицемеріе, склонность къ кулачеству—вогъ черты, кот. дѣлаютъ скопцовъ ненавистными сосѣдямъ. Живутъ скопцы „гнѣздами“, при чемъ можно отличить три вида „гнѣздъ“: 1) „гнѣздо“—семья, гдѣ члены связаны между собой бракомъ, 2) „гнѣздо“—семья, члены которой находятся въ кровномъ родствѣ другъ съ другомъ, 3) „гнѣздо“—артель, состоящая изъ людей постороннихъ, соединившихся для совместнаго труда. Положеніе женщинъ въ такой артели болѣе зависимо, чѣмъ положеніе мужчинъ. Общиннаго духа у скопцовъ не замѣчается вовсе.—Изъ провинціальной печати: ниггересно перепечатанное изъ „Тургайскихъ Области. Вед.“ уголовное дѣло, разбиравшееся недавно въ Тургайскомъ областномъ правленіи; дѣло шло объ убійствѣ одного киргиза и о взысканіи съ убійцы его штрафа въ 500 барановъ.—*А. Елмистев.* Опіумъ, гашишъ и ихъ апологи (Психологач. этюдъ). Перечисляя наркотики, употребляемые различными народами, и указывая на ихъ дѣйствіе, авторъ повсемѣстное употребленіе наркотическихъ средствъ приписываетъ желанію, присущему всему человечеству, перенестись въ иной міръ „познать хоть каплю блаженства, недостижимаго на землѣ“.

Таразъ (Видъ, ежемѣс. армян. изданіе, въ Тифлисѣ). 1890 г.—1 *Г. Ага-яни:* „Настоящіе армяи. рабочіи пѣсни“. Пѣсни (баяти) армян. рабочихъ состоятъ большею частью изъ 4-стишій: два первые стиха отдѣльно рѣдко имѣютъ опредѣленный смыслъ и служатъ лишь какъ бы заглавномъ, а сугъ пѣсни заключается во второй половинѣ.—2. Описаніе нѣкот. др. армян. монастырей.—6, 7, 8, 9. *А. Казарянц:* „Гюлз“—очеркъ изъ жизни курдовъ.

3. Газеты.

Акмолинскія Обл. Вѣд. 1891.—35. Рогатые люди. Во время послѣдней экспедиціи для изслѣдованія дѣвственныхъ лѣсовъ Гранъ-Чако (въ Аргентинской республикѣ), предводитель экспедиціи капитанъ Альборнотъ взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ индѣйцевъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ два рога на лбу; онъ отличался отъ остальныхъ также и своимъ очень высокимъ ростомъ и большой бородой (товарищи его были всѣ безбородые). Рога имѣли по 2 дюйма въ длину и по заявленію врача, сопровождавшаго экспедицію, по своему строенію ничѣмъ не отличались отъ роговъ оленя.—37. Откуда взялась у китайцевъ мода уродовать женскія ноги. Какъ извѣстно, во многихъ провинціяхъ Китая, преимущественно въ сѣверной и средней полосѣ имперіи, существуетъ обычай уродовать женскія ноги, придавая имъ миниатюрный видъ козлей лапки. Мода уродовать ноги идетъ въ Китаѣ съ глубокой древности. Начало ей положила одна изъ императрицъ; она, вслѣдствіе какой-то болѣзни ногъ, должна была бинтовать ихъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ довела ихъ до миниатюрныхъ размѣровъ, причѣмъ утратила всякую возмож

ность ходить. Крошечныя ножки императрицы, обутыя въ красенькія башмачки, нравились всѣмъ, и вотъ, изъ желанія имѣть такія-же ножки, высшая китайская женская аристократія начала уродовать свои ноги. Мало-по-малу мода эта стала всасываться во всѣ слои общества и, наконецъ, перешла въ обычай. (См. ниже прибавленіе къ „Аккол. Обл. В.“—„Киргизская Газета“).

Архангельскія Г. В. 1890.—22. Изъ народныхъ легендъ Олонецкой губерніи, приводится легенда извѣстнаго Олонецкаго сказителя Щеголенка, послужившая матеріаломъ для извѣстнаго разсказа Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы“.—25. Осѣдлые самоѣды, піонеръ П. С. Манзадѣевъ.—40. Библиографическія замѣтки Г. К. (Дневникъ Антрополог. Отд. в. IV, ст. Н. Н. Харузина, Этнографич. Обзор.).—58. Изъ Малой Кореи. Смерть отъ пьянства; „отпускъ“ скота, его значеніе, передача другому лицу.—71, 72. Воспоминаніе о Г. І. Минейко (Э. О. IV, 193).—90. Документъ къ исторіи Архангельскаго Публичнаго музея.

Витебскія Г. В. 1890. 93. *Е. Р. Романовъ*. Письмо въ редакцію о дѣтскихъ играхъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Предлагается собраніе матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, распространеннымъ въ Бѣлоруссіи.—97. Выдержки изъ декабр. книжки „Вѣстн. Европы“ о богатомъ музеѣ покойнаго А. Н. Поля, за который англичане предлагали 200,000 серебрянныхъ долларовъ. Музей завѣщанъ наследникамъ и его ждетъ печальная судьба.—1891. 2. Изъ „Новостей“ приводится слухъ объ устройствѣ естественно-историческаго музея въ Соловецкомъ монастырѣ. Оттуда же сообщается объ открытіи въ г. Ковно губернскаго музея, обладающаго порядочнымъ собраніемъ рукописныхъ, печатныхъ и художественныхъ памятниковъ, интересныхъ для исторіи Литвы.—7, 8, 11, 14, 15. Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи (неок.).—14. Изъ „Южанина“ приводится разсказъ о томъ, какъ въ с. Петровскомъ (Одесс. уѣз.) крестьянинъ продать своего отца и мать въ с. Балованное за 25 р., причѣмъ продажа оформлена распиской. Покупатель обратился даже за содѣйствіемъ къ волости, когда между нимъ и продавщикомъ возникли недоразумѣнія; но здѣсь ихъ сдѣлка нашла достойныхъ судей.

Владивостокъ. 37. С—ъ. По рѣкѣ Сучану до угольныхъ копей. Статья содержитъ краткія свѣдѣнія объ японскихъ рыбакахъ, о рабочихъ-корейцахъ и о хлѣбопашествѣ и охотѣ за пантами сучанскихъ крестьянъ.—40—42. Современное состояніе Камчатки и Сахалина.—46. Къ статистикѣ народонаселенія Сучанской долины.—46—48. Тюлений островъ (о котиковомъ промыслѣ).—48. Корр. изъ с. Никольскаго о ловлѣ крестьянами, корейцами и манзами рыбы кэты (иначе зубатки) въ Даубихѣ и ея притокахъ Тудагоу и Ильдагоу.

Владимірскія Г. В. 1890. 45—50. Историческій очеркъ г. Шун. Древнѣйшіе обитатели Суздальскаго княжества. Курганы племени Меря. „Ивановское городище“. Изысканія о времени появленія славянъ въ нынѣшней Россіи и о „первоначальной Руси“. Занятіе Мерской земли Юріемъ Долгорукимъ; Суздальское княжество и его дальнѣйшая исторія. Введеніе христіанства въ Суздальскомъ княжествѣ.

Волжскій Вѣстникъ. 302. Елабужскій уѣздъ. О вареніи кумышки, пріемъ въ вотяцкую общину русскихъ, круговая порука, голодовки.—1891. 8. Некрологъ С. Я. Капустина извѣстнаго своими трудами по крестьянскому вопросу, артели и общинѣ.—10. Укекъ. Доклады и разслѣдованія по археологич. и исторіи Укека (библиографическ. зам.). По убѣжденію авторовъ Укекское городище (одинъ изъ значительныхъ городовъ Золотой орды) представляетъ наслоеніе нѣсколькихъ культуръ, слѣдующихъ одна за другою, изъ нихъ лишь послѣдняя была монгольской; городъ Укекъ они отождествляютъ съ Гелономъ, городомъ Будиновъ, а Будиновъ Геродота и Аорсовъ Страбона опредѣляютъ какъ Булгаръ и Вуртавовъ арабскихъ писателей, почему и начало Поволжья опредѣляютъ не съ Ибнъ-Фоллаха, а 1000 л. раньше.

Вологодскія Г. В. 1891. 5. Пастушья заговоры при отпускѣ скота.

Восточное Обозрѣніе 1891.—2. Г. П. Музей въ Красноярскѣ.—4. С. Я. Капустинъ (некрологъ).

Врачъ. 1891.—8. Въ небольшой выдержкѣ изъ „The Sanitary Record“, отъ 16 февраля, сообщается, что населеніе Мексика употребляетъ странный методъ

ослопрививанія: къ заболѣвшему оспой подводить дѣтей, которыхъ послѣ этого и считаютъ привитыми. Изъ „The British Medical Journal“, отъ 14 февраля, приводится краткая замѣтка о крайне курьезной операциі, производимой другъ у друга туземцами Австраліи: въ мочеиспускательный каналъ вводится вѣтка дерева до перепончатой части; затѣмъ вдоль вѣтки дѣлается разрѣзъ длиною въ дюймъ. Операциа производится какъ средство противъ ревматизма, воспаленія легкихъ, плеврита и т. д.

Донская Пчела—89. *Ольга Накко*. „Гнѣвъ Архангела“,—повѣріе молдаванъ, что въ день Архангела Михаила, 8 ноября, нельзя работать.

Донская Рѣчь—148. Донскія историческая пѣсня (объ уничтоженіи донскихъ казаковъ).—Какъ всплакалась Россія о своемъ блѣдомъ царѣ,—стихъ старообрядцевъ безоповщинскаго толка (Рус. Старина).

Донскія Еп. В.—22. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. Багаевская станица. Ея исторія. Занятія жителей. Урочище „Вертуганово“—по преданію древнее черкесское кладбище. Урочище—„Абашкинъ яръ“. „Малюбановъ“ курганъ, въ которомъ, по преданію, погребенъ татарскій князь Малюбанъ.—1891. I. Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донскаго. Станица Семькаракорская; ея исторія. Замѣчательныя урочища. Остатки древняго татарскаго города на урочищѣ „Татарское Городище“. Около хутора Шавельнаго есть татарское кладбище. Упомянуется о найденномъ скелетѣ, обращенномъ лицевой стороной къ югу, причеъ руки были сложены около подбородка, а ноги согнуты.—8. Станицы по Донцу: а) Станица Нижне-Кундрючская и окружающіе ее курганы; б) станица Верхне-Кундрючская и ея курганы.—*Н. Кутеповъ*.. „О языческихъ капищахъ или хурулахъ у Донскихъ калмыковъ“ (статья полемиическая). Нѣсколько данныхъ объ образѣ жизни Донскихъ калмыковъ.

Екатеринославскія Г. В. 1891.—5. Библ. зам. о „Живой Старинѣ“.

Енисейскія Г. В.—47. Опекуновское дѣло среди крестьянскаго населенія.—48. О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ.—1891—1. Библ. зам. объ „Этногр. Обзор.“—45. *Ив. Коверинъ*. Замѣтка о картахъ Енисейской губ., хранящихся въ архивѣ Губернской Чертежной (статист. данныя относительно сагайцевъ, качинцевъ, кизильцевъ, мелетцовъ, койбаловъ, камасянцевъ, аридецевъ, тунгусовъ и остяковъ).

Земскій Врачъ.—52. *К. Герасимовъ*. „Замѣтка о народной медицинѣ въ Череновскомъ уѣздѣ Новгор. губ.“ Авторъ этой замѣтки приводитъ способы лѣченія и лѣкарства, употребляемыя при нѣкоторыхъ болѣзняхъ; напр.: лѣченіе по л е в а г о о п о р а (боль въ поясницѣ) довольно курьезное и состоитъ въ механическомъ треніи обнаженной поясницею о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ или домовъ. „П е р е л о м ъ“ (воспаленіе роговицы и конъюнктивиты). Причины: засореніе глаза „порошьемъ“, т. е. соринками, и даже просто вѣтромъ. Лѣченіе: особыя специалистки „ломаютъ глазъ“, т. е. черезъ закрытое вѣко растираютъ глазное яблоко пальцами и такъ сильно, что по рассказамъ испытавшихъ эту операцию, слышится въ глазу трескъ. Затѣмъ дуютъ въ открытый глазъ черезъ платокъ. „Острое отравленіе спиртомъ“. Опой“. Для приведенія опившагося въ чувство принимаются слѣдующія мѣры: обливають голову горячею водою. Натираютъ уши зимою снѣгомъ, а въ другое время—просто ладопями; если это не достигаетъ дѣля, то трутъ голенищемъ валенаго сапога и въ концѣ концовъ превращаютъ уши въ безформенную массу, послѣ чего для заживленія ихъ требуется дѣльный мѣсяцъ. По временамъ качаютъ на одѣялѣ и водятъ или вѣрнѣе таскаютъ по избѣ подъ руки. Иногда нѣсколько человекъ берутъ больного, опускаютъ внизъ головою и затѣмъ, приподнимая къ верху, стучатъ пятками о потолокъ изби, далѣе дергаютъ за бороду, даже вырываютъ ее, за волосы, щиплютъ тѣло, толкаютъ и т. д., кто во что гораздъ. При болѣзняхъ ж и в о т а ложатся на спину и кладутъ на пупъ тяжеловѣсный камень. Иногда лежатъ ничкомъ, принимая коленно-локтевое положеніе; другіе упираются на какой-нибудь предметъ, напр., на конецъ полѣна. Всѣ болѣзни вообще, полученныя въ дорогѣ, во время пути, или при работѣ, называются „встрѣшными“. Одною изъ главныхъ

причинъ заболѣванія всякаго рода водянками считаютъ питье воды, не благословясь, ночью. Страдающему глгстами совѣтуютъ почему-то принимать лѣкарство не въ избѣ, а подъ открытымъ небомъ, т. е. на улицѣ. Если новорожденный умретъ, то для уничтоженія приливовъ молока къ грудямъ мать „выстрѣкиваетъ“ его на горячую печь, чтобы поскорѣй „пригорало“, т. е. уменьшалось бы въ грудяхъ.

Казанскій Виржевой Листокъ. 280. *И. Н. Смирновъ.* „Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермскихъ (докладъ въ Обществѣ Арх., Ист. и Этногр.). Подробный обзоръ литературы о пермякахъ занимаетъ значительную часть печатающейся книги того-же автора: „Пермяки“ (см. ниже „Извѣстія и Записки“).—283. Симбирскій уѣздъ (корресп.): обычай молодежи ѣсть краденнаго гуся на „Кузьминку“, въ день Козьмы и Даміана (дѣвичій праздникъ).

Валужекін Г. В.—91. Сообщение о томъ, какъ лѣчатся крестьяне въ Юхновскомъ уѣздѣ отъ укушенія ядовитыми змѣями, которыхъ тамъ очень много. Къ укушенному мѣсту привязываютъ лагушку, животою къ ранкѣ, и затѣмъ, когда лагушка, впитавъ порами своей кожи на брюхѣ ядъ, издыхаетъ, ее замѣняютъ другой, и такъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока ядъ не будетъ совершенно высосанъ.—1891. 6. О существующемъ среди инородцевъ Иркутской губерніи обычаѣ продавать дѣвочекъ (Нов. Вр.).

Киргизская Газета. (особое прибавленіе къ „Акмолин.Обл.Вѣд.“).—45 Сказка: „Медвѣдь и лисица“ и „Человѣкъ и собака“ (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси“).—47. *Сейсембай Кутуровъ.* Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ.—48. Сказка „Лисица и заяцъ“. Содержаніе ея слѣдующее: „Сначала лисица была безъ хвоста и не могла уничтожать своихъ слѣдовъ. Волкъ по этому могъ преслѣдовать ее безпрепятственно; однажды онъ абрался даже къ ней въ нору и непремѣнно задушилъ-бы лисицу, если-бы ей не удалось спастись черезъ другой выходъ и убѣжать въ лѣсъ. Тамъ она увидѣла подъ деревомъ зайца, у котораго въ то время хвостъ былъ еще длиннымъ и мѣшалъ ему быстро бѣгать. Лисица поймала зайца и хотѣла-было задушить его, но онъ сталъ просить о пощадѣ, пообѣщавъ уступить лисицѣ свой хвостъ, который ему только мѣшаетъ при бѣгствѣ. Лисица согласилась, и они помѣнялись хвостами; съ тѣхъ поръ у лисицы длинный, а у зайца коротенькій хвостъ“.—49. Корр. изъ Зайсана о борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.—Сказка „Пестрая корова“ (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси“).—51. *Маюметъ-Гали Ибрагимовъ.* Киргизскій способъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзныхъ скота.—Идеаль воспитанія у калмыковъ.—52. *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (перепеч. въ переводѣ на киргиз. яз., изъ 327-го номера за 1890 г. „Русскихъ Вѣдомостей“).—1891 г. 1, 2. *Ал. Ивановскій.* Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (оконч.).—1—5. *М. Имшенецкій.* Несмѣтное богатство, скрытое въ киргизской степи (авт. убѣждаетъ киргизъ заняться земледѣліемъ).—3, 4. Невѣстивсадникъ (армян. сказка).—4, 5. Народный судъ у киргизовъ (извлеч. ихъ „Положенія объ управленіи степными областями“) —5. *А. Калашевъ.* Шейдулла (татар. сказка): „Бѣдный татаринъ Шейдулла, пошедшій къ Аллаху просить счастья, встрѣчаетъ по дорогѣ сначала волка, потомъ яблоню и, наконецъ, рыбу. Всѣ они, узнавъ, что Шейдулла идетъ къ самому Аллаху, стали просить его передать богу и ихъ просьбы: волкъ просилъ, чтобы Аллахъ вылѣчилъ мучащую его уже третій годъ страшную боль въ животѣ; яблоня, чтобы у нея выросли плоды; рыба, чтобы Богъ полѣчилъ ее отъ страданія отрыжкой и боли въ горлѣ. Шейдулла пообѣщавъ исполнить ихъ просьбы и пошелъ дальше. Доходитъ онъ до рощи изъ розовыхъ кустовъ. Изъ одного куста, стоящаго посрединѣ рощи, вышло какое-то розовато-золотистое пламя и озаряло чуднымъ свѣтомъ всю рощу. Вдругъ оттуда послышался голосъ: „Что тебѣ нужно, Шейдулла?“ Шейдулла, понявъ, что это говоритъ самъ Вел. Аллахъ, благоговѣнно опустился на колѣни и изложилъ передъ Аллахомъ какъ свою просьбу, такъ и просьбы волка, яблони и рыбы. Аллахъ отвѣтилъ: „У рыбы засѣлъ въ горлѣ драгоцѣннѣйшій камень; когда вынуть у нея этотъ камень, тогда она и вылѣчится. Подъ яблоней зарытъ

большой кувшинъ съ червонцами; когда выруютъ этотъ кувшинъ, тогда яблоня будетъ приносить плоды. Волку-же, чтобы избавиться отъ боли живота, нужно съѣсть одного глупаго человѣка. Твоя-же просьба исполнена, ступай, будешь счастливы!⁴. Обрадованный Шейдулла возвращается домой. Встрѣтивъ рыбу и яблоню, онъ передаетъ имъ слова Аллаха. Тѣ просятъ его — рыба вынуть изъ ея горла драгоценный камень, а яблоня — вырыть изъ-подъ нея кувшинъ съ червонцами. Но Шейдулла отказывается, говоря, что богатство ему дастъ самъ Аллахъ, и идетъ дальше. Почти у самаго дома встрѣчаетъ онъ волка и ему передаетъ слова Аллаха, а также рассказываетъ въ какой просьбѣ отказалъ рыбѣ и яблонѣ. Волкъ тогда кинулся на Шейдулла, повалилъ его на землю и началъ ѣсть, приговаривая: Клянусь Аллахомъ и великимъ Пейгамберомъ, ужъ глупѣ тебя никого не могу найти на цѣломъ свѣтѣ!⁴

Бишиневскія Еп. В. 1891.—1. *Свѣд. Михаилъ Никольскій.* „О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій“. Свѣдѣнія о существованіи въ Бессарабской области слѣдующихъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ: 1) обычай опускать 1 копейку въ могилу покойника; 2) обычай „кричать“ колдуу наканунѣ Рождества; 3) обычай выносить за околицу села стружки отъ гроба покойника, тряпки, которыми его обмывали, солому, которая была подъ нимъ, горшки изъ которыхъ его мыли, и прочія мелкія вещи.

Крымъ.—152. *Н. Н. Балабуза.* Рождественскіе обычаи и обряды въ Тавриадѣ. — *Эфе.* Рождество у иностранцевъ. (Святочный очеркъ.). — 1891 г. 2. *Б—нз.* Кто обиталъ въ Кыркорѣ или Чуфуть-Кале? Народъ оссы, асы (осетины); ихъ религія, мѣстожителство; ихъ городъ—Кыркоръ; свѣдѣтельства историковъ въ пользу этого положенія. Историческія судьбы Кыркора. (Выдержки изъ статей проф. Всев. Миллера въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.).— 11. Библиогр. зам.: рецензія и перечисленіе статей 11 № Извѣстій Таврической ученой архивной комиссіи.—Укекъ. Результаты раскопокъ Укеккаго городища въ 10—12 верстахъ ниже г. Саратова, на правомъ берегу Волги.

Московская Иллюстрированная Газетка.—225. Сообщение о существованіи въ Англіи, въ графствѣ Эссексъ, древняго обычая дарить окорокъ ветчины тѣмъ новобрачнымъ супругамъ, которые въ продолженіе года и одного дня не поссорились и не выразили сожалѣнія о томъ, что вступили въ бракъ.—230. *Г. Н. Потанинъ.* Тибетское преданіе о сватовствѣ Тибетскаго царя къ дочери китайскаго императора, для своего сына — 1891. 7. Докладъ Громбчевскаго о его путешествіи по Центральной Азіи.

Московская Газетка. 1891.—14. Отчетъ о докладѣ Ю. А. Кулаковскаго въ Петерб. Археол. Общ. (18 янв.): „О керченской христіанской катакомбѣ,“ 591 г. Имена надписей въ катакомбѣ свидѣтельствуютъ, что туземцы Босфора Киммерійскаго были иранскаго происхожденія (изъ Нов. Вр.).—Тамъ же газета (отъ 7 февр.) приводитъ (изъ Science pour tous) результаты изслѣдованій проф. Вертело о зарожденіи и распространеніи металлургической промышленности въ области Зап. Римской имперіи, и въ особенности бронзы (отъ г. Брундизіумъ — Бриндизия) См. Antiquitates Italiae, Муратори.—39. Корр изъ Владиміра на Клязьмѣ, объ изстязаніи мнимой знахарки, старухи 60 лѣтъ, которую крестьяне заподозрѣли въ порчѣ дѣвушки и требовали, чтобы она „отчитала“ порченуу.

Московскія Вѣд.—296. *И. Голубевъ:* Корр. изъ Березова заключаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ остякахъ, о татарскомъ вліяніи на нихъ, отразившемся въ жилищахъ, постройкахъ, платьѣ, обычаяхъ, о крещеніи остяковъ въ 1712 г. митроп. Филовеемъ, о брачныхъ обрядахъ и потребеніи.—327. Замѣтка о еврейской колоніи въ Китаѣ, эмигрировавшей въ эту страну за 200 лѣтъ до Р. Хр.; строгое соблюденіе ими древнихъ обычаевъ.—334. Краткое содержаніе доклада профессора А. И. Якобіа о самоѣдахъ (читаннаго въ засѣданіи Общества Естественнагоиспытателей въ Казани); стремленіе Самоѣдовъ выйти изъ дѣлаго состоянія; жилища ихъ, платье, лица, занятіе охотой и оленеводствомъ.—338. *К. Случевскій* „Изъ Вершинъ“ Нѣсколько словъ о происхожденіи фамилій крестьянъ, живущихъ по рѣкѣ Тоймѣ; образчикъ заселенія, особенность крестьянскаго дома; „голбачки,“

т. е. деревянные ящики, на которыхъ водружены кресты на кладбищѣ. — *Z.* Библиограф. замѣтка о книгѣ С. Максимова „Крылатя слова.“—353. Замѣтка о жизни японскихъ женщинъ: вліяніе американокъ на положеніе ихъ; бракъ въ Японіи и отношенія жены къ мужу.—354. „О Черкескомъ словарѣ,“ составленномъ Лопатинскимъ; между приведенными имъ сказаніями есть нѣкоторыя, мотивъ которыхъ сходенъ съ мотивами Нибелунговъ о Бруннгильдѣ; другія же поражаютъ связь съ греческими мѣтами.—356. *H.* *Балабуха.* Рождественскіе обряды и обычаи въ Таврической губерніи (у малорусовъ, бѣлоруссовъ и Грековъ).—360. Рабство у Бурятъ (изъ „Новаго Времени“): продажа и покупка дѣвочки; право продажи принадлежитъ отцу, матери, братьямъ, дядимъ, а за наимѣншею ихъ и другия родственникамъ. Проданная становится рабой купившаго и освобожденіемъ отъ рабства можетъ быть только бракъ. Тамъ же: краткое изложеніе сообщенія объ Остяхахъ и Вогулахъ, сдѣланнаго 21 декабря въ засѣданіи Этнограф. Отдѣла И. Р. Г. О-ва С. К. Паткаповымъ, проведеннаго два года въ Тобольской губерніи.—361. Расколъ и шгуада на Волни.—1891.—1. Обряды китайцевъ накануне Нов. года.—3. *A.* *Ярицевъ.* Вертепъ (рождественское представленіе) Авторъ располагаетъ довольно значительной литературой, статья весьма содержательная.—4. Вѣра французовъ въ сверхъестеств. силы 7-го сына въ семьѣ.—8. *И.* *Востоковъ.* Святки въ деревнѣ. Авторъ приводитъ нѣкоторыя общезвѣстныя подблюдныя пѣсни и обряды гаданія (къ сожалѣнію не указывая, въ какой деревнѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія). Тамъ же въ отдѣлѣ „Сибѣсъ“—празднованіе новаго года въ Малороссіи, изъ „Кіевскаго Слѣва.“—14, 15. *Гульбатъ.* Святая Нина—грузинское преданіе. Пространная и приукрашенная передача церковной легенды о просвѣтителѣ Грузіи.—17. Экспедиція Н. Ф. Катанова въ центральную и Восточную Авію. Краткое изложеніе результатовъ 4-хъ путешествій, совершенныхъ г. Катановымъ въ 1888—1890 г. въ урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губерніи и въ Китайскій Туркестанъ. Цѣль путешественника была этнографическая и лингвистическая.—23. О переселенцахъ Акмолинской области. Русскихъ переселенцевъ лѣтомъ 1890 г. насчитывалось болѣе 17000 душъ; интересъ ихъ сводится къ интересамъ кочевниковъ киргизовъ; свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ главнымъ образомъ о скотоводствѣ. Вслѣдствіе водворенія русской земледѣльческой культуры, киргизы вынуждены будутъ измѣнять традиціонныя формы скотоводства, поглощаящаго немалую часть земли, безъ малѣйшей затраты труда. При размѣщеніи мигрующимъ лѣтомъ наличнаго числа переселенцевъ, образовано въ Акмолинской области двѣнадцать новыхъ селеній: девять—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, два — въ Петропавловскомъ и одно — въ Атбасарскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ поселено 7.423 мужскія души, но кромѣ того причислено еще къ прежнимъ селеніямъ, въ которыхъ представлялось возможнымъ сдѣлать прирѣзки, 1.313 мужскихъ душъ; всего же вновь водворенныхъ въ Акмолинской области переселенцевъ — 8.736 мужскихъ душъ, распредѣленіе которыхъ по уѣздамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Кокчетавскомъ — 7.225 мужскихъ душъ; въ Петропавловскомъ 1.072 мужскихъ души и въ Атбасарскомъ—409 мужскихъ душъ. — 26. Замѣтка о японской жизни (имена, жилища, одежда).—30. Доклады *Л-ра Олдерона* о Сванетахъ въ засѣданіи Антропологическаго Общества въ Петербургѣ. Очеркъ Сванетинъ, физическое вырожденіе сванетовъ, огромный процентъ (50%) идиотовъ, кретиновъ, элиментиковъ, слабоумныхъ и т. п. ненормальныхъ психически людей; перекрестные браки между близкими родственниками еще болѣе подрываютъ физическія и нравственныя силы этого несчастнаго народа. Рядомъ съ психическимъ вырожденіемъ идетъ и физическое, безъ сомнѣнія обуславливающее это послѣднее. Сванеты почти всѣ носятъ зобъ. Начиная развиваться съ трехлѣтняго возраста, онъ вырастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, имѣя верѣдку до $\frac{3}{4}$ метра въ окружности. Съ годами зобъ атрофируется и отъ него остается лишь комочекъ известковыхъ солей, болтающихся въ кожонѣмъ вѣшкѣ, свѣшивающемся у старухъ чуть не до половины груди. Разлитіе зоба надо поставить въ связь съ высокимъ содержаніемъ гипса въ водѣ Ингура. Интересный фактъ тотъ, что Сванеты живущіе южнѣе, въ такъ-называемой Даліанов-

ской Сванетія, богиѣ доступной, удобной для жизни, не представляютъ вовсе такихъ высокихъ степеней вырожденія и являются обыкновенными горами.—41. *Гульбатъ* (псевд.). „Бриллиантъ“ — грузинская легенда. Въ ней изображена исторія живописца Мартина — Грека, которому поручено было во время царя Арчила I расписать церковь Св. Стефана; ликъ Божьей Матери онъ писалъ съ дочери своей Пульхеріи. При писаніи картины ему приходило помогать въ приготовленіи красокъ неизвѣстный юноша, оказавшійся потомъ наследникомъ престола, Мирдатомъ. Во время послѣдняго похода царевичъ влюбился въ дочь побѣжденнаго имъ персидскаго сатрапа Барзабоды — красавицу Сагдухтъ и, сомнѣваясь въ согласіи отца на этотъ бракъ, рѣшился потрудиться во славу Божьей Матери, прося ея помощи. До сихъ поръ душа Мартина была чиста, какъ бриллиантъ, которымъ гордились ангелы, а дьяволъ рѣшился помрачить чистоту этого бриллианта; вслѣдствіе неясныхъ намековъ царевича, Мартинъ воображаетъ, что его дочь Пульхерія овладѣла сердцемъ Мирдата, и начинаетъ предаваться честолюбивымъ мечтамъ стать царскимъ тестемъ. Вскорѣ царевичъ возвращается побѣдителемъ изъ новаго похода, и царь въ награду позволяетъ ему жениться на дочери сатрапа Сагдухтъ, о чемъ глашатаи и возвѣщаютъ народу. При этомъ извѣстии Пульхерія, полюбившая царевича, падаетъ мертвою; отецъ въ отчаяніи снесъ ее въ храмъ, положилъ у подножія своей картины, а самъ лишился чувствъ. Тогда онъ увидѣлъ, какъ ангелы взяли на небо душу Пульхеріи, и какъ она плакала, что не могла взять съ собою отца, погубившаго душу свою честолюбіемъ. Придя въ чувство, Мартинъ повѣлъ свою вину, предался раскаянію, и ангелы смывъ слезами темныя пятна съ его души, повесили этотъ бриллиантъ въ престолъ Божій, гдѣ онъ до сихъ поръ свѣтитъ дивнымъ вдохновеніемъ тѣмъ художникамъ, которые работаютъ для славы Божьей.—55. Замѣтка о отраваніи Китайцевъ въ возможность сообщенія душъ живыхъ людей съ умершими; сжиганіе при погребеніи лица съ письмами, адресованными къ умершему, въ увѣренности, что душа его унесетъ ихъ съ собою на небо; отвѣты на свои письма Китайцы, по ихъ увѣренію, получаютъ во снѣ.—59. Археологическія раскопки В. З. *Завитневича* въ Минск. губ. Рѣчицѣ. у. (отчетъ о его рефератѣ гъ Кіевскомъ историч. Общ.). Исслѣдованія производились съ цѣлью опредѣленія восточной границы поселенія дреговичей, южною границею которыхъ, до сихъ поръ установлена р. Припять (Кіев. Слово). — 62. Докладъ о Воронежской старинѣ, сдѣланный секретаремъ Ворон. стат. Комитета Л. В. Вейнбергомъ въ засѣданіи Этногр. отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. 25 февр. Предметомъ сообщенія были „слѣды хазарской народности въ предѣлахъ нынѣшн. Ворон. губ.“

Минакъ. (Работникъ, изд. 3 раза въ недѣлю, въ Тифлисѣ). 1890. — 4. *Апро*. „Письма изъ Турецкой Арменіи“. XVII письмо посвящено любовнымъ и пласовымъ пѣснямъ, пожеланіямъ, проклятіямъ и играмъ турецкихъ армянъ.—8. Г. А. Передовая статья по поводу книги Ernest Chantrea „De Veurouth à Tillis“. Упомянувъ о нѣкоторыхъ неточностяхъ и ошибкахъ г. Шантра авторъ тѣмъ не менѣе находитъ книгу очень интересной и дѣльной.—9. *Асиаи*. „Отличительная черта армянскихъ пословицъ.“ Авторъ приводитъ цѣлый рядъ не армянскихъ пословицъ и выраженій и, подыскивая подходящія по смыслу армянскія, указываетъ на то, что въ послѣднихъ почти всегда упоминается объ ослѣ. — 10. Рецензія на соч. I. de Morgan'a: „Mission scientifique de Caucase.“ — 14. З. „Армянская семья.“ Взглядъ на настоящее состояніе армянской семьи.—15. Замѣтка о нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ въ окрестностяхъ Новаго Баязета: женихъ обязанъ заплатить родителямъ невесты 20—200 р. на приданное. Въ день свадьбы посаженный отецъ и всѣ присутствующіе послѣ обѣда кладутъ въ тарелку деньги.—21. Замѣтка о кулачномъ боѣ въ Гори на масляницѣ.—30. *Апро*. „Письма изъ Турецкой Арменіи“. XVIII письмо посвящено мотивамъ пѣсенъ турецкихъ армянъ и ихъ музыкальнымъ инструментамъ.—31. Г. С.—Корреспонденція изъ селенія Нижня-Ахты (Эриван. губ.). Въ Ахтахъ соблюденіе постовъ, въ особенности среди женщинъ, доведено до крайности. Великимъ постомъ народъ собираетъ деньги на „матагъ.“ На собранныя деньги покупается нѣсколько быковъ или коровъ. Въ день св. Пасхи рано утромъ рѣжутъ животныхъ и раздають

Сѣв. Арм. Арменія

мло бѣднѣмъ и богатѣмъ поровну. „Матагъ“ по-армянски—жертва. — 35. Замѣтка о рефератѣ г-на Артамонова: „О Персіи,“ читанномъ въ заведеніи Кавк. Отдѣла И. Р. Г. Географическаго Общества. — 39. Въ корреспонденціи изъ Адруда говорится, что для удаленія саранчи женщины сварили молочную кашу и разливали ее по полю, дѣти же производили шумъ мѣдною посудою. — 34. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XIX письмѣ описывается зимнее время-препровожденіе турецкихъ армій крестьянъ. Рецензія на 1-ую часть книги Jos. Spillmann'a: „Durch Asien.“ — 44. *Апро.* „Письма изъ Турецкой Арменіи. XX.“ Нѣкоторые юридическіе обычаи. — 45. Тоже. XXI. Черты курдскаго быта. — 48. Корреспонденція изъ Ахалциха описываетъ празднованіе дня св. Георгія 23 апрѣля. Хотя армянская церковь празднуетъ св. Георгія въ сентябрѣ, но ахалцихскіе армяне соединяются для празднованія 23 апрѣля съ православными. Этотъ день у нихъ называется „царатовъ“ (кривой праздникъ). По народному повѣрью все сработанное въ этотъ день будетъ „криво,“ т. е. негодно. Потому, оставивъ работу, всѣ отправляются за городъ на развалины помолиться св. Георгію. Если беременная женщина въ этотъ день будетъ работать, то родитъ уродца. — 60. „Турецкіе армяне и ихъ сосѣди.“ Рядъ статей преимущественно статистическаго содержания; есть и этнографическій матеріалъ. — 67 и 68. *В. Папазянъ.* „Шахна“ — бытовой очеркъ изъ турецкой жизни. — 72. *Апро* „Письма изъ Турецкой Арменіи.“ Въ XXV письмѣ описывается поѣздка въ весьма почитаемый армянами мужской монастырь св. Карапета.

Новое Время. — 5172, 5179, 5188, 5207, 5222, 5236, 5243, 5250, 5264. — *В. Маишковъ.* Изъ путешествія по Абиссиніи. — 5179. Сообщеніе о появленіи въ Уфимскомъ краѣ секты „стригуновъ“. — 5198. *К. Случевскій.* Выдержки изъ его путешествій по Вологодской и Архангельской губ. Бытъ и выносливость населенія, занимающагося лѣсными промыслами. — 5203. Изъ Керчи—сообщеніе о находкѣ при рытвѣ могилы на новомъ городскомъ кладбищѣ кипарисоваго саркофага древности 1500—1800 лѣтъ съ остатками человѣч. костей и глиняными и стеклянными сосудами. — 5242. *Г. Робиуэ.* О положеніи китобойнаго промысла въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ. — 5243. *Н. Лендеръ.* Съ Волги. Раскольничья секта „халугуры“. Ихъ обычай бросать трупы своихъ умершихъ въ озеро. — 5248. Сообщеніе о погромѣ въ Новороссійскѣ персидскихъ лавочекъ—для характеристики отношеній между различными народностями, населяющими его (Южный Край). — *А. Елистревъ.* Гор. Кизвинь. Съ богомольцами Мешхеда. — *В — а.* Ташкентская выставка. — 5251. *В — а.* Ташкентская выставка. — 5271. Сообщеніе о сѣвѣрнѣй крестьянъ Полтавской губ., что нельзя тушить пожара отъ молніи, такъ какъ это значить идти противъ Бога. — 5281. Библиографія. Реп. на кн. Д. И. Эварницкаго: „Вольности запорожскихъ казаковъ“. — 5287. *Н. А. Рубакинъ.* „Какъ и что читаетъ народъ?“ Отношеніе крестьянъ къ школѣ и къ грамотности. — 5301. *П. Ровинскій.* Цветанье (корресп.). Очерки Черногоріи. — *В. А. Жуковскій.* О древностяхъ Закавказскаго края. — 5303. Положеніе кустарныхъ промысловъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ. — Похищеніе дѣвушекъ въ Абказіи. — Обычай прохожденія невѣсты передъ вѣнцомъ черезъ огонь въ Полтвѣ. — 5309. *Д-ръ А. В. Елистревъ.* Объ этиологіи Сѣверной Персіи. — 5312. *Кн. Г. С. Голицынъ.* Сообщеніе о путешествіи по русскимъ владѣніямъ въ Средней Азійи и по Центральной Азійи. — 5315. *П. Ровинскій.* Очерки города Ульцина (Дульциньо). Его жители: черногорцы, албанцы-католики и малисары (албанцы изъ племени клименты и шкреды). Ихъ занятія отношенія, существующія между черногорцами и албанцами-католиками и малисарами. — 5324. „Украинскія письма“ объ обрусѣнн Малороссіи (Киевланнѣ). — 5326. О возникновеніи обычая устраивать елки наканунѣ Рождества Хр. и о замيرانіи древнихъ обычаевъ—малорусскихъ и бѣлорусскихъ, пріуроченныхъ къ этому дню. — *Дн. Кайгородовъ.* Обычай Рождественской елки. — 5327. *В. Познанскій.* Рабовладѣльство у Донскихъ казаковъ (Кіевская Старина, дек.). — *С. К. Паткановъ.* Сообщеніе въ Спб. географич. обществѣ объ остаткахъ и вогулахъ. — 5330. Мурманскій берегъ (корресп.) — 5331. *А. Н. Красновъ.* Сообщеніе о путешествіи по Сванетіи. — 5344. *С. С. Корр.* изъ Казани о ямч. вѣрованіяхъ у чувашъ (керемети). —

Перечень археологич. находокъ въ Вят. г. за 1890 г. (Вят. Г. В.)—5851. *Елиссеть*. Описание персидскаго праздника розъ въ г. Кучанѣ. (Рус. Жизнь).—5857. Отчетъ о засѣд. Антропологич. Общества въ Петб. (23 янв.), въ кот. докладывали гг. Ольдерогге (см. Моск. Вѣд. 30) и Фортунатовъ, послѣдній — о вслѣдственной безопасности. — В. Р. Розенъ. О древней Манчжурской письменности, (докладъ въ Рус. Археологич. Обществѣ). — 5859. Замятка о существующемъ въ Елисаветград. у. обычѣ уступать невѣсту сопернику за плату отступного (Елис. Вѣстн.).—5861. *Генри Стисли*. „Карлики великаго Африканскаго лѣса“ (обитающіе въ лѣсахъ Аватика на р. Нгури); ихъ бытъ, занятія, оружіе и ихъ наружность.—5862. Отчетъ о лекціи проф. А. А. Исаева о хозяйственномъ бытѣ Россіи.—5864. „Борьба со штурдой“.—5874. Сообщеніе франц. путешественника Габр. Бонвало (въ чрезвыч. собраніи И. Р. Геогр. Общ. въ залахъ дворца в. кн. Екатерины Михайловны, 12 февр.) о его путешествіи по Тибету съ лѣта 1889 г. по 1890 г. — 5878. Замятка о переселенцахъ на Мурианскомъ берегу. — 5881. Зам. о разрытій 6-ти кургановъ (къмъ ?) во окрест. Новозыбкова Черн. г. съ признаками трупосожженія (Черн. Г. В.). — 5882. Отчетъ о рефератѣ г. Солодова о системѣ земледѣлія въ Зап. Сибирѣ, читанномъ въ СПб. Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ, 19 февр. — 5888. Отч. о засѣданіи Этногр. Отдѣленія И. Р. Г. Общ. 25 февр. (докл. Л. В. Вейнберга о сѣздахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронеж. г.).

Новое Обзорѣніе.—2380, 2385—7, 2343, 2358, 2360—1, 2367 и 2372 „Восточные анекдоты о муміѣ Насръ-Эдипѣ“, собранные г. *Ершовымъ*. — 2308 и 2322. Сванетія и Лечгумъ (о вобастыхъ и кретивахъ).—2349. Древнія городища на берегахъ рѣкъ Кубани и Лаби.—2320. Библиографическая замятка о V книгѣ „Этнографич. Обзорѣнія“, *А. Хах-ова*. — 2341. „Нѣсколько словъ о книгахъ, касающихся народностей Кавказа“, *А. Хахо-ва*. — 2344. „Къ вопросу о происхожденіи осетивъ“, *Л. Загурскаго*.—2357. Годичное засѣданіе Кавказскаго Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общества (Отчетъ Л. П. Загурскаго). — Любопытныя замятки, помѣщенныя г. *Ершовымъ*, подъ названіемъ: „Изъ нашей старинѣ“, въ №№ 2403, 2410, 2424, 2433, 2448 и 2453—2410. „Доглаури“—историческая легенда, идущая изъ XVII вѣка, г. *Хонели*. Легенда разказываетъ о цѣломудренной стойкости грузинки противъ покушенія царя Ростова.—2420. Содержаніе книги: „Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Р. Данибегова“ въ XVIII в., съ ея оцѣнкой, *А. Хах-ова*. — 2475. Библиографическій отчетъ о VI и VII кн. „Этнографическаго Обзорѣнія“ *А. Хах-ова*.—„Капарскій монастырь“, *Д. Пурцеладзе*. — 2476. Легенда о „Кважисъ-саждари“ (воронья церковь), *Иа. Хонели*.

Новороссійскій Телеграфъ. — 4911. Смысь: „Выборъ невѣсты китайскому богдыхану“ и „Обычай лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа въ Китаѣ“. — 4982. Хожденіе со звѣдой на Рождествѣ въ Оде-сѣ.—1891 г.—4986. О способѣ привѣтствій у народовъ Западной Африки. — 4994. Китайцы въ канувъ Нового года. Обычай задабриванія злаго духа. — 4996. Охота на тигра въ Индіи. Описание особаго способа этой охоты и употреблявшихся при этомъ орудій.—5013. Египетъ (корресп.). Открытіе саркофаговъ.—5021. Засѣданіе Импер. одесскаго Общества исторіи и древностей (докл. *Л. П. Долмискаго* — о древностяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Волынской губ.).

Новости—219. О персидскихъ танцовщикахъ и ихъ танцахъ (Н. Вр.). — 231. Изъ с. Николаевки о находкѣ у порога Ненасмѣцкаго каменныхъ орудій (топоровъ и пр.).—232. Поминки по киргизѣ бѣгъ рода Чапрашты, Сарабаѣ Айдовѣ, устроенныя на урочищѣ „Улькунъ-сай“, на горахъ Алашау, противъ „Узунъ-агача“. — 244. О положеніи женщины въ мусульманской семьѣ кавказскихъ татаръ.—252. Вѣра Чукчей въ загробную жизнь оленей; ихъ „оленій праздникъ“.—Проявленіе народнаго суевѣрія по поводу находки бивня мамонта въ Тамбовской губ.—254. Корр. изъ Ярославля о положеніи ящичнаго кустарнаго промысла.—281. О. III. Туркестанская выставка (Отдѣлъ охоты): описаніе орудій охоты мѣстнаго населенія туземцевъ. — 289. Корр. Изъ Царевосанчурска. О появленіи между православными черемисами селты—„Кутусарта“; ея догматическое

ученіе и взаимныя отношенія сектантовъ (Волж. Вѣсти). — 310. Рец. на Д. И. Эварницкаго: „Вольности Запорожскихъ казаковъ“. — Публичныя лекціи Эварницкаго по археологій Россіи. — 315. Экспедиція въ Центральную Азію (изъ письма *И. Козлова*). Селеніе Кара-сай. Топографія, флора и фауна всей мѣстности. Жители сел. Кара-сай и ихъ занятія. Описаніе мѣстностей, прилегающихъ къ рр. Бостанъ-тургаи и Кютель-дарыи и Ой-ляй-лякъ-булакъ. — Лодзь (корр.): о причинахъ эмиграціи въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 317—8. *И. Д—ов*. „По Россіи“, изъ воспоминаній земскаго статистика. Отношеніе народа въ статистику и ихъ дѣятельности. Описаніе одной кельи „чернычекъ“ въ Поволжь. — 332. Рец. на „Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы“, К. К. Абаза. — 336. Рец. на М. Пянегина „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ“. — 337. Возврътніа кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій). — 340. „Въ нео-филологическомъ обществѣ“. *Ө. А. Браунъ*: отчетъ о побѣдахъ въ Мариуполь и Манкупъ-Кале съ дѣлю отыскать слѣды давно исчезнувшихъ крымскихъ готовъ. (*С. Н. Сыроматниковъ*). Дополненіе къ докладу „Исторія Готландіи“ и „Гута-сага“. Древніе обитатели Готландіи. — 243. О набѣгахъ персидскихъ кочевниковъ на русскія селенія по рѣкѣ Атреку (Новое Обозрѣніе). — 344. *Е. Ф. Шмурло*. „Разсказъ итальянца Тедалди о Россіи времяъ Иоанна Грознаго. Докладъ, читанный въ Слб. историческомъ Обществѣ. — 355. *И. Б—ова*. 25-ое Дек. — день зимняго солнцеворота; почитаніе его у древнихъ и новыхъ народовъ; обычай въ Россіи въ навечеріи Рождества Христова вѣнчать Коляду и Авсень, Сербская колядка и малорусская. — Засѣд. Этногр. отдѣл. И. Р. Геогр. Общества. Сообщенія: г. Истомина — „Сборникъ наговоровъ, заклинаній и нашептываній“, распространенныхъ въ вуляискомъ и славяносербскомъ уѣздахъ, г. Иванова; г. Панина — „Народный глѣбникъ“ священника Саратовской губ.; С. К. Патканова — „О результатахъ этнографическихъ наблюденій надъ бытомъ остяковъ: А. Н. Краснова — о физико-географическихъ изслѣдованіяхъ въ Сванетіи. — 357. Въ „Московскихъ письмахъ“ отчетъ о докладѣ проф. И. И. Янжула въ засѣд. этнографич. отдѣла И. Общ. Люб. Естествознанія (19 февр.) о значеніи времени и пространства въ народномъ хозяйствѣ. — 358. *И. Д—ов*. „По Россіи“ (изъ воспоминаній земскаго статистика). Баку (корресп.). Бытъ молоканъ и армянъ на Кавказѣ — 359. Замѣчательный типъ русской крестьянки — „Катка“ (Рижскій Вѣст.). — 1891. *6 Карполовъ*. Медленность роста и развитія и продолжительность жизни африканскихъ дикарей сомалийцевъ и данакалійцевъ; причины этого (Туркест. Вѣд.). — Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго (докладъ его въ И. Р. Геогр. Общ.). — 23. О причинахъ переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ. — 24. Вильно. (корресп.). Сообщеніе о похоронахъ повѣсившейся старухи въ болотѣ, вслѣдствіе суевѣрія литовцевъ, что душа ея будетъ бродить по деревьямъ и принесетъ много зла (Петерб. Лист.). — 26. Рец. на „Антропологию“ *Ө. Ю. Петри*. — 28 и 33. О лекціи кап. Громбчевскаго въ С. П. Б. Кредитн. Общ. въ пользу фонда имени Пржевальскаго при И. Р. Геогр. Обществѣ. Предметомъ чтенія служило послѣднее путешествіе Громбчевскаго по средней Азій. — 29. *Бол—в*. О возрожденіи сартовъ. Ихъ способность къ промышленной дѣятельности (Волж. Вѣст.). — Отчетъ докладѣ *Ө. Д. Батюшкова* въ С. П. Б. Неофилологич. Обществѣ (11-е засѣд.): „Преданія о разлученіи души съ тѣломъ въ др.-рус. письменности и въ дух. стихахъ о богатѣхъ и Лазарѣ“. — Извѣстіе о пуб. лекціи проф. А. С. Трачевскаго (въ С. П. Б. Педагогич. музей, 30 янв.) объ отношеніи между языковѣднѣемъ и антропологіею и о разселеніи человѣч. рода послѣ потопа. (См. Новости 39.). — 33. Содержаніе третьей лекціи А. А. Исаева (въ Педаг. муз., 30 янв.): „Очерки хозяйственнаго быта Россіи“. — 38. Замѣтка о латышахъ и эстахъ въ Псковской губ. Переселенія ихъ начались сюда съ 1855 г. Теперь эстовъ счѣтается въ Псковск. г. (особ. въ Псковск. и Торопецк. уу.) до 11,000 (правосл. до 2½, т.), а латышей (особ. въ Псковск. у.) до 7,000 (правосл. до 1 тыс.). — 39. Содержаніе 4-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи. Содерж. 8-й лекціи проф. Трачевскаго. — 41. Правдникъ „дуганъ-сара“ у астраханскихъ калмыковъ, 30-го янв. (С. Отеч.). — 42. Тысячелѣтіе Георгіевск. монастыря въ Баладаляѣ (преданіе о его основаніи 891 г.) греками-мореплавателями. — *Д*. Рец. на кн. П.

Ровинскаго: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“.— 41. Случай продажи родителей въ с. Петровскомъ Одесск. у. (Южаннъ).— 46. Содерж. 5-й лекціи проф. Исаева о хозяйствен. бытѣ Россіи.—51. Свѣдѣнія о сектѣ малаванцевъ въ Васильковск. у. Кіев. г.—58. Изъ молдаванскихъ правотъ: дѣвица, оболщенная парнемъ, является къ нему въ домъ, садится на печь и требуетъ вѣнчанія, что большую часть исполняется.— О 10-й лекціи А. С. Трачевскаго (20 февр.) о древнѣйшихъ алфавитахъ.— 57. Постановленіе „собора“ бѣгло-поповцевъ въ г. Вольскѣ.— 64. Э. Ю. Петри. „Научные результаты путешествія Фр. Нансена черезъ Гренландію“.

Новости Дня. — 2458. В. Т. „Первое мая“ (историко-этнографическая справка). Славянскія празднества 1-го мая. Праздникъ въ Литвѣ и Польшѣ. Народная примѣта о несчастныхъ бракахъ въ маѣ. — 2472. В. Т. „Троицннъ день и Семикъ“. Празднованіе Троицнна дня въ Литвѣ, Малороссіи, Россіи. Помяновеніе умершихъ въ Семикъ и похороны безъ вѣсти пропавшихъ. Обычай украшать зеленью и цвѣтами дома въ Троицннъ день. Завиваніе вѣнковъ. Пляски въ честь Ярилы.—2502. Объ открытіи въ Саратовѣ трупа крестьянина, умершаго отъ опоя, для предотвращенія засухи.— 2514. Корр. изъ Карса о томъ, что вѣсколько женщинъ—армянокъ разрыли на кладбищѣ могилу и найденныя тамъ кости бросили въ рѣку Карсъ—чай, какъ средство отъ бездождія.—2528. Корр. изъ Уфы о появленіи секты „стригуновъ“.—2541. Туристъ. „Изъ Москвы на Уралъ“. Отъ Нижняго до Казани. Въ началѣ приведена легенда о мордвинѣ Скворцѣ и чародѣй Дятлѣ.—2542. „Людотдн“. Разсказъ католическаго миссіонера въ Убанги о пирахъ туземныхъ людодѣвъ.—2588. Негритянская сказка о леопардѣ и гнѣтѣ; причина крас тл ихъ шерсти.—2597. Описаніе празднества, устроеннаго персами въ Тлеидисѣ въ день рожденія своего влстителя, шаха Насръ-Элиа (Кавказъ).— 2598. Туристъ. Изъ Москвы на Уралъ. VI. Въ преддверіи Сибири. Описаніе г. Пермь.—2605. Туристъ. Изъ Москвы на Уралъ. VII. Въ царствѣ золота и желѣза. Описаніе г. Екатеринбургъ.—2626. „Бракъ и судъ въ Камерувѣ“. Краткая замѣтка по поводу того, что иногда отецъ невесты, взявъ съ жениха извѣстную сумму денегъ, какъ выкупъ за невесту, отдаетъ за него другую дочь вмѣсто обѣщанной; судъ по этому поводу.— „Добрый обычай“. Сообщеніе о возобновленіи въ Торонто, въ провинціи Онтарио въ Канадѣ, древняго англійскаго обычая—публично погружать въ воду сварливыхъ женщинъ и сплетницъ.— 2627. Н. Бочаровъ. „Подъ Курячій праздникъ“. Отношеніе русскихъ людей, начиная съ XI вѣка, къ домашней птицѣ. Курячій праздникъ бываетъ на Козьму и Даміана, когда куръ считаютъ, сортируютъ и рѣжутъ. — 2628. Екатеринбургъ (корресп.). Сообщеніе нижснера Лебедзинскаго о находкѣ имъ на берегу р. Лепсиа, притока р. Сосьвы, капища и божества остяковъ-язичниковъ.—2637. 1-ое Н о я б р я. (Истор. справка.) Этнографическія особенности дня. Народныя поговорки и примѣты на 1-е ноября. Свв. Косма и Даміанъ—покровители куроводства. Освященіе куръ въ старину. Челобитныя куры; бои и пр. Н. Бочарова.—2644. Н. Бочаровъ. 8-ое Н о я б р я. Народное представленіе объ Архангелѣ Михаилѣ и народныя примѣты, приуроченныя къ этому дню.— 2651. Знакомый. Литературныя замѣтки: „Старый Гудъ и его царство“ (кавказская легенда).— 2652. Н. Бочаровъ. 16-ое. Н о я б р я. Указаніе на народное суевѣріе, по которому съ 15 ноября всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ и зими. По народному замѣчанію зима прѣзжаетъ на пѣгой кобылѣ и разгоняетъ всѣхъ нечистыхъ.— 2657. Н. Бочаровъ. 21-ое Н о я б р я. День Введенія, по народнымъ примѣтамъ. — 2660. Н. Бочаровъ. 24-ое Н о я б р я. Упомянутое о народномъ обычаѣ раздавать пироги въ день своихъ именнхъ.— 2661. Н. Бочаровъ. 25-ое Н о я б р я. Донесеніе воеводи Щербатаго о дикихъ людяхъ „Челюдекахъ“, одноглазыхъ, живущихъ въ верхнихъ р. Тунгузья.— 2670. Н. Бочаровъ. 4-ое Д е к а б р я. „Народныя примѣты и поговорки, приуроченныя ко дню св. Варвары.— 2697. Н. Бочаровъ. 1-ое Я н в а р я. Васильевъ вечеръ въ быту народномъ. Гаданье въ Звенгородскомъ уѣздѣ, Моск. г.— 2698. Н. Бочаровъ. Начало вренскихъ вечеровъ по народнымъ понятіямъ.— 2717. Н. Бочаровъ. 21-ое Я н в а р я. Народныя примѣты, приуроченныя къ этому дню.

Одесскій Вѣстникъ.—288. Село Солоное (корресп.). Заработки мѣстнаго населенія—пзвовный промыселъ; отношеніе къ нему Малоросса, Великоросса и Молдаванна.—329 *М. П.* Новые труды по русской этнографіи (Библиогр. замѣтка). Краткая рецензія и перечисленіе всѣхъ вновь вышедшихъ трудовъ по этнографіи.—339. *Н. Вучетичъ.* Дао и Адо (карабахская легенда). Состязаніе двухъ пѣвцовъ; ихъ пѣсни.—181. *В. В.* въ корр. изъ м. Чилишля упоминаетъ о существованіи у молдаванъ обычая—похищенія невѣсты.—182. Корр. изъ Ташбунары о суевѣрїи, что трупъ вѣдьмы (могилу ея) надо поливать водой, чтобы отаратить бездожіе.—181. Сообщено вѣрованіе въ скорую кончину міра (Смол. В.).—1891 г. 8. Баку (корресп.). Жизнь молоканъ и армявъ на Сѣверной Кавказѣ. Нищенствъ армявъ и зажиточность молоканъ. „Чортвы угольщикъ“ (Эльзасская легенда).—17. Новозыбовъ (корресп.). Сообщение о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ древнѣйшей эпохи, удостовѣрившемъ фактъ сожиганія труповъ древними (Черн. Г. В.).—19. О торжественной аудіенціи у короля москитосовъ.—21. *Ю. А. Кулаковскій.* „О керченской христіанской катакомбѣ (докладъ; см. Моск. Газету, 14).

Одесскій Листокъ.—215. Проф. Позднѣвъ сообщаетъ о найденномъ имъ въ Парижской Национальной библіотекѣ Манчжурскомъ манускриптѣ.—*Черноморецъ.* „Успеневъ день на В. Фоптанѣ“. Картинка народной жизни. Взглядъ на появившихся насѣкомыхъ, пожирающихъ хлѣбъ, какъ на наказаніе Божіе.—219. Сообщение объ обычѣ въ графствѣ Эссексѣ дарить большой окорокъ ветчины супругамъ, которые не поссорятся въ теченіе одного года и одного дня.—267. Выдержка изъ сообщенія г. Истомина о состояніи православія среди самоѣдовъ Печорскаго края и объ ихъ идолопоклонствѣ (Мин.).—302. Каннибализмъ въ Центральной Африкѣ (L'Urigere).—329. О Путешествіи А. П. Чехова. Нѣсколько данныхъ объ о. Сахалинѣ (изъ Новост. Дня).—1891.—10. Баба-богатырь. Женскій народный тивъ „Катъка“.—(О)мчай современныхъ Грековъ заключать браки между ново-рожденными дѣтьми.—14. „Изъ путешествія по Святой землѣ“. О русскихъ поселеніяхъ въ Палестинѣ.

Одесскія Новости.—1648. „Повѣрье огородниковъ“ (замѣтка), что пайденыи лапотъ надо забросить въ огуречную гряду.—1663. Корр. изъ Екатеринослава о появленіи новой севты, наз. крестьянами „чудимы“. Изъ принциповъ: воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, сквернословія и насилій—1682. „Изъ жизни Алтая“. Охота киргизовъ за птвцами беркутовъ.—Нѣсколько интересныхъ историч. данныхъ о Под. губ.—1687. Дѣйя и Маисунъ (персидская сказка).—1724. Индѣйское племя,—сообщеніе объ открытіи полковникомъ Голабердомъ въ Колорадо (Калифорніа) новаго индѣйскаго племени, которое наз. себя „Лви Суниасъ“.—1736. Одежда китайцевъ. Многочисленство въ Китаѣ.—1770. *Смуческій.* Сообщение о томъ, что въ Архангельской губ. косятъ „горбушей“ (большой серъ) (Моск. Вѣд.).—1808. *А. Старковъ.* Ханъ-охе-би-ювь-бянь. Китайско-русскій словарь. (Сообщеніе, сдѣланное въ засѣданіи историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ 11 Декабря 90 г.). Двойственность Китайскаго языка; Китайскія письмена, исторія ихъ; исторія сношенія Россіи съ Китаемъ.—1814. Сообщенія о возвращеніи мусульманъ Кавказа на тюрьму и тюремное заключеніе.—1815. Изъ Китайскихъ разсказовъ.—1863 Корр. изъ Бендеръ о мѣстномъ знахарѣ Куденко (въ предмѣстїи Старыхъ Ливканахъ), занимающемся лѣченіемъ водочной настойкой изъ разныхъ травъ и нашептываніемъ.

Олоонеція Г. В.—72—79. Статья „Изъ народной жизни“—общаго характера, но заключающа въ себѣ вѣкторія интересныя свѣдѣнія о лодчанскихъ артеляхъ, о вѣрованіяхъ Корела, сравненіе его съ обывателями береговъ р. Свири, о колдовствѣ и колдунахъ, примѣтахъ и предрасудкахъ.—81—84. Ст. „Ладвинскій приходъ“, кромѣ описанія географическаго, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о ваяніяхъ, промыслахъ и бытѣ прихода, его праздникахъ (между прочимъ описано жертвоприношеніе въ Ильинъ день, такъ называемое „хватовщина“), увеселеніяхъ, а также объ условномъ языкѣ Ладвинскихъ стекольщиковъ.—1891.—4. „Тягловый промыселъ на Марїинской системѣ“—составленіе тягловыхъ артелей.

Оренбургскія Г. В.—35. *П. А. Юдинъ.* „Башкиры“. П. Жизнь и занятія башкиръ. Образъ жизни башкиръ. Жилища ихъ, отопленіе. Безпечность башкиръ; ихъ зависимость отъ кулаковъ. Нечистоплотность ихъ. Бѣдность. Домашній скотъ. Занятія ихъ. Ихъ честность и другія нравственныя качества.—36. *П. А. Юдинъ.* Башкиры. III. Религія и обычаи. Магометанство. Описанія ихъ мечетей. Богослуженіе. Пища башкиръ „салма“. Гостепримство. Посты. Праздникъ Уразанъ-Байрамъ. Воспитаніе дѣтей. Браки. Покупка невѣстъ. Бракосочетаніе. Пѣсни башкиръ. Почитанье умершихъ. Похоронные обряды. Устройство могилъ.—37. *П. А. Юдинъ.* Башкиры (окончаніе). IV. Историческое прошлое башкиръ. До 1556 г. они подчинились Казанскому царству, а послѣ взятія Казани приняли русское подданство, получивъ въ 1557 г. отъ Іоанна IV грамоту на вѣчное владѣніе своими землями. Дальнѣйшее положеніе башкиръ. — 43. *П. А. Юдинъ.* „Съ Дона на Уралъ“. Исторія поселенія донскихъ казаковъ на Уралѣ правительствомъ.—50—52. *П. А. Юдинъ.* Киргизы. (Этнографическій очеркъ). I. „Степь“. Характеръ киргизскихъ степей. II „Населеніе степей“. Дѣленіе киргизовъ на отдѣльныя группы—„орды“. Сходство и различіе между ордами. Исторія перехода киргизовъ къ полусѣдой жизни и занятію хлѣбопашествомъ. Описаніе стоянъ кочевыхъ киргизовъ. Общественное устройство киргизскихъ ауловъ и бійствъ (волостей). III. „Религіозные обряды киргизовъ“. Религія киргизовъ—магометанство. Отсутствіе мечетей. Легенда о постройкѣ мечети Тамерланомъ въ Самаркандѣ 1891.—1—5. *П. А. Юдинъ.* „Киргизы“ (продолженіе). IV—V. „Нравы и обычаи“. Обычай, сопровождающіе ребенка отъ рожденія до зрѣлаго возраста. Свадебные обычаи. Заключеніе брака. Днягатовка. Музыкальные инструменты киргизовъ. Пляски. Пѣвнѣ. Положеніе новобрачной. Многоженство. Трудная доля киргизокъ. Ихъ недолговѣчность. Смертность. Похоронные обряды киргизовъ. VI. „Занятія киргизовъ и ихъ достояніе“. Хлѣбопашество, сѣнокошеніе, караванный промыселъ (прислуга), разведеніе лошадей, рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ и пр. VII. Боевая пригодность киргизовъ. VIII. „Языкъ и литература киргизовъ“. Киргизская сказка о Кривдѣ и Правдѣ.

Оренбургскія Еп. В. 1890.—18. Изъ религіозной жизни чувашей Оренбург. губ. („Моск. Вѣд.“).

Орловскія Г. В. 1890.—67. Вигуру. Соблюденіе постовъ въ Западной Европѣ (Science pour tous).

Пастырскій Собесѣдникъ. 1890.—12—13. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ („Подол. Еп. В.“).—14. Къ вопросу объ обычаяхъ гадать на книгахъ святи. писанія, —историко-археол. замѣтка.—*Н. Н. Влалбуха.* Пасхальные обряды и легенды въ Тавридѣ („Моск. Вѣд.“).—17, 18 *В. Преображенскій.* Черты сходства и различія языческихъ сказаній о Богѣ и о происхожденіи міра отъ библейскаго повѣствованія.

Пензенскія Г. В. 1890—199. Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.—200. Промыслы сельскаго населенія въ Наровчатскомъ уѣздѣ.—203. Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ уѣздѣ.—206. Отхожіе промыслы сельскаго населенія въ Саранскомъ уѣздѣ.—207. Промыслы сельскаго населенія въ Инсарскомъ и Нижнеомовскомъ уѣздахъ.—227. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово Инсарскаго уѣзда (этнографическій очеркъ). Населеніе. Обычай мордвы прогонять скотъ черезъ туннель между могильными курганами, на которомъ горѣлъ живой огонь, чтобы предохранить его отъ падежа. Мнелогія Мордвы.—228. Святи. *Н. Н.—ловъ.* Письма изъ деревни. VI. Суевѣрные обычаи крестьявъ: „провода“, обычай здороваться съ усопшими ресною.—230. *А. Шевелевичъ.* С. Болдово, Инсарскаго у. „Моляны“. „Кереметь“. Одежда мордвы.—233. *А. Шевелевичъ.* Село Болдово, Инсарскаго у. Старый обычай давать ребенку имя. Обычай красть невѣсту. Обычай, сопровождающіе похороны; обычай класть покойнику монеты и его любимыя вещи.—236. *А. Шевелевичъ.* Тоже (окончаніе). Поминновеніе усопшихъ. Волѣны мордвы. Занятія. Промыслы.—245. *Св. Н. Н.—ловъ.* Письма изъ деревни. VIII. Село Мордовское—Лѣва (Мокша). Исторія его заселенія. Занятія населенія. Просвѣщеніе. Религія. „Помощь“.—247. *Св. Н. Н.—овъ.* Письма изъ деревни. IX. Кустарные промыслы Городищенскаго и Саранскаго уѣздовъ.—

272. 4. *В. Терезинъ*. Села Ефасво и Рыбьино, Краснослободскаго уѣзда. (Археологическія и историческія замѣтки)

Пензенскія Еп. В. — 1890.—19. *И. Люстровъ*. „Суевѣрія и примѣты въ средѣ простаго народа“, при рожденіи ребенка, крещеніи, при свадьбахъ; вѣра въ колдуновъ, оборотней, вѣдьмъ, знахарокъ, ворожей и домовыхъ; зазыванія домового; обрядъ „провожанія души“.—28. *Свяц. Г. Иллюстровъ*. Историко-статистическое описаніе прихода села Ямской слободы, Исарскаго уѣзда.

Пермскія Г. В. 1890—69—71 и 77. *И. И. Аргамельскій*. „Этнографическіе очерки Горнозаводскаго населенія Урала“.—76. *А. А. Исеевъ*. Описаніе Перми.—79. *Н. Н. Новокрещеныхъ*. Открытіе города Перми 12—18 Октября 1781 г.—86. Уральское общество любителей естествознанія: 1) докладъ о раскопкахъ С. И. Сергѣева; 2) сообщеніе Лебедзинскаго о находкѣ нѣк на берегу р. Сосьвы ндола Остяковъ; нѣскольго чертъ изъ жизни Сѣвернаго Урала.—1891.—А 6 Сборъ кедровыхъ орѣховъ. Описаніе приспособленій, необходимыхъ въ данномъ случаѣ для рабочихъ кедровниковъ.— Причины, вліяющія на ростъ людей.—8. *П. В.—нъ*. Экскурсія по верховамскимъ дебрямъ. I. Расколнничій скитъ.

Пермскія Еп. В.—1890. 19. *Д. Смышляевъ*. Воспоминанія о Востокахъ. Турки: ихъ счисленіе времени, посты, кофейни. Турецкіе монахи. Обрѣзаніе, выдача дѣвушекъ замужъ, процессія „зеффеть-эт-гаммамъ“. Похороны. Браки православныхъ. Арабскіе музыкальные инструменты; двѣ арабскія пѣсни въ русскомъ переводѣ.—20. Изъ исторіи старообрядскаго раскола въ Пермской епархіи.

Полтавскія Г. В.—1890.—69. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“ (продолженіе см. № 671). Разобрана дума про Ганжу Авдмбера.—70. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“ (продолженіе). Думы: Плачъ невольниковъ о выкупѣ, плачъ невольника о выкупѣ, Маруся Богуславка, жалоба сестрицъ, отчизнъ. Ихъ группировка и разборъ.—71. *А. Н. Лисовскій*. „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“. Думы: „О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“, „о Черноморской бурѣ“, „о смерти трехъ братьевъ близъ рѣкы Самары“, „про вдову и трехъ сыновъ“. Разборъ первой думы.—72. Тоже. Разборъ второй думы (въ художественномъ отношеніи и бытовомъ по содержанію).—73. Тоже (продолженіе) Разборъ третьей думы.—74. Тоже (окончаніе). Причины появленія думъ; исторія ихъ развитія въ связи съ развитіемъ жизни малорусскаго народа.—91. *Св. Григ. Коломенскій*. С. Чутово, Полтавской губ. (историч. очеркъ). Пловы и утварь. Приведены два стихотворенія, написанныя малорусскимъ яз. на образахъ Апостоловъ и Бога Вседержителя (всѣхъ стихотвореній—12, по числу Апостоловъ).

Правда—1891. 4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физиологической и антропологической.—6. Корр. изъ Винницы объ истязаніи разными пытками 4-хъ челов., заподозрѣнныхъ въ воровствѣ.

Руководство для сельскихъ мастырей.—26, 29, 34, 40, 44. *М. А. Рабочій* прикамскихъ соляныхъ промысловъ и вивенскій крестьянинъ—пермякъ (сравнительная характеристика въ религіозно-нравственномъ и бытовомъ отношеніяхъ).

Русскія Вѣдомости. 1890—121. *И. П. Бялокопскій*. Среди Сибирскихъ внородцевъ. Абаканская степь. Описаніе татарской юрты. Вліяніе христіанства на жизнь татаръ. Описаніе татарскаго праздника; религіозныя представленія татаръ о добрыхъ и злыхъ духахъ. Татарское служеніе, отправленное шаманомъ. Взглядъ татаръ на шамановъ. Нравственныя воззрѣнія татаръ.—124. Любоѣдство на Новыхъ Гебридахъ. Сообщеніе о съѣденіи декарями р. Мамчикало экипажа ихуну, „Елуза Магу“—126, 131. *Серафимовичъ*. Въ тундрѣ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Экипажъ самоѣда, упряжъ и одежда. Самоѣдская пѣснь; ея характеръ и содержаніе. Ызда по сибѣровой тундрѣ. Описаніе самоѣдскаго чума. Понятіе о преступленіи у самоѣдовъ.—144. *П. Г.—овъ*. Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтаѣ? Объ отношеніяхъ сибирскихъ старожиловъ къ поселенцамъ изъ Россіи.—148. С. На потокахъ (изъ жизни на далекомъ Сѣверѣ). Описаніе одного изъ промысловъ Сѣвернаго края—сплава лѣса.—153. Тоже (окончаніе).—136, 143, 155. *А. Плещеевъ*. „Американскія исторіи“. Свободный союзъ.—156. Подъ рубр. „Разныя разности“. „При Дагомейскомъ дворѣ“—рассказъ губернатора Котону, Байола, о казнахъ Даго-

мейскаго короля и о кровожадности его амазонок.—162. *В. См—ев.* „Народное представление страстей господних въ Вазарской деревнѣ Оберъ-Аммергау въ 1880 году“.— 169, 172. Путешествіе Стэнли. Выдержки изъ книги Стэнли „Въ дебряхъ Африки“ о его путешествіи черезъ дремучій Африканскій лѣсъ, о встрѣчѣ и борьбѣ съ туземцами. Описание племени карликовъ, которыхъ Стэнли встрѣтилъ въ дѣвственномъ лѣсу Африки.—175. Шемаха (корресп.). О распространеніи куренія опиума среди мѣстныхъ татаръ. — 178. Елисаветградъ (корресп.). О положеніи крестьянъ—переселенцевъ въ Херсонской губ.—182. Алтайскій Округъ (корресп.) О положеніи переселенцевъ.—185. Буква. „Въ буддійскомъ храмѣ и аннамскомъ театрѣ“. (Лѣтніе рассказы). Описание буддійскаго храма, бывшаго на Парижской выставкѣ, и службъ въ немъ и представления въ аннамскомъ театрѣ.— 187. *Г.* Кустарная промышленность въ Австріи.— 188. *П. Г—ев.* Что ожидаетъ переселенцевъ на Алтай?— 190. „Шалопутъ на Кавказѣ“. Ихъ догматическое ученіе. Описание ихъ молебни и самой службъ. Ихъ нравственность и занятія.— 206. Петергофъ (корресп.). Состояніе гончарнаго промысла (кустарнаго) въ уездѣ.— 211. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ“. (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу). О вышннемъ положеніи раскольниковъ скитовъ 1. По Ветлугѣ.— 212. Верхнеуральскъ (корресп.) Населеніе уезда. Башкиры, киргизы и русскіе; ихъ занятія. Приобщеніе киргизовъ къ занятію земледѣліемъ. — 215. Екатеринбургъ (корресп.) Возникновеніе и развитіе гранильнаго промысла среди мѣстныхъ кустарей.— 220. Новости науки и литературы. Древнѣйшая манджурская рукопись. Парижской Национальной бібліотеки, открытая проф. Позднѣвскимъ. — 221. На Уральскихъ заводахъ и рудникахъ (корресп.) Занятія населенія Нижняго Тагила; торговля, возка дровъ и руды, заводскій трудъ, работа въ рудникахъ, кустарные промыслы по обработкѣ желѣза.—223. *Влад. Короленко.* По Ветлугѣ. Легенда о невидимомъ градѣ на берегу озера Свѣтлояра.— 225. Ардатовскій уездъ (корресп.) Сообщение о зарятіи крестьянами павшей лошади съ живою кошкой для прекращенія эпизоотіи.— 226. Положеніе кустарнаго промысла въ Тулѣ, по по обработкѣ желѣза.— 234. *Вл. Короленко.* По Ветлугѣ. Жизнь мѣстнаго населенія.— 238. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи“. 2. Евстигнѣичъ. Характеристика отношенія русскихъ поселенцевъ въ Башкиріи къ башкирамъ.— 248. Ткацкій промыселъ въ Ярославскомъ уездѣ. Положеніе кустарей. — 253, 255, 262, 269, 297, 335, 353. *Вл. Короленко.* „Въ пустынныхъ мѣстахъ“. II. Керженецъ. 256 Петергофскій уездъ (корресп.). Положеніе кустарей, добывающихъ глину ярко-голубого цвѣта.— *И.* „Иородцы Нарымскаго края“ (корресп.). Племенной составъ. Жилища. Пища. Одежда. Занятія. Промыслы. Браки. Религія. Языческія молебья. Кумирни. Жертвоприношенія (шаманы). — 259. Разныя разности: „Древніи городяща на берегахъ рѣкъ Кубани и Лабы около станицъ Усть - Лабинской и Ново - Лабинской“. Найденныя тамъ вещи.— 276. *А. А. Исаевъ.* Артель тульскихъ кустарей. (Корресп.).— 278. *А. Р.* Туркестанская выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности.— 287. Рыбинскъ (корресп.). Возникновеніе котельнаго промысла въ Глѣбовской волости и его настоящее положеніе.—311. *Петръ Добротворскій.* „Въ глуши Башкиріи.“ 3. Своя люда. Картинки Башкирской жизни.—325. „Курляндскіе Короли“; этимъ именемъ означается населеніе 7 деревень въ окрестностяхъ г. Гольдингена. Они пользуются привиллегіями. Происхожденіе ихъ точно неизвѣстно: по однимъ преданіямъ имъ дарованы льготы за услуги ордену меченосцевъ, по другимъ—они потомки бывшихъ повелителей Курляндіи.— 326. Миссіонеръ Вербицкій (некрологъ). — 327. *Ал. Ивановскій:* Смерть Киргизскаго пѣвца Улгенбая.—339. *Ал. Головачевъ:* Страница изъ жизни Ильки (изъ быта киргизовъ).—347. *В. С—ев.* Новая свѣдѣнія о египетскихъ древностяхъ. Сообщенія о результатахъ, добытыхъ г. Голенцевымъ во время поѣздки его по Египту зимой 1888—89 г.—348. *Н. О. Эмиль.* (некрологъ).— 353. *В. С—ев.* Генрихъ Шлиманъ (некрологъ). — 356. *В. Шуфъ.* Карагѣзъ. Описание одного изъ представлений турецкаго полишмиеля Карагѣзъ—родъ китайскихъ тѣней, введенныхъ въ Турціи въ 1421 г. Представленія имѣютъ чисто народный характеръ; въ нихъ проявляется народное

остроуміе и дается воля насмѣшкамъ надъ современнымъ строемъ Турціи.—

1891.—4. П. С. С. Я. Капустинъ (некрологъ). — 7. В. Шуфъ: Въ горахъ. Сообщенія свидѣнія о повѣрхяхъ Крымскихъ татаръ (о шаптанѣ, Айша).— 11. Редензія на кн. VII Этнографическаго Обозрѣнія.— 15. Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго (подробный отчетъ о прочитанномъ г. Громбчевскимъ рефератъ въ засѣданіи Им. Рус. Геогр. Общ. 10-го января). Н. Астыревъ. Изъ экскурсій по Нижнеудинскому округу.—30 37, 53, 59. Н. Астыревъ. Тоже.— 44. Путешествіе Капитана Б. Л. Громбчевскаго (дополненіе къ извѣстіямъ сообщ. въ № 15).—59. Некрологъ Миклошича.

Русскій Паломникъ—1890.—6,7. Поклоненіе змѣю у различныхъ народовъ.— 23. Христіанство среди калмыковъ.— 33,34. Л. Эйслеръ. «Дурной глазъ» у обитателей Святой земли.— 36. Чукотская миссія (краткая исторія ея).— 42,43. В. Кузнецовъ. Погребальные обряды нѣкоторыхъ народовъ (на Авоноѣ, Синаѣ, въ Яссахъ, Константинополѣ, у индусовъ, монголо-бурятъ, у древнихъ персовъ, евреевъ, турокъ и др.).

Рязанскія Г. В.—1890 г.—66,67. Г. Д. «Жизнь и нравы китайцевъ». Нѣсколько данныхъ объ успѣхахъ китайцевъ въ земледѣліи (изъ брошюры Г. Д. «Между Востокомъ и Западомъ»).— 68. Негритянская сказка о леопардѣ и гнѣзѣ (Хар. Г. В.).— 77,79,80. И. П. Золотницкій Материалы для историко-статистич. описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской губ. (Продолж. въ 1891 г.).— 82. «Дополнительныя о Рязанской епархіи свидѣнія». Въ статьѣ объ Архіепископѣ Мисаилѣ есть разсказъ о попыткѣ его крестить мордву при помощи вооруженной силы въ 1656 г.— 89. Д-ръ Елистревъ. «Объ употребленіи гашиша и опиума у Восточныхъ народовъ (С. О.).— 93, 94. «Надгробныя надписи изъ текія Аюганъ-Махаммедъ Султана въ г. Касимовѣ».

Рязанскія Е. В.—1890 г.—22. «Суевѣрія и примѣты въ средѣ простого народа». Суевѣрные обряды съ заклинаніями при рожденіи ребенка, призывы при крещеніи его. Суевѣрные обряды, сопровождающіе свадьбу, и примѣты, касающіяся ея. Вѣра въ колдуновъ, оборотней и вѣдмъ, въ знахарей и ворожей. Вѣра въ домовыхъ; приглашеніе домового въ новое жилище. Примѣты при елосвященіи и при похоронахъ. Обрядъ «провоженія души».

Самарскія Г. В. 1890—76,77. Особенности быта инородцевъ Волжско-Камскаго края. Нѣсколько словъ о фотографіяхъ, доставленныхъ на Казанскую Научно-Промышленную выставку, представляющихъ различные постройки, орудія производства, посуду, кладбища и разные моменты свадебнаго празднества инородцевъ: головные уборы, узоры, орнаменты, украшенія и предметы культа инородцевъ (Прав. Вѣсти)—96. Сообщеніе изъ доклада д-ра А. И. Яковля о Канинскомъ полуостровѣ и его обитателяхъ — самоѣдахъ (Волж. Вѣст.).—8, 9. Историческій очеркъ колонизаціи Ново-узненскаго края.

Саратовскія Г. В.—68. «Въ гостяхъ у крымскихъ татаръ».—90. А. Рамчуровъ. Шетневскіе крестьяне, Балашовскаго уѣзда. Очерки быта ихъ.—97. Счетъ у дикихъ народовъ.— 1891—8. Ѳедоръ Ерохинъ. «Село Малая Сердоба, Петровскаго у.» (Нравы и обычаи села). Характеръ сердобинцевъ. Свадебные обычаи. Покушка вѣвѣть, что называется «рядиться изъ кладки». — 9. Корр. изъ с. Журввики: случай женитьбы молодого бѣднаго парня міромъ.—Ѳедоръ Ерохинъ. «Село Малая Сердоба, Петровскаго уѣзда». (Нравы и обычаи села. Оконч.). Положеніе новобрачной. Ея обязанность — одѣвать всю свою семью. Свобода отношеній между полами. Пьянство. Одежда. Неопрятность. Суевѣрія. Хороводная пѣсня «Черничка»; пѣсня дѣвушекъ на посидѣлкахъ, пѣсня о порядкахъ села.—10 Ѳедоръ Ерохинъ. «С. Жуковка, Петровскаго у.» Исторія его.— 11. Ѳ. Дучинъ. «Дер. Софьяна, Елшанской вол., Саратовскаго у.»; жизнь ея обитателей.—Полѣшуил. Нѣсколько чертъ ихъ міра ихъ религиозно-правственныхъ воззрѣній.—12. Крест. П. М. Сухова. «Село Жирное, Нижне-Добринской вол., Камышинскаго уѣзда». Исторія и бытъ его обитателей.

Саратовскій Дневникъ.—1890 г. 25-го дек. «Рождественскія коляды» (идеализація крест. быта въ пѣсняхъ). — 43. Замятка о случаѣ продажи родителей въ другое село.

Сибирскій Вѣстникъ. — 111. Въ 85, 88 и 90 №№ „Сиб. Вѣстн.“ была напечатана статья помощника провектора Томскаго Университета С. Чугунова подъ заглавіемъ: „Антропологическій очеркъ остяковъ Сургутскаго края“. (См. „Этногр. Обзор.“, VI, 210). Антропометр. изслѣдованіямъ, по словамъ г. Чугунова, было подвергнуто 122 особи. Въ наст. 111-мъ № Сургутскій окружн. врачъ В. Клячкинъ, по поводу „антропол. изслѣдованій“ г. Чугунова, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Г. Чугуновъ пробылъ въ Сургутѣ съ 29 іюня до 23 іюля и все время жилъ въ городѣ, выѣзжая только два раза: на одинъ день на Барсову гору, находящуюся въ 10 вер. ниже Сургута, и на столько-же времени на Свиные борки, въ 15 вер. отъ города. Въ г. Сургутѣ не живетъ ни одного остяка: жители состоятъ изъ бывшихъ казаковъ. На Барсовой горѣ нѣтъ ни одного жидьн.“ На основаніи этого г. Клячкинъ совѣтуетъ не слишкомъ довѣрчиво относиться къ изслѣдованіямъ г. Чугунова. — 114. С. Чугуновъ. Замѣтка на „замѣтку“ Сургутскаго окруж. врача В. Клячкина, въ которой авторъ объясняетъ, что онъ производилъ антропометр. изслѣдованія надъ тѣми остяками, которые пріѣзжали въ Сургутъ для сдачи ясака и покупки пороха и хлѣба. — 141. Корр. изъ укрѣпленія Бахты, Семирѣч. обл., объ экспедиціи Н. Ѳ. Катанова. Экспедиція достигала г. Урумчи, древней столицы Уйгурскихъ хановъ. Собранъ богатый лангвастическій матеріалъ по языку сартскихъ племенъ кптайскаго Туркестана, именно: сартовъ Турѣана, Логучена, Акъ-су, Кучара, Кашгара, Хотана и Каракаша. Больше всего записано пѣсенъ, воспѣвающихъ гл. обр. войну мусульманъ противъ китайцевъ (1864 г.). Нарѣчія всѣхъ вышеупомянутыхъ городовъ весьма близки другъ къ другу. Наибольше характерныхъ особенностей сохранилось въ нарѣчій хотанскихъ сартовъ. Нарѣчія Турѣана, Логучена, Пичана, и Ками заимствовали массу словъ изъ кит. яз. Весь сѣверный склонъ хребтовъ Тянь-шаня и Эренъ-кабырги заселенъ китайскими селеніями и переселенцами. Дѣлѣ экспедиція намѣрена прослѣдовать до Хами, оттуда чрезъ г. Хобдо въ Усинскія селенія и вернуться затѣмъ въ Минусинск. — 147. А. Спириновъ. Корр. изъ Чернаго и Бѣлаго Юсовъ, Минусин. окр., с конокрадахъ и инородческомъ судѣ надъ ними. — 1891 г., 1. П. Д. Туруханскій край (тунгусы, самодѣды, якуты, остяки и долгане). 2. Я. П. Новый годъ и его празднованіе кптайцами въ Маймачинѣ.

Сибирскій Листокъ. 1891.—12. Д. Маминъ-Сибирякъ. Письма съ Урала (письмо 2-е)—о печальномъ экономическомъ положеніи башкиръ.

Смоленскій Вѣстникъ. 1890—78. М. М. Веселкинъ. „Народная былина о Смоленскѣ Зап. со словъ крестьянъ Олонца. г.“ (Ср. „Земскій Соборъ при ц. Алексѣ Михайловичѣ“ у Рыбникова. II, 236—8; III, 267—271).—117. III. пишетъ изъ Рославльскаго у. о пчеловодномъ промыслѣ у мѣстныхъ крестьянъ. Благовѣщеніе особенно почитается пчеловодами. Просѣора, освященная въ этотъ день, хранится круглый годъ на пчельникѣ. — 119. Изъ Сычевск. уѣз. о мѣстныхъ кликушахъ (особенно много ихъ въ Гринск. вол.). — 119. Нѣкто „Знакомый“ сообщаетъ изъ Жиздринск. у. (Кал. г.) краткія свѣдѣнія о болѣе развитыхъ видахъ промысловъ среди мѣстн. крестьянъ (плотники, шерстобиты, дубильщики, каменщики, мочальный промыселъ, трепанье пеньки).—122. О свидаѣніяхъ,—физіологич. объясненія снова. (Газ. Гатцука)—131. Перечень поступленій въ смол. ист.-археологич. музей за октябрь.—133. Между старожилками смолянами есть преданіе, что смоляне рано ли поздно ли должны покинуть свой городъ „отъ судей неправедныхъ“. При этомъ они ссылаются на рѣдкую книгу Петра Могила, хранящуюся, по ихъ словамъ, въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, а какъ на признаки приближенія этого злаго рока, указываютъ на возрастающія притѣвленія со стороны евреевъ; наконецъ говорятъ, будто бы о. Іоаннъ Кронштатскій наложилъ на смолянъ „черный крестъ“—знакъ несчастья.—Г. А. Т. Убіиство (изъ судеб. хрон. Витеб. Окр. Суда). Интересны типы, выставленные здѣсь въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, и нѣкоторые эпизоды самой драмы (напр., отравленіе

на свадьбѣ).—*Отъ музея.* Въ музей среди многихъ пожертвованій поступили между прочимъ старыя книги: „Знаменія пришествія антихристова“, соч. Стее. Яворскаго; рукопись: „О бѣломъ клобуѣ“, съ присоединеніемъ статей: „о брадобритіи въ церковномъ клирѣ“. — 140. *С. Я.* Забытый уголь. Мѣстность, называемая Рущиною или иногда—„Польщей“. Характеръ мѣстности и ея населенія, состоящаго изъ зажиточныхъ крестьянъ, людей довольно честныхъ, но крайне грязныхъ и невѣжественныхъ. Упомянется здѣсь и о пребываніи въ этой мѣстности осѣдлыхъ цыганъ, имѣющихъ не малое вліяніе на рущинцевъ. — 143. *С. Г.* Корреспонденція изъ Гжатска содержитъ сообщеніе о слѣпцѣ-миссіонерѣ и бесѣдахъ его съ раскольниками.—144, 145. *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя. (Ноября 25-го, 27-го и 28-го). Дневникъ представляетъ изъ себя небольшіе очерки современной деревенской жизни, (см. также 1891 г., № 10). — 145. Картежничество среди крестьянъ Порѣчскаго уѣз.: три листика (бончугъ) съ подходцемъ и стуколка.—149. *К. Ровинскій.* Письмо въ редакцію, въ которомъ авторъ, услышавъ, что въ Смоленскѣ организуется археологическое общество, предлагаетъ расширить программу, внеся въ нее этнографію и естественнѣдніе, и такимъ образомъ организовать „Общество изслѣдователей Смоленскаго края“, по примѣру Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. —

1891.—*Б. А. А.—сич.* Въ корresp. изъ Рославля авторъ между прочимъ касается святочныхъ обычаевъ рославльскаго мѣщанскаго населенія.—„Сичѣсь:“ Баба-богатырь („Рижск. Вѣстн.“)—9. Корреспонденція изъ Ельни. „Лѣтній“ снимаетъ обувь съ лѣвой ноги у пьянаго мужика и обматываетъ ему около шеи. — 11. *А. А.—сич.* Климовичскій уѣздъ Мог. губ. Упомянется о „лирахъ“, на которыхъ играютъ музыканты. — 12. Въ корреспонденціи изъ Вязьмы (въ концѣ) упоминается о знахарихъ и между прочимъ о капомъ-то травникѣ временъ Іоанна Златоуста (?).—18. Въ Смол. музей между прочими пожертвованіями поступило много стар. рукописей: 1) „Книга старчества“, рук. XVII в. (аскет. содержанія); 2) „Книга глаголемая космографія“ съ присоединеніемъ нѣкот. статей, напр., „о царѣ Сулѣ“ и о томъ, какъ Христъ былъ воспріемникомъ одного младенца, рук. XVII в.; 3) Списокъ святыхъ и монастырей по разнымъ городамъ и областямъ русскимъ, послѣ эпохи смутнаго времени (годъ смерти каждаго святого); 4) Повѣсть о Вавилонѣ и шапкѣ Мономаха; 5) нѣсколько рукописей изъ раскольничьей литературы; 6) „Писцовая книга г. Вязьмы“, рукоп. 1630 г., и нѣкот. др.—*Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя (см. также № 10 и 22).—24. Корр. изъ Рославля (въ концѣ) трагуетъ о знахарихъ и знахаркахъ. Названы имена и мѣстожительство важнѣйшихъ изъ нихъ.

Ставропольскія Еп. В.—1890.—17. Изъ путешествія по Кавказу. Сообщеніе о развалинахъ большого города, находящихся на правомъ берегу р. Большой Зеленчукъ, на гребнѣ свята Кавказскаго хребта (Моск. Церк. Вѣд.).—*С III.* Станица Рязанская (Корresp.). Сообщенія о мѣстности русскаго населенія къ черкесскому.

Сѣверный Кавказъ. — 189. Станица Червленая (Тер. обл.). Въ этой замѣткѣ незавѣстный авторъ сообщаетъ любопытная свѣдѣнія о русскихъ переселенцахъ.—157. Народное образованіе на сѣв. Кавказѣ.

Тамбовскія Г. В. 1890.—107.—110, 113. Село Кистемено, Шацкаго у. (корrespон.). Нѣсколько данныхъ о населеніи и его языкѣ. Занятія населенія. Религіозные обряды. Обряды при помяновеніи усопшихъ. Обычай раздавать ржаныя просооры и кусочки блиновъ въ день Благовѣщенія. Обряды, сопровождающіе смерть чью-либо и побременіе усопшихъ. Обычай ставить свѣчи огидаемъ внизъ на гробъ пьяницъ и подавать за нихъ просооры, какъ за умершихъ. Обычай, пріуроченные къ праздникамъ Ивана Купала (провожапіе русалокъ), Петрова дня (встрѣча солнышка), Семинъ день и ночь, Овсенъ кликать, обычай „опахиванія села“, костры и ямы по случаю зарязы. Съ тридцатыхъ годовъ обычай „опахиванія села“ не повторился. Портняжество, какъ отхожіи промыселъ, и вліяніе его на нравственность портныхъ,

семеиную жизнь и общественныя дѣла. Насиліе портныхъ въ сходахъ. — 113. *П. Падучевъ*. Свадебныя обычаи и обряды въ Козловскомъ уѣздѣ. — 115, 116. *И. Ст-кій*. Суевѣрія и предрасудки простого народа въ отношеніи свѣтлль небесныхъ. — Село Татаново, Тамбовскаго у. Нѣсколько данныхъ о занятіихъ его населенія. Исторія его заселенія. при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ.—121—4. *К. И. Удовиченко*. Счисленіе времени у древнихъ и новыхъ народовъ.—131—2. „Рождество Христово у Русскаго народа“; южно-русскія колядки и ихъ характеръ.—133. Село Татаново, Тамбовскаго уѣзда; его исторія.

Тамбовскія Еп. В. 1890.—18. *Свящ. Павелъ Ююсовскій*. Село Дранкино, Спасскаго у., Тамбовской губ. Населеніе—мордва. Нѣкоторыя данныя объ его племенномъ составѣ, характерѣ, языкѣ, умственномъ развитіи, объ одеждѣ и украшеніяхъ, о семейномъ и общественномъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ, и о религіи.

Тобольскія Г. В.—40—42, 50. *Е. Кузнецовъ*. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. — 1891 г. — *З. К. Г.* Библиогр. зам. о брошюрѣ: „Археологическій отдѣлъ Тобольскаго губернскаго музея“, составленной хранителемъ его Н. А. Лытвиннымъ.—6. *К. Г.* Библиогр. зам. о „Календарѣ Тобольской губ. на 1891 г.“ (въ статьѣ: „Въ странѣ кедровъ и соболей“ сообщаются интересныя свѣдѣнія о малоизслѣдованномъ Пелымскомъ краѣ).

Томскія Еп. В.—16 21 Природа и населеніе Алтая. Описать физическій типъ алтайскихъ инородцевъ, а именно: 1) алт. калмыковъ, 2) чуйскихъ калмыковъ или теленгитовъ, 3) телесовъ, 4) телеутовъ, 5) кумандинцевъ и 6) черневыхъ татаръ, ихъ одежду, жилища, образъ жизни, и пр. занятія и пр.—авторъ особенно подробно останавливается на религіозныхъ воззрѣніяхъ алтайцевъ и камлани ихъ шамановъ, или камовъ. Сообщены также слѣд. мнѣя алтайскихъ инородцевъ: 1) о сотвореніи міра, 2) о созданіи людей (см. ниже, въ отдѣлѣ „Смѣси“), 3) о проклятіи Эрляка и грѣхопаденіи людей, 4) о происхожденіи смерти на землѣ и 5) о кончинѣ вѣка. Свадебныя обряды алтайцевъ.—1891 г. — 1. *И. И.* Алтайскій миссіонеръ, прот. В. И. Вербицкій (неврологъ)—3. Природа и населеніе Алтая (продолж.).

Тульскія Еп. В.—1890 г.—17. Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губ. Интересныя данныя о молельныхъ и молитвенныхъ собраніяхъ этихъ сектантовъ. — 18. *Свящ. Г. Покровскій*. Суевѣрный обычай въ Веневскомъ уѣздѣ. Сообщается объ обычаяхъ, сохранившемся у крестьянъ, живущихъ около Серебряныхъ Прудовъ,—прыгать черезъ огонь подъ праздникъ Преполовенія Господня. — 20. *Прот. Г. Пановъ*. „Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской губерніи.“ (Окончаніе).—Дополненія къ статьѣ помѣщенной въ № 18. Т. Е. В. за 90 г. объ обычаяхъ прыгать черезъ огонь вечеромъ, подъ праздникъ преполовенія, „чтобы коровка получше принесла теленочка и чтобы прочая скотинка была сыта,“ и борьба съ нимъ духовенства. *Свящ. Иоанна Покровскаго*.—21. „Скорбященская церковь въ с. Рождественѣ, Богородацкаго у.“ Въ главѣ „Библиотека и архивъ“ приведено 4 четверостишія, написанныхъ на образахъ: Спасителя, Иоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова.—23. *Прот. Г. Пановъ*. „Различныя взгляды на безповошанскіе браки.“ Приведены взгляды Поморцевъ и Фодосѣевцевъ.

Туркестанскія Вѣд 44, 45, 47 — 52. *А. Карпоповъ*. Изъ Адена въ Африку (путев. замѣтки).—1891 г., 1. *А. Шишовъ*. Смертность и причины смертности жителей г. Казалинска.—2. *Н. С. Лыкошинъ*. Два факта (самопожертвованіе и нравственность сартовъ).—Экспедиція Лягльделя въ Кашмиръ (изъ „Pionner-Mail“).—5. *С. В.* Поземельно-податной вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ.—Результаты экспедиціи братьевъ Грумъ—Гржмаймаго.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—2. Н. Г. М—въ. Библиогр. замѣтка о „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“, Спб., 1890 г.

Уфимскія Г. В.—1890.—38. *Дръ Никольскій*. „Изъ повѣдокъ по Башкиріи“. Встрѣчается описаніе Башкирскаго „коша“ (жилища) и башкирскаго деревни Сырекульмяковой. Разведеніе картофеля.—41. *М. Колесничковъ*. „Этно-

графическіе очерки русскаго населенія Уфимской г., въ его народномъ быту, обрядахъ, обычаяхъ и проч.“ (Продолженіе). Народныя повѣрія суевѣрія и предразсудки: — заговоръ на недруга и на любовь красной дѣвицы.—42. *М. Колесниковъ*. — То-же. (Продолженіе). Заговоръ на пчелъ и заговоръ отъ падежа скота. — 43. *М. Колесниковъ*. То-же. „Народныя сказы и легенды“. Приведено нѣсколько небольшихъ легендъ. — 47. *М. Колесниковъ*. Тоже. Народныя повѣрія и примѣты.—51. *Петръ Добротворскій*. Повѣдка на Сѣверный Кавказъ.

Харьковскія Г. В.—244. С. Р. „Новѣйшія работы въ области мѣстной этнографіи“. Перечисленіе журналовъ, помѣщающихъ статьи по этнографіи. Задача этнографіи. — 251. 253. Многоженство въ Китаѣ. — 257, 259. Мецара (восточная легенда). — 301. *А. Исавъ*. Наблюденія надъ переселенцами въ Сибиря (Сибирь).—Идеаль носпитанія у калмыковъ.—311 и 314. *Захаръ Мазохъ*. Женщины—Славянки. I Мелица. Характеръ страны Черногоріи. Характеръ отношеній супруговъ—черногорцевъ. 3 черногорскія пѣсни.—327. Сообщеніе о древней церкви (возобновленной), находящейся въ пещерномъ городкѣ Топе-Кермень въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая; надъ усыпальницею ея, древне-греческая надпись.—337. *К. Лейко*. Воспоминанія о Литвѣ. Праздникъ Рождества Христова у Литовцевъ. Приготовленія къ празднику. Первая коляда (Сочельникъ). Описаніе вечера (ужина). „Игрища“ (посѣдьяки). Ихъ устройство.—1891.—3. Реч. на кн. Шульгина „Очеркъ Колядашницы“.—4. Новооперскій уздѣ (корресп.) Сообщеніе о появленіи новой секты „азетуевъ“.

Церковныя Вѣд.—1890.—19. Ѳ. Истомихъ. О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края.

Церковныя Вѣстники. 1890.—18. К. Пономъ. Изъ раскольническаго быта: смерть, похороны и поминки именитаго раскольника въ Саратовѣ. — 21. Языческія нѣрованія и обряды подъ Москвою, въ с. Крылатскомъ (опахиваніе села дѣвками во время эпидеміи). — Чѣмъ намъренъ бороться комитетъ грамотности съ народнымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. — 24. Инородческое демонослуженіе (изъ „Записокъ Зап. Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ.“, кн. IV, стр. 53 и „Томскихъ Еп. В.“ 1890 г., № 9).—26. Къ вопросу о православной миссиіи среди инородцевъ.

Черниговскія Г. В. 1890.—74. Помѣщена корреспонденція изъ Спалы, общающая интересныя историческія данныя о Волинѣ и ея городахъ.—86. Отчетъ о докладѣ М. М. Плохинскаго „о бобронникахъ въ Малороссіи“. — 91. Замятка объ этнографической выставкѣ Средней Африки въ г. Варшавѣ (Варш. Дн.)

Эстляндскія Г. В. 1890.—85--43. Продолженіе и окончаніе интереснаго и обширнаго сборника эстонскихъ легендъ и преданій подъ заглавіемъ „Былины изъ Гапсала и его уѣзда и съ острововъ Эзеля и Руно“ №№ 123—192. Въ числѣ легендъ много рисующихъ нѣрованія и суевѣрія жителей, ихъ космогоническія предстанвленія и т. п. Съ точки зрѣнія исторической этнографіи интересны статьи „Г. Нарна“ (историческій очеркъ), „Борьба Германцевъ и Датчанъ за Эстляндію“ и обширный сборникъ грамотъ, имѣющихъ значеніе для исторіи края.

Южанинъ — 1890. 149. Въ отдѣлѣ: „Наша Печать“ перепечатана замятка Киев. Сл. о статьѣ Сумцова: „Женитьба свѣчки“. По изслѣдованіямъ Сумцова обычай „женить свѣчку“ есть общеварійскій. Въ замяткѣ описывается, какъ празднуютъ „женитьбу свѣчки“ киевскіе торговцы и въ Лубенскомъ уздѣ.—171. Перепечатанъ приведенный въ Елизава. Вѣд. изъ 1-й книги Этнографическаго Обозрѣнія отрывокъ объ общинѣ черничекъ въ Харьковск. губ.—181. Перепечатана статья Москов. Вѣд. по поводу книги Вахтина: „Русскіе труженики моря“. Между замятками объ открытіи Берингова пролива есть замятка Беринга о нѣкоторыхъ обычаяхъ народовъ Камчатки. Такъ Берингъ говорить, что у этихъ народовъ существуетъ обычай убивать одного изъ родившейся двойни, будь то человекъ или животное—безразлично. Что касается больныхъ, то у этихъ народовъ существуетъ обыкновеніе уводить

ихъ въ дѣсь и оставлять имъ пищу тамъ только на недѣлю. Тѣмъ покойниковъ отдаются на съѣденіе собакамъ, а „коряцкій народъ мертвыхъ сожигаетъ“.—195. Въ томъ же отдѣлѣ перепечатано сообщеніе Нов. Дня о серебряномъ мамонтѣ, которому, какъ сообщаетъ Лебедвинскій, поклоняются остяки, живущіе на бер. р. Ленсіа, притока Сосьвы.—197. Въ кор. изв. Магарьевскаго у. сообщается о существующемъ у мѣстныхъ жителей суевѣріи, что клоповъ можно вывести только тогда, если удастся въсколькѣ втихъ насѣкомыхъ положить въ гробъ къ покойнику и зарыть ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Южный Край.—3358. Сообщена басня, слышанная Эминомъ-Пашой въ Тунгуру, близъ озера Альбертъ-Ніанцы, о состязаніи въ бѣгѣ зайца съ землей (Иллюстр. Газ.).—3361. Описанъ обычай, существующій въ м. Гершау, на озерѣ Четырехъ Кантоновъ,—совершать торжественное богослуженіе для нищихъ, бродягъ и мошенниковъ въ первое воскресеніе послѣ Вознесенія.—3392. Сообщение о мольбищѣ черемисовъ съ принесеніемъ въ жертву лошади. (Воля. Вѣст.). 3394. *Н.* Отъ Одессы до Сахалина (Путевые наброски). О. Цейлонъ. Европейцы и туземцы. Жизнь и нравы европейцевъ. Индусы: ихъ одежда; попрошайничество. — 3402. *Проф. Д. И. Вавалтй.* Докладъ въ историко-этнологич. Обществѣ „объ устройствѣ городовъ лѣвобережной Украйны, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ“. — 3425. *Н. Н.* Отъ Одессы до Сахалина. (Путевые наброски). Сингапуръ. Гонъ-Конгъ. Путь отъ Гонъ-Конга до Владивостока.—3429. Способы привѣтствій у племени юрбовъ и у другихъ племенъ Зап. Африки.—3431. Симферополь (корресп.). Какъ проводятъ сочельникъ подъ Рождество Христова малороссы, греки и белоруссы.

Ярославскія Г. В.—1890 г.—68, 77, 85. *А. Архангельскій.* Пѣсни и притчи Дмитревскаго прихода Пошехонск. у. Яросл. г. — 95. *С. Я. Деруновъ.* 1) Приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ. 2) Сказки и легенды.

Примѣч. Нѣкоторыя редакція не сообразовали выслать въ текущемъ году свои изданія въ редакцію „Этнографич. Обзорѣнія“ и тѣмъ лишили ее возможности давать полный обзоръ текущей литературы по этнографіи. Не получаютъ редакціей слѣдующія газеты: *Архангельскія Губ. Вѣд., Владивостокъ, Владимірскія Губ. В., Волжскій Вѣстникъ, Донская Рѣчь, Дѣловой Корреспондентъ, Енисейскія Епарх. Вѣд.* (Красноярскъ), *Иркутскія Еп. Вѣд., Каспій, Край, Крымскій Вѣстн., Курскій Листокъ, Duna Zeitung, Mitausche Zeitung, Могилевскія Г. В., Краина* (Самаркандъ), *Орловскія Г. В., Подольскія Епарх. В., Сибирскій Вѣстн.* (Томскъ), *Сибирскій Листокъ* (Тобольскъ), *Симбирскія Г. В., Сѣверный Кавказъ, Тамбовскія Г. В., Тамбовскія Еп. В., Тифлисскій Листокъ, Тобольскія Еп. В., Туркестанская Туземная Газ.* (Ташкентъ), *Харьковскія Г. В., Южанинъ, Южный край, Якутскія Еп. В.* Если нѣкоторыя изъ перечисленныхъ изданій и просматриваются нами (случайно, неослѣдовательно), то только благодаря любезности частныхъ лицъ, которыя ихъ получаютъ. *Ред.*

4. Латышская библиографія.

1) *Austrums* (Востокъ)—ежемесячный журналъ, издаваемый г. Я. Вельмомъ. 1890. (6-й годъ).—3—4. *Р. Берзинь* составилъ стихи о Deews (Богъ) и „вельнъ“ (чертъ) на основаніи извѣстныхъ народныхъ сказаній и легендъ.— Въ № 3 сообщены переводы трехъ литовскихъ дайнъ (пѣсенъ) на латышскій языкъ.—5. *Павелъ Юрьянъ*: Ивановская пѣсня съ нотами.—7. Воззваніе Латышскаго Общества въ Митавѣ, о собраніи діалектологическихъ текстовъ на латышскомъ языкѣ.

Этимъ обществомъ недавно изданъ новый сборникъ латышскихъ „длинныхъ“ пѣсенъ. *Jelgawas Latweesu Beedribas Rakstnecibas Nodalā Rakstu krajums*. I. *Tautas dzeesmu virknes* (168 длинныхъ пѣсенъ). Митава. 1890. 72 стр.

2) *Balsz* (Голось) 1890 г. 1—5 О латышской народной поэзіи.—9.10. *И. Клявинь*. О положеніи и обстановкѣ балтійскихъ переселенцевъ Латышей въ Витебской губерніи.—18 *Таливалодъ*. О томъ, какъ съ большимъ успѣхомъ можно собирать матеріалы латышскаго народнаго творчества (пѣсни, сказки, поговорки и т. д.).—24 *К. Гроудинь* о значеніи латышской народной поэзіи для изученія древнихъ обычаевъ.

3) *Baltijas Westnesis* (Балтійскій Вѣстникъ). 1890 г.—10. Легенда о происхожденіи Дурбенскаго озера (Курлянд. губ.), вслѣдствіе гнѣва боговъ на людей.—Легенда о рыбацкѣ, вытацившемъ изъ Дурбенскаго озера женщину, которая указала ему за свое освобожденіе мѣсто, гдѣ находилось много денегъ.—16. Легенда о колоколѣ, назначенномъ для Дурбенской церкви, который на пути туда утонулъ въ Дурбенскомъ озерѣ. Долгое время онъ мѣшалъ дѣйствіямъ рыбаковъ.—55. Легенды изъ Юмурской волости: I. Объ утонувшемъ въ Юмурскомъ озерѣ кладбищномъ колоколѣ. II. О близнецахъ, убитыхъ ихъ матерью. III. О кладѣ, зарытомъ на полѣ усадьбы „Ерина“. IV. О бочкѣ, полной золотыхъ монетъ, находящейся въ какомъ-то источникѣ. V. О младенцѣ, голосъ котораго слышенъ лѣтомъ около полудня, недалеко отъ болота.—78. О способѣ приготовленія пива и меда въ Леплянди 250 лѣтъ тому назадъ. (Переводъ съ нѣмецкаго языка).—95. Легенда о бывшемъ яплицѣ чорта, находящемся будто-бы въ горѣ въ Инчканской волости.—Легенда о деньгахъ, показывающихся проходящимъ въ видѣ бѣлой женщины.—106. Легенды: I. Объ усопшихъ, нападающихъ на провзажающаго около кладбища. II. О камнѣ съ крестомъ.—128. О латышскомъ музее.—Легенда о колоколѣ, вытацинномъ изъ озера, но опять утонувшемъ.

4) *Deenas Lara* (Ежедневный листокъ) 1890 г.—4. Въ статьѣ: „*Ziņu akmeņi*“ разсказывается о какомъ-то камнѣ, находящемся при впаденіи рѣчки Ведзе въ р. Огре (Лифляндской губ.), который весь покрытъ разными знаками, похожими на еврейскія буквы и іероглифы, по которымъ галатеи „*kaikenī*“ предсказывали будущее.—33 и 67. Латышская литература. Краткій очеркъ ея, цѣли и задачи.—40. „*Welns un gaļa zeps*“, —Чортъ и пастушокъ,—сказка записанная г. *Перкюнь* въ волости Брукне въ 1890.—111. „Латышская народная медицина“. Авторъ доказываетъ необходимость собранія матеріаловъ по этому предмету и даетъ вѣ-

которые примѣры.—115 и 116. Латыши въ Южной Россіи. Краткій очеркъ исторіи тамошнихъ латышскихъ колоній, существующихъ съ 50-хъ годовъ.—

5) *Majas Vesis*. „Домашній Гость“ (еженедѣльная газета) 1890 г.—2. „*Diamonda zeme*“—Алмазная земля (сказка). Запис. *Янъ Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ Лифл. губ.—4. „*Naudas purmale*“—Край болота съ деньгами (преданіе). Запис. *Ліасма*—5. „*Kā zagata meestīnu darījuse nu kas pēe tam noticis*“—Какъ сорока наварила пива и что при томъ случилось,—преданіе изъ прихода Мазъ-Салаце.—8. „*Nelaimīgais melderis*“—Несчастный мельникъ (преданіе). Запис. *Я. Вольфсонъ* въ вол. Айяжъ.—11. „*Seetina sezā*“—Сіатинель оврагъ. Описание мѣстности и сказки о ней.—14. „*Paг reegulā jāvānu*“—Описание стариннаго Латыш. община, существовавшего еще лѣтъ 30 тому назадъ. Опис. Ваната, изъ волости Крапе, прихода Гудбенъ.—15. „*Naves-eka*“—Въ преданіи этомъ отражается вѣра Латышей въ бога Перкона, оружіемъ котораго является громъ и молнія.—17. 1) „*Naudas zavesana*“ (прек.) Запис. *Ценсайишъ*. 2) *Vilku cels, nogalinātais ciganeees bergs nu vāgruvāsi pils* (преданіе).—d—. Преданіе о холмикѣ, находящемся въ волости Мувъ Пиабалга въ близи Яковлевой школы.—22. *Teika paг bгийнеeku*“. Сказка о рыцарѣ, изъ Балтійскаго приморья близъ Дуббельна; разсказывается о зарытыхъ деньгахъ.—23. „*Mantu paгrabs*“. Преданіе объ углубленіи, находящемся на правомъ берегу рѣки Гауя, въ волости Кроня Бриажумуйжа. Запис. *Ліасма*.—26. „*Paг gaгanam*“. О вѣдмахъ. Запис. *Ванайсъ*. Описанъ способъ приготовления сладобя „*gaгanu svests*“, которымъ пользуются вѣдьмы, а также, какимъ образомъ можно предохранить себя отъ вѣдьмы.

6) *Latveetis* (Латышъ) 1890 г., Еженедѣльная газета, редакторъ издатель К. Укстынъ въ Либавѣ.—14. Народныя загадки (7).

7) *Latveesu Avizes* (Новости Латышей), еженедѣльная газ. изд. въ Митавѣ. 1890 г. 2.—5. „*Vescu laiku atmiņas*“. Воспоминанія о старыхъ временахъ. Написалъ *Тыцанъ*. (О суевѣріяхъ латышей, народныя пѣсни о крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, сказка о помѣстьѣ Спиргусъ).—7. Народныя пѣсни (3).—8. *Pestelneeku jeb pušl taju vardi* (4).—9. Сказка. Записалъ *Пиазаритисъ* въ Тельшевскомъ уѣз.—10. Разговоръ латыша изъ прихода Цесвайнъ съ латышемъ изъ пр. Гудбенъ (на мѣстн. нарѣчій).—11. Преданіе объ озерѣ въ волости Бриньти Записалъ *И. Клявинъ*.—15. Воспоминанія о старыхъ временахъ.—исъ.—17. Въ какомъ смыслѣ употребляютъ разные земледѣльческіе термины тесчичи.

8) *Tevija* (Отечество) 1890 г., еженедѣльная газ.—2. Средство противъ кашля *И. Аллунана* (изъ народной медицины).—8. О литовскихъ дайпахъ (Библиографія, особенности въ музыкѣ, текстѣ и содержаніи; сравненіе ихъ съ латышскими нар. пѣснями).—10. Кое-что о латышскомъ сватовствѣ (по народнымъ пѣснямъ).—24. О латышскихъ прозвищахъ.

9) Календарь Балтійскихъ моряковъ (*Baltijas Juhneeka kalendar*). Издаетъ *А. Бандревичемъ*, третій годъ. За 1891 годъ на стр. 107—118 помѣщена статья *Р. Лейасозла*: „*Lihbeesu teikas un mahni*“. Ливскія сказанія и повѣрія, собранныя на Доммангенъ-Ирбескомъ взморьѣ.

Примѣч. Замѣтки подъ №№ 1, 2 и 9 составлены мною; подъ № 3 — студ. Слб. универс. г. *Вред. ифельдтомъ*; подъ №№ 4, 5, 6, 7 и 8 — студ. Слб. универс. г. *Г. Ансбергомъ*.

Э. Вольтеръ

5. Указатель этнографических статей, содержащихся въ сибирскихъ изданияхъ отъ начала ихъ существованія *).

Сост. А. А. Ивановскій.

Азіятскій Вѣстникъ,

содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части Наукъ, Искусствъ и Словесности странъ Восточныхъ, равно Путешествія по сямъ странамъ и разныя новѣйшія свѣдѣнія; издаваемый Григоріемъ Спасскимъ. С.-Петербургъ. Въ тип. Медич. Департ. Мин. Внутр. Дѣлъ.

1825 г. I, II. Краткое описаніе Тибета (изъ англ. соч.: „A new and complete system of universal Geography.“ By C. Kelly. 1814—1819, in 4°): положеніе, пространство и границы; части (Верх., Сред. и Нижній); климатъ, почва и произведенія; рѣки, озера, горы, лѣса, животныя, минералы; достопримѣчательные предметы въ природѣ; города, и пр.; правленіе; вѣра; издѣлія и торговля; языкъ и словесность; обычаи, нравы и пр.; исторія. I—IV. Страствованіе Габайдулла Аморова по Азіи (составлено изъ записокъ и его словесныхъ разсказовъ): пребываніе въ Бухаріи, Персіи и Кабульскомъ владѣніи; описаніе городовъ: Мерва, Герата, Кандагара, Гандабата, Калата и Шакарпура; жители сихъ владѣній и городовъ: Персіане, Трухменцы, Аймакцы, Авганцы, Насирханы, Синдцы, Блуджцы; описаніе городовъ: Сакара, Лугара, Хайдаръ-абата, Чесельмира, Пукира, Джотпура, Марета, Джейнегара, Шаги-Джиганъ-абата, Аиберъ-абата и окрестностей оныхъ; жители сихъ мѣстъ: Индѣйцы, Маретинцы (Маратты), Музульмане; торговля и промышленность; древности и достопамятности; описаніе городовъ: Тачгенча, Ланнаура, Бенариса, Азимъ-абата, Максуръ-абата, Калькатты, Даки; достопамятности оныхъ; произведенія природы и искусствъ; пребываніе въ разныхъ Индѣйскихъ городахъ; достопамятности оныхъ; жители: Джуги, Байряки, Сарнасы, Гуссайхиды, Могольцы, Имири (Емиры), злые Секпы, Распуты (Занганіеры), Пенжабцы; торговля; замѣчаніе о браминахъ (Берегменахъ).—I, II, IV—VI. Новѣйшее описаніе Великой Бухаріи: географич. и историч. введеніе; естественное состояніе Бухаріи: горы, озера и рѣки; города, крѣпости и селенія въ Бухаріи; раздѣленіе земель; произведенія, доходы; жители Бухаріи: Узбеки, Туркменцы и Таджики; ихъ промышленность и торговля; вѣсъ, мѣра, монета; чины и должности въ Бухаріи.—I, IV, IX, XII. Восточная бібліографія: 1) Supplement à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. par M. Iou.

*) Въ предыдущихъ кн. „Этногр. Обзор.“ помѣщенъ подобный указатель къ слѣд. сибирскимъ изданиямъ: „Восточн. Обзорѣніе“ (кн. V), „Сибирь“ (кн. VI), „Сибирскій Вѣстн.“ и „Сиб. Газета“ (кн. VII). Съ 1889 г. обзоръ сибирскихъ изданій помѣщается въ отдѣлѣ текущей газетной и журнальной бібліографіи „Этногр. Обзорѣнія“ (см. кн. II и сл.).

Senkowski (Прибавленіе къ общей Исторіи Гунновъ, Турокъ и Моголовъ, содержащее въ себѣ сокращеніе Исторіи владчества Узбековъ въ Великой Бухаріи, со времени водворенія ихъ въ сей странѣ до 1709 г. и продолженіе Исторіи Харезма со времени кончины Абул-гази-Хана до той же эпохи. Соч. Иосифа Сенковскаго, Орд. Проф. Вост. языковъ и Словесности при Имп. С-Петербургскомъ Унив. и проч. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, in 4°; Франц. 134 и Персид. текста 26 стр.)—2) *Inscriptiones Sibiricae: De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus, in Sibiria repertis; scripsit Gr. Spassky. Petropoli, 1822, in 4 oblong.* [статья Абель-Ремюза (Abel-Rémusat), помѣщ. въ октябр. кн. 1822 г. *Journal des Savants* и напечат. здѣсь съ примѣчаніями Издателя].—3) *Histoire de Mongols etc...* (Исторія о Монголахъ отъ Чингисъ-хана до Тимурлана, съ картою XIII вѣка. Т. I въ 2 частяхъ. XLVI и 727 стр. въ 8 д. л., въ Парижѣ, 1824).—4) *Ibn-Fozzlan's Berichte etc...* Von C. M. Frähn (Повѣствованіе Ибнъ-Фозлана и другихъ Арабскихъ писателей о древнихъ Руссахъ и проч.. г. Френа Спб., 1823, въ 4 д. л.).—II. Взглядъ на Бирманское Королевство (изъ Берл. Вѣдом. Гаудія).—III. Разсмотрѣніе Историковъ Азіатскихъ (изъ кн.: „*Mémoires relatifs à l'Asie par Klaproth.*“ Paris, 1824).—IV. О нынѣшнемъ состояніи владѣній Сейковъ.—V. Извѣстіе о Моисѣй Хоренскомъ, Арменскомъ Историкѣ.—Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Грузію, Карла Густафа Рейнгардта, члена 1-го класса, сообщеннаго имъ въ письмѣ къ другу, живущему въ Вильнѣ (напеч. въ „Вилensk. Денникъ“, 1824 г., № 2).—О изображеніяхъ Китайскихъ писемъ и любопытныхъ изданіяхъ Барона Шиллинга.—VI. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Иерусалимѣ и живущихъ тамъ армянахъ (изъ путешествія Ричардсона).—VIII, X, XI. О Бирманскомъ Государствѣ.—IX. Объ Азіатскихъ памятникахъ, найденныхъ въ Сѣвер. Америкѣ.—X. Географическая Записка о Недждѣ или Средней Аравіи (съ картою), Члена Франц. Института г. Жюмара (изъ „*Nouvel. An. des Voyages.*“ Т. XXI, p. 396).—XI. Отрывокъ изъ Путешествія на Гималайскій хребетъ.—О двухъ древнихъ монгольскихъ грамотахъ (грамоты Монголо-Персидскихъ Хановъ Аргуна и Ельдшайту къ Франц. Корол. Филиппу Пригожему).—XII. Выписка изъ Монгольской Исторіи, сочиненной Сычнцъ-Сананъ Тайджею: дѣтскій возрастъ Тимуджина или Чингисъ-Хана

1826 г.—I. Путешествіе по Непальскимъ горамъ въ 1817 году (перев. съ франц. изъ жур. „*Nouvelles des Voyages,*“ а въ ономъ съ англ. изъ „*Annual Register de Calcutta*“).—I—III. О древнемъ Христіанскомъ Памятникѣ, открытомъ въ Китаѣ 1625 года (о крестѣ, найденномъ въ предмѣстьи г. Сиганфу, или Си-анъ-фу). I, III—V. О нынѣшнемъ состояніи нѣкоторыхъ областей и городовъ въ Средней Азіи: Хива, Сарсабъ, Гиссаръ, Ходжандъ, Балкъ, Кокандъ, Бухарія, Кабуль, Гульмъ, Кашемиръ.—Восточная библиографія: 1) Собраніе Путешествій къ татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ: I. ПIANO-Карпини; II. Асцелинъ. Спб., въ тип. Департ. Нар. Провс., 1825 г., XVI и 306 стр. въ 4 д. л.—2) *Voyage de V. Bergmann au pays des Kalmoûks* (Путешествіе Бергмана къ Калмыкамъ); перев. съ нѣмец. Г. Морясъ, Членъ Париж. Азіат. Общ.; напеч. въ Шатильонѣ, что на Сенѣ, 1825, въ 8 д. л.—3) Извѣстіе объ изданіи подлинника Исторіи Монголовъ и Татаръ Абулгази-Багадуръ-Хана.—II. Нѣчто о водоотливной тканн, употребляемой въ Индіи для письма.—Замѣчанія на статью, напеч. въ 21 и 22 кн. „Москов. Телеграфа“ на 1825 г., подъ назв.: „Статистико-финансовая картина Сибири въ 1698—1700 годахъ.“—II, III. Путешествіе В. Франклина по Раджмогалскимъ горамъ въ Дек. 1820 г. и Янв. 1821 г. (изъ „*Nouvel. An. des Voyages,*“ Т. XXI, p. 178).—III. Развалины Шадибада въ Мальвѣ (въ Индостанѣ) и водяной дворецъ въ Удженѣ.—III—V. Арабскія пословицы.—IV. Краткое описаніе Кит. городовъ Навнина и Макао, принадлежащаго Португальцамъ (изъ кн.: Kelly „*New System of Universal Geograpy*“).—IV—VI. О началѣ и распространеніи Монгольскихъ народовъ.—V. Исторія сношеній иностранныхъ народовъ съ Китаемъ.—V, VI, IX—XII. Разсмотрѣніе мелкихъ сочиненій Юлія Кларота объ азіатской Исторіи (изъ „*Heidelberger Jahrbücher der Litteratur*“ 1825, oct.).—VI. О предпріятствѣ г. Кларотомъ изданія „Азіатскаго Магазина.“—VI—VII. Путешествіе на Востокъ

г. Рихтера въ 1815 и 1816 гг. (изъ „Nouvel An. d. V.“ 1824, Т XXI.—VII, VIII. Древнія надписи, существующія въ Арменіи (изъ кн.: „Memoires de Jean Ousak—Herdjak“ etc... „Записка Іоанна Ерджана, Вагарисападскаго Священника, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., Парижъ, 1818).—О вліаніи невѣжества въ географіи на Исторію народовъ.—VII—XII. Взглядъ на путешествіе Марка-Шоло (изъ I т. „Собранія Путешествій и Записокъ“, изд. Париж. Географ. Общ., 1824 г., соч. г. Ру).—IX, X. О путешествіи гг. Ледебура, Мейера и Бунге по Алтайскимъ горамъ въ Сибири и частію по Киргизъ-Кайсацкой степи.

1827 г.—I. Донесеніе Турнера о свиданіи съ Тишу-Ламомъ (изъ I т. „Recherches asiatiques“, Paris, 1805, in 4°).—I, II. Путешествіе въ Тибетъ Госсейна Пурунгюра, описанное Самуиломъ Турнеромъ въ донесеніи къ Остѣ-Индскому Генералъ-Губернатору Макферсану—Восточ. библиографія: Разсмотрѣніе кн.: „Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes, qui's étendent à l'est de la mer d'Aral et au de là l'ancien Iaxartes; rédigé par Mr. le Baron Georges de Méyendorff etc.“ Paris, 1826, chez Dondey—Dupré, in 8°, p. XII et 503. II. Странствованіе Московскаго купчины Семена Маленькаго по Персіи и Индіи въ 1694 г.—Описаніе посольства Дервиша Мегмедъ Ефендіа въ С.-Петербургъ 1168 г. Геджры (1754 г. отъ Р. Хр.).—III—V. *Литовцовъ*. Краткое начертаніе достопамятныхъ происшествій въ Китайской имперіи.—Бенгальскія письма: бенгальскіе мужчины и женщины; уваженіе къ браминамъ; дѣленіе на касты.—V Храмъ, посвященный огню, близъ Баку (изъ „Kerpel's journey from India“) ¹⁾.

Акмолинскія Областныя Вѣдомости ²⁾.

1876 г.—1, 2. О сибирскихъ переводчикахъ и толмачахъ во 2-ю половину XVIII в.—6—8. Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ.—12. О выставкѣ въ Омскѣ вещей, представляемыхъ на конгрессъ ориенталистовъ.—18. Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля.—14, 15. Киргизскія пословицы.—15. Нѣсколько словъ о байгахъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ, бывшихъ 21 и 27 іюля, и выставкахъ при нихъ.—19—24. Киргизскія сказки (Кульмесенъ и Акылъ-Сара).

1877 г.—1—8. Киргизскія легенды (краткое извлеченіе изъ киргиз. легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ“).—8, 9. Нѣчто о киргизахъ и области, ими занимаемой.—23. Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ въ Акмолин. области.

1878 г. 1—5. Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ.

1879 г. 21. *Н. Красновъ*. Реценз. на „Статистич. описаніе сибир. казач. войска“, Ѳ. Усова и „Матеріалы для исторіи сибир. казач. войска“, Золотова.

1880 г. 14, 15. Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области. 45. *Д. К—ій*. Замѣтка о религіи киргизъ.

1885 г. 8—10. Очеркъ юридическихъ обычаевъ Барабинскихъ татаръ.—14. Извлеченіе изъ доклада дѣйств. члена Зап.—Сиб. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Г. Е. Катанаева: „О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Зап. Сибири“.

А м у р ь ³⁾.

1860 г.—1, 2. Юго-Восточная часть русской Маньчжуріи.—5. Торговля въ Японіи (изъ письма голландскаго купца).—5, 6. Замѣтки на книгу г. Гагемейстера: „Статистическое обозрѣніе Сибири“.—7. *Стуковъ*. О затмѣніяхъ солнца и луны по понятію сѣверныхъ буддистовъ.—12, 13. *П. Дельтолюбовъ*. Нѣсколько

¹⁾ Послѣ V-ой кн. изданіе „Азіат. Вѣстн.“ прекратилось.

²⁾ Издаются въ г. Омскѣ съ 8 сентября 1871 г. За 1871—1875, 1881—1884 и 1886—1888 гг. этнографическихъ статей пять.

³⁾ Издавался въ Иркутскѣ (тип. Штаба войска); въ 1860 г. выходилъ разъ, а въ 1861 и 1862 гг.—два раза въ недѣлю; редактировалъ газету до 52-го № 1861 г. одинъ М. Загоскинъ, а съ 52-го № 1861 г.—М. Загоскинъ и Б. Мясунинъ; изданіе закончилось 49-мъ № 1862 г. (12 сент.).

словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ (по поводу статьи г. Халюткина въ „Современникѣ“ за 1859 г.: „Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокурения изъ хлѣба“) —14, 15. Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ *А. Арентова*: встрѣча съ шелагскими чукчами; плаваніе по Ледовитому морю; достопримѣчательности берега Ледовитаго моря; естеств. произведенія; замѣчаніе о Сѣверной землѣ.—16. Свѣдѣнія Китайцевъ о Россіи (управленіе и законы, нравы и обычаи).—17. Прибрежья р. Уссури.—Берега р. Лены отъ г. Кирепска до Дубровской станціи.—20. *П. Кельбергъ*. Поливныя поля въ Забайкальскомъ краѣ (о тунгусахъ и бурятахъ).—22. Изъ путевыхъ замѣтокъ: деревенскій праздникъ въ с. Покровскомъ и дер. Петрова.—22, 23. Замѣтка по поводу статьи г. Бюлера: „О ламанизмѣ и шаманствѣ“ въ іюльской книгѣ „Отечествен. Записокъ“ 1859 г.—23—25. Хлѣбная торговля въ Сибири и законы объ ней.—26. *А. Гильфердингъ*. Мнѣніе западныхъ славянъ объ Амурѣ и его колонизаціи.—Татары Зап. Сибири.—28, 29. *К. Будюгоскій*. Повѣдка изъ залава Печели въ Пекинѣ.—29—33. *А. Сибневъ*. Русскіе на Амурѣ въ XVII столѣтіи.—30—32, 34. *В В-нъ*. Догозоры найма на золотые прииски.—33. Мангуны (такъ называется русскими тунгуское племя Мангу): жилища ихъ, одежда, обувь, кузнечное мастерство, празднества въ честь медвѣдя, религіозныя представленія.—34, 35, 37, 38. *Н. П.* О шаманахъ, какъ кудесникахъ.—35, 36, 38—43, 45—47. *А. Сибневъ*. Виды русскихъ на Амурѣ и на торговлю съ Японіею въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.—40, 41. Очерки Минусинскаго овра. Енисейской губ.—46 *П Кельбергъ*. Нѣсколько словъ о жизни покойнаго Бандиды-Хамбы-Ламы-Чойванъ-Дорджи-иши-Чжамдуева.—50. Запѣльскій край.

1861 г.—2. *А. Макировъ*. Черты народнаго характера. — Нищенство.—8, 9. *Хорунжій Батумункуевъ*. Изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ —15. Путь отъ оз. Ханкай до поста Владивостока.—24. Глягигицкіе и Охотскіе инородцы: тунгусы, коряки и чукчи.—25, 26. Краткое содержаніе статьи *Гр. Погодина*: „Замѣтки о Зап. Сибири“ въ „Рус. Словѣ“ 1860 г., сентябрь.—37, 38. *Стуковъ*. Нѣсколько словъ о ламайской медицинѣ.—42. Минусинскъ и него округъ.—52—57. Туруханскій край („Записки о Турухан. краѣ“ Ал. Мордвинова въ декабр. кн. „Современника“ 1860 г. и „Мерзлый уголь“ г. Толя въ „Русскомъ Мирѣ“ 1860 г., № 101).—67, 68. *А. Арентовъ*. О полярной сѣверной землѣ: эскимосы, омоки (юагиры), шелаги (чукчи) и тунгусы. 72. *П. П. Грозовъ*. Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣвер. землѣ.—77. *Санджаль-Дандаровъ*. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Толя: „Воспоминаніе о Вост. Сибири“, напечат. въ „Вѣкѣ“, № 30.—79. *М. III*. Свадебные обряды китайцевъ.—79, 80. Ирғыны, селеніе въ 60 вер. отъ Читы (о бурятахъ). 88—90. Японія и японцы.—98, 95, 98—100. *М. З-нъ*, Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (по поводу книгъ: „Историч. обзорніе образованія Рус.-Америк. Компаніи и дѣйствій ея до наст. времени“, Н. Тихменева, Спб., 1861 г., и „Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана“, изд. редакціи „Морскаго Сборника“ 1861 г.): алеуты (жилища ихъ, занятія, нравы, обычаи и вѣрованія) и ихъ рода: колюжи, или колоши, угаленцы, кольчане, мѣдновцы, чугачи, венайцы, аглемюты, кадьякцы или коняги, уналашкискіе алеуты, кусковимцы, квихпапцы, кіатеуцы и малегмюты.—96. Нѣсколько словъ по поводу разрѣшенія принимать въ Иркутское и Нерчинское духовн. училища, а равно въ Иркут дух. семинарію инородческихъ дѣтей изъ бурятъ.

1862 г. 1—3, 5—8. *М. З-нъ*. Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана (продолж.; см. выше 1861 г.).—2—5. Шаманскій камень (сибир. легенда).—80. *Протоіерей Доржневъ*. О Байкалѣ.—86. Чай,—якут. сказка.—88, 40. Матеріалы для статистики Вост. Сибири (Примор. обл.).—39. Очеркъ современной Японіи.—39—41. *Я. П. Арюнастовъ*. Порча,—этногр. очеркъ.—40. *С. Шуркина*. Бурятскій способъ излеченія отъ порѣзовъ и порубовъ.—44, 45. *А. Нордманъ*. О рыбной ловлѣ у галляковъ, живущихъ на Амурѣ.

СМѢСЬ.

1. Къ вопросу о дуалистическихъ повѣрїяхъ о мірозданїи.

1) Вопросъ о дуалистическихъ повѣрїяхъ о мірозданїи уже не разъ затрогивался въ „Этнограф. Обзор.“ (кн. V, стр. 32—48, кн. VI, стр. 4 и 139 и кн. VII, стр. 263). Къ имѣющимся матеріаламъ по этому интересному вопросу мы присоединяемъ еще слѣдующія четыре сказанія: „Человѣкъ и собака“, „Пестрыя коровы“ (записаны отъ сибирскихъ киргизъ и напечатаны въ особомъ прибавленїи къ „Акмолпн. Обл. Вѣд.“—„Киргизской газетѣ“, 1890 г., №№ 45 и 49), „Сотвореніе міра“ (преданіе алтайскихъ инородцевъ; см. „Томскія Еп. Вѣд.“, 1890 г., № 20) и „Происхожденіе валуновъ“, записанное нами мнѣвшимъ лѣтомъ во время поѣздки съ проф. Д. Н. Анучинимъ въ верховьяхъ р. Зап. Двини.

I. Человѣкъ и собака.

Богъ сотворилъ тѣло человѣка изъ глины, положилъ его на землю и приставилъ собаку караульщикомъ, а самъ отправился къ себѣ за душою человѣка. Явился чертъ и хотѣлъ разрушить тѣло человѣка, но собака не допускала его и бросалась на него съ лаемъ. Тогда чертъ, напустивъ страшную стужу, отъ которой собака, которая была тогда еще голая, пропала, подошелъ ближе и вѣскольکو разъ плюнулъ въ тѣло, отсюда—всѣ грѣхи, мученія и болѣзни людей. Когда Богъ вернулся, онъ вложилъ душу въ тѣло человѣка и выругалъ черта (sic); болѣзни-же и грѣхи оставилъ человѣку, потому что убѣдился, что они необходимы для земной жизни человѣка. Собакѣ-же Богъ, въ вознагражденіе за вѣрную службу, далъ теплую шубу.

II. Пестрыя коровы.

Послѣ сотворенія міра Богъ создалъ и животныхъ на пользу человѣчества. Чертъ также захотѣлъ подражать Богу и создалъ овецъ, козъ и рогатый скотъ; но всѣ животныя были одноцвѣтныя: или бѣлыя, или рыжія, или черныя. Затѣмъ чертъ погналъ свое стадо на пастбище. Наступилъ полуденный жаръ. Присмотръ черту надоѣлъ, и онъ улегся спать. Созданныя чертомъ-же ранѣе этого на муку людямъ и животнымъ осы, комары и другія насѣкомыя бросились на коровъ, и онѣ стали метаться въ разныя стороны. Изъ состраданія Богъ загналъ ихъ въ сарай, въ которомъ онѣ и укрылись отъ жары и насѣкомыхъ. Затѣмъ Богъ, проходя между ними, дотрогивался до каждаго животнаго свѣжею вербою съ бѣлыми полосками, и всѣ животныя превращались въ пестрыхъ. Такимъ образомъ созданъ былъ пестрый скотъ. Между тѣмъ чертъ проснулся и пошелъ отыскивать свой скотъ, но нигдѣ не могъ найти его, такъ какъ онъ искалъ животныхъ одноцвѣтной масти. Поэтому-то и теперь, если родится теленокъ совершенно бѣлой, рыжей или черной масти, безъ всякихъ отмѣтнѣвъ, онъ растетъ плохо и обыкновенно скоро издыхаетъ, такъ какъ принадлежитъ черту; такихъ телятъ киргизы всегда или рѣжутъ, или продаютъ.

III. Сотвореніе людей.

Когда еще не было въ мірѣ людей, Ульгэнъ (богъ добра и свѣта) увидѣлъ въ морѣ плавающую, подобно льду, массу, а на ней присоспѣвшій слой глины. Ульгэнъ снялъ приростъ съ плавающей массы и, сказавъ: „пусть будетъ человѣкъ!“ дунулъ ему въ ухо, и бездушное тѣло стало живымъ. Ульгэнъ назвалъ перваго человѣка „Эрликъ“ (мужественный) и оставилъ его; но человѣкъ, осмотрѣвшись кругомъ и никого не видя, самъ пришелъ къ Ульгэню. Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгэню, а послѣ сталъ желать сравняться съ нимъ и даже сдѣлаться выше своего творца, съ завистью началъ

думать о томъ, чтобы самому сотворить такихъ-же и даже лучшихъ тварей, какихъ сотворилъ Ульгэнъ. Такимъ образомъ Эрликъ все болѣе и болѣе отдался сердцемъ отъ Ульгэна, охлаждалъ къ нему и, наконецъ, сдѣлался врагомъ какъ Ульгэну, такъ и всѣмъ тварямъ его. На мѣсто отпавшаго Эрлика, Ульгэнъ создалъ себѣ другого товарища, богатыря Манды-шере съ тѣмъ, чтобы онъ всегда находился съ Ульгэнемъ и противостоялъ враждебному Эрлику. Кромѣ этихъ первыхъ людей Ульгэнъ сотворилъ множество другихъ людей, слугъ себѣ, которыхъ поселилъ въ различныхъ, созданныхъ имъ, мирахъ. Въ нашемъ мѣрѣ, на нашей землѣ Ульгэнъ сотворилъ заразъ семь человѣкъ мужскаго пола и при нихъ семь деревьевъ, по дереву на каждого. Тѣло человѣка создано Ульгэнемъ изъ глины, а кости — изъ камня; дуновеніемъ въ уши онъ ввелъ душу въ созданное тѣло, а дуновеніемъ въ носъ—умъ. По сотвореніи семи человѣкъ и семи деревьевъ, Ульгэнъ, не сходя съ мѣста, создалъ такимъ же образомъ еще восьмого человѣка и восьмое дерево, помѣстивъ ихъ на горѣ Алтынъ-ту, (золотая гора). Сотворивъ людей и деревья, Ульгэнъ въ теченіи семи лѣтъ ждалъ, что изъ нихъ будетъ, станутъ ли они умножаться; чрезъ семь лѣтъ онъ увидѣлъ на каждомъ изъ деревьевъ по семи отрпысковъ, а число людей нисколько не увеличившимся. Онъ сказалъ: „почему это такъ,—дерево умножаетъ, а человѣкъ нѣтъ?“ Тогда восьмой человѣкъ, поставленный на Алтынъ-ту, отвѣтилъ ему: „откуда произойдутъ и отъ чего умножатся, когда нѣтъ женщины?“ Ульгэнъ сказалъ ему: „ты знай и алчущаго, ты знай и сытаго, ты знай и болящаго, ты знай и умирающаго, ты знай и живущаго, ты знай и злого; иди теперь къ семи, а я приду чрезъ три дня“, и съ этими словами удалился отъ сотворенныхъ людей. Восьмой человѣкъ пришелъ съ золотой горы къ остальнымъ людямъ и началъ творить женщину точно такъ-же, какъ и его самого творилъ Ульгэнъ. Во время творенія пришла къ нему отъ Ульгэна собака съ письмомъ, въ которомъ было написано: „будь твое имя—Майдере; ты знай голову всего (т. е. будь во главѣ, управляй всѣмъ на землѣ)“. На третій день, когда тѣло созданнаго руками Майдере новаго человѣка-женщины было уже готово, но оставалось еще бездушнымъ, и когда Ульгэнъ, согласно своему обѣщанію, шелъ къ людямъ, Майдере побѣжалъ на встрѣчу идущему Богу, поручилъ стеречь свое неоконченное твореніе собакѣ. Этого только и ждалъ злой Эрликъ: въ отсутствіе Майдере, онъ пришелъ къ начатому послѣднимъ творенію, дунулъ ему въ носъ изъ желѣзной трубы о семи ладахъ и дулъ въ оба уха, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ,—и вотъ въ тѣло, созданное Майдере, вошли душа и умъ, но не вполне человѣческія: душа злобная, какъ змѣя, на семь ладовъ, и умъ на девять разногласныхъ языковъ; вдобавокъ и тѣло первосозданной женщины было смрадное. Между тѣмъ Майдере, встрѣтивъ Ульгэна, сказалъ ему: „ты сказалъ мнѣ: ты знай... Въ надеждѣ на это я создалъ человѣка-женщину, но души въ немъ нѣтъ еще; велишь-ли творить или нѣтъ?“ Ульгэнъ сказалъ ему: „бѣги назадъ, иди скорѣе!“ Майдере, прибѣжавши и увидѣвъ своего человѣка уже живымъ, сказалъ приставленной для охраненія собакѣ: „собака такъ собака и есть! Зачѣмъ ты допустила Эрлика, какъ онъ обманулъ тебя?“ Собака въ оправданіе отвѣтила: „Эрликъ сказалъ мнѣ: я дамъ тебѣ шубу, которой будетъ достаточно до смерти; лѣтомъ тебѣ не будетъ жарко, а зимой не будетъ холодно“. Тогда Майдере сказалъ собакѣ: „одежда, въ которой зимой не будешь мерзнуть, будетъ шерсть, которая на тебѣ вырастетъ“, и изрекъ проклятіе собакѣ: „питайся ты человѣческимъ пометомъ, изношенною и брошенной обувью, падалью и т. п., въ юртѣ съ человекомъ не живи, а на улицѣ, и караулъ снаружи; пусть человѣкъ бьетъ тебя; если провинишься, смерть тебѣ — удавленіе.“ По слову Майдере такъ и стало, между тѣмъ какъ прежде того собака жила и ѣла вмѣстѣ съ человекомъ, не имѣла ни шерсти, ни когтей, понимала ясно слова человѣка и сама могла хорошо передавать ему свои мысли и чувства. Послѣ проклятія собаки, Майдере призвалъ семь сотворенныхъ вмѣстѣ съ нимъ мужчинъ и сказалъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?“ Когда никто изъ нихъ не далъ отвѣта, Майдере подводилъ за руку одного за другимъ трехъ мужей къ женщинѣ, но они, отозвавшись презрительно о новомъ твореніи, убѣ

жали на золотую гору. Между тѣмъ въ это время подошелъ къ тому мѣсту самъ Ульгэнъ. У одного изъ четырехъ оставшихся мужей онъ взялъ изъ реберъ обонихъ боковъ по двѣ косточки и сотворилъ изъ нихъ жену, которую и отдалъ этому человѣку, получившему отъ Ульгэна имя Таргынъ-нама. Затѣмъ всѣмъ живнымъ существамъ, находящимся на землѣ, Ульгэнъ сказалъ: „кому какія ягоды, растенія и проч. нравятся, тотъ то и ѣшь“, а Майдере онъ сказалъ: „что захочешь творить: скота-ли, звѣрей-ли, людей-ли,—меня не спрашивай, самъ твори“ Сказавъ это, Ульгэнъ удалился на Алтынъ-ту. Мѣсто, гдѣ былъ сотворенъ человѣкъ и гдѣ онъ жилъ до своего грѣхопаденія, называется Аруунъ-сюдюнъ и находится на востокѣ.

IV. Происхожденіе валуновъ.

Когда Богъ сотворилъ землю и хотѣлъ населить ее людьми и животными, дьяволъ („супостатъ“) задумалъ помѣшать ему въ этомъ нѣ, наславъ на землю каменный дождь, велѣлъ камнямъ расти до тѣхъ поръ, пока они не покроютъ собою всей земли и такъ обр. не дадутъ жить ни людямъ, ни животнымъ. Богъ, разсердившись за это на „супостата“, низвергнулъ его съ неба въ преисподнюю, а камнямъ запретилъ расти.

Ал. Ивановскій.

2. Мелкія замѣтки къ исторіи народныхъ вѣрованій.

I. Къ славянскимъ повѣрьямъ о мірозданіи.

Перечитывая сербско-болгарскую рукопись Вѣнской университетской библиотеки (Sign. I. 120), относящуюся къ XVI в., я нашелъ на л. 52^а и сл. интересное „Словко гызанинѣ ѿ вѣчиа“. Это — „бесѣда трехъ святителей“ и по своему составу очень напоминаетъ позднюю болгарскую редакцію „бесѣды“, которую по рукописи XVIII в. напечаталъ Ст. Новаковичъ въ VI т. Загребскихъ „Старинъ“. Рядомъ съ обыкновенными вопросами и отвѣтами, здѣсь встрѣчаются и другіе, мнѣ по крайней мѣрѣ незнакомые или съ значительными отличіями отъ извѣстныхъ текстовъ¹⁾. Такъ какъ эти данныя очень важны, для исторіи народныхъ суевѣрій, то надѣюсь, что не будетъ излишнимъ сообщить ихъ здѣсь²⁾.

Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ: когда сотворены солнце, мѣсяцъ, небо и пр., — читаемъ: „отъ що сътвори богъ сльнице и мѣсець?“ Отвѣтъ: „егда сътвори богъ небо и землю, тогда помисли, како да сътвори чловѣка, и како да родить се отъ него, и како распеть будетъ и съмръти прѣдати се. егда отъ съмръти помисли господъ (здѣсь текстъ испорченъ), тогда (52^{об.}) слъза паде изъ ока господнаа, та бо слъза наречегъ господъ сльнице, а мѣсець отъ петрашила господнѣ естъ“. Подобное въ болг. рип. XVIII в. (Starine VI, стр. 48). Слѣдуетъ вопросъ: изъ сколькихъ частей сотворенъ Адамъ? съ обыкновеннымъ отвѣтомъ.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: „а како сътвори богъ диваола?“ Отвѣтъ: „Егда призре и виде сѣнь свои въ воде и рече господъ: изиди брати и боудди (sic) съ мною. Изиде чловѣкъ и нар(е)че име емъ *анатаилъ*“. Отвѣтъ: „егда сади (л. 53) господъ рай, тогда повелеваше садити, *атаилъ* крадѣше отъ всѣхъ плодове и просниа на срѣдѣ рая та(и)но отъ господа. Рече господъ: ти крадѣши отъ мене, да то боудѣтъ тебѣ на прогнаніе: изиди *сатанайле*. И рече: господи благослови, что насадихмѣ. Господъ рече: благословено іесть, азъ посрѣдѣ владаю, ти да не имашъ власть. Сатанайлъ отидѣ, да видить древо, еже насади оукрадѣно, и видѣ древо. Тогда сатанайлъ почръне. Изгъна его древо изъ рая, тогда господъ нарече емъ *д(а)волъ*“. О сотвореніи диваола изъ сѣни разсказывается тоже въ названной болг. рукописи, только что чловѣкъ, сотворенный изъ сѣни, названъ Самуилъ

1) Тексты „бесѣды“, находящіяся въ сербскихъ рукописяхъ Шафариковскаго собранія въ Прагѣ, изданы мною въ XXI кн. „Starin“.

2) Текстъ приводимъ безъ соблюденія палеографическихъ тонкостей, выпиcывая полностью связи, сокращенія и пр.

(Starine, VI, 48—49); похожее болгарское сказание о происхождении дiавола и печаталь М. Дриновъ въ VIII кн. Софійскаго „Періодическаго Списанія“ (стр. 123 сл.).

Слѣдуютъ опять знакомые вопросы и отвѣты. Интересны развѣ слѣдующіе: Вопросъ: „По що постави господъ Каина на люба? Отвѣтъ: Да зрѣть блага, како се іестъ лишилъ, и зла отъ него зачехоу се“. Далѣе: „Где Адамъ седитъ съ Енохомъ? На престоле висоце гледающихъ всѣхъ доуше, проваждающихъ праведные душе въ раи, а грешные съ плачемъ въ моукъ“. Ср. Starine VI, 50. Слѣдуетъ: „Вопросъ: Геде (sic) седитъ Авель, сынъ его? Отвѣтъ: Седитъ съ Енохомъ пишоуци греси всѣмъ чловѣкомъ проваждающаго грѣшные въ мѣстѣ а праведные въ раи. Въпросъ: на кое место бистъ крѣщение господне? Отвѣтъ: егда рече Евѣга Адаму: покаемъ се, господъ да (55 об.) свободитъ насъ отъ дiавола, и рече Евѣга Адаму: где положи дiаволь твое рукописаніе на чера мида и положи ю, тѣ идемъ, да покаем се въ Иорѣдани, тоу събраше се вси скоти и гады, птице перънатые и вси аггели божи и пла(ка)хоу се къ господѣ где каеть се Адамъ, видѣ море и побеже Иорѣданъ, възврати се възпегъ Христосъ и господъ придетъ на томъ месте и крѣсти се.

Вопросъ: „Отъ што се огнь заче? Отъ зенице господне възжеже аггелъ и сънесе Адамъ“ (Ср. Starine VI, 51).

Наконецъ, еще приводимъ для исторіи космическихъ воззрѣній слѣдующее: „Како звезды на небеси ѣгврѣждени соутъ? Како заходятъ? Небо врѣтнѣтсе, того ради заходятъ. Люба іест на аерахъ и ѣ. денице плавають. Далече ли іест мѣсець отъ слънце, толико іест отъ земле до мѣсеца, толико отъ мѣсеца до небеса, имать слънце рѣг престоли, того ради најголемъ¹⁾ днь въ (59а)сходитъ. егда заидеть слънце, аггели възимають и носеть его на престолъ господнь. слънце іест повелико отъ всен земли, мѣсець іест поголемъ отъ половина всен земли. звезда іест коляко?— ѣ дни хода имать ѣ дрехли птици и охвасеть си крила въ акванъ море, да идоутъ предъ слънцемъ. аще не бяхоу биле таіа ѣ птице и погасеть слънце, слънце би възъ светъ пожегъ. егда слънце бѣдетъ на заходъ, тогда иждежетъ имъ крила и ѣдареть въ акванъ море. тогда (59 об.) паки оперънатеють, паки понесоутъ слънце аггели, тогда възсака птица пот(?)репещеть, тогда и петли (пѣтухи) поють и авѣтъ се светъ днь“.

II. Новыя данныя для исторіи рожаницъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ Разысканіяхъ, въ V вып. стр. 178 сл. и 212, указалъ памятники, въ которыхъ доселѣ встрѣчалась рожаницы. Весьма важно, какъ мнѣ кажется, свидѣтельство и очень характерное для рожаницъ нашель я въ Гамартолѣ.

Въ IX гл. „Лѣтовника“ Георгія грѣшнаго внока разсказывается, какимъ образомъ обличилъ Авраамъ передъ египетскимъ царемъ звѣздословцевъ и волхвовъ. Послѣ пренія приказалъ царь привести чловѣка, осужденнаго на смерть сожже-ніемъ, и спроситъ впередъ передъ всѣми: ²⁾ „εὐρεθῆναι τῆν γέννησιν αὐτοῦ καὶ τὸν θάνατον, καὶ διακτεφαιμένους εἶπαι τὸν τρῆπον τοῦ θανάτου“. Отвѣтили, что онъ долженъ быть сожженъ „τῆς γενέσεως ἐπαυούτης καὶ διαγορευούτης τοῦτο σαφῶς“, но что еще не пришло время его смерти. Царь отвѣтилъ, что освободитъ его отъ смерти огненной, но повелитъ умертвить его водою, чтобы показать „ὅτι δύναται τὴ παρά γέννησιν γενέσθαι“.

Въ славянскомъ переводѣ Гамартола, въ синодальномъ спискѣ, изданномъ Обществомъ любителей древней письменности, на л. 41, и въ спискѣ собранія Шафариковскаго, переведено γένεσις, γέννησις: рожденница.

Въ концѣ IX гл. еще читаемъ: οἱ δὲ Εἰρμαμέντης πλάσαντες πλάνην, ἐτέραν τῆν λεγομένην γένεσιν (мариниу рожденницю), τῆς γωρις μηδεν πάσειν ἢ ποιεῖν τι δύνασθαι τινὰ τερατολογούσιν καὶ τῇ αὐτῇ πλάνῃ καὶ διατεβεῖα περιπίπτουσιν νομίμας γάρ τις, ὅτι παρά γένεσιν (кромѣ рожанице) ἢ γωρον Εἰρμαμέντην (марини) σόθεις σότε ποιεῖν τι οὐτε πάσειν ἐξουσίαν ἔχει. ράθως λοιπὸν ὡς κτηνώδης ἐπὶ τὸ ἀμαρτάνειν (здѣсь по ошибкѣ: къ маринѣ)

¹⁾ Голем (сербс.) значигъ большой (ср. „Этногр. Обзор.“ VII, 140).

²⁾ Цитаруу по изданію Мияи. Patrologiae graecae t. CX.

ἔρχεται καὶ ἀμαρτῶν οὐ μεταμελεῖται κτελεῶς ἐφ' οἷς τῶσθησεν, ἀπολείπειν ἄλογον φέρων, ὡς ὑπὸ γενέσεως (Прож дѣница) αὐτὰ ποιεῖν ἐξηγάχατο. καὶ ὁ τὴν γένεσιν (рожденіе) καταρθῶσαι μὴ δυνάμενος οὐδὲ τὸ αἰθεῖσθαι ἔχει ἐφ' οἷς ἐμαρτάνει.

Списокъ синодальный и Шафариковскій почти современны, первый 1386 г., второй 1389 г., оба списаны съ подлинника болгарскаго, что доказываетъ передача носовыхъ гласныхъ. Переводъ греч. γένεσις (въ одномъ мѣстѣ γέννησις) словомъ *рожденіи* принадлежатъ болгарскому переводчику. Онъ представилъ себѣ рожденію какъ подательницу доли, участіи въ жизни; но обособилась ли она уже у него въ отдѣльное демоническое существо, опредѣленно нельзя сказать на основаніи сообщенной выписки.

Интересно, что тотъ-же самый переводчикъ удержалъ греч. Εἰμαρμένη, что онъ не зналъ соотвѣствующаго славянскаго понятія. Въ другихъ мѣстахъ, правда, онъ старался перенести это слово; такъ, напр., въ VIII гл.: οἱ δὲ ἐπιμελεῖσθαι (яс. τὸν θεόν) μὲν ἔφασαν, σικρῶ λόγῳ δὲ τοῦτο ποιεῖν καὶ τῇ ἐκλήτῃ περιόριζεν τὴν πρόνοιαν, τὸ δὲ λοιπὸν τοῦ χάριτος μέρος, ὡς ἔτυχε, φέρεσθαι τῇ τῆς Εἰμαρμένης ἀνάγκῃ (родственными причиненіемъ ибѣденю) δουλεύειν βεβιαζόμενον. Въ началѣ VIII гл.: οἱ δὲ τούτῳ καὶ εἰμαρμένῳ ἐδόξασαν (честь и іѣтко сирѣчь рожденіе докоро прогласавише) καὶ τὴν μὲν εἰμαρμένῳ ἀναρχατικῆν δύναμιν εἶπον εἶναι (и оуаш іѣтко нѣмѣднаа сила рѣшишъ кыти)... И даіѣ: τὰ μὲν ἐκ θεοῦ πάντες ἔχομεν, τὰ δὲ ἐκ τῆς εἰμαρμένης καὶ τούτῳ (а иже С іѣтка, сирѣчь С рожденіи докоро и честь).

Понятія о судицѣ, даже о fatum у нашего переводчика не было, но изъ оборотовъ, которыми онъ старался описывать греч. εἰμαρμένη, можно предпологать, что онъ зналъ вѣрованіе, по которому судьба чловѣка опредѣляется при рожденіи.

Прага Чешская.

Ю. Полска.

3. Камень-латырь.

Наши былины не разъ говорятъ о камнѣ-латырѣ, какъ объ одномъ изъ урочищъ *онѣ* Русской земли. Сынъ Ильи, послѣ неудачнаго боя съ отцомъ, объясняетъ, что онъ „отъ камня отъ латыря“, отъ бабы Латыгорки. Илья Муромецъ, выйдявъ за предѣлы Руси, въ степь—въ „чистое поле“, ставитъ шатеръ у „каменя-латыря“. Онъ же, развѣзжая „по чистому полю“, находитъ у камня-латыря три дороги и на самомъ камнѣ надписъ (Гильфердингъ, 709, 946, 1053), и т. п. Это заставляетъ насъ поискать этотъ загадочный камень за предѣлами старой Руси, но въ мѣстахъ хорошо знакомыхъ въ прежнее время русскимъ.

Остановимся прежде всего на словѣ *камень*. Старые памятники сѣверной, новгородской Руси употребляютъ это слово между прочимъ въ значеніи *гора*, въ частности въ значеніи: Уральскій хребетъ. Такъ, въ Двинской рядной начала XIV в. межа землямъ Шенкурскаго погоста опредѣляется такимъ образомъ: „межа землямъ—по *Великой Камени*“; въ другой Двинскій рядной XIV—XV в. „межа *Камени* по Глубокому ручью“. (Акты Юр.). Въ книгѣ Большаго Чертежа мы читаемъ: „отъ устья Мезени до горы Шамагодскаго *Камени*... отъ того *Камени*... изъ горы изъ Большаго *Камени*“ (184—185). Московскіе и др. документы XVII в. называютъ Уральскій хребетъ почти постоянно *Камень*, *Большой Камень*. Въ настоящее время слово *камень* находится какъ составная часть во многихъ сѣверно-русскихъ названіяхъ горъ: *Чайцынъ Камень*, *Собачій Камень* и т. п. (Подвысоцкій). Итакъ, слово *камень* въ сѣверной, новгородской Руси изстари до сихъ поръ между прочимъ имѣло значеніе *гора*.

Что до слова *латырь*, то оно можетъ быть сокращеніемъ болѣе древняго *латыгоръ*, которое въ свою очередь есть не что иное, какъ прилагательное отъ этнографическаго названія *Латыгоръ*—лотышъ (при: *Латыгора*—Лотыгола, лотыши; Псковская лѣтопись), образованное одинаково съ *Володимиръ*, *Иванъ*, *Отъчъ*. Срв. съ словомъ *латырь* мѣстное названіе *Латырско* (Владимирскій губ.) рядомъ съ названіемъ *Латырско* (Тверскій губ.).

Если слова *камень-латырь* первоначально могли значить: Лотышская гора, Лотышскій хребетъ, то не были ли они первоначально названіемъ тѣхъ горъ,

которые находятся въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которые были хорошо извѣстны много разъ вторгавшимся въ предѣлы этихъ губерній древнимъ новгородцамъ и псковичамъ и о которыхъ совсѣмъ забыли ихъ менѣе воинственные потомки XV в. и слѣд.? 1) А. Соболевскій.

4. Легенды о Кудеярѣ въ Саратовской губерніи.

Въ Саратовской губерніи едва ли существуютъ былины и пѣсни о богатыряхъ Владиміра-Краснаго Солнышка. Изслѣдовавъ Саратовскій и Аткарскій уѣзды, я только 1860-хъ годахъ слышалъ отъ старика крестьянина с. Кольна, Аткарскаго уѣзда, пересказъ старинной былины:

Подъ градомъ Кіевоиъ,
На степяхъ Цыцарскихъ
Стояла застава богатырская:
Атаманомъ Илья Муромецъ,
Еще Гришка-болрскій сынъ,
Да Васька Долгополый,
Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ,
Соловей разбойникъ, Татарскій полкъ...

Затѣмъ слѣдовалъ запутанный рассказъ о названныхъ богатыряхъ, представлявшій лишь искаженіе извѣстныхъ былинъ. Зато наша губернія богата преданіями и легендами о мѣстныхъ разбойникахъ, главную роль между которыми играютъ—Стенька Разинъ и Кудеяръ; за ними слѣдуютъ Волжскіе атаманы: Уракъ, Будаиъ, дѣвушка Палагеюшка, Водкинъ и другіе разбойники: Голыевъ, Дорони, Кутыревъ, Уланъ, Симъ, Кувыканъ, Ермошка, Ерема, Бакутъ и масса другихъ, не говоря уже о довольно свѣжихъ преданіяхъ про Пугача—какъ о самомъ Пугачевѣ, такъ и о его атаманахъ и полковникахъ.

Въ данномъ очеркѣ я приведу лишь сказанія о *Кудеярѣ*. Костомаровъ относитъ Кудеяра ко времени царствованія Ивана Грознаго, указывая мѣстности подвиговъ его: Москву, Крымъ и р. Оку. По народнымъ преданіямъ Саратовской губерніи какъ главное становище «нашего» Кудеяра указывается гора съ пещерой около с. Лохъ, Саратовскаго уѣзда, описанная мною въ „Народныхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Саратовской губ.“ (Изд. Имп. Геогр. Общ., 1890 г.).

Кто былъ Кудеяръ—народъ не знаетъ; есть только указаніе Леопольдова (Истор. оч. Саратов. края. 1848 г.), что это былъ татаринъ необыкновеннаго роста и силы, звѣровидной наружности; жена его была русская—рѣдкая красавица. Время подвиговъ Кудеяра нашъ народъ тоже не опредѣляетъ, а говоритъ: было это очень давно, когда еще не существовало окрестныхъ селеній. Крестьянинъ Пензенской губерніи, кладовщикъ Милинъ сказывалъ мнѣ, что у его товарища есть документъ 1605 г., подписанный Кудеяровымъ, въ которомъ означена записка и мѣсто зарытыхъ имъ кладовъ. Несомнѣнно одно, что Кудеяръ жилъ около горы, носящей до сихъ поръ его имя, далеко до основанія с. Лохъ, которое населено пахатными солдатами на Петровской сторожевой чертѣ вскорѣ послѣ постройки въ 1698—99 году Петровской крѣпости и сторожевыхъ слободъ пахатныхъ солдатъ на р. Медвѣдицѣ: Бурацкой (с. Старые Бурасы) и Еткаринской (городъ Аткарскъ).

Кудеяръ жилъ въ своей горѣ, говоритъ преданіе, внутри которой были богато убранныя помѣщенія сокровищами, добытыми имъ при набѣгахъ на дальнія страны; туда велъ узкій, извилистый и невысокій подземный ходъ отъ середины горы, тянувшійся внутрь сажень на 100 и болѣе; въ внутреннихъ помѣщеніяхъ до верхней площади горы было отверстіе, сажень въ 30 длины, „труба“, черезъ которую выходилъ дымъ въ наружу. Въ глубокомъ долу, передъ горою, текла быстрая и свѣтлая рѣчка—Соколка, кругомъ же подымались горы, покрытыя, какъ и Кудеярова, густымъ старымъ лѣсомъ, тянувшимся далеко на сѣверъ и на югъ. Рядомъ съ Кудеяровой подымается и теперь „Карлушная“ гора—высокій

1) О камнѣ-латрѣ см. А. Веселовскаго, Разысканія, III, 1—46 *Ред.*

конусъ, поросшій въ то время хвоей, гдѣ Кудеаръ становилъ своихъ часовыхъ. — Становище Кудеаровыхъ войскъ было окопано ровомъ и валомъ; въ концѣ же доли Соколки (Маіорова), въ нынѣшнемъ урочищѣ „*Пушка*“, были кузнецы Кудеара, гдѣ изготовлялись оружіе и ружья. Вся мѣстность кругомъ охранялась стражей. Когда Кудеаръ уходилъ въ набѣгъ съ своимъ войскомъ, то запырлялъ подземелье огромными замками, съ поросенка величиной, выходъ же заваливалъ такъ, что никто немогъ отыскать его. Кудеаръ былъ „*хозяиномъ*“ и чеканилъ монету изъ своей руды. У него былъ товарищъ *Симъ* или Симонъ; однажды они поспорили о силѣ и ловкости своихъ коней, порѣшивъ для опыта перескочить съ Маруновой горы на Кудеарову черезъ Маіоровъ долъ, гдѣ течетъ Соколка: Кудеаръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину; въ мѣстѣ, гдѣ онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ конемъ, ударилъ родникъ, носящій до сихъ поръ его имя.

Здѣсь умерла жена (по другимъ любовница) Кудеара и онъ скоронилъ ее верстахъ въ 2-хъ отсюда (въ дачѣ М. В. Устинова, Петровскаго уѣзда), зарывъ съ нею въ могилу всѣ уборы и драгоценности, принадлежавшіе покойницѣ. Свои сокровища Кудеаръ хранилъ въ кладовыхъ внутри горы за желѣзными дверями; говорятъ, кромѣ того, они были скрыты Кудеаромъ и на противоположномъ берегу рѣчки Соколки, въ склонѣ горы, въ трехъ погребкахъ: въ одномъ—золото, въ другомъ—серебро и въ третьемъ—драгоценная конская сбруя; входъ заваленъ и Кудеаръ положилъ зарокъ на этотъ кладъ на 200 лѣтъ; что-же касается до сокровища Кудеаровой горы, то найти ихъ и отпереть желѣзныя двери можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ *Симовъ* родникъ и найдетъ въ немъ золотые ключи отъ пещеры, или же кто почерпнетъ воды изъ „*Ужению*“ озера.

Кудеаръ, какъ видно изъ преданій, часто оставлялъ Лоховскую мѣстность, становясь станомъ и въ другихъ. Такъ верста 25 отъ Лохъ къ сѣверовостоку стоялъ на верхахъ р. Медвѣдицы большой *Бурацкій* лѣсъ, гдѣ теперь село Старые Бурацы (Бурацкая отлѣзшая сторожевая слобода, поселенная въ 1699 г.), здѣсь верстахъ въ 2-хъ, въ правомъ берегу рѣчки большой Медвѣдицы, находилось прежде отверстіе въ горѣ съ нѣсколькими ходами внутрь въ разныя стороны: эта пещера служила тоже жильемъ Кудеару, а на бугрѣ с. Бураца, обнесенномъ валомъ и носящемъ теперь названіе „*городокъ*“, поставленъ былъ Кудеаромъ сторожевой маякъ. Верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ с. Лохъ, около Мордовскаго села Оркина (Кучу-горы тожъ), въ лѣсной и гористой мѣстности, рядомъ съ *Гремучимъ* родникомъ и горой *Камбразъ-паню* (Сѣдло-гора) указываютъ долину *Божедомъ*“, гдѣ, по народному преданію, Кудеаръ (подругимъ—разбойничій атаманъ *Уланъ*) побилъ и похоронилъ много народу.—Кладовскатель Милинъ говоритъ, что въ Пензенской губерніи есть пять становищъ Кудеара. Въ Балашевскомъ уѣздѣ, въ лѣсу с. Рѣпнаго, есть курганы: на одномъ изъ нихъ—*Крутицы* (Крутцы), по другимъ въ землянкѣ горы *Богатырки* надъ Хопромъ (недалеко отъ с. Большаго Караа), жилъ тоже Кудеаръ, насыпавшій невдалекѣ другой курганъ — *Пунки*, гдѣ скоронилъ свою красавицу жену.. Въ Сердобскомъ уѣздѣ, Барковской волости, не далеко отъ р. Изнаира и Малиновскаго озера, есть кручь, около 30 сажень высоты, получившая лишь въ 1889 г. названіе „*Кудеарова обрыва*“, по слѣдующему поводу: одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ Дьячкинъ жилъ въ 1833 г. въ Астрахани, гдѣ какой-то человекъ показывалъ ему книжечку, въ которой описано 99 кладовъ Саратовской губерніи, положенныхъ: Ермакомъ, Кудеаромъ, Стенькой Разиннымъ, Чуркою и другими; Дьячкинъ досталъ выписку изъ этой книжечки, изъ которой сказано, что „отъ Хопра по рѣкѣ Знайру, отъ верши съ восточной стороны лѣсъ по горѣ березовый“, затѣмъ идетъ подробное описаніе мѣстности и разстоянія до подвала, въ которомъ находятся пять скелетовъ, золотые вещи и 90 пудовъ „*монеты Кудеаровой*“.—По этой записи Дьячкинъ действительно нашелъ въ обрывѣ 2 человѣческіе костяка и каменные стѣнки въ родѣ подвала, но было ли найдено что изъ цѣнностей—неизвѣстно.

Въ Посельской волости, Хвалынскаго уѣзда, на высокомъ мѣстѣ близъ с. Поселокъ, лежащемъ при впаденіи рѣчки Избалыки въ Терешку, есть два бугра,

обрытые канавами, подъ названіемъ „Мары“; въ старину, въ 100 саженьхъ отъ этого мѣста, были озеро и осиновыи лѣсъ. Мѣстный крестьянинъ Яковъ Старовъ проживалъ нѣкогда въ г. Уральскѣ, гдѣ слышалъ отъ тамошнихъ казаковъ, что на Саратовской степи есть насыпной Маръ, близъ котораго, на сѣверо-востоки, находится болото и осиновая роща: на этомъ мѣстѣ, по преданію, стоялъ однажды Кудеяръ съ войскомъ; у него была любимая лошадь, которая пала, а затѣмъ онъ и самъ вскорѣ умеръ; тогда его посадили на эту лошадь и несли ему со всѣхъ сторонъ дары: золотомъ, серебромъ и разными драгоценными вещами, съ которыми и зарыли его, насыпавъ надъ нимъ маръ (курганъ). При раскопкѣ этихъ маровъ, Посельскіе жители находили лишь человѣчьи и лошадиныя кости.

По другимъ преданіямъ, Кудеяръ живъ до сихъ поръ и сторожитъ свои сокровища въ Кудеяровой горѣ.—Окольные жители с. Лохъ утверждаютъ, что онъ живетъ на этой горѣ въ землянкѣ съдымъ и древнимъ старцемъ; днемъ эта землянка невидима, ночью же влетаетъ туда огромная птица и долбитъ голову Кудеяра до мозга, улетая къ разсвѣту; онъ обреченъ уже вѣка два сторожить свои сокровища въ горѣ и несесть кару Божию за разбой. Въ землянкѣ лежатъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Приведа въ выборку изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пока преданій нашего края о Кудеярѣ, я укажу на тѣ особенности, что ни одно изъ нихъ не выставляетъ его колдуномъ, какъ Стеньку Разина, Водкина и другихъ, собственно Волжскихъ атамановъ; ни одно изъ нихъ не называетъ его сообщниковъ—шайкой, а—войскомъ; самъ Кудеяръ лишь въ нѣсколькихъ пересказахъ позднѣйшей формации зовется разбойникомъ, но общей суммой преданій онъ поднятъ на болѣе высокой пьедесталъ: это „гозинна“—какъ называетъ его кладовскателъ Милинъ. На Волгѣ мы Кудеяра не видимъ и Балашевско-Сердобско-Пензенскія легенды подводятъ его къ окраинамъ древне-Рязанскимъ, т. е. къ Костомаровскому Кудеяру.—Набѣги Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ на нашъ край и верховья рѣки Медвѣдцы были нѣрѣдки въ старину и продолжались до 1718 года.

Примѣчаніе. Въ Москов. Императ. Археолог. Общ. имѣются переданные мною рисунки Кудеяровой горы и пещеры, снятые мною въ 1880 г.

А. Н. Милнх.

5. Персидскій вариантъ сказанія о Мидасѣ.

Жилъ шахъ. У него на головѣ выросла шишка, которую шахъ тщательно скрывалъ подъ чалмой, вслѣдствіе чего никто этого не зналъ. Узналъ объ этомъ лишь его цирюльникъ, но шахъ ему строго запретилъ говорить кому либо изъ людей, „а если скажешь, прибавилъ онъ, я велю тебя казнить“. Цирюльникъ долго берегъ свою тайну; наконецъ не вытерпѣлъ пошелъ къ озеру, и, приложивъ руку ко рту, сказалъ тростнику: „у шаха рога выросли“. Тростникъ зашумѣлъ и сталъ повторять: „у шаха рога выросли“—и объ этомъ узналъ весь свѣтъ. Допло извѣстіе и до шаха, что весь свѣтъ знаетъ, что у него рога выросли; разсердился шахъ, позвалъ болтливаго цирюльника и сталъ его спрашивать, кому онъ сказалъ, и хотѣлъ казнить его. Цирюльникъ отвѣтилъ, что онъ исполнилъ приказъ шаха и никому изъ людей не говорилъ, а сказалъ лишь тростнику у озера, а тотъ уже разнесъ эту тайну по свѣту. Шахъ не рѣшился казнить цирюльника.

(Сообщено Ник. Ив. Артемьевымъ, слышавшимъ этотъ рассказъ въ Персіи, въ прикаспійской части ея).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, совмѣстно съ двумя другими Московскими Обществами—Археологическимъ и Общ. Акклиматизаціи, приняло предложеніе заграничныхъ ученыхъ, объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ м е ж д у н а р о д-

и ихъ конгрессовъ, имѣющихъ слѣдовать одинъ за другимъ въ 1892 г.: 1) конгр. доисторической Археологіи и Антропологіи (съ 1-го по 8 авг.) и 2) конгр. зоологическаго (съ 10 по 18 авг.). При Обществѣ Любит. Естествознанія съ этой цѣлью учрежденъ спеціальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Общества Луб. Ест., заслуж. проф. А. П. Богданова. По полученіи разрѣшенія на устройство названныхъ конгрессовъ отъ г. Министра, Комитетъ дѣтельно принялся за предварительныя работы, которыя, благодаря энергіи его предсѣдателя, идутъ весьма быстро. Масса иностранныхъ ученыхъ (списки которыхъ отпечатаны), отозвались чрезвычайно сочувственно и собираются посѣтить Россію въ большомъ числѣ.

Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествозн., Антроп. и Этнографіи приступилъ въ настоящее время къ печатанію сразу двухъ томовъ своихъ „Трудовъ“; одинъ изъ нихъ посвященъ общей этнографіи. Другой—русской. Изслѣдованіе по общей этнографіи, принадлежитъ г. Товарищу Предсѣдателя Отдѣла В. М. Михайловскому и озаглавлено: „Міросозерцаніе шамановъ“. Въ составъ другого тома войдутъ матеріалы и статьи по изслѣдованію Бѣлороссіи, а именно гг.: М. В. Довнара-Запольскаго, Н. Я. Никифоровскаго и Е. А. Ляцкаго. Для дальнѣйшихъ томовъ имѣются матеріалы 1) по Сѣверному краю, 2) по Средней Россіи и 3) по Малороссіи. Печатаніе начатыхъ томовъ будетъ окончено въ теченіе лѣта. Время же изданія послѣдующихъ томовъ будетъ зависетьъ отъ средствъ Отдѣла.

Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія при Моск. университетѣ продолжаетъ изданіе „Дневника Антропологическаго Отдѣла“, который, повидимому, принимаетъ еще болѣе обширный объемъ, чѣмъ въ прошломъ 1890 году, и такимъ образомъ сосредоточиваетъ массу цѣннаго матеріала какъ по чистой антропологіи, такъ и имѣющей отношеніе къ этнографіи. До марта (включительно) этого года вышло два выпуска. Въ первомъ выпускѣ слѣдуетъ отмѣтить обильный фактный антропологическій матеріалъ Н. И. Лыжина по татарамъ Крыма (бахчисарайскимъ, мелитопольскимъ, перекопскимъ, еодосійскимъ и судакскимъ), который при обработкѣ навѣрное дастъ возможность освѣтить интересныя тюркскія группы, еще почти совсѣмъ не затронутыя въ литературѣ. Во второмъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе статья А. В. Елисева: „Турки-османъ“, антропологическое изслѣдованіе еще совсѣмъ неизученной группы анатолийскихъ турокъ.

Кромѣ „Дневника“ въ этомъ же году выйдутъ два крупныхъ тома (ихъ печатаніе близится къ концу), посвященные антропологическому изслѣдованію русскихъ и киргизовъ. Изслѣдованіе русскихъ принадлежитъ Н. Ю. Зографу и будетъ заключать сводку всѣхъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ, кромѣ того много новаго и оригинальнаго на основаніи многочисленныхъ измѣреній, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ ростъ. Что касается киргизовъ, то печатающійся томъ составитъ второй выпускъ „Киргизовъ Букеевской орды“ А. И. Харузина и принадлежитъ тому же автору. Этотъ томъ представляетъ результаты детально разработаннаго антропологическаго матеріала по киргизамъ разныхъ ордъ въ сравненіи съ кара-киргизами и многочисленными другими инородцами Россіи—финской, тюркской, монгольской и иранской группъ.

Импер. Московское Археологическое Общество въ годичномъ засѣданіи своемъ 26 февраля вновь избрало единогласно на должность Предсѣдателя графиню П. С. Уварову, а въ Товарищи Предсѣдателя проф. Д. Н. Анучина.—Съ 5-го по 8-е января происходили въ И. Моск. Арх. Обществѣ засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1893 г. лѣтомъ въ г. Вильнѣ IX-го Археологическаго съѣзда. Въ засѣданіяхъ принимали участіе и иногородніе депутаты и были выработаны правила предстоящаго съѣзда, а также намѣченъ цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ, имѣющихъ служить предметами рефератовъ на съѣздѣ—Въ обычныхъ засѣданіяхъ Общества въ текущемъ году были сдѣланы слѣдующіе интересные для насъ доклады: В. И. Сизова—о раскопкахъ (своихъ и Е. Романова) въ Смоленской и Могилевск. губ. лѣтомъ

1890 г.; С. С. Слудваго—о готскихъ древностяхъ въ Россіи (мѣнѣе бар. Де-Бай); Георгіевскаго—о преподаваніи археологій въ семинаріяхъ; Г. А. Халатьянца—очеркъ ученой дѣятельности покойнаго армянолога Н. О. Эмина; М. О. Аттая—арабское сказаніе о Дербентѣ и Л. З. Мсерианца—новый отрывокъ изъ народн. армянскаго эпоса.

Казанское Общество Исторіи, Археологій и Этнографіи, выпустившее за послѣднее время въ своихъ „Трудахъ“ двѣ монографіи проф. И. Н. Смирнова по инородцамъ Восточной Европ. Россіи, именно: „Вотяки“ и „Черемиссы“, печатаетъ въ настоящее время третье изслѣдованіе того же автора: „Пермяки“, которое, судя по предыдущимъ его работамъ, послужитъ солиднымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу.—Въ теченіе предстоящихъ праздниковъ пасхи названное Общество, по инициативѣ проф. И. Смирнова, устраиваетъ въ зданіи университета выставку своихъ этнографическихъ коллекцій, расположенныхъ въ культурно-историческомъ порядкѣ, съ популярнымъ каталогомъ-руководителемъ.

По извѣстіямъ сибирскихъ газетъ, на мѣсто отказавшагося отъ должности предсѣдателя Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. В. Е. Яковлева избранъ Иркутскій городской голова В. П. Сукачевъ, а правителемъ дѣлъ Отдѣла, вмѣсто Г. Н. Потанина, находящагося въ настоящее время въ Петербургѣ,—Д. А. Клеменць.

„Восточное Обзоріе“ (1891 г. № 1) сообщаетъ, что въ св. Синодѣ обращено серьезное вниманіе на необходимость введенія изученія инородческихъ нарѣчій въ сибирскихъ семинаріяхъ, согласно ихъ мѣстоположенію, такъ какъ незнаніе сибирскихъ нарѣчій не позволяетъ не только духовенству, но и миссіонерамъ дѣйствовать успѣшно въ распространеніи и укрѣпленіи христіанства.

4-го сентября минувшаго года утвержденъ „Уставъ Тобольскаго губ. музея и комитета онаго“, ставящихъ себѣ цѣлью „наглядное ознакомленіе публики съ исторіей Тобольской губ. и развитіемъ въ ней культуры во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ“. Музей состоитъ изъ отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, промышленнаго и общеобразовательнаго. При музеѣ находится и бібліотека, въ которую собираются сочиненія и печатныя изданія, касающіяся задачъ музея и имѣющія отношеніе не только къ одной Тобольской губ., но и къ другимъ мѣстностямъ Сибири, а также всѣ печатныя произведенія, появившіяся и появившіяся въ предѣлахъ Тобольской губ.

„Алмолинскіи Обл. Вѣд.“ (1890 г., № 41) сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени въ Самаркандѣ, Маргеланѣ и въ другихъ пунктахъ будутъ открыты курсы туземнаго языка и литературы. Курсы устраиваются по инициативѣ и подъ контролемъ мѣстной администраціи.

Въ „Восточное Обзоріе“ сообщаютъ изъ Барнаула, что тамъ, въ средѣ интеллигенціи горнаго міра, возникла мысль объ образованіи „Общества изученія Алтая“. Мысль вполнѣ прекрасная, и нельзя не пожелать скорѣйшаго ея осуществленія.

Въ Троицкосавскѣ небольшимъ кружкомъ лицъ предполагается устройство музея, цѣлью котораго будетъ—представить Забайкалье въ естественно-историческомъ и культурномъ отношеніяхъ. Троицкосавская городская дума ассигновала изъ городскихъ средствъ ежегодную субсидію музею въ размѣрѣ 200 руб. („Вост. Обзор.“).

Въ Прагѣ Чешской устраивается національная научно-промышленная и художественная выставка въ большихъ размѣрахъ. Открытіе предполагается 15 мая. Выставка имѣетъ цѣлью показать прогрессъ цивилизаціи въ Чехіи за

истекшіе сто лѣтъ со времени первой промышленной выставки въ Прагѣ (1791 г.). Кромѣ чеховъ къ участию въ выставкѣ примннуть и другія западно-славянскія народности.

Въ Москвѣ наступающимъ лѣтомъ будутъ двѣ выставки, имѣющія этнографическій интересъ: 1) Средне-Азіатская (въ Имп. Историч. Музее), 2) Французская (на Ходынскомъ полѣ). Первая изъ нихъ уже открыта, вторая откроется на второй день Пасхи.

Добавленія и поправки.

Кн. VI.—Стр. 105. Въ поясненіе слова *наста* (въ пѣсенкѣ № 22) авторъ пишетъ намъ: „Слово это имѣетъ повсемѣстно въ Пошехонск. у. весьма опредѣленное значеніе: *наста*—снѣгъ, нѣсколько оттаявшій подъ вліяніемъ весеннихъ лучей, осѣвшій и затѣмъ снова замерзшій и достигающій такой твердости, что удерживаетъ не только человѣка, но и лошадей, такъ что „убъ *насту*“ спокойно ѣздятъ, не разбирая дороги. Съ появленіемъ „*наста*“ бабы начинаютъ „*настятъ*“ бѣлье, т. е. бѣлить, разстилая на снѣгу. Въ мѣстной народной пѣснѣ поется:

„Бѣлая косынечка по *насту* бѣлилася“,
„Молоденька дѣвчоночка мальчишку полюбилася“.

Кн. VII. Стр. 26 (6 строка снизу), *вм.* „утрилокья“ *чит.* „утри локтя“.
 „ 27 (9 „ *свер.*), „ наружному „ народному.
 „ 27 (6 „ *сн.*), „ надтабалать „ надта балать.
 „ 29 (18 „ „), „ гнѣвае „ спѣвае.
 „ 32 (11 „ „), „ рѣзныи „ рѣзгныи.
 „ 34 (16 „ *св.*), „ непроисшествіи „ происшествіи.
 „ 40 (10 „ *сн.*), „ ствать „ свать.
 „ 64 (5 „ „), „ смирные „ смертные.
 „ 102 (1 „ „), „ слободскій полк. „ слободскіеполки.
 „ 112 (1 „ *св.*), „ атаманомъ „ гетманомъ.
 „ 198 (2 „ „), „ рѣшить „ лишить.
 „ 199, въ строкѣ 9 *св.* пропускъ; *слѣд.* *чит.*: „...главы ея, добытое же артелю дѣлится между членами ея либо поровну...“ Въ строкѣ 18, *вм.* *принципы—новые принципы.*
 „ 204 (13 „ *сн.*), „ существенно „ естественно.
 „ 205 (1 „ *св.*), „ составленному „ укзванному.
 „ 218 (10 „ *сн.*), „ Alai „ Altai.
 „ 223 (15—16 *сн.*) *слѣд.* *читать*: „Н. Харузина: *Русскіе Лопари; А. Харузина; Замѣтка о татарахъ...*“

Кн. VIII.—Стр. 143. Выноску *слѣд.* *читать* такъ: Напечатано въ „Вѣстникѣ Евр.“ 1890, сент.; дополненіе (о Хутула-ханѣ) будетъ напечатано въ IX кн. „Этногр. Обзорѣнія“.

Стр. 135—136. Разказанная здѣсь легенда составляетъ варіантъ къ былинному эпизоду, о женитьбѣ Святого ра. Объ этомъ см. *слѣд.* труды ученыхъ:

Ө. И. Буслаевъ, Народная поэзія, 75; А. Н. Веселовскій, Русскій эпосъ и новыя его изслѣдователи, Вѣст. Евр., 1888, июль, стр. 161—3; Разыск. въ обл. рус. дух. ст., вып V, 202—7, 248; Объ одномъ эпизодѣ былинны о Святогорѣ, Филол. Зап., 1877, 1; Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volksproese, Russische Revue, X—XI, 415—6; П. Н. Ждановъ, Къ лит. ист. рус. был. поэзіи, стр. 119, 137—9, 150; О. Миллеръ, Пл. Муромецъ, 238—9; Кирличниковъ, Поэмы ломб. цикла, 40—41,

51, 134—6, 200; *Аванасьевъ*, Сказки (1873), III, 373—4; IV, 425; Повт. новарѣнія, II, 631—3; III, 344; *Рыбниковъ*, Пѣсни, I, 39—41; III, 3; *Сборникъ* мат. по этн., изд. при Дашк. Музеѣ, II, 9; *Сборн. мат. для опис. мѣств. и плем. Кавказа*, вып. VI (1888): *Захаровъ*, Нар. сказ. закавк. татаръ, № 2; то-же VII, отд. 2, стр. 93—5; *Пермскій Сборникъ*, II, отд. 2, 166; *Veckenstedt*, Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten, II, 94—5; *Schmidt*, Griech. Märchen, 67—8; *Квашинин-Самаринъ*, Новые источники для изученія русскаго эпоса, Рус. Вѣст., 1874, сент., 10—12; *Wolner*, Untersuchungen über die Volkserik der Grossrussen, 77—8, 95—6, 107—8; *А. Поповъ*, Вліяніе церк. ученія и древне—рус. дух. письм. на міросозерцаніе рус. нар., Казань, 1883, 22—3.
